

HISTORIA ROSSICA

Мишель Ламарш Маррезе

Б а б ь е ц а р с т в о :

дворянки и владение
имуществом в России
(1700-1861)

*HISTORIA
ROSSICA*

MICHELLE LAMARCHE MARRESE

A Woman's Kingdom:

NOBLEWOMEN AND
THE CONTROL OF PROPERTY
IN RUSSIA, 1700–1861

Ithaca & London:
Cornell University Press

2002

МИШЕЛЬ ЛАМАРШ МАРРЕЗЕ

Бабье царство:

ДВОРЯНКИ И ВЛАДЕНИЕ
ИМУЩЕСТВОМ В РОССИИ
(1700–1861)

Новое
Литературное
Обозрение

2009

УДК 347.121.2(470+571)(091)"1700/1861"
ББК 67.3(2)5
М 28

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**

*Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слёзкин, Р. Уортман*

**Редактор серии
М. Долбилов**

В оформлении переплета использован фрагмент картины
Р.Н. Никитина «Портрет баронессы М.Я. Строгановой»,
ок. 1722. ГРМ

Маррезе М. Л.

М 28 Бабье царство: Дворянки и владение имуществом в России
(1700—1861) / *Авторизованный перевод с англ. Н. Лужецкой.* —
М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 368 с.

Книга Мишель Ламарш Маррезе (США) посвящена парадоксу юридического положения дворянок в императорской России. С одной стороны, в тогдашнем обществе замужняя женщина не могла ни работать, ни путешествовать без разрешения мужа, а развод был для нее почти недостижим. С другой стороны, как показывает автор, опираясь на детальный анализ множества имущественных сделок и тяжб, дворянки обладали широкими правами владения и распоряжения имуществом и прекрасно умели пользоваться ими на практике. Если в Западной Европе замужние дамы благородного звания не могли распоряжаться своим имуществом вплоть до второй половины XIX в., то в России они получили право отчуждать собственность и управлять ею уже в 1753 г. Расширение этого права в течение последующего столетия рассматривается автором в перспективе эволюции самого института частной собственности. Монография убедительно опровергает существующее андроцентричное представление о дворянском обществе дореформенной России.

УДК 347.121.2(470+571)(091)"1700/1861"
ISBN 978-5-86793-675-4 ББК 67.3(2)5

© by Cornell University

Публикуется с разрешения издательства CORNELL UNIVERSITY PRESS (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия)

© Н. Лужецкая, пер. с анлийского, 2009

© «Новое литературное обозрение», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Появлением русского издания этой книги я обязана в первую очередь Нине Лужецкой — ее вдумчивому, безупречному переводу, ее доброй воле более года усердно трудиться над сагой имущественных прав русских дворянок. Я также весьма признательна Евгению Анисимову за поддержку этого труда и помощь, оказанную в публикации данного перевода. Моя искренняя благодарность — Татьяне Тульчинской, Евгению Рычаловскому и Михаилу Долбилову за дополнительное содействие в редактировании текста. И наконец, я хочу поблагодарить Джона Аккермана и Издательство Корнеллского университета (Cornell University Press) за разрешение издать мою книгу на русском языке.

ОТ АВТОРА

Настоящее исследование и создание книги стали возможными благодаря щедрой финансовой поддержке, советам и поощрению многих друзей и коллег. Фонд IREX обеспечил мне две длительные поездки в Россию, в 1992—1993 и 1997—1998 гг. Я особенно благодарна Совету по исследованиям в сфере социальных наук (Social Science Research Council) за стипендию на написание диссертации в 1993—1994 гг. и стипендию на написание книги по материалам диссертации в 1997—1998 гг. Наконец, благодаря исследовательской стипендии от Делаверского университета (General University Research Fellowship, University of Delaware) я целое лето занималась научной работой в Москве в 1996 г.

Моей работе во многом любезно содействовали российские архивисты. Я хотела бы выразить особую признательность сотрудникам Российского государственного архива древних актов в Москве. Здесь мне помогали в исследованиях Александр Гамаюнов и Инна Иванова, создавшие приятную рабочую атмосферу в течение тех долгих месяцев, что я там проработала. Евгений Рычаловский обратил мое внимание на фонды, оказавшиеся бесценными для моей работы. Виктор Беликов делился со мной составленными им описями и информацией о фондах, содержащих документы по земельным спорам. Я благодарна также сотрудникам Государственного исторического музея и Центрального исторического архива города Москвы. Бесчисленными часами плодотворной работы в Российском государственном историческом архиве я обязана Серафиме Игоревне Вареховой, Галине Алексеевне Ипполитовой и сотрудникам читального зала, делавшим все возможное, чтобы помочь моим исследованиям. Также заслужива-

ют благодарности архивисты Твери, Владимира и Тамбова, которые помогли мне в короткий срок получить доступ к крайне необходимым документам.

На протяжении нескольких лет в мой проект вносили свой вклад многие коллеги. В первую очередь хочется выразить благодарность комитету по защите диссертаций Северо-Западного университета (Northwestern University). Своей вдумчивой критикой во многом улучшили качество этой работы Дж. Бушнелл, Д. Жоравски, С. Маза. Д. Жоравски, даже не являясь руководителем диссертации, в годы моего обучения в университете щедро уделял мне свое время, делясь обширными познаниями в области истории общественной мысли. Моя самая глубокая благодарность — Дж. Бушнеллу. Я сердечно признательна ему за неугасающий энтузиазм в отношении моего проекта и за готовность читать и обсуждать бесконечные черновые варианты каждой главы книги.

Совершенствованию и завершению этой работы способствовали и другие коллеги. Особой благодарности заслуживает Д. Кайзер, по крайней мере дважды прочитавший всю рукопись; его здравые советы принесли много пользы этой книге. Замечания Х. Хугенбум во многом улучшили главу 6, а отзывы И. Левин и двух анонимных рецензентов «Russian Review» внесли важный вклад в главу 2. А. Клеймола, Б. Энгель, Дж. Александер, Э. Виртшафтер, К. Келли, Л. Хьюз и И. де Мадариага на протяжении моей работы над книгой читали различные ее части и высказывали свои замечания. За годы, проведенные в Делаверском университете, большую пользу моей работе принесли советы и поддержка П. Колчина и А. Бойлан. Я в особом долгу перед У. Вагнером и анонимным рецензентом Издательства Корнеллского университета (Cornell University Press) за необычайно внимательное прочтение моей рукописи и подробные отзывы. Их советы способствовали улучшению окончательного варианта. И наконец, но не в последнюю очередь, я благодарна Дж. Аккерману, директору Издательства Корнеллского университета, чей интерес к этой работе воодушевлял автора, и неутомимым редакторам, спасшим меня от многих ошибок, К. Аткинс и М. Бэбкок.

Глава 2 первоначально была опубликована в журнале «Russian Review» в июле 1999 г. Я приношу благодарность журналу за решение воспроизвести ее в этой книге.

В заключение отмечу, что я в неоплатном долгу перед Майклом Маррезе: он составил все статистические таблицы, полностью прочитал каждый вариант рукописи, высказывая острые замечания (которые сначала отвергались, но потом учитывались), во имя имущественных прав русских дворянок терпел мои долгие отлучки из дома и поддерживал все мои научные и прочие устремления.

Мне кажется, что это сплошь да рядом случается:
женятся на деньгах, а деньги у жены.

Ф.М. Достоевский, «Идиот»

Она только тогда дышала свободно, когда была
одна со своими счетами и хозяйственными предприя-
тиями, когда никто не мешал ее деловым разговорам с
бурмистрами, старостами, ключницами и т.д.

М.Е. Салтыков-Щедрин, «Господа Головлевы»

ВВЕДЕНИЕ

То, что говорят о русской дворянке художественная литература и исторические повествования, способно поставить в тупик, ибо в каждом сюжете героиня предстает одновременно и сильной и беспомощной, выступая в патриархальной семье то тираншей, то жертвой. Судя по историческим документам, роль женщины-дворянки в жизни русского общества попеременно то возрастала, то уменьшалась и, достигнув вершины в XVIII столетии, пошла на убыль после царствования Екатерины Великой. В русском романе XIX в. именно женщина с ее нравственным превосходством направляет слабого, беспомощного дворянина на борьбу с пороками крепостничества и самовластия. Однако ни в одном из этих повествований не объясняется, откуда появлялись такие незаурядные, властные и сильные женщины рядом со своими обыкновенными сестрами — робкими и бессильными и почему жизненный опыт русских женщин казался наблюдателям столь противоречивым.

В правовом статусе женщин в России тоже хватало несообразностей. Женщины всех сословий общества были обязаны жить со своими мужьями, причем не могли ни работать, ни путешествовать без их разрешения. Получить развод в православной церкви было практически невозможно, даже для тех жен, которые подвергались физическому насилию, а раздельное жительство супругов по решению суда вошло в обычай лишь в конце XIX в. И все же, хотя казалось, что женщины в русском обществе живут под более тяжким прессом мужской опеки, чем в Западной Европе, в России дворянки пользовались одной привилегией, совершенно неведомой евро-

пейским женщинам: начиная с середины XVIII в. замужние дворянки здесь могли владеть и распоряжаться имуществом независимо от своих мужей¹.

Эта исключительная черта в остальном совершенно рабского правового положения женщин вызвала отклики со стороны иностранцев, бывавших в России в XIX в. Кроме того, она наталкивала ученых на множество гипотез и размышлений. Тем не менее никто не исследовал вопрос о том, какую роль играло владение имуществом в жизни русских дворянок. Многие историки не придавали значения праву русских женщин распоряжаться имуществом, считая его чисто формальным, и полагали, что в рамках патриархальной семьи женщина все равно не могла управлять тем, что ей принадлежит. По словам одной исследовательницы, в России «дворянки, в отличие от своих современниц в Западной Европе, имели право владеть и распоряжаться имуществом, но это право ничего не значило в обществе, где они по закону находились под отцовской опекой, а если выходили замуж, то под покровительством мужа, которого выбирал или одобрял отец»². Существует и противоположная крайность, когда высказываются экстравагантные утверждения относительно тех вольностей, которыми будто бы пользовались русские дворянки в отличие от европейских³.

Предмет данного исследования — положение женщин по отношению к собственности в императорской России. В начальных главах я прослеживаю эволюцию женского правового статуса в XVIII в. Послепетровская эпоха стала для женщин привилегированного сословия временем глубоких перемен как в сфере наследования собственности, так и в распоряжении имуществом. Немаловажно, что сами дворянки участвовали в расширении своих имущественных прав, и более того, широко использовали законные prerogatives. Если историки издавна считали, что контроль помещиц над имениями в XVIII в. восходит к традиционной самостоятельности женщин, присущей славянской культуре, то я утверждаю, что повышение статуса женщин в имущественном праве происходило по мере того, как русское дворянство в целом добивалось упрочения своих сословных привилегий и приближалось к установлению рационального правового порядка в обществе. Таким образом, тяга общества к законности служила движущей силой расширения имущественных прав женщин в России XVIII в., а значит — повышение правового статуса дворянок являлось следствием перемен, происходивших в политической культуре в широком смысле.

Вопрос о том, как женщины владели и пользовались имуществом, составляет вторую важную проблему, рассматриваемую в настоящей работе. В отличие от европейских аристократок, русские женщины располагали, а нередко и управляли крупной недвижимостью. Процент земельной собственности и крепостных крестьян в женском владении в России резко пошел вверх с середины XVIII в., и со временем треть всех частновладельческих имений перешла в женские руки, наряду с крестьянами и городской недвижимостью. Дворянки, приобретающие землю, мало отличались от владельцев-мужчин в практике пользования имуществом. В этом отношении у русских дворянок также разошлись пути с их сестрами на Западе. Историки выявили, что в Европе и в Соединенных Штатах сложилась особая женская система ценностей в отношении собственности. В России же имущественное право предоставляло полам большее равенство, и в результате принцип раздельного владения имуществом побуждал женщин самостоятельно заботиться о собственных интересах и активно действовать на рынке земли и крепостных душ. Раздельное наследование, наряду с законодательными рамками, ограничивавшими свободу завещания, создавало дальнейший стимул к совместным действиям мужей и жен, стремившихся сохранить семейное имущество (как личное, так и недвижимое) исключительно в руках своего потомства. Если жизнь мужчин и женщин дворянского сословия в императорской России значительно различалась во многих отношениях, то их опыт в роли землевладельцев был на удивление схожим.

Один из наиболее значимых выводов этой книги состоит в том, что положение российских дворянок в европейском контексте было уникальным. Российские ученые, рассматривавшие правовые прерогативы своих соотечественниц, часто преувеличивали неправоподобность женщин в других обществах. Между тем многие свободы, которыми пользовались русские женщины, на самом деле были доступны и некоторым их европейским современницам. Так, в ряде стран Европы система использования и сохранения приданого защищала недвижимую собственность замужней женщины при условии ее согласия на отчуждение капитала, полученного в приданое, а в некоторых случаях допускала для нее и владение имуществом, не входившим в приданое. Специалисты по столь различным обществам, как средневековая Ирландия и Турция начала Нового времени, выявили поразительные правовые преимущества замужних женщин — во всяком случае, в сравнении с той

властью, которой обладали мужчины над имуществом своих жен в англо-американском мире. В рамках британского общего права, регулировавшего отношения собственности также и в Новом Свете, замужние женщины могли распоряжаться своим имуществом лишь с помощью сложных юридических ухищрений. В результате открытие того факта, что, скажем, в Османской империи женщины возбуждали тяжбы о собственности, а в Италии XIII в. занимались ростовщичеством, подтолкнуло ученых к пересмотру традиционных представлений об отношении женщин к собственности⁴.

Но центральное положение этой книги состоит в том, что женщины российской элиты все же составляли исключение, и не только с точки зрения диапазона их имущественных прав, но и в смысле широкого использования привилегий, дарованных им законом. Женщины континентальной Европы пользовались явными правовыми преимуществами перед английскими современницами, но, несмотря на это, их возможности управлять своим имуществом и отчуждать его, состоя в браке, были весьма ограниченными⁵. И если женщины в Европе оставались, по сути дела, «на обочине владения имуществом»⁶, то для русских дворянок независимый контроль над имуществом сделался скорее правилом, чем исключением. Как я постараюсь доказать в этой работе, «особенность» положения дел в России состояла не в существовании независимых состояний у супругов, а в том, что российские законодатели довели принцип раздельного владения до логического конца, равно как и в том, что женщины, со своей стороны, в полной мере использовали правовые преимущества. Юридические права в более широком смысле — в частности, право замужних женщин вступать в тяжбы от своего имени и привлекать к суду собственных мужей — подкрепляли имущественные права дворянок. Вследствие же своей экономической самостоятельности русские женщины располагали значительным авторитетом и влиянием, как в семье, так и в обществе.

ВОПРОС ОБ ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН К СОБСТВЕННОСТИ В ОПИСАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Стереотип угнетенной русской женщины был порожден описаниями европейских путешественников⁷. Европейцы, побывавшие в Московии в начале Нового времени, потчевали своих читателей и слушателей рассказами об избиении жен, об их жалком положе-

нии в семье и при этом изображали русских женщин дурно воспитанными и склонными к пьянству⁸. Одно из таких описаний, составленное автором-французом в 1761 г., вызвало гнев Екатерины II. Женщины в России «пользуются весьма достаточною свободой» в сравнении с другими европейскими странами, — парировала она и привела право русских дворянок распоряжаться своим приданым в доказательство их более высокого, чем в Европе, юридического статуса⁹. Впрочем, к концу XVIII в. страшные рассказы об унижении женщин в России уступили место новому предрассудку: теперь речь пошла о том, что женщины здесь всем заправляют как в семье, так и в обществе, и объяснение этому иностранцы видели в необыкновенном правовом и экономическом статусе русских дворянок.

Типичны для материалов такого рода наблюдения молодой британской путешественницы, относящиеся к рубежу XVIII — XIX вв. Хотя Кэтрин Уилмот, подобно приезжавшим ранее европейцам, не раз возмущалась невежеством и вульгарной внешностью встреченных ею русских женщин, она заметила также, что они пользовались необыкновенно широкими правами собственности. «Следует тебе знать, что каждая женщина имеет право на свое состояние совершенно независимо от мужа, а он так же независим от своей жены, — писала она своей сестре Гарриэт в 1806 г. — Поэтому брак не является союзом ради каких-либо выгод. ...Это придает некий любопытный оттенок разговорам русских матрон, которые смиренной англичанке кажутся проявлением поразительной независимости при деспотическом правлении!»¹⁰ Другая сестра Кэтрин, Марта Уилмот, отметила это явление в своем дневнике в начале того же года: «Полная и абсолютная власть русских женщин над своим состоянием придает им удивительную свободу и такую независимость от мужей, какой не знают в Англии»¹¹.

Наблюдатели-мужчины тоже сообщали о видном положении, которое занимали русские женщины при дворе и в провинциальном обществе, хотя и не всегда с одобрением. Так, Август фон Гакстгаузен, который больше интересовался политическим развитием России, чем обычаями общества, не отказал себе в удовольствии сделать несколько отступлений по поводу статуса женщин. «В России женский пол занимает иное положение, чем в остальной Европе», — начинает он. Далее Гакстгаузен сравнивал ленивых русских купчих с немецкими домохозяйками (не в пользу первых). Не укрылись от него и привилегии русских дворянок. «Значительная часть

недвижимой собственности также находится в женских руках, — рассказывал он. — Легко понять, сколь большим влиянием в результате пользуются женщины в обществе»¹². Автор конца XIX в. Анатолий Леруа-Больё взглянул на русскую женщину с иной точки зрения, предположив, что у славянских народов «психологические различия между полами... менее ярко выражены. ...Если мужчин иногда можно обвинить в известной женственности, т.е. в некоторой изменчивости, гибкости... или в излишней впечатлительности, то женщины, как будто для равновесия, имеют в уме и характере нечто сильное, энергичное, словом, мужественное»¹³.

Еще одна французская наблюдательница, путешествовавшая по России в конце XIX в., нашла, что та свобода, которой пользуются русские женщины в управлении поместьями, оказала глубокое воздействие на их характер. «Русская женщина управляет своим имуществом и распоряжается состоянием, а сверх того ведет домашнее хозяйство, — писала Жюльетт Адам в своем очерке о женщинах и филантропии. — Разнообразные дела по дому и в поместье приводят ее в соприкосновение с миром трудящихся людей, с человеческим страданием». Француженка не скрывала восхищения русскими дамами и их благотворительной деятельностью и провозглашала их милосерднейшими из женщин¹⁴.

Русские современники не хуже иностранцев понимали, что правовой статус дворянок в их стране уникален. Впрочем, их рассуждения по поводу женских прав собственности нередко перерастали из оценки положения женщин в размышления о политическом и социальном развитии России в целом¹⁵. Некоторым из этих авторов контраст между политической отсталостью России от Западной Европы и вышеупомянутыми правовыми преимуществами русских дворянок казался загадочным парадоксом¹⁶. Эти ученые выделяли раздельное владение имуществом в браке как основной показатель положения женщины. Автор одного обзора утверждал, что дворянки в России пользовались полным равенством с мужчинами перед законом в вопросах управления имениями и владения имуществом¹⁷. Историк С.С. Шашков, более того, считал право дворянок распоряжаться имуществом свидетельством их завидного положения в XVIII столетии¹⁸. Но и сторонники не столь оптимистического взгляда на вещи не отрицали тех преимуществ, которые выпадали на долю замужних женщин, располагавших личным состоянием. Тем не менее они отмечали также и элемент неравенства полов, сохранявшийся в российском имущественном праве, утвер-

ждая, что неблагоприятные для женщин положения законов о наследстве более точно характеризуют их место в обществе¹⁹.

Яркие образы женщин-помещиц в русской литературе дают возможность глубже заглянуть в проблему женского землевладения. На протяжении XVIII—XIX вв. отношение женщин к собственности являлось не главной, но неизменной темой английских и французских романов. В принадлежащих перу Джейн Остин сатирах на английское дворянство появляется не одна дочь, лишенная возможности унаследовать майоратное имение, а французские романисты осуждали тогдашнюю систему решения вопросов о собственности при заключении брака, отдававшую женщин и их богатство на милость расточительных мужей²⁰. Русские авторы, напротив, изображали женщин полноправными собственницами. Арина Петровна Головлева из романа Салтыкова-Щедрина, наверное, самая известная помещица в русской литературе, но уж никак не единственная. Главная сюжетная линия в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова строится вокруг судьбы двоюродной сестры его деда, Прасковьи Ивановны: пользуясь своей экономической независимостью, она вступает в брак, оказавшийся крайне несчастливым, но потом отбирает свое имение у жестокого мужа. В сочинениях Достоевского авторитет многих сильных женщин подкрепляется их финансовым положением, в то время как страдающие героини чеховских сюжетов нередко предстают в образе владелиц фабрик или обедневших помещиц²¹. Как мы увидим, появление в русской прозе образов хозяек имений отражало не только очевидный факт существования таких помещиц, но и противоречивое отношение современников к женщинам, владевшим землей.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ XVIII В.

Эволюция прав собственности дворянок происходила на фоне конкуренции двух видов землевладения. Первый был связан с патриархальными формами собственности, наделявшими родственную группу или род правовыми преимуществами перед индивидом. Так, если отдельные люди распоряжались наследственной собственностью, то их права на отчуждение наследственных земель или управление ими ограничивались многочисленными условиями. Владельцы выступали скорее как опекуны, чем как абсолютные хозяева своего имущества: если они решались продать или заложить

вотчинное имение без согласия членов семьи, то последние имели право выкупить его за покупную цену²². Права завешания наследственных владений тоже были строго ограничены. При такой системе имущество рассматривалось как ресурс, предназначенный для целей семьи, и подлежало действию правил, обеспечивавших поддержку, хотя и неравноценную, каждому из ее членов²³.

Наряду с институтом вотчинной собственности сложился и другой вид владения имуществом, дававший индивиду гораздо больше прав. С начала Нового времени своды законов Московского государства включали в себя понятие приобретенного владения, т.е. земли, купленной у членов другого рода. Владельцы купленной собственности могли отчуждать такие имения по своему желанию и пользовались большей свободой завешания этого имущества. Но как только приобретенная земля завещалась члену семьи, она становилась наследственной и подлежала всем ограничениям, касавшимся родовых земель. Если понятие приобретенного имущества появилось еще в XII в. в Пространной редакции Русской Правды, то как правовая категория («купленная вотчина») оно фиксируется примерно с XVII в. Более того, статус «благоприобретенного имущества» был официально утвержден лишь в 1785 г., когда Екатерина II издала свою «Жалованную грамоту дворянству»²⁴.

XVIII век был свидетелем затяжной борьбы дворянства за четкое определение личных имущественных прав, их соотношения с правами других членов семьи и степени зависимости от государства. В 1714 г. Петр Великий ограничил права дворян-землевладельцев, отменив раздельное наследование и устранив различие между родовым и приобретенным имуществом. Однако после смерти Петра I в 1725 г. дворянство добилось восстановления разделов наследства и развернуло кампанию за расширение своих прав на земельную и одушевленную собственность. Внутри дворянства как группы возникли разные мнения по поводу того, как лучше добиваться обеспечения своих материальных интересов. Если большинство дворян выступало за особый статус родовых вотчин и раздельное наследование, то были и такие, кто стоял за расширение индивидуальных прав распоряжения своими богатствами, видя в этом средство свести к минимуму дробление имений²⁵. Однако по поводу неприкосновенности корпоративных прав дворянства споров было мало. Авторы реформаторских предложений единодушно выступали против произвольных конфискаций дворянских владений и за укрепление имущественного полноправия дворянства за счет дру-

гих социальных групп²⁶. Государство, со своей стороны, было остро заинтересовано в том, чтобы дворянские состояния не расточались, и добивалось этого, оставляя в силе ограничительные законы о наследовании, а также при помощи введения системы опеки над дворянами, проматывавшими свои имения.

Противоречие между двумя концепциями земельной собственности отражало всеобъемлющий конфликт между интересами отдельной личности, семьи и государства, характерный для императорской России. Столкновение этих интересов играло ключевую роль в развитии имущественных прав дворянок. В допетровской России неравноправие женщин в наследовании патримониального имущества объяснялось их временным пребыванием в родной семье. Поэтому до тех пор, пока имущество воспринималось прежде всего как связанное с родственной группой, сохранялось явное стремление всячески ограничивать женские наследственные права²⁷. Зато вызревавшая на протяжении XVIII столетия тенденция к индивидуализации имущественных прав действовала в пользу женщин. В 1731 г. дворянские дочери и вдовы получили полное право собственности на свою долю наследства, в противоположность временному владению многими формами собственности, которое было доступно дворянкам в эпоху Московского царства. Борьба дворянства за укрепление своих корпоративных привилегий по отношению к государству и другим социальным группам также способствовала расширению контроля замужних женщин над их имуществом. В то же время представление о том, что имущественные права следует определять в категориях семейных, а не чисто индивидуальных²⁸, сохранялось и в XIX в., создавая почву для ограничения права женщин распоряжаться собственностью в случае супружеских разногласий.

Методология и источники

Хронологические рамки данного исследования определяет, с одной стороны, царствование Петра Великого, а с другой — освобождение крестьян в 1861 г. Взойдя на престол в 1689 г., Петр начал утверждать Россию в роли могущественной военной державы и прививать русскому дворянству европейские культурные нормы²⁹. Как принято считать, женщины едва ли не первыми вкусили плоды петровских преобразований: еще в начале царствования он по-

кончил с теремным затворничеством аристократок, велел отказаться от сарафанов и носить европейское платье, а также приучил женщин пить вино и танцевать на придворных праздниках³⁰. Как будет показано ниже, женская эмансипация в действительности не входила в планы Петра, так что выгоды, доставшиеся женщинам, были результатом случая, а не специального замысла. Самое прямое отношение к теме настоящего исследования имеют Петровские реформы, относящиеся к владению имуществом, которые привели к пересмотру прав наследования и распоряжения и тем самым ускорили развитие частной собственности в России. Несмотря на то что преемники Петра тотчас же после его смерти отказались от внесенных им изменений в имущественное право, в дальнейшей перспективе его попытка реформировать наследственное право серьезно повлияла на участие женщин в имущественных спорах.

Конец рассматриваемого периода определен тем символическим водоразделом в истории России, каким стала отмена крепостного права. Институт крепостничества издавна служил мощной метафорой российской отсталости и для самодержавия, и для образованной публики. Однако отмена крепостного права отнюдь не смогла излечить экономические и социальные недуги России. Напротив, с этой реформы и начались десятилетия конфликта между самодержавным государством и теми элементами общества, которые стремились ускорить шаги реформ. И хотя не следует преувеличивать тот разрыв в экономической и социальной ткани общества, который был вызван освобождением крестьян, 1861 год, открывший новую главу в экономической истории русского дворянства, является логическим завершением истории имущественных прав дворянок³¹.

В этой книге я рассматриваю преимущественно дворянок, хотя замужние женщины купеческого и мещанского сословий тоже пользовались правом распоряжения имуществом. Юридическое определение дворянства было крайне расплывчатым, особенно в первой половине XVIII в. До Петровских реформ дворянства как особой корпорации в России не существовало — вместо этого наличествовали различные чины царской службы («служилые люди», «чиновные люди»). Некоторые из этих людей вели свой род от княжеских и боярских семейств, но многие были не столь высокого происхождения и получали крестьян и поместья за военную службу. Лишь при Петре появилась единая категория дворян, которых царь, за неимением подходящего русского термина, называл «шля-

хетством», взяв польское наименование дворянства. Ко второй половине XVIII в. элиту стали называть дворянством — это слово происходило от традиционного русского термина «дворные люди», т.е. придворные на службе у князя³². Петр положил конец традиции пожалования поместий в награду за военную службу; в то же время он укрепил связь между дворянским статусом и пожизненной службой государству. Так, в 1722 г. он ввел «Табель о рангах» вместо традиционной московской иерархии чинов. Если те дворяне, кто не смог получить чина по «Табели», не лишались дворянства, то простолюдины, добившиеся четырнадцатого, низшего, класса на военной службе и восьмого на гражданской, возводились в потомственные дворяне и пользовались теми же привилегиями, что и члены старого дворянства.

Но поскольку принадлежность к дворянству по-прежнему передавалась по рождению или по браку, то и чин не всегда служил надежным показателем статуса. Еще долго после петровского царствования дворян можно было обнаружить в самых низших чинах, в том числе в солдатах³³. Дворяне занимали и низшие ступени гражданской иерархии, служа мелкими чиновниками и даже канцеляристами³⁴. В конечном счете единственной характеристикой, отличавшей дворян от прочих социальных сословий, было право владеть землей с крестьянами. Однако в течение первой половины XVIII в. даже владение крепостными не являлось надежным показателем статуса, так как многим однодворцам и другим лицам недворянского происхождения доставались в наследство поместья, владеть которыми они уже не имели права. Это положение дел было исправлено лишь в 1754 г., когда императрица Елизавета Петровна повелела провести Генеральное межевание и приказала всем недворянам, владевшим землей с крестьянами, продать эти владения в течение шести месяцев. В то же время до 1761 г. можно было претендовать на принадлежность к дворянству, если человек мог доказать, что его предок получил поместье, т.е. земельное владение, в награду за службу государству³⁵.

Но и среди тех, чье дворянское происхождение не подлежало сомнению, существовала широкая культурная и экономическая пропасть между богатыми и бедными. В самом деле, бедный дворянин иногда был неотличим от собственных крестьян³⁶. В XVIII в. свыше половины потомственных дворян имели во владении не больше 21 крепостной души. Богатство было сосредоточено в руках малой части элиты: лишь 17% дворян владели более чем ста

крепостными душами, и всего-навсего один процент дворянства имел свыше тысячи душ³⁷. При тех глубоких различиях, которые существовали между слоями дворянского сословия, любая попытка рассуждать о том, что такое дворянство вообще, кажется напрасным трудом. Однако я придерживаюсь той точки зрения, что, хотя русское дворянство никоим образом не являлось классом в экономическом смысле, его объединял единый способ эксплуатации собственности, отличавший его от других групп собственников, например от купечества. Если для дворянок, как богатых, так и бедных, уже в XVIII в. было характерно активное участие в купле-продаже имений с крестьянами, то купчихи появились на рынке сельской недвижимости лишь во второй четверти XIX в. Эта особенность в отношении женщин к собственности отличала дворянскую культуру от культуры других социальных групп русского общества до середины XIX в.

Элита Российской империи была пестрой не только в смысле экономического положения, но и по этническому происхождению. По мере того как в XVIII в. расширялись границы империи, благородные сословия присоединенных территорий включались в российское дворянство и получали такие же привилегии, как их русские собратья. Так в составе дворянства появлялись люди, чьим родным языком был татарский, грузинский, немецкий или какой-либо еще. Однако самым крупным меньшинством были дворяне, говорившие по-польски. Они населяли западное приграничье России, до второй половины XVIII в. составлявшее часть Речи Посполитой³⁸. Несмотря на то что большинство дворянок и дворян — героев настоящей книги были русскими, многие из уроженцев Черниговской или Полтавской губернии имели польские корни. Когда дворяне из этих мест обращались в Сенат со своими спорами, то их дела судили по Литовскому статуту, все еще действовавшему в этом регионе в отношении гражданских дел о наследстве, об опекунстве, а также и о правах женщин на контроль над имуществом³⁹. Причем если в целом многие положения Литовского статута были весьма сходны со статьями Свода законов, действовавшего тогда в России, то к женщинам первые явно были менее щедры.

Строить выводы о дворянках как о единой группе, основываясь на сведениях о жизни женщин, выделявшихся из обычного ряда в силу своего положения и богатства, было бы рискованно. Конечно, в материалах семейных архивов явно больше данных о женщинах с крупными состояниями. Однако те дворянки, чьи имена

появляются в документах имущественных сделок и споров о наследстве, в большинстве своем принадлежат к числу средних и мелких собственников, не оставивших о своей жизни иных свидетельств, кроме документов о продаже нескольких десятин земли или ходатайства в Вотчинную коллегия о регистрации имени. На этих страницах я расскажу истории таких женщин, как Анна Шереметева и племянницы Потемкина, сопоставляя при этом их опыт с историями многих безвестных и бедных дворянок.

В целях представления дворянок, при всей их разнородности, как единой группы моя работа опирается на широкий круг источников. Рассмотрение эволюции правовых норм основано на документах судебных тяжб о наследстве, наряду с нормативными юридическими источниками. Источниками сведений о купле-продаже земли послужили нотариальные записи («крепостные книги») из четырех уездов и Москвы, не говоря уже о завещаниях, росписях приданого и соглашениях о раздельном проживании («раздельных записях»). Мой анализ практики разделов имущества опирается на ходатайства о разводе, рассматривавшиеся в Святейшем синоде, а также на материалы имущественных тяжб между супругами. Переписка из семейных архивов и внушительный корпус мемуарной литературы позволяют услышать голоса отдельных дворян и дворянок и облечь плотью силуэты, возникающие при статистической работе. Таким образом, в данном исследовании использован обширный комплекс архивных и опубликованных источников, позволивших исследовать бесчисленные грани отношения к собственности дворянок (и дворян) в императорской России.

ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Гражданское право в России имело много сходства с европейскими правовыми системами, в том числе и общее происхождение от римского права⁴⁰. Принцип господства права был известен в России по крайней мере с XVII в.⁴¹ Более того, о нем знали не только служители закона: на протяжении всего императорского периода люди обращались за решением своих споров к должностным лицам и к самому государю и просили у них правосудия согласно букве и духу закона.

Но многочисленные обстоятельства препятствовали становлению непрерывной правовой традиции в России до реформ 60-х гг. XIX в. Уже само отсутствие унифицированного свода законов вызывало большую неразбериху при решении дел в провинциальных судах. До 1832 г. единственным вразумительным источником гражданских законов в России служило Соборное уложение 1649 г. — собрание положений русского обычного права, извлеченных из более ранних правовых сводов Московского государства. Впрочем, в XVIII в. на смену Соборному уложению пришел поток императорских указов и судебных решений, многие из которых противоречили этому Своду законов и расходились друг с другом. Эти законодательные установления были сведены воедино лишь в 30-е гг. XIX в. и изданы в составе Полного собрания законов Российской империи — одновременно с составлением свода законов. Так что в XVIII в. источников для понимания закона было мало.

До конца XVIII в. в России не существовало отдельной судебной корпорации. Вместо этого ответственность за отправление правосудия возлагалась на органы, осуществлявшие юридические функции наряду с административными обязанностями. Рассмотрение имущественных споров находилось в ведении Вотчинной коллегии, которая официально утверждала права собственности по результатам всех земельных сделок и служила судом первой инстанции по наследственным спорам. Над Вотчинной коллегией стоял Сенат как высшая апелляционная инстанция. В губерниях как гражданские, так и уголовные дела разбирали воеводы, т.е. главы уездов. Первые специальные судебные органы появились только в 1775 г., когда Екатерина II учредила систему судов уездного и губернского уровня. Судебная реформа Екатерины ввела отдельные суды для дворян, горожан и государственных крестьян и установила процедуру подачи апелляций. В результате после 1775 г. первой инстанцией для рассмотрения имущественных дел становится уездный суд или губернская палата гражданского суда. Впрочем, при всех организационных преимуществах, эти новые суды страдали от отсутствия профессиональных юристов. Подавляющее большинство руководителей новых судебных учреждений составляли дворяне, вышедшие в отставку с военной службы и не имевшие высшего образования, которые занимали судебные посты всего лишь три года. Хотя члены Сената были в целом богаче и образованнее судей низших инстанций, но и они являлись выходцами из офицер-

ства и осуществляли свои судебные функции без формальной юридической подготовки⁴².

Наконец, в отправлении правосудия в России огромную роль играл элемент личного влияния. В дореформенную эпоху монархи обладали обширной судебной властью⁴³. Царский указ мог получить силу закона, даже если он противоречил предыдущим постановлениям, а правовые тексты не делали различия между законом и административным постановлением — так называемым «распоряжением»⁴⁴. Более того, правители могли прямо вмешиваться в судебный процесс. Решения Сената получали силу закона и не требовали утверждения монарха, но в тех случаях, когда сенаторы не могли прийти к согласию, они обращались к монарху за разрешением спора. Создание в 1810 г. отдельного Департамента для приема прошений на высочайшее имя еще ярче подчеркнуло, что именно государь является источником правосудия⁴⁵.

Использовать судебные документы в качестве источников нелегко. Споры, разбиравшиеся в Вотчинной коллегии, чаще всего регистрировались без сопровождающей резолюции, поэтому ни исход дела, ни правдивость показаний тяжущихся сторон выяснить не удастся. Протоколы дел в Сенате полнее и обычно включают в себя итоговые постановления, наряду со скрупулезным изложением решений нижестоящих судов. Если просители часто жаловались на коррупцию среди судейского штата, то по документам суда мало можно узнать о роли протекции и коррупции в конкретных делах. Но при всех недостатках документы об имущественных спорах дают ценнейшие сведения о том, как истцы понимали закон, а также об усилиях центральной власти добиться эффективной работы системы правосудия. Правовые стандарты в императорской России оставляли желать лучшего, но тем не менее дела, поступавшие в Вотчинную коллегию и в Сенат, говорят о существовании жизнеспособной правовой культуры у дворянства дореформенной России — а именно о знакомстве с основами имущественного права и убежденности в том, что конфликты следует разрешать по закону. Если русские дворяне и не считали правовую систему «предпочтительным средством разрешения споров»⁴⁶, то уже сам объем дошедших до нас материалов об имущественных процессах свидетельствует о готовности дворянства прибегать к помощи судов, несмотря на все их недостатки. Некоторые истцы проявляли неверие в судебный процесс и обращались за помощью к влиятельным ли-

цам, чтобы те проследили за ходом рассмотрения их дел; но все равно их ходатайства полны просьб о том, чтобы дело было решено так, как написано в законе.

* * *

Вопрос о преемственности между допетровской и императорской Россией в отношении законных прав дворянских женщин встанет в этой работе не однажды. Изменения правового статуса женщин в Средневековье и в эпоху Московского царства отражены в богатой литературе. В частности, горячо обсуждалось сужение имущественных прав знатных женщин в XVI—XVII вв. Итоги этих исследований показывают, что многие дочери и жены царских слуг располагали земельной собственностью, полученной в приданое или в наследство, и распоряжались ею вместе с мужьями. Более того, еще в XII в. русские женщины всех социальных групп разделяли с мужчинами право начинать тяжбу при возникновении угрозы их чести или экономическим интересам. Правовые привилегии женщин допетровской эпохи явно послужили основой для разработки их имущественных прав в XVIII в.

В то же самое время интерес к предшествующему периоду привел к тому, что историки упустили из виду по-настоящему важную перемену, происшедшую в XVIII в. Доступ женщин к собственности в это время чрезвычайно расширился, так как дворянские дочери, независимо от их брачного статуса, получили право на определенную долю («указную часть») имения своих родителей. В качестве замужних женщин они приобрели полную власть над своими имениями только в 1753 г., когда была отменена обязанность жен испрашивать у мужа разрешения на отчуждение собственности. С середины XVIII в. замужние женщины гораздо чаще стали обращаться в суд от собственного имени, а в целом женщины как группа реже прибегали теперь к помощи мужчин, представлявших их интересы. В послепетровскую эпоху был сделан громадный шаг вперед в судебных процессах с участием женщин: дворянки более не ограничивались простой защитой своих законных прерогатив и стали добиваться от судебных властей прояснения своих наследственных прав и контроля над имуществом во время брака.

В нижеследующих главах будет последовательно описана эволюция уникального положения русских дворянок в отношении собственности и рассказано о том, как женщины настойчиво, изобретательно, а иногда и беспринципно использовали право контро-

ля над своими землями. Повествование с неизбежностью будет время от времени касаться взаимодействия (и несоответствия) между гендерными представлениями и повседневной гендерной практикой. Увлечение западных ученых образом сильной женщины в русской культуре — это лишь один симптом резко различающихся между собой восприятий гендера и авторитета в России и на Западе. О литературных образах русских дам крутого нрава было сказано немало⁴⁷, но при этом ученые редко пытались определить более вещественные источники авторитета женщин в русском обществе. Как мы увидим, если властная особа, созданная литературой, выделялась чертами характера, то авторитет ее реального исторического прототипа в равной степени основывался на владении имуществом.

---

¹ Разновидности женских имущественных прав в Европе рассматриваются в гл. 2.

² *Zirin M.F.* Introduction // *Durova N. The Cavalry Maiden: Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars*. Trans., intro. and notes by M.F. Zirin. Bloomington, 1989. P. XVI. Сходную оценку см. в работе: *Edmondson L.H. Feminism in Russia, 1900—1917*. Stanford, 1984. P. 11.

³ *Boskovska N. Muscovite Women during the Seventeenth Century: At the Peak of the Deprivation of Their Rights or on the Road towards New Freedom?* // *Von Moskau nach St. Petersburg: Das russische Reich im 17. Jahrhundert* / Ed. H.J. Torke. Wiesbaden, 2000. P. 56, 61; *Pushkareva N. Women in Russian History: From the Tenth to the Twentieth Century*. Trans. and ed. Eve Levin. Armonk; N.Y., 1997. P. 45, 48; *Weickhardt G.G. Legal Rights of Women in Russia, 1100—1750* // *Slavic Review*. Vol. 55. № 1. 1996. Spring. P. 19—20.

⁴ Вот некоторые примеры обширной литературы по этому вопросу: *Barnes S.T. Women, Property and Power* // *Beyond the Second Sex: New Directions in the Anthropology of Gender* / Ed. P.R. Sanday, R.G. Goodenough. Philadelphia, 1990. P. 255—280; *Goody J. Inheritance, Property and Women: Some Comparative Considerations* // *Family and Inheritance: Rural Society in Western Europe, 1200—1280* / Ed. J. Goody, J. Thirsk, E.P. Thompson. Cambridge, 1976. P. 10—36; *Marcus A. Men, Women, and Property: Dealers in Real Estate in 18th Century Aleppo* // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1983. Vol. 26. Pt. 2. P. 137—163; *Meriweather M.L. Women and Waqf Revisited: The Case of Aleppo, 1770—1840* // *Women in the Ottoman Empire: Middle Eastern Women in the Earle Modern Era* / Ed. M.C. Zilfi. N.Y., 1997. P. 128—152; *Nicholls K. Irishwomen and Property in the Sixteenth Century* // *Women in Early Modern Ireland* / Ed. M. MacCurtain, M. O'Dowd. Edinburgh, 1991. P. 17—31; *Riemer E.S. Women, Dowries and Capital Investment in Thirteenth-Century Siena* // *Women and History*. 1985. № 10. P. 59—79; *Ulrich L.T. Good Wives: Image and Reality in the Lives of Women in Northern*

New England, 1650—1750. N.Y., 1982. P. 35—50; *Zarinebaf-Shahr F.* Ottoman Women and the Tradition of Seeking Justice in the Eighteenth Century // *Women in the Ottoman Empire: Middle Eastern Women in the Earle Modern Era* / Ed. M.C. Zilfi. N.Y., 1997. P. 253—263. О видах имущественных прав женщин в императорском Китае см.: *Ebrey P.B.* The Inner Quarters: Marriage and the Lives of Chinese Women in the Sung Period. Berkeley, 1993. P. 6, 100—113; *Bernhardt K.* Women and Property in Cina, 960—1949. Stanford, 1999.

⁵ Об эволюции системы наделения и пользования приданым см.: *Hughes D.O.* From Brideprice to Dowry in Mediterranean Europe // *Women and History*. 1985. № 10. P. 13—58. См. также два исследования проблемы ограничения имущественных прав европейских женщин в конкретных регионах в начале Нового времени: *Howell M.C.* The Marriage Exchange: Property, Social Place, and Gender in the Cities of the Low Countries, 1300—1550. Chicago, 1998; *Riemer E.S.* Women, Dowries and Capital Investment. P. 73—75.

⁶ Цит. по: *Davidoff L., Hall C.* Family Fortunes: Men and Women of the English Middle Class, 1780—1850. Chicago, 1987. P. 275.

⁷ *Halperin C. J.* Sixteenth-Century Foreign Travel Accounts to Muscovy: A Methodological Excursus // *Sixteenth Century Journal*. 1975. Vol. 6. № 2. P. 89—110. Более благоприятную оценку эти описания получили в работе: *Артемова Е. Ю.* Записки французских путешественников о культуре России последней трети XVIII века // *История СССР*. 1988. № 3. С. 165—173.

⁸ *Collins S.* The Present State of Russia L., 1671. P. 8—10, 36, 114; *Olearius A.* The Travels of Olearius in Seventeenth-Century Russia / Trans. and ed. S.H. Baron. Stanford, 1967. P. 168—170; *Korb J.G.* Diary of an Austrian Secretary of Legation at the Court of Czar Peter the Great. L., 1863. Vol. 1. P. 206—208; *Perry J.* Extracts from the State of Russia under the Present Czar // *Seven Britons in Imperial Russia, 1698—1812* / Ed. P. Putnam. Princeton, 1952. P. 37, 40; *Weber F.C.* The Present State of Russia L., 1968. Vol. 1. P. 136, 147—150.

⁹ Антидот (противоядие). Полемическое сочинение Екатерины Второй, или разбор книги аббата Шаппа д'Отрош о России // *Осьмнадцатый век*. 1869. № 4. С. 352.

¹⁰ *Bradford M.W.* The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot, 1803—1808 / Ed. and intro. by the Marchioness of Londonderry and H.M. Hyde. L., 1935. P. 234; *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер М.и К. Вильмот из России / Ред. С.С. Дмитриев. М., 1987. С. 316.

¹¹ *Bradford M.W.* The Russian Journals. P. 271; Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 345.

¹² *Haxthausen A. von.* Studies on the Interior of Russia / Ed. S.F. Starr and trans. E. Schmidt. Chicago, 1972. P. 21—23. Маркиз де Кюстин, правда, не писал о женских правах собственности, но отметил много различий между русскими и европейскими дамами. Первые были, по его словам, «политическими амазонками» и часто вмешивались в государственные дела: *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году / Ред. В. Мильчина. М., 1996. Т. 2. С. 51.

¹³ *Leroy-Beaulieu A.* The Empire of the Tsars and the Russians / Trans. Z.A. Ragozin. N.Y., 1898. Vol. 1. P. 217—219.

¹⁴ Adam J.E. [*Lamber Juliette*]. Impressions Françaises en Russie. Paris, 1912. P. 198—200.

¹⁵ Обзор мнений правоведов XIX в. по вопросу женских прав собственности см.: *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России (50—60-е годы XIX в.). Л., 1984. С. 16—58.

¹⁶ См., например: *Ostrogorski M.Ia.* The Rights of Women: A Comparative Study in History and Legislation. London, 1893. P. 231. Автор пишет: «Россия... обладающая наименее либеральными институтами в Европе, располагает самыми либеральными законами в отношении гражданской правоспособности женщин».

¹⁷ *Михневич В.* Русская женщина XVIII столетия. Киев, 1895. С. 210.

¹⁸ *Шашков С.С.* История русской женщины. СПб., 1879. С. 314—317. См. также: *Орович Я.* Женщина в праве. 2-е изд. СПб., 1896. С. 75—76.

¹⁹ *Кавелин К.Д.* Собр. соч. СПб., 1900. Т. 4. С. 553—557. См. также: *Неволин К.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 1. С. 45, 61, 74—75.

²⁰ *DeJean J.* Tender Geographies: Women and the Origins of the Novel in France. N.Y., 1991. См. также: *Dolin T.* Mistress of the House: Women of Property in the Victorian Novel. Aldershot, 1997.

²¹ Достаточно вспомнить Варвару Петровну Ставрогину из «Бесов» и Марью Александровну Москалеву из повести «Дядюшкин сон»: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 17; Т. 2. Л., 1972. С. 297—298; ср. «Вишневый сад» и «Бабье царство» А.П. Чехова.

²² Члены рода пользовались правом выкупа родовых земель в течение сорока лет после продажи. В середине XVIII в. Сенат ограничил срок выкупа тремя годами. См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1909. С. 579.

²³ О сужении родовых прав на наследственные владения см.: *Weickhardt G.* The Pre-Petrine Law of Property // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. № 4. P. 663—679. См. также: *Pavlova E.* Private Land Ownership in Northeastern Rus' and Mongol Land Laws // *Russian History*. 1999. Vol. 26. № 2. P. 125—144.

²⁴ Об истории наследственного и приобретенного имущества в России см.: *Неволин К.* История российских гражданских законов. Т. 2. С. 26—36. Многие историки права утверждали, что понятие частной собственности окончательно сложилось в России только в XVII в. и не было детально разработано в законодательстве до царствования Екатерины II. См.: *Эльясевич В.Б.* История права поземельной собственности в России. Париж, 1948. Т. 1. С. 159; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. С. 579, 585. Но, как считает Ричард Уортман, представление о частной собственности в императорской России было пронизано противоречиями и непоследовательностью, так как имущественные права оставались здесь «атрибутом привилегированности», а не основанием для политических прав. См.: *Wortman R.* Property Rights, Populism, and Russian Political Culture // *Civil Rights in Imperial Russia* / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxford, 1989. P. 13—32.

²⁵ *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII ст. СПб., 1887. Т. 1. С. 303—304.

²⁶ О дискуссии по поводу прав наследства см.: *Dukes P.* Catherine the Great and the Russian Nobility: A Study Based on the Materials of the Legislative Commission of 1767. Cambridge, 1967; о корпоративных правах дворянства см.: *Meehan-Waters B.* The Development and the Limits of Security of Noble Status, Person, and Property in Eighteenth-Century Russia // *Russia and the West in the Eighteenth Century* / Ed. A.G. Cross. Newtonville, Mass., 1983. P. 294—305.

²⁷ *Кавелин К.Д.* Собр. соч. СПб., 1900. Т. 4. С. 545—546; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. С. 481.

²⁸ Мысль о принадлежности имущества семье, а не индивиду выражается в языке документов о купле-продаже имущества. До XIX в. купчие составлялись по определенной формуле, согласно которой продавец (мужчина или женщина) продавал имущество покупателю, его (или ее) супруге или супругу, детям и потомкам. Если в купчих записях, включенных в мою подборку за период до 1780 г., использовалась именно эта формула, то в документах от 1805 г. и далее она отсутствует.

²⁹ См. из недавних работ два важнейших обзора петровского царствования: *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989 (на англ. яз.: *Anisimov E.V.* The Reforms of Peter the Great: Progress through Coercion in Russia Armonk; N.Y., 1993); *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998.

³⁰ На самом деле о влиянии Петровских реформ на представительниц русской аристократии написано мало. Три исключения составляют статьи: *Hughes L.* Peter the Great's Two Weddings: Changing Images of Women in a Transitional Age // *Women in Russia and Ukraine* / Ed. R. Marsh. Cambridge, 1996. P. 31—44; *Idem.* Between Two Worlds: Tsarevna Natal'ia Alekseevna and the «Emancipation» of Petrine Women // *A Window on Russia: Papers from the Fifth International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia Gargnano, 1994* / Ed. M. di Salvo and L. Hughes. Rome, 1996. P. 29—36; *Marrese M. L.* Women and Westernization in Petrine Russia // *Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter.* Cambridge, 1998. P. 105—117.

³¹ См. два противоречащих друг другу описания судеб дворянства после отмены крепостного права: *Becker S.* Nobility and Privilege in Late Imperial Russia DeKalb, 1985 [перевод: *Беккер С.* Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. — *Примеч. ред.*]; *Manning R.T.* The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government. Princeton, 1982. Впрочем, даже беглый анализ нотариальных документов крепостных книг не оставляет сомнений в том, что, в отличие от дворянства, активность людей из недворянских слоев общества на сельском рынке недвижимости резко возросла после 1861 г.

³² *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 2—4.

³³ *Hellie R.* Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, 1971. P. 232. Дж. Ле Донн указывает, что «все офицеры были дворянами, но не все дворяне, вступая в армию, становились офицерами» (*LeDonne J.P.* Absolutism and the Ruling Class. P. 44).

³⁴ *LeDonne J.P.* Absolutism and the Ruling Class. P. 58—59.

³⁵ ПСЗ-1. Т. 15. № 11255 (25.05.1761).

³⁶ О государственной помощи бедному дворянству см.: *Борецкой А.П.* Захудалое дворянство // Русская мысль. 1882. № 12. С. 339—353.

³⁷ *Kahan A.* The Costs of «Westernization» in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // *Slavic Review*. Vol. 25. № 1. 1966. March. P. 45. Различие между потомственным и личным дворянством для нас значения не имеет. Феномен личного дворянства восходит к царствованию Екатерины II. Личные дворяне, как и члены купеческого и мещанского сословий, могли владеть недвижимостью, но не крепостными крестьянами.

³⁸ *Hamburg G.M.* Politics of the Russian Nobility, 1881—1905. New Brunswick, 1984. P. 11.

³⁹ О действовавших в Черниговской и Полтавской губерниях законах об опекунстве и о разделе собственности при разводах см.: ПСЗ. Т. 17. № 15532 (15.04.1842) и № 15533 (15.04.1842).

⁴⁰ *Zweigert K., Kötz H.* An Introduction to Comparative Law. Trans. Tony Weir. Amsterdam, 1977. Vol. 1. P. 306.

⁴¹ *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996. P. 180, 233—234.

⁴² Лучшей работой, освещающей судопроизводство в дореформенной России, остается книга Р. Уортмана: *Wortman R.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976 [перевод: *Уортман Р.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. — *Примеч. ред.*]. Обзор петровских преобразований в сфере правосудия см.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 121—134; О судебных реформах Екатерины II см.: *Madariaga I. de.* Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven, 1981. P. 277—291 [перевод: *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 439—452. — *Примеч. ред.*]. Судебная процедура рассмотрена в работе: *LeDonne J.* Absolutism and the Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700—1825. Oxford; N.Y., 1991. P. 181—199.

⁴³ По наблюдению Дж. Ле Донна, однако, российский правитель напоминал других государей эпохи старого режима тем, что делегировал своим чиновникам отправление справедливости, но сохранял за собой право отменять их решения. См.: *LeDonne J.* Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762—1796. Princeton, 1984. P. 179.

⁴⁴ *Wortman R.* The Development of a Russian Legal Consciousness. P. 16 [Уортман Р. Властители и судии. С. 64. — *Примеч. ред.*].

⁴⁵ *Писарев С. Н.* Учреждение по принятию и направлению прошений. СПб., 1909.

⁴⁶ Цитата: *Burbank J. Legal Culture, Citizenship, and Peasant Jurisprudence: Perspectives from the Early Twentieth Century // Reforming Justice in Russia, 1864—1996: Power, Culture, and the Limits of Legal Order / Ed. P.H. Solomon Jr. Armonk; N.Y., 1997. P. 85* [перевод: *Бербанк Дж. Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция: Перспективы начала XX в. // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 269—298. — Примеч. ред.*].

⁴⁷ *Dunham V.S. The Strong-Woman Motif // The Transformation of Russian Society / Ed. C. Black. Cambridge, 1960. P. 459—483; Glasse A. The Formidable Woman: Portrait and Original // Russian Literature Triquarterly. 1974. № 9. P. 433—453; Heldt B. Terrible Perfection: Women and Russian Literature. Bloomington, 1987; Hubbs J. Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington, 1988.*

Глава 1

ОТ ПРОЖИТКА К УКАЗНОЙ ЧАСТИ: ЖЕНЩИНЫ И НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО

Наследственное право определяло очень многое в жизни русских дворян и оказывало на нее такое влияние, которое немислимо в современном мире. В начале Нового времени законы, управлявшие переходом имущества от поколения к поколению, играли решающую роль в сохранении рода; в них, по существу, воплощались тогдашние представления о разнице в положении мужчин и женщин и о роли женщины в обществе. В Европе тогда существовали самые разнообразные правила наследования, которые различались не только от страны к стране, но и от области к области, причем зачастую здесь действовали местные варианты обычного права. Но при всей пестроте общей чертой законов об имуществе оставалось неравноправие полов. Если все законодательные своды Европы предусматривали ту или иную форму женского наследования, то, как правило, они наделяли женщин приданым только в форме движимого имущества, а не земли, и нередко

дочери, получив приданое, исключались из дальнейшего наследования¹. Женщинам, пережившим своих мужей, законы предоставляли более щедрые доли супружеского имущества, однако очень часто эти установления, в интересах наследников умершего, ограничивали право вдовы распоряжаться и пользоваться отошедшей ей частью.

В конце XVII в. женщины высшего общества в России во многом разделяли неравенство перед законом со своими европейскими сестрами. Российские законодательные своды предоставляли женщинам удивительно широкую независимость в юридических делах, но проводили четкое различие между отношением мужчин и женщин к собственности. Так, допетровское имущественное право характеризовалось неравным наследованием для сыновей и дочерей, ограничением женщин в пользовании земельными владениями и, как ни странно, вообще не касалось некоторых важнейших аспектов женского наследования. Однако с реформами Петра Великого для русских дворянок началась эпоха глубоких культурных и правовых перемен. Причем если влияние культурных преобразований поначалу ограничивалось лишь высшими кругами общества и медленно распространялось за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, то правовые нововведения вскоре затронули жизнь всех дворянок, независимо от их знатности и богатства. Прежде всего нужно отметить, что XVIII век был свидетелем последовательного расширения женских имущественных прав. Это касалось и власти замужних женщин над их имениями, и доступа женщин к родовым владениям. Новшества в женском наследственном праве не так бросались в глаза, как прогресс в области контроля женщин над имуществом. Зато законодательная разработка наследственных прав дворянок служила показателем развития законодательства в более широком смысле: в поисках ответов на запросы со стороны дворянок суды выявляли существенные неясности в их правах собственности и совершенствовали законы с учетом женских интересов.

Цель этой главы состоит в том, чтобы проследить, как регламентировались наследственные права дворянок в XVIII в. Я покажу, что в течение этого столетия дворянки достигли в области наследования лишь одного, но важного успеха: наследство, полагавшееся им как дворянским дочерям, превратилось из доли на содержание («прожитка»), предназначенной главным образом для покрытия расходов на военную службу их мужей, в установленную

законом часть родительских земель («указную часть»). Аналогичный сдвиг произошел и в области вдовьих наследственных прав. В обоих случаях это изменение не являлось лишь терминологическим, но свидетельствовало о преобразовании как сути, так и формы женских наследственных прав.

ДВОРЯНКИ И НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО ДОПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Доступ дворянских женщин к земельной собственности в допетровское время зависел в основном от их брачного статуса и от наличия или отсутствия братьев. Уже в XII в. Русская Правда позволяла при отсутствии сыновей наследовать родительское недвижимое имущество дочерям и полностью исключала женское наследование земель при здравствующих потомках мужского пола². Дочери часто получали приданое или наследство в форме движимого имущества, необходимого молодой семье для обзаведения хозяйством. Однако в условиях экономики, основанной главным образом на земледелии и крестьянском труде, движимость не обладала статусом и надежностью земельной собственности³. Историки России приписывали неравноправие женщин в вопросах наследования их временному положению в семье; выходя замуж, женщина покидала свой род и переходила в семью мужа, унося туда свое имущество⁴.

Несмотря на подобные ограничения женских прав наследования, средневековые русские дворянки упоминаются в ряде источников как владелицы земли и денежных средств⁵. Впрочем, в XVII столетии и без того скромные права женщин на владение землей сузились еще больше и зависели от формы земельного держания⁶. В Соборном уложении 1649 г. названо три вида вотчин — патримониальных наследственных владений: земли, унаследованные от других членов семьи (родовые вотчины), наследственные владения, пожалованные предкам за службу (выслуженные вотчины), и унаследованные благоприобретенные земли (купленные вотчины). Второй формой держания, появившейся в конце XV в., было поместье, или служилое имение, которое жаловалось государем за военную службу⁷. Обе эти формы земельного держания, кроме купленных владений, подлежали действию нормативов, защищавших родовые или семейные интересы в ущерб индивидуальным. Владе-

лец родовой или выслуженной вотчины мог завещать свое владение лишь строго ограниченному кругу наследников, хотя был вправе продать или заложить эту землю по своему желанию⁸. Напротив, получив поместье, человек мог пользоваться этими землями до смерти, но не имел права ни продать их, ни передать по наследству детям. Однако постепенно служилые дворяне стали обращаться с землями, полученными в держание за службу, как с родовой собственностью. Грани между вотчиной и поместьем постепенно стирались, пока Петр Великий не отменил последние правовые различия между двумя формами земельного держания, создав единую категорию недвижимого имущества⁹. Эта мера впоследствии способствовала расширению наследственных прав дворянок.

Соборное уложение предусматривало право на наследование земли для замужних дочерей при отсутствии у них братьев, но лишь в том случае, когда умерший дворянин оставлял после себя родовые имения — вотчины. Таким образом, замужние дочери могли наследовать родовые земли, если не имели здравствующих братьев, но при этом, согласно Уложению, были обязаны делить это наследство со своими тетками — сестрами покойного отца¹⁰. Зато унаследовать отцовское поместье дочери не могли, даже если у них не было братьев: со служилых земель им полагался лишь так называемый прожиток. Все земли, оставшиеся после того, как дочери получали свою долю, распределялись между мужчинами-родственниками умершего, не имевшими собственных поместий¹¹. Если же здравствовали сыновья покойного, то его дочери, как замужние, так и незамужние, полностью отстранялись от наследования вотчин. Их наследство ограничивалось прожитком, или пенсией¹², с отцовских поместий. Размеры прожитка устанавливались Уложением, а предназначался он в приданое. Наконец, закон предоставлял еще одну возможность для женского наследования: по усмотрению владельца можно было давать в приданое и беспрепятственно завещать женщинам-родственницам купленные вотчины.

Наследственные права вдовы были сопряжены с теми же сложностями, что и у ее дочерей, и еще сильнее обуславливались ее второстепенной ролью в семье мужа. В средневековой Руси до появления поместий вдовы, имевшие детей, пользовались правом пожизненного пользования имуществом мужа, движимым и недвижимым, пока снова не выходили замуж¹³. Но в XVII в. овдовевшей дворянке полагалась всего лишь четверть движимого имущества мужа и прожиток из его поместных земель, а также возврат прида-

ного. Принадлежа к другому роду, вдова не могла унаследовать ни родовые, ни выслуженные вотчины своего мужа, хотя купленные вотчины свободно переходили от мужа к жене¹⁴. Но зато вдова пользовалась значительной властью над своей долей поместий мужа: документы говорят о том, что она могла не только завещать прожиточную землю, но и вернуть ее себе и перераспределить, если считала нужным. Так, потеряв мужа в конце XVII в., Мария Юсупова снова вышла замуж и сначала передала свое поместье второму мужу, а потом пасынку, Федору Ушакову. Но буквально накануне ухода в монастырь Юсупова пересмотрела и это решение и, забрав у Ушакова половину поместья, отписала ее своему брату Семену Небольсину¹⁵. Если человек умирал, не имея служилых земель, то вдова получала прожиток с его родовых вотчин, но ей не разрешалось ни отчуждать эти земли, ни использовать их в качестве приданого во втором браке¹⁶.

При всей запутанности Соборного уложения его многочисленные статьи, относящиеся к женскому наследованию, опирались на стройную систему посылок. Стоявшая за этими законами логика была явно патерналистской. Имущественное право Московского царства всячески стремилось не отдавать в руки женщин вотчинные земли и налагало ограничения на женские права пользования имуществом¹⁷. Но при этом государство проявляло очевидную заботу о материальном благополучии вдов и незамужних дочерей своих служилых людей. В итоге проблема женского наследования в рамках различных форм земельного держания занимала центральное место в Уложении 1649 г.

В его статьях, посвященных правам вдов, тщательно рассматривались все возможные случаи наследования, причем проводилось различие между женщинами, которые произвели на свет потомство, и теми, у кого детей не было. Однако ни в Уложении, ни в более поздних законах XVII в. не были разработаны с той же подробностью наследственные права дочерей¹⁸. В Уложении были тщательно изложены правила касательно дочерей, чьи отцы умерли: незамужние дворянские дочери пользовались ограниченными правами на отцовские поместья, в то время как родовое недвижимое имущество в отсутствие мужского потомства дочери могли наследовать независимо от их семейного положения. Однако по поводу приданого здесь не говорилось буквально ни слова. В сущности, статьи Уложения касались приданого только в связи с проблемой содержания незамужних дочерей: прожиток молодой женщины из поме-

стей ее отца предназначался в качестве приданого, которое она в будущем приносила мужу и которое тот записывал на себя.

Перспективы дочерей, выходящих замуж при жизни отца, были гораздо туманнее. Пространная редакция Русской Правды предписывала братьям незамужних сестер обеспечивать их приданым по мере возможностей («как си могут»); автор Домостроя советовал родителям копить имущество в приданое дочерям¹⁹. Но в допетровском праве не содержалось указаний о том, на какой процент богатств семьи могла рассчитывать дочь, выходя замуж. В Соборном уложении этот вопрос тоже был обойден, как и не проведено различие между приданым и наследством. Наделение приданым в России начала Нового времени регулировалось не письменным правом, а обычаями²⁰, а потому вопрос о том, каковы будут размеры приданого и будет ли оно включать в себя землю, отдавался полностью на усмотрение донатора. На практике же дворяне в допетровской России нередко очень щедро снабжали дочерей приданым, выдавая их замуж²¹. Однако закон не предусматривал никакого выхода для тех дворянок, кому в приданое давали меньше, чем предписанный Соборным уложением прожиток их незамужних сестер (или его денежный эквивалент). Если наделение невесты только движимым имуществом и не означало «фактического лишения дочери наследства» (по вышеприведенному выражению Д. Хьюз)²², то молчание правовых источников по поводу этой стороны женского наследования свидетельствовало о незащищенности дворянок в имущественном праве.

ЖЕНСКОЕ НАСЛЕДОВАНИЕ И ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ

Несмотря на изъяны, характерные для законов женского наследования в начале XVIII в., многие из русских дворянок могли надеяться рано или поздно получить земельную собственность во владение или в пользование. Тем не менее позиции женщин в наследственном праве были незавидными: дворянки не имели никаких гарантий того, что их приданое будет включать в себя землю и составит достойную часть родительского богатства, и не питали никаких надежд на наследство в будущем, если у родителей имелось мужское потомство. Кажется также (если доверять материалам судебных процессов), что надежды женщин не выходили за рамки Соборного уложения. Весь XVII век дворянки, особенно вдовы,

активно участвовали в имущественных спорах, требуя через суд возврата приданого от родственников мужа и защищая права своих детей. При случае некоторые даже пытались обойти законы о наследстве, выдвигая претензии на вотчины или оспаривая завешания²³. Но не сохранилось никаких документов, которые свидетельствовали бы о попытках дворянок оспорить право своих родителей определять состав приданого или о том, что замужние дочери после смерти родителей требовали бы прибавить что-нибудь к их приданому сверх уже выделенного.

В XVIII в. дворянки, обращавшиеся в суд с исками, внесли новый компонент в дискурс женского наследования: они принялись указывать на несоответствия в законах и требовать, чтобы власти разъяснили наследственные права замужних дочерей. Дебаты о наследственных правах дворянок свелись к разногласиям по единственному вопросу: является ли приданое всего лишь авансом наследства или дочери, выходя замуж и принимая свое приданое, отказываются от дальнейших претензий на собственность семьи? Спор о том, на какую именно долю родительских владений могут рассчитывать женщины, возник в 1714 г. вместе с выходом Указа о единонаследии, затем служил источником бесчисленных семейных конфликтов после отмены этого указа в 1731 г. и утих только в конце столетия, когда законодатели наконец-то выработали последовательные рекомендации относительно женского наследования. Если наследственные права мужчин были четко разъяснены в 1731 г., то представление о законных правах наследования для женщин развивалось медленно. Прежде чем они окончательно сформировались, не одно десятилетие местные и центральные судебные инстанции вели об этом дискуссии, вклад в которые внесло и активное участие в процессах самих дворянок.

С XIX в. историки приписывали Петру Великому отмену сложившихся в XVII в. ограничений на право собственности для женщин и восстановление привилегий, которыми они пользовались в предыдущую эпоху²⁴. Между тем число законов об имуществе, появившихся в царствование Петра, было скудным в сравнении с множеством «Новоуказных статей» — дополнительных актов по поводу собственности, изданных его отцом царем Алексеем Михайловичем и сестрой царевной Софьей Алексеевной²⁵. Более того, за исключением одного указа 1715 г.²⁶, имущественное право петровского времени не было ориентировано на женщин и не заботилось об их выгоде, а стремилось только упростить законы и увеличить

доходы государства. И тем не менее, объединив в Указе о единонаследии две формы земельного держания, определенные в московских законодательных сводах, в единую категорию недвижимого имущества, Петр покончил с практикой отстранения женщин от наследования вотчин²⁷.

Самым спорным нововведением Петра I в области имущественного права была его попытка в 1714 г. навязать русскому дворянству систему единонаследия. Русские издавна славилась приверженностью к разделу наследства, дворяне веками делили землю между сыновьями поровну, и теперь требование завещать всю ее единственному наследнику казалось служилой элите вопиющей несправедливостью²⁸. К тому же, вдобавок к упразднению различия между родовыми и служилыми землями, Петр пренебрег и уникальным статусом купленных вотчин, в распоряжении которыми дворяне традиционно пользовались большей свободой. Отныне родители должны были обеспечивать всех детей, кроме наследника земли — как сыновей, так и дочерей, — раздавая им поровну свое движимое имущество²⁹. С точки зрения рядовых дворян, Указ о единонаследии не только нарушал вековые традиции, но и подрывал материальное благополучие их детей. Этот новый порядок налагал на дворянские семьи тягостное бремя, так как в большинстве своем они имели мало наличных денег и с большим трудом могли наскрести их на приданое дочерям или в надел младшим сыновьям³⁰. Даже счастливые, наследовавшие земельные владения, сразу же сталкивались с неприятной перспективой покупки необходимого в имении скота и зерна, потому что они были поделены между их братьями и сестрами как движимое имущество. Петр, со своей стороны, считал, что Указ о единонаследии предотвратит дробление имений, сбережет на будущее дворянские состояния и не даст пресечься дворянским родам, многие из которых по причине дробления земель разорялись всего за несколько поколений³¹. Кроме того, царь надеялся, лишив недвижимости младших дворянских сыновей, заставить их служить государству. Однако в этом он, по мнению современников, больших успехов не достиг, потому что молодых дворян приходилось силой тащить на военную службу, и мало кому из них приходило в голову избрать себе какую-нибудь профессию³².

Несмотря на сопротивление дворянства единонаследию, Петр I упорно внедрял его до самого конца своего царствования. В ответ самые непокорные, чтобы обойти указ, прибегали к незаконным

земельным сделкам, продавали землю якобы ради уплаты долгов, чтобы распределить вырученные суммы между своими наследниками³³. Какими способами дворяне выходили из положения, видно по купчим и закладным документам, в которых продавцы и покупатели утверждали, что сделка их подлинная, а не фальшивая. Так, в 1724 г. подполковник Брылкин попытался предъявить права на земельное владение и написал в своем исковом прошении, что вдова Коробина годом раньше заложила ему свое имение за две тысячи рублей. «Заняла она для... росплаты долгов своих, — утверждал Брылкин, — а не для какаго неправдиваго укрепления безденежно... меншим сыновьям и дочерям»³⁴. Что же касалось законопослушных дворян, то они старались убедить наследников своих земель не обманывать братьев и сестер³⁵.

В Указе о единонаследии было оговорено несколько аспектов женских имущественных прав. Впрочем, в смысле наследования нельзя безоговорочно признать этот указ благом для дворянок. С одной стороны, закон укрепил женские наследственные права: за неимением мужского потомства, наследницей назначалась одна дочь, которая и становилась владелицей всего отцовского имения. Однако значение этой привилегии несколько сужалось статьей 7 Указа, гласившей, что если последний представитель рода оставлял только дочерей, то один из его зятьев мог принять его фамилию и унаследовать недвижимое имущество. Благодаря этому приему дворянки могли продолжить отцовский род, но ценой некоторого ограничения собственных наследственных прав. Так, князь Ромодановский в 1730 г. назначил дочь и зятя сонаследниками своих владений³⁶. В статье 7 не оговаривалось, кто из супругов в этом случае получает право отчуждать имение³⁷; однако многочисленные двойные фамилии русского дворянства говорят о том, что не один Ромодановский предпочитал иметь наследников-мужчин³⁸.

Другим позитивным новшеством было то, что благодаря Указу о единонаследии укрепилась власть женщин над их приданым. Примечательно, что в указе не затрагивался вопрос об управлении имуществом женщины во время брака; правда, статья 8 была посвящена проблеме наследства матери в случае ее вторичного замужества. Если закон молчаливо подразумевал, что супруги, имеющие только общих детей, станут избирать единого наследника как для отцовских, так и для материнских земель, то о том, что мужчины вправе назначать наследников лишь своих собственных имений, а не имений жены, в нем говорилось прямо. При наследовании в

отсутствие завешания деревни, полученные женщиной в приданое, отходили к ее старшему сыну или дочери, а ее личное имущество разделялось между остальными детьми. Однако на практике статус материнского наследства в течение всего XVIII в. оставался весьма неоднозначным: материалы завещаний и росписей приданого убедительно говорят о том, что некоторые супруги рассматривали свои владения как единое целое, вместо того чтобы тщательно делить собственность каждого между всеми детьми³⁹.

Указ о единонаследии и постановление 1716 г. сделали положение вдов более сносным. Однако петровские указы по поводу вдовой доли наследства вдохновлялись скорее представлением о прожитке, чем об указной части, и ограничивали право вдовы отчуждать землю. Так, Указ о единонаследии гласил, что вдова могла свободно пользоваться всем недвижимым имуществом мужа до повторного вступления в брак или до своей смерти, после чего имение возвращалось в род ее мужа. Позднее Петр понял, что в этом указе не предусмотрен случай вдов, имеющих детей, и в 1716 г. внес в него дополнение о том, что вдова, с детьми или без них, может немедленно потребовать четверть движимого и недвижимого имущества мужа, но обязана также взять на себя и четверть его долгов. После этого оставшиеся три четверти собственности отходили к детям этой пары или к родственникам мужа. Мужья могли подобным же образом претендовать на земли своих жен⁴⁰. Но если в указе 1716 г. говорилось, что вдовы получают свою долю «в вечное владение» — и при этом им не запрещалось продавать или закладывать такие земли, — то полномочия вдовы отчуждать имущество мужа не были четко сформулированы. В 1725 г. Екатерина I постановила, что вдовы вольны назначать наследников доставшейся им доли имущества мужа, но никак не оговорила их права продавать или закладывать эту землю. Впрочем, на практике вдовы и продавали, и закладывали свои надель задолго до указа 1725 г.⁴¹

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ С УЧАСТИЕМ ЖЕНЩИН И УКАЗ О ЕДИНОНАСЛЕДИИ

Указ о единонаследии, с одной стороны, упрочил положение дворянских наследниц и вдов, но с другой — установил для женщин такое ограничение, которое повлекло за собой далекоидущие последствия: этим указом родителям запрещалось давать деревни до-

черям в приданое. Приданое в петровское время полностью состояло из движимого и личного имущества — домашней утвари, одежды, драгоценностей, но могло также включать в себя сумму денег, специально предназначенную для молодых на покупку деревень. Таким образом, дворянки все же могли приобретать недвижимость, если покупали ее на деньги, полученные в приданое⁴². Тем не менее, запретив прямую передачу земли дочерям в приданое, Указ о единонаследии уничтожил важный источник приобретения земельной собственности для дворянских женщин.

Как и в средневековых уложениях, в Указе о единонаследии не делалось попытки прояснить юридический статус приданого по отношению к наследству. В законе не указывался точный размер приданого и был обойден вопрос о наследственных правах замужних дочерей. Более того, содержащийся в указе запрет включать землю в приданое не только порождал раздоры между братьями, но и подталкивал женщин подавать в суд на родственников обоих полов, если им казалось, что их обделили семейным добром. По сути дела, самым устойчивым результатом тщетной попытки Петра опрокинуть вековую традицию разделов имущества стало поразительное множество имущественных споров с участием женщин после 1714 г.: в XVIII в. в 57,5% таких дел, зафиксированных в Вотчинной коллегии, участвовали стороны обоих полов, а еще 9% тяжб происходило только между женщинами⁴³. Таким образом, хотя русские дворянки и так уже не были новичками в судебных процессах, Указ о единонаследии открыл им новую эру в области имущественных споров. Не один десяток лет после отмены этого закона мужчины и женщины обращались в суд на том основании, что они или их родители родились «в пунктах», т.е. в период действия указа, и были обманутым путем лишены своей доли семейного достояния.

С того момента, как их доступ к земельной собственности был ограничен, дворянки стали выдавать себя за законных наследниц отцовских имений, пользуясь неясностями в Указе о единонаследии. Николай Трескин после смерти отца и дяди оказался втянут в спор с четырьмя своими тетушками, каждая из которых истолковывала положения указа в свою пользу. В ходатайстве, поданном в Вотчинную коллегию в 1722 г., Трескин утверждал, что он — единственный наследник имений недавно умерших отца и дяди. Три сестры его отца получили в приданое движимое имущество, выходя замуж. Что касалось четвертой сестры, Марфы, то, как писал Трескин, «дед мой и дядя и отец мой видя ее такое... желание к

пострижению купили кельи в Москве в Страстном девичьем монастыре и в клад дан». Марфа много лет пользовалась финансовой поддержкой братьев, но теперь по неизвестным Трескину причинам пожелала отказаться от послушания и вознамерилась «быть после отца и матери и брата своих наследницею». После смерти второго своего брата, дядюшки Трескина, Марфа приехала к Трескину в деревню и «по брала пожитки ево все без остатку денги и платья и серебряную всякую посуду... и... лошадей... и всякую конную збрую и... вывезла все в Каширском уезде к сестре своей». Остальные три тетки Трескина, в свою очередь, тоже подали жалобы: каждая утверждала, что она и есть единственная законная наследница отцовских владений, так как ничего не получила при вступлении в брак, и уверяла, что другие сестры свою долю уже забрали; при этом все в один голос отвергали претензии племянника⁴⁴.

Как слишком часто бывает, решение Вотчинной коллегии по тяжбе между Николаем Трескиным и его тетушками не сохранилось. Ясно лишь, что у коллегии не было оснований поддержать требования Марфы Трескиной или ее сестер, ведь еще в XVII в. законодатели постановили, что тетки не имеют права претендовать на раздел наследства с племянниками⁴⁵. Тем не менее каждая из этих женщин верила (или утверждала, что верит), что ее статус прямой наследницы отцовских имений после смерти братьев дает ей преимущество перед правами племянника. Более того, каждая привлекала в поддержку своих требований какое-либо из положений Указа о единонаследии. Марфа Трескина заявляла, что отец выделил наследство братьям еще «до пунктов» 1714 г., когда она жила дома; по ее словам, отец хотел, чтобы она унаследовала оставшуюся часть его имения. Сестра Марфы, Матрена, утверждала, что наследство принадлежит ей как старшей из дочерей. При этом все участники спора разделяли мнение о том, что дочери, покинувшие отчий дом с приданным в руках, автоматически отказывались от всяких дальнейших претензий на наследство. Несмотря на то что все положения Указа о единонаследии указывали на Трескина как на единственно возможного наследника, отсутствие в законе четких положений о правах наследования для замужних дочерей позволило теткам Трескина выстроить правдоподобную аргументацию в защиту своих интересов.

Множество споров, порожденных Указом о единонаследии, убедило вдову и преемницу Петра Екатерину I в необходимости

устранить некоторые неясности в законе. Одна из статей ее указа 1725 г. представляла собой попытку разобраться в вопросе о наследственных правах замужних дочерей. Статья эта гласила, что если незамужние дочери переживут отца, то старшая должна наследовать его земли, а остальные сестры — разделить между собой движимое имущество. Если же кто-то из дочерей в это время будет уже замужем, то землю унаследует старшая незамужняя девица, ее незамужние сестры разделят движимость, а замужним дочерям не достанется ничего, ибо при вступлении в брак они получили приданое. Наконец, если все дочери на момент кончины отца окажутся замужем, то земля отойдет к старшей, а остальные поделят между собой движимое имущество⁴⁶. Но хотя указ Екатерины и представлял собой смелую попытку прояснить наследственные права замужних дочерей (отличные от прав их незамужних сестер), он не смог положить конец спорам на эту тему.

НАСЛЕДОВАНИЕ ПОСЛЕ 1731 г.

Время не примирило дворянство с практикой единонаследия. В итоге, когда в 1730 г. на престол взошла Анна Иоанновна, одним из первых ее шагов стала отмена петровского Указа о единонаследии. В докладе императрице от 9 декабря 1730 г. Сенат утверждал, что наделение младших сыновей наследством в движимой форме лишь ускоряет дробление имений, которого пытался избежать Петр Великий. Кроме того, сенаторы отметили, что приданое в движимой форме истощает семейные состояния дворянства, и выступили за восстановление практики пожалования деревень дочерям в приданое. При этом семьи не несли необратимых материальных потерь, так как, давая за дочерьми деревни, они могли рассчитывать на возмещение их землями из других родов при женитьбе сыновей⁴⁷.

Через три месяца, в 1731 г., Анна Иоанновна издала указ, в котором не только повторялись некоторые положения Указа о единонаследии, но и удовлетворялось требование дворянства о возврате к раздельному наследованию. Императрица подтвердила упразднение системы служилых и родовых земель (поместий и вотчин) в пользу единой категории недвижимого имущества. В то же время, идя навстречу желанию Сената, она восстановила правила наследования при отсутствии завещания, начертанные в Соборном уло-

жении 1649 г., хотя и с некоторыми изменениями в части законов о женском наследовании. Был восстановлен раздел наследуемых земель и движимого имущества между сыновьями. Для вдов это постановление также было выгодно: отныне супруги получали в наследство одну седьмую часть недвижимости друг друга и четверть движимого имущества. Кроме того, вдовам возвращалось все то, что они принесли в приданое. Хотя седьмая часть недвижимости мужа означала уменьшение по сравнению с одной четвертью, положенной по Указу о единонаследии, но отныне, овдовев, женщина получала эту землю в вечное владение и могла по собственному усмотрению беспрепятственно завещать, закладывать и продавать свою долю наследства. В противоположность наследственным правам дочерей, в 1731 г. права вдов на наследство установились окончательно и с этого времени больше не являлись предметом споров, хотя вдовам нередко приходилось подавать в суд на своих родственников по мужу, которые не отдавали им вдовью часть⁴⁸.

Вслед за допетровскими и петровскими уложениями в указе Анны Иоанновны, отменившем единонаследие, пространно излагались наследственные права вдов, а о том, что полагалось дочерям, опять говорилось лишь в нескольких сжатых строках, без всяких пояснений, в чем состояла разница между приданым и наследством⁴⁹. Указом 1731 г. Анна объявила, что родители должны делить имущество между детьми согласно Соборному уложению. Однако по поводу прав дочерей на наследство в указе просто говорилось, что следует «за дочерьми в приданья давать по прежнему», т.е. так, как было принято до введения Указа о единонаследии. Далее, в законе предусматривалось, что при наличии мужского потомства дочери родителей, умерших без завещания, могли рассчитывать на половину того, что полагалось бы их матерям, — иными словами, на одну четырнадцатую часть земельных угодий и на одну восьмую прочего добра («А дочерям при братьях... против матери или мачехи вполю»); дочери же, не имеющие братьев, становились единственными наследницами⁵⁰. По наблюдению Ю.В. Готье, новые положения указа 1731 г., относящиеся к дворянским дочерям и вдовам, являлись компромиссом между принципами, определявшими их прежние права на поместья и на вотчины. Иначе говоря, отныне женщины могли наследовать вотчины, но их права на эти земли соответствовали законам XVII в. о наследовании поместий — условных земельных держаний за службу⁵¹. Однако Готье не заметил, что указ 1731 г. внес одно решительное изменение: хотя новый

закон и опирался на Соборное уложение при определении количества имущества, на которое могли претендовать женщины, в нем тем не менее заменили понятие «прожиток» на термин, подразумевающий наделение правами, — «указная часть». Таким образом, послепетровское право не только расширило права дворянок на наследование земельной собственности, но и дало женщинам больше власти над имениями, которыми они владели⁵².

КАК ОПРЕДЕЛЯЛОСЬ ПОНЯТИЕ «ПРИДАНОЕ»

Ученые-правоведы XIX в. не занимались исследованием женских наследственных прав в период после отмены Указа о единонаследии⁵³, исходя из того, что указом 1731 г. были окончательно утверждены права женщин на родовые земли. Эти специалисты признавали, что власть женщин над имуществом варьировалась, но в целом считали проблему женских наследственных прав решенной в 1731 г. Дошедшие же до нас документы по спорам о наследстве, слушавшимся в Вотчинной коллегии и Сенате на протяжении XVIII столетия, приводят к совершенно другому выводу. То, что контроль замужних женщин над имуществом продолжал вызывать ожесточенные судебные тяжбы между супругами, не вызывает удивления. Зато поражает множество исков по поводу наследственных прав дочерей и их потомства. Законодатели, не потрудившиеся в 1731 г. оговорить, отстраняются ли от дальнейшего наследования дочери, получившие приданое, невольно дали замужним женщинам шанс требовать через суд увеличения выделенной им доли семейной собственности, и последние в полной мере использовали этот шанс. Мало того, указ 1731 г. еще и усугубил эту неясность, так как в нем ничего не говорилось об обязанности родителей обеспечивать дочерей приданым⁵⁴.

На первый взгляд соотношение наследственных прав сестер и братьев не допускало разночтений и не могло служить явным источником семейных конфликтов. Прямые мужские наследники всегда имели преимущество перед сестрами при разделе семейной собственности. Как было установлено указом 1731 г., в случае отсутствия завещания каждая дочь могла претендовать лишь на одну четырнадцатую часть недвижимого имущества родителей и на одну восьмую часть движимого, а братья поровну делили между собой оставшуюся землю и прочее богатство. Но когда это правило при-

лагалось к замужним дочерям, становилось неясно, относится ли положение об одной четырнадцатой части к их доле в семейных владениях на момент выхода замуж или во время кончины родителей. Спорно было и то, на какое именно имущество могут претендовать женщины. Если указом 1731 г. было восстановлено право родителей давать в приданое деревни, то в последующем указе Анна Иоанновна сделала важное уточнение: дворяне могли жаловать землю дочерям, выходящим замуж, но только такую, которая была куплена или перешла по наследству из другого рода, а вотчинные владения в приданое отдавать запрещалось⁵⁵. Весь XVIII век при составлении брачных договоров этот указ нарушали, но закон предназначался для того, чтобы отучить родителей от раздела деревень ради выходящих замуж дочерей, невзирая на восстановление допетровских обычаев наследования. Родители, желавшие так поступить, были вольны давать дочерям в приданое только движимое имущество вместо деревень — и многие выбирали именно этот путь⁵⁶.

Нечеткость наследственных прав дочерей вскоре привлекла к себе внимание судов. В итоге одной из важнейших проблем в спорах о наследстве в XVIII в. стало определение того, что же именно представляет собой приданое достаточного размера, или «довольное награждение»⁵⁷. Неясность в этом вопросе возникла из-за формулировок сенатского доклада 1730 г. и указа 1731 г. В докладе Сената говорилось, что приданое по традиции зависит от усмотрения родителей («отцы и при животе своем детей делили, и в приданые за дочерьми деревни давали по своей воле») ⁵⁸, а указом 1731 г. было установлено право дочерей на одну четырнадцатую часть отцовской недвижимости. Хотя второе положение явно относилось к незамужним дочерям, законодатели до конца столетия ломали голову над вопросом о том, является ли приданое лишь авансом наследства, а потому должно быть дополнено, если окажется меньше положенной четырнадцатой части, или же дочерям следует довольствоваться тем, что они получают при вступлении в брак⁵⁹. Дополнительную неясность в этот вопрос вносили и сами истцы: они прибегали к рутинной формуле, гласившей, что женщина, чьи права вызвали конфликт, получила достаточное приданое («выдана в замужество с довольным награждением»), но, как правило, не указывали размеров этого «награждения».

На всем протяжении XVIII в. ответчики обоего пола в один голос утверждали, что родственницы, оспаривавшие у них семейное имущество, не имеют прав на наследство, так как получили поло-

женное им приданое, выходя замуж, и, взяв однажды свою долю, тем самым отказались от дальнейших претензий на семейную собственность. Но не только мотив достаточности приданого постоянно повторялся в этих судебных делах. Еще одной общей их чертой был состав родственников, участвовавших в спорах по поводу наследственных прав замужних дочерей. В сущности, состав участников судебных споров не только четко отражает роль половой и возрастной иерархий в России XVIII в., но и показывает, как эти иерархии влияли на участие женщин в правовом процессе. Если мужчины оспаривали имущественные права женщин-родственниц независимо от их возраста и степени родства, то женщины начинали тяжбы против членов семьи избирательно.

В подавляющем числе случаев о наследственных правах дочерей спорили не братья с сестрами, а тетки с племянницами и племянниками либо родные сестры друг с другом. Так, из 45 дел по спорам о наследстве, рассмотренных в Вотчинной коллегии и в Сенате в XVIII в., только 7% (3 из 45) приходится на споры между братьями и сестрами. Зато споры между сестрами составляли 16% (7 из 45) общего числа, а тяжбы теток с племянниками и племянницами достигали 20% (9 из 45)⁶⁰. Еще одним важнейшим фактором был выбор момента для обращения в суд. Замужние женщины редко начинали тяжбы с целью увеличить свою долю наследства сразу после кончины родителей, между тем как смерть брата, за редким исключением, немедленно давала толчок к началу тяжбы. Дворянки XVIII в. неохотно предпринимали шаги против братьев, пока те были живы⁶¹, но без колебаний заявляли о нарушении своих прав детям своего умершего брата. Племянники, со своей стороны, отбрасывали почтительность к пожилым родственницам, как только речь заходила о собственности. Соперничество же между сестрами проявлялось при их жизни. Столица была далеко, связаться с ней было трудно, так что дворянка, обратившаяся в Вотчинную коллегию по поводу регистрации имения, вполне могла утаить, что у нее есть сестры, или даже солгать о своем семейном положении, заявив, что она не замужем, а потому именно она, а не ее замужние сестры должна унаследовать родительские владения⁶².

В дошедших до нас прошениях и жалобах раз за разом повторяется один и тот же конфликт: тетка предъявляет права на большую часть имения своего отца, а племянницы и племянники утверждают, что она получила положенное ей приданое, выходя замуж. «В прошлом 1702-м году... брат мой... выдал меня замуж... с самым

малым приданым из движимого имения отца нашего», — заявила Феодосия Шатилова, обращаясь в 1743 г. в Вотчинную коллегию за долей отцовской недвижимости. Впрочем, Шатилова надумала подать в суд лишь после того, как брат умер, а все владения, принадлежавшие некогда их отцу, достались вдове и дочери брата⁶³. Дворянка Соломонида Обашева в 1741 г., после смерти брата, отправилась в Москву ходатайствовать о части имения своего отца. Ее племянник на это заявил, что она вместо своей указной части наследства взяла приданое движимым имуществом, когда выходила замуж, так что тетушка поздно спохватилась⁶⁴. Княгиня Елена Щербатова пришла в ярость, когда ее тетка унаследовала вдовью часть после своей матери — бабки Елены. По утверждению княгини, тетушка уже получила в приданое 24 души крепостных и на тысячу рублей движимого имущества, да еще тысячу наличными на покупку имения. Тетка Щербатовой в ответ не отрицала, что получила с лихвой свою законную долю в приданое, но заметила при этом, что ее мать, оставив дочери столь щедрое наследство, не нарушила никаких законов, так как брат, отец Щербатовой, выразил согласие на эту передачу⁶⁵.

Дело осложнялось тем, что состав «довольного» приданого могли толковать по-своему как его донаторы, так и законодатели. В брачных контрактах часто упоминали о приданом как о доле имущества, состоящей только из движимости и наличных денег. Так, один тамбовский дворянин и его жена передали своему зятю сто четвертей земли «вместо приданого денег и платия», когда он в 1718 г. женился на их дочери⁶⁶. Женщины, обращаясь в суд с исками, также различали приданое, составленное из движимого имущества, и «вознаграждение», причитающееся им из отцовских владений, куда обязательно входила земля. Именно такое различие проводила Татьяна Чемодурова, заявившая, что ее выдали замуж «без всякого вознаграждения, дав в приданое только дворовых людей... а также разные пожитки». При этом она намекнула, что роспись «пожитков» из родительского имущества далеко не соответствовала ее ожиданиям⁶⁷. Елена Варпаховская тоже утверждала, что была выдана замуж «без награждения», когда в 1775 г., к испугу своего брата, обратилась в суд за долей («указной частью») отцовского имения⁶⁸.

В XVIII в. в Сенате и в Вотчинной коллегии постоянно бились над вопросом о том, что же такое «довольное награждение», и над прояснением женских наследственных прав⁶⁹. В сущности, споры

о том, что причитается замужним дочерям, касались их права требовать разницу между приданым и полной долей семейной собственности, положенной по закону в наследство. При этом каждое дело явственно говорит об уязвимом положении женщин в наследственном праве. Как было сформулировано в указе 1731 г., приданое представляло собой скорее подарок семьи, чем установленную законом часть имущества, и размеры его зависели от доброй воли дарителей. Дочери, выходящие замуж, не имели никаких гарантий того, что их приданое будет эквивалентно одной четырнадцатой части земельной собственности родителей. Более того, несмотря на четкие предписания закона относительно наследственных прав незамужних дворянских дочерей, на практике и они нередко оказывались в зависимости от доброй воли родственников-мужчин. Так, капрал Еремеев из Тамбова в 1753 г. разделил свою деревню, крепостных и движимое имущество между сыновьями, а двум дочерям не велел требовать себе долю земли после его смерти. На сыновей же Еремеев возложил обязанность при выходе сестер замуж «наградить [их] по возможности движимым имением»⁷⁰. При таком положении дел у женщин не было никакого выхода, если братья желали выделить им меньшее приданое, чем законная четырнадцатая часть.

Ряд споров, дошедших до Сената, показывает, как трудно было законодателям определить, могут ли женщины требовать фиксированную долю семейной собственности или им следует уповать на щедрость отца или матери. Несколько десятков лет после аннинского царствования суды считали, что, приняв приданое, женщина тем самым отказывалась от наследования в будущем. Типичен пример 1731 г., когда Вотчинная коллегия отказала в прошении дочери князя Шаховского, Авдотье, настаивавшей на том, что как старшая из трех дочерей она должна унаследовать имение своего отца, умершего в период действия Указа о единонаследии. Вотчинная коллегия отклонила просьбу Авдотьи не только на том основании, что сразу по кончине отца она не ходатайствовала о наследстве, хотя была не замужем, но и потому, что впоследствии она отказалась от дальнейших претензий, взяв приданое при выходе замуж. «Оставя то отца своего недвижимое имение с помянутым своим движимого имения награждением вышла замуж, — гласило резюме по делу, — и тем награждением и замужеством своим от недвижимого имения мнитца сама себя отрешила»⁷¹. Через год Вотчинная коллегия пересмотрела свое толкование этого дела, согласившись, что в

указе 1731 г. не содержится прямого исключения замужних дочерей из раздела родительских имений⁷². Напротив, ближе к концу XVIII в. Сенат все чаще настаивал на наделении замужних дочерей законной четырнадцатой частью в полном объеме. Наконец, сенаторы выработали новую формулировку, согласно которой дочери, получившие приданое, более не отстранялись автоматически от наследования, если только по получении приданого они не подписывали отказ от прав на свою часть наследства. Однако прошло несколько десятилетий, прежде чем сенаторы сошлись на этом толковании.

В царствование Екатерины Великой законодатели колебались между буквальным прочтением указа 1731 г. (размер приданого зависит от усмотрения дающего) и своим собственным (выраженным в сенатских решениях) глубоким убеждением в том, что семьям нельзя позволять обсчитывать дочерей. Итогом стала серия постановлений, на первый взгляд весьма противоречивых, но на самом деле основанных на последовательных рассуждениях сенаторов. Два постановления 70-х гг. XVIII в. были вынесены в поддержку права замужних женщин на установленную долю отцовских владений. Согласившись в 1770 г. с Анной Сомовой, требовавшей свою долю в полном размере, сенаторы отметили, что ей положена одна четырнадцатая часть земель ее отца, поскольку она вышла замуж еще в период действия Указа о единонаследии и получила тогда приданое только в форме движимости⁷³. Далее, в 1772 г. Сенат постановил, что Дарье Лавровой также причитается четырнадцатая часть имения ее покойного отца, так как при вступлении в брак в 1712 г. ее приданое составляли одни дворовые люди⁷⁴. Оба решения говорили о том, что замужние дочери должны рассматривать приданое лишь как аванс наследства, если его размер не достигает четырнадцатой части земельных владений их родителей либо ее эквивалента в виде движимости.

Однако в 1789 г. Сенат внезапно изменил это мнение на противоположное и показал дамам, недовольным своим приданым, что теперь власти иначе смотрят на эту проблему. После смерти статского советника Молчанова его дочь, княгиня Авдотья Вадбольская, обратилась в Сенат с заявлением о том, что за ней дали в приданое «весьма мало», и потребовала себе четырнадцатую часть внушительных отцовских земельных владений. Мачеха, братья и сестры Вадбольской воспротивились этому, указав, что она получила приданого на 2378 руб., а также 2000 руб. наличными, на ко-

торые купила деревни и 102 души крепостных. И хотя Вотчинная коллегия решила дело в пользу Вадбольской, Сенат пересмотрел это решение на том основании, что если указом 1731 г. велено было давать дочерям приданое, то не установлен его точный размер. Как заявили сенаторы, наделение приданым зависело от воли родителей и от согласия жениха. Поэтому Сенат заключил, что Вадбольская не имеет законных прав на долю в наследстве, и отклонил ее иск⁷⁵.

Это был совсем не случайный шаг. Сенат поступил в соответствии с принципом справедливости, который согласовывался, с одной стороны, с традицией раздельного наследования, обеспечивавшего как сыновей, так и дочерей, а с другой стороны, отражал второстепенное положение женщины в имущественном праве. В первых двух рассмотренных выше случаях женщины либо вышли замуж во время действия Указа о единонаследии (которому дворянство отчаянно сопротивлялось), либо явно были лишены солидной части семейного состояния. Зато иск Вадбольской, напротив, привлек внимание к неясности указа 1731 г., но не предоставил сенаторам никакого основания оспорить или пересмотреть правила, по которым давалось приданое. Вадбольскую не обидели, выдавая замуж, хотя ей и не пришлось воспользоваться отцовским богатством в полной мере. Словом, сенаторы признали, что родные Вадбольской не нарушили ни писаного закона, ни принятого обычая, отказавшись допустить ее к участию в дележе отцовского наследства.

К концу столетия в принятии сенатских решений стал учитываться новый элемент — сенаторы начали придавать большую важность письменным соглашениям между теми, кто давал и получал приданое. В тех случаях, когда женщины, получая приданое, не подписывали документ об отказе от наследства, они могли быть уверены, что суд защитит их права. Такого рода соглашения в XVIII в. не были неслыханным делом: например, в 1739 г. Наталья Яковлева отказалась от наследства, получив от своей матери приданое на сумму в 50 руб.⁷⁶ Однако до конца столетия они являлись редким исключением. Как показывает дело, рассмотренное Сенатом в 1797 г., со временем законодатели стали применять такие отказы от наследства к имуществу каждого из родителей отдельно. Истица, жена лейтенанта Ахлестышева, подала в суд на свою мать и единокровных братьев и сестер. Она потребовала, чтобы последние отдали ей приданое ее матери, составлявшее 10 762 руб. в движимом имуществе, а также 6 тыс. руб. на покупку имения.

Конечно, мачеха Анны Ахлестышевой отказалась уступить на том основании, что Ахлестышева получила достаточное приданое. При пересмотре дела Сенат установил, что Ахлестышева и в самом деле подписала документ, в котором ее отец указал, что приданое далеко превосходит положенную дочери часть и является ее полным наследством. И тем не менее Сенат без колебаний вынес решение в пользу Ахлестышевой, сочтя, что, хотя она и отказалась от своих прав на наследство после отца, никаких соглашений такого рода с матерью она не заключала, а потому имеет полное право на собственность последней⁷⁷.

Важно отметить, что и проблема «довольного» приданого, и тема неопределенности наследственных прав замужних дочерей исчезают в первые десятилетия XIX в. Дворянки подавали иски против своих братьев, если те не выделяли им положенную часть имущества⁷⁸, но вопрос о правах дочерей на установленную часть семейных владений и о необходимости их подписи под брачным контрактом больше не поднимался. Свод законов Российской империи, первое издание которого состоялось в 1832 г., определил приданое просто как имущество, выделяемое дочерям или другим родственницам по случаю вступления в брак. В нем предусматривалось, что женщины, получившие приданое, могли исключаться из наследования лишь в том случае, если отказались от своих прав на законную долю добровольно и в письменной форме; при отсутствии письменного отказа дочери должны были участвовать в разделе семейной собственности⁷⁹. Впоследствии суды выносили решения о том, что даже при выделении дочери имущества не в виде приданого, а как «отдельной записи», если молодая женщина не отказывалась письменно от своих прав, она не могла быть отстранена от дальнейшего наследования⁸⁰. Свод законов также подтвердил право женщин на четырнадцатую часть недвижимого имущества, кроме тех случаев, когда дочерей было так много, что их братьям досталась бы еще меньшая часть наследства⁸¹.

Протоколы дел, рассмотренных в Сенате, показывают, что должностные лица относились к наследственным правам дочерей серьезно, а при необходимости недвусмысленно приказывали родственникам-мужчинам отдать им положенную долю семейного состояния. В самом деле, самой удивительной чертой споров о наследстве между братьями и сестрами в первой половине XIX в. было само отсутствие дел, касающихся приданого. Братья и сестры вступали в пререкания из-за правильности раздела имущества⁸², из-за

нежелания брата отдать сестре землю с крестьянами после того, как была достигнута соответствующая договоренность⁸³. Бывало, что брат возражал, когда сестра получала в наследство больше, чем ей полагалось по закону, даже если недвижимость, о которой шла речь, была купленной и передавалась дочери согласно ясно выраженной воле умершего отца. Другие пытались помешать своим сестрам продавать родовые земли⁸⁴. И все же для дворянок, готовых защищать свои права, «недовольное награждение» осталось в прошлом. Несмотря на то что разногласия между братьями и сестрами существовали по-прежнему, в начале XIX в. право замужних дочерей на семейную собственность было уже твердо закреплено законом.

* * *

Статус русских дворянок в наследственном праве не следует переоценивать. Между тем искушение преувеличить привилегии женщин в сфере наследования оказалось непреодолимым для некоторых историков, задающихся вопросом, отчего дворянки «в XVII—XVIII вв. так благоденствовали под сенью русского закона», в отличие от аристократок в Западной Европе⁸⁵. Но установленную законом долю в 7% родительских земель или их денежный эквивалент едва ли можно считать верхом щедрости в отношении дочерей. Более того, это правило касалось только вотчинных земель, и владельцы обоего пола были вольны оставить свои благоприобретенные имения в наследство кому угодно, если им хватало дальновидности составить завещание⁸⁶.

Несмотря на то что на протяжении всего XVIII в. законы о наследственных правах женщин в России совершенствовались, они мало в чем превосходили европейские кодексы. В отношении вдов российское имущественное право отличалось не столько щедростью положений о вдовьей части, сколько отсутствием мер, ограничивающих женскую самостоятельность⁸⁷. Часть, выделяемая дворянской вдове в России, была гораздо меньше той, что доставалась ее якобы обездоленной европейской сестре⁸⁸. С другой стороны, земля, отходившая русской вдове, приносила ей не пожизненный процент, а находилась в ее прямой собственности. Более того, эта часть сливалась с собственными вотчинными землями вдовы и затем переходила в ее род, а не в семью мужа, если она умирала, не оставив потомства⁸⁹. Таким образом, в России вдова могла произвольно распоряжаться унаследованными от мужа землями, а не

довольствоваться ограниченным преимуществом пожизненного пользования доходами с его собственности. Предоставляя вдове владеть землей, а не пользоваться доходами с имений мужа, российское право выражало известную уверенность в способности женщин управлять собственностью. Впрочем, для русских вдов, наследовавших бедные имения, наверное, было бы лучше иметь доходы с половины земель мужа, чем самостоятельно управляться со своими скромными владениями⁹⁰.

Наследственные права дочерей в российском праве также были сопоставимы с правами женщин в европейском законодательстве. Как к западу, так и к востоку от Эльбы дворяне отдавали первенство наследникам мужского пола и были более или менее щедры к своим дочерям. Однако по всей Европе женщинам в отсутствие братьев было вполне привычно наследовать земельные владения. Положения английского обычного права, требовавшие передачи недвижимости в майорат родственникам-мужчинам по боковой линии, были менее распространены на континенте⁹¹. В тех французских провинциях, которые придерживались римского права, родители были по закону обязаны обеспечивать дочерей приданым, и женщины могли обращаться в суд, если, взяв приданое вместо наследства, они несли потери⁹². В то время как многим европейским дворянкам приходилось принимать денежный эквивалент своей доли семейных владений, русские женщины имели некоторое преимущество, так как могли требовать недвижимость. Однако женщины в Польше и Венгрии, в зависимости от числа здравствующих сестер, могли рассчитывать на более крупную часть семейной собственности, чем русские дворянки⁹³. Таким образом, и в качестве самостоятельных наследниц, и при разделе семейного состояния с братьями русские женщины находились примерно в том же положении, что и европейские дворянки. Пересмотренные в конце XVIII в. правила наследования оказались подлинным шагом вперед для русских дворянок, и все же неравенство женщин с мужчинами в наследственном праве вызывало негодование реформаторов до конца императорского периода⁹⁴. Обратив внимание на существенные пробелы и неясности в области женского наследования, русские законодатели XVIII в. способствовали укреплению позиций дворянок в имущественном праве. Суды защищали женщин от жадных родственников и не позволяли злоупотреблять властью в патриархальной семье. Так, они отказывали мужчинам в праве лишать наследства своих жен, сестер и дочерей без серьезных

причин⁹⁵, как случилось с Екатериной Подлужкой, чей отец оставил все земли, как родовые, так и благоприобретенные, сыновьям. Сенаторы постановили, что отец Подлужкой действовал в рамках своих прав, завещав купленные владения сыновьям, но велели братьям уступить сестре ее долю вотчинных земель⁹⁶. Такие женщины, как Подлужкая, без колебаний защищали свои экономические интересы, хотя закон позволял им не так уж много.

В то время как наследственные права мужчин после отмены Указа о единонаследии не претерпели изменений, права женщин стали предметом обсуждений и споров, заставив законодателей пересмотреть смысл ряда важнейших указов, введенных в начале XVIII столетия. По иронии судьбы, когда мужчины вступали в споры о наследстве, первопричиной таких конфликтов часто оказывались их прародительницы, ведь претензии прямых потомков по женской линии оспаривали истцы, происходившие от родственников-мужчин в предыдущих поколениях. В таких случаях российские законодатели поддерживали требования наследниц женского пола и их потомства против родичей-мужчин из боковых ветвей и последовательно выносили решения не в пользу мужчин, пытавшихся завладеть имуществом племянниц или двоюродных сестер⁹⁷. Несмотря на противоположные утверждения, русские дворянки XVIII столетия с точки зрения наследственных прав, вероятно, были не в лучшем положении, чем их европейские современницы, а в XIX в. определенно им уступали⁹⁸. И все же нет сомнений в том, что к концу XVIII в. имущественное право гораздо надежнее защищало интересы русских дворянок, чем их предшественниц в Московском государстве. Повышение наследственно-правового статуса дворянок создавало условия для все более заметного участия женщин в судебных процессах, как и для расширения их деятельности в экономике. Но самый поразительный шаг вперед русским дворянкам предстояло сделать в сфере распоряжения имуществом, где они получили явное преимущество над своими европейскими современницами.

---

¹ *Hughes D.O.* From Brideprice to Dowry in Mediterranean Europe // *Women and History*. 1985. № 10. P. 31—35.

² *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1909. С. 480—481. В течение непродолжительного периода 1562—1628 гг. дочерям не разрешалось наследовать отцовские владения, даже если у них совсем не было братьев (Там же. С. 496).

³ По мнению Д. Хьюз, то обстоятельство, что приданое в Западной Европе охотнее давали в денежной форме, на практике означало, что дочерей лишали наследства. Да и мужья дочерей предпочитали наличные деньги, которые «легче было влить во владения супруга» (*Hughes D.O. From Brideprice to Dowry. P. 34—35*). Во Флоренции в эпоху Возрождения приданое также с успехом использовалось для отстранения дочерей от наследства (*Klapisch-Zuber C. Women, Family, and Ritual in Renaissance Italy / Trans. Lydia Cochrane. Chicago, 1985. P. 216*).

⁴ Мнения о причинах женского неравноправия в наследовании см.: *Кавелин К.Д.* Собр. соч. СПб., 1900. Т. 4. С. 553—556; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. С. 481; *Рождественский Н.Ф.* Историческое изложение русского законодательства о наследстве. СПб., 1839. С. 33; *Шульгин В.* О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев, 1850. С. 46—47.

⁵ *Kivelson V.A.* The Effects of Partible Inheritance: Gentry Families and the State in Muscovy // *Russian Review*. 1994. April. Vol. 53. № 2. P. 210; *Levin E.* Women and Property in Medieval Novgorod: Dependence and Independence // *Russian History*. 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 163—165; *Levy S.* Women and the Control of Property in Sixteenth-Century Muscovy // *Ibid.* P. 208—211; *Janosik McNally S.* From Public Person to Private Prisoner: The Changing Place of Women in Medieval Russia. Ph.D. Dissertation. State University of New York at Binghamton, 1976. P. 33; *Пушкарева Н.Л.* Имущественные права женщин на Руси (X—XV вв.) // *Исторические записки*. 1986. № 114. С. 180—224.

⁶ А. Клеймола считает, что на XVII в. пришелся упадок женских прав наследства. См.: *Kleimola A.M.* «In Accordance with the Canons of the Holy Apostles»: Muscovite Dowries and Women's Property Rights // *Russian Review*. 1992. April. Vol. 51. P. 204—229. Однако Д. Кайзер отмечает, что закон 1627 г. позволял завещателям в отсутствие мужского потомства передавать землю в наследство целому ряду родственниц, а также открывал замужним дочерям доступ к отцовским землям, если у них не было братьев. См.: *Kaiser D.H.* Women, Property, and the Law in Early Modern Russia. Indiana University, 1988 (неопубликованная рукопись). P. 6—7.

⁷ *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947. Т. 1. С. 286—287. Л.В. Милов и И.М. Гарскова полагают, что вотчина и поместье представляли собой не только разные объекты права, но и «самостоятельные формы феодального хозяйства». См.: *Milov L.V., Garskova I.M.* A Typology of Feudal Estates in Russia in the First Half of the Seventeenth Century (Factor Analysis) // *Russian Review*. 1988. October. Vol. 47. № 4. P. 375—390. Несколькими исследователями было обнаружено, что московское дворянство в XVII в. использовало все возможные средства, чтобы перевести свои держания из поместий в вотчины, но какое значение это имело для женских прав наследования, пока не изучено. См.: *Crummey R.O.* Aristocrats and Servitors. P. 108; *Hellie R.* Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, 1971. P. 56.

⁸ При этом владелец родовой или выслуженной вотчины мог продать или заложить свою землю только с согласия братьев и других родственников-мужчин (правда, подписи его детей и внуков не требовались). Если же нужных подписей не было, то родственники приобретали право выкупить это имущество по покупной цене. См.: Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. Л., 1987. Гл. XVII. Ст. 27; *Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, 1961. P. 81.

⁹ ПСЗ. Т. 5. № 2789 (23.03.1714).

¹⁰ Соборное уложение. Гл. XVII. Ст. 2.

¹¹ Размеры прожитка зависели от обстоятельств смерти держателя служилых земель. Вдовы и дочери погибших в бою получали соответственно по 20 и 10%. Эти цифры сокращались до 15 и 7,5%, если владелец поместья умирал, находясь на военной службе, и до 10 и 5%, если служилый дворянин умирал дома (Соборное уложение. Гл. XVI. Ст. 30, 31, 32). О вдовах и дочерях, вышедших замуж со своими прожиточными наделами, см.: Там же. Гл. XVI. Ст. 17, 18, 19, 21. О наследовании выморочных поместий см.: Там же. Гл. XVI. Ст. 13.

¹² *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. С. 570—571.

¹³ *Добряков А.* Русская женщина в домонгольский период. СПб., 1864. С. 89—90. Обзор вдовьих наследственных прав см.: *Vernadsky G. Studies in the History of Moscovian Private Law of the 16th and 17th Centuries. Inheritance: The Case of the Childless Wife // Studi in Memorie di Aldo Albertoni. Padua, 1938. Pt. 3. P. 433—454.*

¹⁴ Соборное уложение. Гл. XVII. Ст. 1, 2.

¹⁵ ОАС. СПб., 1868. Т. 1. С. 553—554. Еще одной вдове Боярская дума вернула поместье, когда ее зять нарушил условия их договора, обменяв это поместье на другое. См.: ПСЗ. Т. 3. № 1341 (22.07.1689).

¹⁶ Соборное уложение. Гл. XVI. Ст. 16; ПСЗ. Т. 2. № 781 (03.12.1679). Вдовы, получавшие в прожиток вотчинные земли мужа, получали также наказ не разорять эти владения и не слишком отягощать крестьян оброком.

¹⁷ Вдовы и дочери, получившие долю в прожиток из поместных земель, не могли продавать или закладывать ее, хотя и могли использовать как приданое. Как мы увидим во 2-й главе, женщины, продававшие владения до 1714 г., упоминали в купчих только вотчины, в то время как продавцы-мужчины отчуждали и наследственные владения, и полученные за службу.

¹⁸ Впрочем, как отметил Дж. Вейкхардт, в Соборном уложении 1649 г. наследственные права дочерей прояснены гораздо лучше, чем в Русской Правде и в Судебниках 1497 и 1550 гг. См.: *Weickhardt G. Legal Rights of Women in Russia, 1100—1750 // Slavic Review. 1996. Spring. Vol. 55. № 1. P. 13—14.*

¹⁹ *Победоносцев К.* Курс гражданского права. СПб., 1871. Т. 2. С. 234; Домострой. СПб.: Наука, 1994. С. 96.

²⁰ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. С. 451. «Кормчая книга» — сборник церковных законов, сохранивший много положений византийского права, — касалась и вопроса о приданом. По на-

блюдению К. Неволлина, византийские законы обязывали родителей обеспечивать дочерей приданым, но не уточняли его размеры. О положениях из «Эклоги» и «Прохейроса», включенных в «Кормчую книгу», см.: *Неволин К.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 1. С. 89—94. Согласно положениям византийского права, дочери и сыновья поровну наследовали имущество родителей, если те умирали без завещания (*Weickhardt G.* Legal Rights of Women. P. 6), но при жизни родители могли выделить или завещать детям неравные доли; при этом сыновья, наряду с дочерьми, получали приданое к свадьбе. См.: *Macrides R.* The Transmission of Property in the Patriarchal Register // *La Transmission du patrimoine: Byzance et l'aire méditerranéenne* / Ed. J. Beaucamp and G. Dagrón. Paris, 1998. P. 179—188.

²¹ Размер земельной части, входившей в приданое в России начала Нового времени, остается предметом споров. Двое ученых в очерках о списках приданого XVII в. отмечают, что больше половины исследованных ими документов такого рода включали в себя одно лишь движимое имущество. См.: *Kaiser D.H.* Women, Property and the Law. P. 17—18; *Kleimola A.M.* «In Accordance with the Canons». P. 225. Собранная мной подборка из 35 списков приданого, составленных в Москве с 1703 по 1714 г., приводит к другому выводу: земля входила в приданое в 80% случаев (в 28 из 35) (см. главу 4 наст. изд.). В. Кивельсон также обнаружила, что из 211 женщин, имена которых присутствуют в земельных документах Владимиро-Суздальской земли в XVII в., 143 (68%) являлись владелицами земли. Неизвестно, однако, многие ли из них получили ее в приданое. См.: *Kivelson V.A.* The Effects of Partible Inheritance. P. 210.

²² *Hughes D.O.* From Brideprice to Dowry in Mediterranean Europe. P. 34.

²³ О процессах с участием женщин в России см.: *Kollmann N.S.* Women's Honor in Early Modern Russia // *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. B.E. Clements, B.A. Engel, Ch.D. Worobec. Berkeley, 1991. P. 60—73. О судебных процессах среди крестьян и горожан севера России в начале Нового времени см.: *Anderson J.* Recovering Gendered Identities: Family and Community Life in Early Modern Russia. 2001 (неопубликованная рукопись). Два примера того, как женщины пытались обойти закон, см.: ПСЗ-1. Т. 2. № 1256 (26.07.1687); Т. 5. № 2667 (24.04.1713).

²⁴ *Дмоховский.* О правах женщины в России // Библиотека для чтения. 1862. Июнь. № 172. С. 75; *Шапков С.* История русской женщины. СПб., 1879. С. 314; *Щеглов В.Г.* Положение и права женщины в семье и обществе в древности, Средние века и Новое время. Ярославль, 1898. С. 91; *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России (первая половина XVIII в.). Л., 1982. С. 49; *Farrow L.A.* Peter the Great's Law of Single Inheritance: State Imperatives and Noble Resistance // *Russian Review*. 1996. July. Vol. 55. № 3. P. 445.

²⁵ Об обилии законов о наследстве, изданных в период регентства царевны Софьи (1682—1689), см.: *Hughes L.* Sophia, Regent of Russia, 1657—1704. New Haven, 1990. P. 106—107 [перевод: *Хьюз Л.* Царевна Софья. М., 2001. С. 143—144. — *Примеч. ред.*]. Один специалист по истории русского

права утверждал, что единственным важным петровским указом, касавшимся имущественного права, было постановление о конфискации церковных земель, так как Указ о единонаследии никогда не применялся на практике: *Эльясевич В.Б.* История права поземельной собственности в России. Париж, 1951. Т. 2. С. 231—233.

²⁶ См. гл. 2 наст. изд.

²⁷ В 1712 г. указом запретили дворянам, оставшимся последними в роде, продавать родовые земли. Им надлежало завещать свои вотчины ближайшим родственницам, но не более дальним по степени родства, чем внучки. Если же таких родственниц не имелось, то земля отходила государству. В этом указе впервые не учитывалось различие между вотчиной и поместьем, а шла речь о единой категории недвижимого имущества. См.: ПСЗ-1. Т. 4. № 2471 (23.01.1712).

²⁸ ПСЗ-1. Т. 5. № 2789 (23.03.1714). О вызванных этим указом раздорах в дворянских семействах см.: *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, 1982. P. 118—122; *Farrow L.A.* Peter the Great's Law. При наследовании в отсутствие завещания разделы наследства были не только в обычае, но еще с XII в. закрепились в письменном праве — в Русской Правде.

²⁹ Об эволюции понятия недвижимого и движимого имущества в праве средневековой и послепетровской России см.: *Неволин К.* История российских гражданских законов. Т. 2. С. 12—17. К недвижимости относилась земля, как населенная, так и пустующая, а лавки, дома и фабрики стали определяться как недвижимость только в конце XVIII в. Движимое, или личное, имущество включало в себя все формы денежных средств, сельскохозяйственную продукцию, драгоценности и дворовых людей. Вопрос о том, к движимости или к недвижимости относить крепостных крестьян, работавших в сельском хозяйстве, оставался нерешенным до XIX в. См.: *LeDonne J.P.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700—1825. Oxford, 1991. P. 218—219.

³⁰ *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy. P. 121—122.

³¹ Историки сходятся во мнении, что европейское влияние сыграло главную роль в Петровской реформе системы наследования. См.: *Соловьев С.М.* История России в эпоху преобразования. М., 1866. Ч. 16. С. 198—199; *Kliuchevskii V.* Peter the Great. L., 1958. P. 108; *Павлов-Сильванский Н.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 50—52; Русское законодательство X—XX вв. / Ред. А.Г. Маньков. М., 1986. Т. 4. С. 303—304. На практике обычай первородства в Англии и на Европейском континенте имел кардинальные различия. См.: *Thirsk J.* The European Debate on Customs of Inheritance, 1500—1700 // Family and Inheritance: Rural Society in Western Europe, 1200—1800 / Ed. by J. Goody, J. Thirsk and E.P. Thompson. Cambridge, 1976. P. 177—191.

³² *Данилов М.В.* Записки // Русский архив. 1883. Кн. 2. № 3. С. 8.

³³ *Капустина Г.Д.* Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник (первая четверть XVIII в.) // Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып. 7. С. 234; *Романович-Славатинский А.* Дворян-

ство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 251—252.

³⁴ РГАДА. Ф. 1209 (Архив прежних вотчинных дел). Оп. 79. Ед. хр. 10. Л. 53.

³⁵ См. завешание Б.П. Шереметева от 1718 г.: РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 2.

³⁶ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII в. (1725—1740) / Сост. П.Н. Баранов. СПб., 1875. № 3750. С. 2.

³⁷ В позднейшем дополнении к Указу о единонаследии было оговорено, что если муж, принявший фамилию жены вместе с землями, переживал свою супругу, а детей у них не было, то имущество оставалось в его руках и отходило в казну лишь в том случае, если он так и умирал бездетным. См.: ПСЗ-1. Т. 7. № 4722 (28.05.1725). Ст. 7.

³⁸ В спорах о наследстве тоже фигурируют мужья, принявшие фамилии жен. См.: РГАДА. Ф. 1270 (Мусины-Пушкины). Оп. 1. Ед. хр. 86; РГИА. Ф. 1330 (Общие собрания департаментов Сената). Оп. 3. Ед. хр. 23. В указанных случаях жены, пережившие своих мужей, оспаривали у других наследников право контроля над владениями семьи.

³⁹ См. гл. 5 наст. изд.

⁴⁰ ПСЗ-1. Т. 5. № 3013 (15.06.1716).

⁴¹ См. гл. 4 наст. изд., табл. 4.15.

⁴² Фактически право женщин, состоявших в браке с младшими сыновьями дворянских родов, покупать землю оставалось под сомнением до 1725 г.: в 1714 г. Петр запретил младшим сыновьям («кадетам») приобретать недвижимость, не отслужив семь лет в армии или десять лет на гражданской службе. Когда в 1725 г. Екатерина I пересмотрела это правило, разрешив младшим сыновьям покупать землю немедленно по вступлении на государственную службу, она также указала, что жены младших сыновей могут приобретать недвижимость, если их мужья служат как полагается. См.: ПСЗ-1. Т. 5. № 2796 (14.04.1714); Т. 7. № 4722. Ст. 15.

⁴³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 79 (Земельные дела). В официальной описи этого собрания, содержащего документы свыше 200 судебных процессов, дела разбиты по уездам, в которых они были начаты, но не упоминаются имена тяжущихся сторон. Я благодарна В.Ю. Беликову за разрешение пользоваться составленной им описью, в которой он указал фамилии участников всех дел.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 79. Ед. хр. 4. Л. 39—42; Ед. хр. 7. Л. 15—23.

⁴⁵ ПСЗ-1. Т. 2. № 700 (10.08.1677), разд. 2, ст. 9.

⁴⁶ ПСЗ. Т. 7. № 4722 (28.05.1725), ст. 2.

⁴⁷ Там же. Т. 8. № 5653 (09.12.1730).

⁴⁸ Обзор имущественных споров XVIII в. показывает, что 24% их (11 из 45) составляли тяжбы между женщинами и их родственниками по мужу. Большинство этих дел касались выделения вдовьей части из имений мужа.

⁴⁹ Эта неопределенность в отношении наследственных прав дочерей была характерна и для средневековых законоположений. См.: *Levin E. Women and Property in Medieval Novgorod*. P. 165.

⁵⁰ ПСЗ. Т. 8. № 5717 (17.03.1731).

⁵¹ *Готье Ю.В.* Очерки истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915. С. 105.

⁵² *Н.Ф.* Рождественский утверждал, что термин «прожиток» означал временное владение, и предполагал, что, по мнению законодателей, женщины больше заботились бы об урожайности земель, полученных в вечное владение: *Рождественский Н.Ф.* Историческое изложение русского законодательства. С. 73.

⁵³ См.: *Кавелин К.Д.* Собр. соч. СПб., 1900. Т. 4. С. 580—581; *Неволин К.* История российских гражданских законов. Т. 3. С. 444; *Победоносцев К.* Курс гражданского права. Т. 2. С. 242, 250; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. С. 506.

⁵⁴ Европейские наблюдатели отмечали различие между наследством, полученным женщиной, и приданым: по словам шведского дипломата, жившего в Петербурге в 1735—1736 гг., «согласно русским законам, дочери не получают наследства, а лишь приданое, размер которого определяет отец. Если он умирает до замужества дочери, она тоже получает долю наследства, но меньшую, чем братья». См.: *Берк К.П.* Путевые заметки о России // Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях / Ред. Ю.Н. Беспятых. СПб., 1997. С. 202.

⁵⁵ ПСЗ-1. Т. 8. № 5880 (17.11.1731).

⁵⁶ См. гл. 4 наст. изд.

⁵⁷ Женщины в Италии в эпоху Возрождения тоже имели право на «достойное» приданое, но величина его не оговаривалась. См.: *Kuehn T.* Some Ambiguities of Female Inheritance Ideology in the Renaissance // *Continuity and Change.* 1987. Vol. 2. № 1. P. 11—12.

⁵⁸ ПСЗ-1. Т. 8. № 5653 (09.12.1730) (из доклада).

⁵⁹ О приданом как авансе наследства см.: *Bisha R.* The Promise of Patriarchy: Marriage in Eighteenth-Century Russia. Ph. D. Diss., Indiana University, 1993. P. 131—133.

⁶⁰ См. в наст. изд. Приложение 2.

⁶¹ Исключения, подтверждающие это правило, см.: РГАДА. Ф.1209. Оп. 84. Ч. 14. Ед. хр. 327 (1741—1742); Оп. 79. Ед. хр. 1509 (1775). Отметим, что ед. хр. 327 содержит документы тяжбы между братом и сестрой, с одной стороны, и их сводными братьями и сестрами — с другой, а материалы ед. хр. 241 не касаются прав наследства. См. также: *Алексеев В.П.* Дворяне Саловы из Сосновки. Брянск, 1993. С. 37—38. Здесь рассматривается дело 1757 г. о споре женщины с ее братом, в котором истица заявила, что была выдана замуж без приданого.

⁶² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 84. Ч. 14. Ед. хр. 252. Л. 33—42. Продолжение: Там же. Ед. хр. 268. Л. 3, 23 (1736) и ПСЗ-1. Т. 15. № 11210 (16.02.1761); ОАС (1879). Т. 2. № 385 (1722).

⁶³ РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 1.

⁶⁴ Там же. Ф. 1209. Оп. 84. Ч. 14. Ед. хр. 499. Л. 1—2.

⁶⁵ Там же. Оп. 79. Ед. хр. 51. Л. 26—34, 58.

⁶⁶ Там же. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11254. Л. 64—65.

⁶⁷ Алексеев В.П. Дворяне Саловы. С. 37—38.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 84. Ч. 14. Ед. хр. 1509. Л. 1. Брат Варпаховской предъявил брачное соглашение, составленное в 1758 г., по которому их мать выделила дочери землю с крестьянами. Но это приданое было взято из материнских земель, а не из отцовских.

⁶⁹ Другие примеры конфликтов по поводу «довольного вознаграждения» см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 687. Л. 115—130 (1726—1727); Ф. 1209. Оп. 79. Ед. хр. 9. Л. 3 (1724); Ед. хр. 400. Л. 1—2 (1768—1771); Ед. хр. 417. Л. 12 (1769—1777); Ед. хр. 514. Л. 4 (1778—1779); Там же. Ф. 1209. Оп. 83. Ед. хр. 82. Л. 1—5, 15—17 (1740—1741); Там же. Оп. 84. Ч. 14. Ед. хр. 252. Л. 36—37 (1736); Ед. хр. 327. Л. 1 (1741—1772); Ед. хр. 354. Л. 1 (1742); Ед. хр. 1322. Л. 1—4 (1769); Ед. хр. 1509. Л. 1 (1775); РГИА. Ф. 1330. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 514—515, 535 (1797—1800); ПСЗ. Т. 13. № 9728 (29.03.1750).

⁷⁰ РГАДА. Ф. 615 (Крепостные книги местных учреждений XVI—XVIII вв.). Оп. 1. Ед. хр. 11418. Л. 12—13. Это распоряжение Еремеева напоминает формулу Русской Правды, согласно которой братья должны были сестрам, выходящим замуж, выделять имущество «како си могут».

⁷¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 79. Ед. хр. 27. Л. 162.

⁷² ПСЗ-1. Т. 13. № 9728 (29.03.1750).

⁷³ ПСЗ-1. Т. 19. № 13520 (25.10.1770).

⁷⁴ Там же. № 13750 (30.01.1772).

⁷⁵ Там же. Т. 23. № 16769 (19.05.1789): «...а со времени уложения по тогдашним законам не было предписания, какое количество приданого должен отец давать выдаваемым в замужество дочерям своим, и сия дача приданого всегда зависела от воли родителей и от согласия тех людей, за коих дочери их выдаются...» Далее в приговоре Сената значилось, что Вадбольская, взяв приданое, автоматически утратила право участия в дальнейшем дележе отцовских имений.

⁷⁶ ГИМ. Ф. 47. Ед. хр. 1. Л. 13.

⁷⁷ РГИА. Ф. 1330. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4—5. См. также: ПСЗ-1. Т. 32. № 25576 (27.04.1814).

⁷⁸ См., например, спор между Голицыными в 1848 г. РГИА. Ф. 1330. Оп. 6. Ед. хр. 14. Л. 5—18, 340—351. См. также: Там же. Оп. 4. Ед. хр. 369. Л. 1—22; ПСЗ. Т. 35. № 27299 (17.01.1818).

⁷⁹ СЗ. 1900. Т. 10, ч. 1. Ст. 1001—1003.

⁸⁰ Журнал Министерства юстиции. 1862. Июнь. № 13. С. 90—91.

⁸¹ СЗ. 1913. Т. 10. Ст. 1131.

⁸² РГИА. Ф. 1330. Оп. 5. Ед. хр. 1806. Л. 2—3, 24—25, 75—90.

⁸³ Там же. Оп. 6. Ед. хр. 1285. Л. 68—80, 323, 563.

⁸⁴ РГИА. Ф. 1330. Оп. 1. Ед. хр. 307 (1799); Там же. Оп. 4. Ед. хр. 655. Л. 2—4, 147—152 (1820); Ед. хр. 983 (1825); Там же. Оп. 6. Ед. хр. 447. Л. 12—33; Там же. Ф. 1555. Оп. 1. Ед. хр. 300. Л. 1—2 (1826); ГАРФ. Ф. 109. 2-я эксп. Оп. 75. Ед. хр. 188. Л. 10—11 (1845).

⁸⁵ *Weickhardt G. Legal Rights of Women*. P. 20. Как отметил историк права И.Г. Оршанский, несмотря на то что связь между землевладением и государственной службой была разорвана в начале XVIII в., права дворя-

нок на наследство никогда не превышали скромной четырнадцатой части, которую они получали от отцовских поместий в XVII в. См.: *Оршанский И.Г.* Исследования по русскому праву семейному и наследственному. СПб., 1877. С. 367.

⁸⁶ Екатерининская «Жалованная грамота дворянству» гарантировала дворянам свободу завещания купленных поместий: ПСЗ-1. Т. 22. № 16187 (21.04.1785). Разд. А. Ст. 22.

⁸⁷ Французский закон ограничивал количество имущества, которое вдова могла принести своему второму мужу, и рассматривал вдов моложе 25 лет как несовершеннолетних. Португальское право разрешало властям изымать имущество у вдов, плохо управлявших своими имениями. См.: *Diefendorf B.B.* Widowhood and Remarriage in Sixteenth-Century Paris // *Journal of Family History*. 1982. Winter. Vol. 7. № 4. P. 379; *DeJean J.* Tender Geographies. P. 123; *Metcalfe A.C.* Women and Means: Women and Family Property in Colonial Brazil // *Journal of Social History*. 1991. Vol. 24. № 3. P. 280.

⁸⁸ Согласно обычному праву, английская вдова могла требовать в пожизненное пользование третью часть недвижимости, принадлежавшей ее мужу. Вдовы во Франции и Голландии имели право на пользование половиной имущества мужей, а также на пользование общей собственностью, приобретенной в браке. См.: *Spring E.* Law, Land, and Family: Aristocratic Inheritance in England, 1300—1800. Chapel Hill, 1993. P. 40—65; *Staves S.* Married Women's Separate Property in England, 1660—1833. Cambridge, 1990; *Diefendorf B.B.* Widowhood and Remarriage. P. 384—385; *Wyntjes S.M.* Survivors and Status: Widowhood and Family in the Early Modern Netherlands // *Journal of Family History*. 1982. Vol. 7. № 4. P. 399. Польские вдовы тоже получали в пожизненное пользование часть имущества мужей, но без права им распоряжаться. См.: *Lorence-Kot B.* Child-Rearing and Reform: A Study of the Nobility in the Eighteenth-Century Poland. Westport, Conn., 1985. P. 47—48.

⁸⁹ ПСЗ-1. Т. 18. № 12830 (январь 1761); Т. 24. № 19100 (август 1799).

⁹⁰ Вообще-то у вдов была возможность отказаться от своей седьмой части и получить право пожизненного пользования частью земель мужа, но для этого он должен был сделать соответствующее распоряжение при жизни. Выделение супругам земель в пожизненное пользование получило более широкое распространение в XIX в. См. гл. 5 наст. изд.

⁹¹ В отсутствие наследников-мужчин женщины в нескольких французских провинциях могли наследовать поместья. Женщины в Голландии и Кастиле тоже могли становиться наследницами, если у них не было братьев. См.: *Glasson E.* Histoire du droit et des institutions de la France. Paris, 1896. Vol. 7. P. 466—470; *Marshall S.* The Dutch Gentry, 1500—1650: Family, Faith and Fortune. Westport, Conn., 1987. P. 40; *Cooper J.P.* Patterns of Inheritance and Settlement by Great Landowners from the Fifth to the Eighteenth Centuries // *Family and Inheritance: Rural Society in Western Europe, 1200—1800*. Cambridge, 1976. P. 240—241. Об английских законах см.: *Spring E.* Law, Land, and Family. P. 9—17. Передавать имения в майорат родственникам по боковой линии в Англии было больше принято в семьях рядового дворянства, чем

у высшей аристократии. Тем не менее, изучая землевладельцев Восточного Йоркшира, Б. Инглиш обнаружила, что с 1530 по 1910 г. дочери наследовали отцовские имения только в 5,5% зарегистрированных случаев. См.: *English B. The Great Landowners of East Yorkshire, 1530—1910. N.Y., 1990. P. 99—100.*

⁹² *Cooper J.P. Patterns of Inheritance. P. 267; Forster R. The Nobility of Toulouse in the Eighteenth Century: A Social and Economic Study. Baltimore, 1960. P. 135—136; Viollet P. Histoire du droit civil français. 2nd ed. Paris, 1893. P. 795.* В Парижском регионе старший сын наследовал до двух третей родительских земель, а у всех остальных сыновей и дочерей были равные наследственные права. См.: *Diefendorf B.B. Paris City Councillors in the Sixteenth Century: The Politics of Patrimony. Princeton, 1983. P. 254.*

⁹³ И в Венгрии, и в Польше доля дочерей составляла четверть родительских земель, причем эта доля не возрастала с числом дочерей. В Венгрии ее всегда выплачивали наличными; польские женщины могли потребовать наследство в форме недвижимости, если их братья не выплачивали им приданое в назначенный срок. См.: *D'Eszlary C. Le Statut de la femme dans le droit Hongrois // Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions. 1962. Vol. 12. P. 432; Fügedi E. Some Characteristics of the Medieval Hungarian Noble Family // Journal of Family History. 1982. Vol. 7. № 1. P. 32; Roman S. Le Statut de la femme dans l'Europe Orientale (Pologne et Russie) au moyen âge et aux temps modernes // Recueils de la Société Jean Bodin. 1962. Vol. 12. P. 399.* О предпочтении денежной формы приданого и наследства см.: *Hughes D.O. From Brideprice to Dowry in Mediterranean Europe. P. 13—58; Ourliac P., Gazzaniga J.-L. Histoire du droit privé français de l'an mil au Code Civil. Paris, 1985. P. 321—328; Pedlow G.W. Marriage, Family Size, and Inheritance among Hessian Nobles, 1650—1900 // Journal of Family History. 1982. Vol. 7. № 4. P. 349; Portemer J. Le Statut de la femme en France depuis la réformation des coutumes jusqu'à la rédaction du Code Civil // Recueils de la Société Jean Bodin. 1962. Vol. 12. P. 463.* Доли наследства, оставляемые дочерям и младшим сыновьям в Англии начала Нового времени, были крайне недостаточными, и к тому же отцы имели возможность вообще лишить детей наследства. См.: *Staves S. Resentment or Resignation? Dividing the Spoils among Daughters and Younger Sons // Early Modern Conceptions of Property. London, 1995. P. 194—218.* В португальских семействах Сан-Паулу в XVII в. замужние дочери получали приданое больше доли своих братьев; однако этому пришел конец в 1761 г., когда женское наследование временно было объявлено вне закона: *Nazzari M. Disappearance of the Dowry: Women, Families and Social Change in Sro Paulo, Brazil (1600—1900). Stanford, 1991. P. 15—19, 150—151.*

⁹⁴ У. Вагнер показал, как после 1861 г. попытки пореформенных судов уравнивать дочерей в правах наследства с сыновьями завершились неудачей. См.: *Wagner W. Marriage, Property, and Law in late Imperial Russia. Oxford, 1994. P. 333—334.*

⁹⁵ Русские законы позволяли родителям лишать детей наследства «за непочтение» и за серьезные проступки: *Рождественский Н.Ф. Историческое изложение русского законодательства о наследстве. С. 82—83.*

⁹⁶ ПСЗ-1. Т. 35. № 27229 (17.01.1818); см. также: Т. 11. Там же. № 8190 (30.06.1740) и Т. 23. № 16993 (16.10.1791).

⁹⁷ Столкновения прав племянниц с правами дядьев и теток лежали в основе многих имущественных споров. См.: РГИА. Ф. 1330. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 7 (1801). См. также: *Farrow L.A. Inheritance, Status, and Security: Noble Life in Eighteenth-Century Russia*. 2000 (неопубликованная рукопись). P. 160—163; *LeDonne J.P. Absolutism and Ruling Class*. P. 228. Прямые потомки женщин, носившие фамилию другого рода, пользовались предпочтением перед более дальними родственниками мужского пола, даже если последние принадлежали к роду покойной. См.: ПСЗ-1. Т. 19. № 13428 (15.03.1770); СЗ. 1913. Т. 10. Ст. 1132.

⁹⁸ Code civil 1804 г. во Франции уравнил сыновей и дочерей в правах наследства. См.: *Ostrogorski M.Ia. The Rights of Women: A Comparative Study in History and Legislation*. L., 1893. P. 208. В XIX в. мужские и женские наследственные права были уравнены во многих европейских государствах. Равные наследственные права были введены в Швеции в 1845 г., в Норвегии в 1854 г., а в Дании в 1857 г.: *Hovde B.J. The Scandinavian Countries, 1720—1865: The Rise of the Middle Classes*. Boston, 1943. Vol. 2. P. 688.

Глава 2

ЗАГАДКА РУССКОГО ПРАВА: ЗАМУЖНИЕ ЖЕНЩИНЫ И КОНТРОЛЬ НАД ИМУЩЕСТВОМ

Перечисляя симптомы нравственного упадка русского двора в XVIII в., князь М.М. Щербатов обратил особое внимание на один указ 1753 г., даровавший замужним женщинам контроль над имуществом. Это новшество, по его словам, оказалось ни много ни мало «разрушающим супружественную связь». Щербатов видел в нем решительный разрыв с традицией и объяснял столь прискорбную, с его точки зрения, перемену в правовом положении женщин влиянием императорского фаворитизма. «Графу П.И. Шувалову нужда была купить одну деревню не помню у какой графини Головиной, живущей особливо от мужа своего, а потому и немогущей его согласие иметь, предложил, чтобы сей знак покорства жен уничтожить; по предложению его яко всеильного мужа в государстве был учинен указ, он деревню купил и сим подал повод, по своенравиям своим женам от мужей отходить, разорять их детей и отошедшим разоряться»¹.

Как ни странно, за исключением Щербатова, современники обошли указ 1753 г. молчанием. Какой резительный контраст с

Западной Европой: если там законодатели принимали акты об имуществе замужних женщин лишь после продолжительных и бурных обсуждений в обществе, то в России преобразование женских прав собственности не вызвало никаких комментариев со стороны элиты. Однако впоследствии российские ученые начали очень высоко оценивать правовое положение женщин в своем отечестве, отмечая странное противоречие между архаичными политическими и экономическими институтами России и сравнительной эмансипированностью русских дворянок. Почти всюду в Западной Европе даже в XIX в. замужние женщины долго ждали, пока их признали способными контролировать собственное имущество². Русские дворянки, напротив, уже с 1753 г. свободно распоряжались своим состоянием и становились активными участницами рынка купли-продажи земли и крестьян.

В XIX в. русские историки, под влиянием дискуссий о «женском вопросе», много писали по поводу имущественных прав замужних женщин. Они обстоятельно рассуждали о происхождении этого любопытного исключения из системы мужской опеки и покровительства в отношении женщин и горячо спорили о его действии на практике. Но самым удивительным в этих научных трудах было то, что их авторы так и не смогли удовлетворительно объяснить, каким образом замужние женщины стали распоряжаться имуществом. Историк права И.Г. Оршанский называл раздельное владение имуществом в браке «сфинксом русского права» и признавался: «...мы не знаем ни одной серьезной попытки его объяснения...»³ Исследователи выдвинули множество теорий в попытке объяснить это расхождение между Россией и Европой. Некоторые приписывали российскую практику обособления имущества супругов влиянию византийской правовой культуры на развитие русского церковного и имущественного права⁴. Другие считали, что уникальный имущественный статус женщины в России восходит к древним обычаям славянских племен. Автор фундаментального обзора истории русского права, М.Ф. Владимирский-Буданов, отрицал тезис об иностранном влиянии и утверждал, что раздельные состояния супругов были чисто славянским явлением, достигшим полного расцвета лишь в России XVIII в. В своей работе он писал, что указ 1753 г. представлял собой высшую точку развития прежних тенденций в русском праве, благоприятных для женщин⁵. Третье направление в науке отводило решающую роль в расширении женских имущественных прав Петру Великому — эта традиционная

точка зрения существует и поныне⁶. Разумеется, нашелся и такой автор, который предположил, что женский пол в России обязан своим правовым статусом императрицам, сидевшим на троне в XVIII в.⁷

Несмотря на все то внимание, которое ученые уделяли истории раздельного имущества супругов в России, никакие их построения не объясняли, почему русские женщины приобрели право распоряжаться своими именьями за время брака на сто с лишним лет раньше, чем такие же привилегии достались женщинам Западной Европы. Владимирский-Буданов и его современники обошли этот вопрос, сгладив принципиальное различие между установлением раздельного владения имуществом у супругов и появлением у женщин права распоряжаться своим состоянием. Все правовые своды Европы предоставляли женщинам определенную защиту, ограничивая право мужчин распоряжаться имуществом своих жен и требуя возврата приданого вдовам. Но эти гарантии входили в более широкую систему принципов мужского покровительства, которые запрещали замужним женщинам выступать самостоятельными экономическими субъектами и давали им мало (или совсем никаких) прав отчуждать имущество. Хотя русские историки сумели воссоздать надежную картину исторической эволюции института раздельного имущества, но, объясняя происхождение права замужних женщин распоряжаться именьями, они ссылались на традицию. С другой стороны, ученые недавнего времени тоже обходили вниманием эту проблему, пренебрегая женским владением имуществом как исключительно формальным и утверждая, что на деле женщины в рамках патриархальной семьи все равно не могли пользоваться своими законными правами⁸.

В настоящей главе предлагается новое истолкование вопроса о том, как в России возникло право замужних женщин распоряжаться имуществом. В противоположность другим историкам, я утверждаю, что повышение статуса женщин в имущественном праве нельзя изучать изолированно; его следует рассматривать в широком контексте истории дворянских имущественных прав в XVIII в. Я полагаю, что законопослушание дворянства, потенциально подрывавшее подчинение жен мужьям, красноречивее всяких слов говорит о состоянии прав собственности в императорской России. То, что указ 1753 г. не вызвал несогласия со стороны общества, было далеко не случайно; этот факт свидетельствует о глубокой заинтересованности дворянства в укреплении своих корпоративных

прав, в установлении приоритета прав собственности индивида над правами семьи, в развитии рациональной правовой культуры. Кроме того, как будет показано в следующих главах, хотя новые законы, позволившие женщинам распоряжаться имуществом, не принимались собственно в интересах дворянок, изменение правового статуса принесло им ощутимые плоды.

ОБОСОБЛЕННОЕ ИМУЩЕСТВО СУПРУГОВ В ДОПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ

Начиная с позднего Средневековья и закон, и обычай в России проводили различие между имуществом мужа и жены. Существование традиции обособленной собственности супругов в русском имущественном праве, наряду с данными неюридических источников, подтолкнуло историков XX в. к выводу о том, что экономическая независимость женщин в России имела прецедент: по их мнению, уже в Новгороде и в Московии замужние женщины управляли собственным имуществом, а иногда вкладывали средства в недвижимость и в торговлю. В самом деле, русские дворянки начала Нового времени участвовали в разнообразных имущественных сделках, покупали и продавали землю, закладывали имения и делали благотворительные вклады в монастыри⁹.

Однако появление женских подписей под дарственными и купчими записями ничего не говорит о подлинном значении раздельного владения имуществом в жизни женщин Московского царства. Допетровские правовые своды затрагивали вопрос распоряжения имуществом со стороны замужних женщин в лучшем случае косвенно, уделяя главное внимание двум важным проблемам: защите собственности, которую женщина приносила с собой, вступая в брак, и судьбе имущества женщины, если та умирала, не оставив наследников. Что касается первой из этих проблем, то закон устанавливал четкие границы власти мужчины над имениями жены, и для отчуждения земель, полученных в приданое, мужу требовалось ее согласие. Тем не менее посягательства мужчин на женскую собственность неоднократно вынуждали законодателей возвращаться к этому вопросу до самого конца XVII в. Тримя отдельными указами за 1676 и 1679 гг. Боярская дума запретила мужчинам продавать родовые земли своих жен без согласия последних; эти указы к тому же были призваны внушить мужьям, что женщины должны давать

такое согласие свободно, а не из-под палки¹⁰. Правовой статус собственности жен после смерти их мужей также занимал важное место в законодательных кодексах начала Нового времени. Бездетные вдовы могли рассчитывать на полный возврат приданого — это законоположение означает, что мужья получали доходы с собственности жен, состоя в браке, но были обязаны отчитываться за ее использование. Вдовы к тому же были вправе назначать наследников своих земель, полученных в приданое¹¹.

Допетровское имущественное право включало в себя достаточно мер для защиты любого вида вотчинных земель, которые женщины приносили в приданое. Но условные держания (поместья), которые женщина использовала как приданое, составляли существенное исключение из правил об обособленном владении имуществом. В отличие от вотчинных владений, поместья записывались на имя жениха, которому полагалось ходатайствовать о регистрации поместья невесты на себя еще до свадьбы¹² и тратить доходы с этой земли на свою военную службу. Это исключение еще больше ограничивало права замужних дворянок, так как они гораздо чаще получали в приданое поместья, чем наследовали родовые вотчины¹³. При жизни мужа жена не могла помешать ему продать или обменять ее поместье, как и не имела права сама отчуждать эту собственность. Зато после смерти мужа женщина была вправе рассчитывать, что получит свое поместье обратно. А если она умирала раньше его и бездетной, то муж был обязан вернуть три четверти приданого поместья или его стоимость деньгами ее родственникам¹⁴.

Очевидно, что нельзя отрицать известную преемственность между привилегиями дворянок, обозначенными в имущественном праве начала Нового времени, и развитием женских прав собственности в XVIII в. К концу XVII столетия неприкосновенность земель замужних женщин уже представляла собой освященный временем принцип русского имущественного права. Вместе с тем допетровское право едва касалось вопроса о контроле дворянок над имуществом в браке, и лишь в редких случаях источники упоминают о том, что женщины тогда действовали независимо от своих мужей. Даже те из историков женского вопроса в допетровское время, которые смотрят на проблему наиболее оптимистически, признают, что в имущественных сделках с участием женщин в ту эпоху преобладали вдовы, причем действовали они чаще всего совместно с сыновьями или другими родственниками-мужчинами. Более того, в начальный период Нового времени круг имущественных сделок

с участием женщин был гораздо уже той сферы, в которой могли действовать мужчины¹⁵. В целом же как законы, так и практика этого периода приводят к неизбежному выводу: до XVIII в. русские дворянки вкушали плоды обособленного владения имуществом главным образом после кончины мужа. Так что уничтожение мужского покровительства и опеки в имущественных отношениях супругов было истинным новшеством для России XVIII в., пусть и опиравшимся на средневековый прецедент.

РАЗДЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Устранение гендерного покровительства не только стало шагом вперед в развитии имущественных прав русских дворянок XVIII в. по сравнению с их предшественницами, но и выглядело весьма необычным на фоне европейского имущественного права в целом. Правда, русские ученые были склонны преувеличивать степень несвободы европейских женщин в имущественных отношениях; тем не менее знатные дамы как к западу, так и к востоку от Эльбы, действительно, в той или иной степени подвергались ограничениям правоспособности. Одну крайность составлял традиционный статус замужней женщины в английском обычном праве, наделявшем мужчин властью не только управлять недвижимостью своих жен, но и распоряжаться по своему усмотрению их личным имуществом. Англичанки могли сохранять контроль над какой-то частью своей собственности, только если их отцы составляли соответствующее добрачное соглашение; однако подобные контракты были скорее исключением, чем правилом¹⁶. Мало того, англичанки, получавшие определенные суммы на карманные расходы («на булавки»), не вольны были тратить их, как хотели. Эти средства полагалось расходовать только на наряды или на домашнюю утварь, а любая недвижимость, купленная на них, поступала в распоряжение мужа; даже те деньги, что женщине удавалось сэкономить, также считались принадлежащими ему¹⁷. Эти ограничения совершенно отбивали у женщин охоту делать вложения в недвижимость и, несомненно, побуждали их к той самой экстравагантности и потреблению напоказ, которые так осуждали в аристократках наблюдатели из среднего класса.

На континенте имущество замужних женщин защищала система юридических норм о приданом (*régime dotal*). Установленное законом право оберегало их состояния, так как требовало согласия жены на отчуждение денежного приданого, а также возврата ей или ее здравствующим наследникам полученного в приданое имущества в случае смерти мужа. Но пока брак длился, мужчины обычно пользовались правом управлять приданным наряду с любым другим имуществом, унаследованным их женами во время брака¹⁸. При этом, хотя приданое и считалось собственностью жен, им чаще всего требовалось согласие мужа, чтобы продать или заложить землю¹⁹. Почти во всей Европе, как и в России, законы, управлявшие имуществом, принесенным в приданое, не столько оберегали экономическую независимость женщины, сколько не позволяли мужчине пустить на ветер родовое состояние своей жены.

Законы о приданом в разных странах Европы существенно отличались друг от друга. Женщины Южной Франции, по крайней мере до XVIII столетия, могли, состоя в браке, свободно распоряжаться суммами, не входившими в приданое (*répiphégaux*)²⁰. Законы Голландии были еще щедрее, так как позволяли замужним женщинам выбирать между системой совместного имущества, при которой семейной собственностью управляли мужья, и принципом раздельного имущества, когда замужние женщины сохраняли все привилегии незамужних²¹. Впрочем, у дворянства обычно мужчины управляли состоянием своих жен²². Дальше на восток правовое положение женщин также было весьма разнообразно, причем между письменным правом и повседневной практикой здесь прослеживаются известные расхождения. Венгерские женщины могли продавать земли, не относившиеся к числу родовых владений, без согласия мужей²³, но их финансовая самостоятельность была ограниченной. Как отметил один специалист по истории венгерского дворянства, «если женщине хотелось потратить деньги на что-нибудь, помимо обычных хозяйственных или личных расходов, то ей требовалось особое разрешение со стороны мужа»²⁴. Замужние женщины в средневековой Польше осуществляли контроль над недвижимостью, входившей в их приданое²⁵, но с XVI в. приданным жен распоряжались мужья, как и любым их имуществом, приобретенным во время брака²⁶.

Таким образом, до XIX в., когда вступил в силу наполеоновский *Code civil*, европейские законы, регулировавшие права замужних женщин распоряжаться имуществом, были весьма разнообразны.

Тем не менее, как показывает обзор всего диапазона прав замужних женщин, между законами о собственности в допетровской России и *régime dotal* континентальной Европы прослеживается разительное сходство²⁷: раздельное владение имуществом было призвано защищать интересы родительской семьи, а не индивидуальные женские интересы. В результате женщины извлекали пользу из раздельного владения имуществом, главным образом уже овдовев. Несмотря на то что законодательные власти старались ограничить использование мужьями имущества жен, замужние женщины имели в лучшем случае ограниченные возможности пользоваться своим состоянием при жизни мужа.

РАСШИРЕНИЕ ЖЕНСКИХ ПРАВ НА ОТЧУЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА (1700—1753)

Итак, в России существовала практика официального разделения имущества супругов, которая восходила, по меньшей мере, к позднему Средневековью и составляла необходимую основу для будущего усиления власти дворянок над их владениями. А XVIII век стал свидетелем нового и выдающегося шага вперед: знатные женщины, состоявшие в браке, получили совершенно самостоятельный статус в вопросах собственности. Но освобождение дворянок от мужской опеки не следует истолковывать как попытку властей расширить независимость жен от мужей или как намерение подорвать институт брака (по мнению Щербатова). На самом деле укрепление имущественно-правового статуса женщин составляло часть широкого законодательного начинания, призванного четко определить индивидуальные права дворянина в отношении имущественных претензий родственников и государства и защитить эти права от посягательств местных и центральных властей. Дворянки же в результате этой борьбы за установление границ частной собственности нечаянным образом оказались в явном выигрыше.

В 1753 г. специальным законодательным актом женщинам было дано право отчуждать свои земли без согласия мужей. Указ 1753 г. возник не по прихоти государыни Елизаветы Петровны, а был порожден новыми взглядами на отношение женщин к собственности, которые постепенно складывались среди дворянства в первой половине XVIII в. Переработка положений имущественного права при

Петре Великом не только вынудила законодательные власти заняться прояснением женских прав собственности, но и вдохновила дворянок добиваться расширения своих имущественных полномочий и, наконец, заставила суды выносить решения в их пользу.

Наиболее значительным новшеством петровского царствования в отношении имущественных прав женщин стал сенатский указ 1715 г., закрепивший за дворянками право составлять купчие и закладные документы от своего собственного имени²⁸. Русские исследователи традиционно оценивали этот закон как поворотный пункт в движении женщин к независимому владению и распоряжению имуществом. Но указ 1715 г. совершенно не предназначался для того, чтобы разрешить женщинам действовать без согласия мужей; в нем даже не упоминалось о подобных поползновениях с их стороны. Истинное значение этого указа состояло не в том, что он впервые позволил женщинам действовать самостоятельно или участвовать в имущественных сделках, а в утверждении их права заключать сделки, касающиеся бывших поместных земель, полученных предками в держание за службу. Пусть и нечасто, но дворянки (большей частью вдовы) покупали и продавали вотчинные земли на протяжении всего XVII в. Нотариальные записи показывают, что до 1715 г. дворянки участвовали менее чем в 5% продаж имений и лишь изредка покупали землю или крестьян. Более того, если мужские сделки затрагивали как поместья, так и вотчины, то женщины покупали и продавали только последние²⁹. А в сенатском указе 1715 г. специально отмечалось, что отныне женщины могут участвовать в сделках, касающихся как поместий, так и вотчин. Таким образом, в нем говорилось о том, какой вид земельных владений могут продавать женщины, а не об их правах на распоряжение своим имуществом.

И формулировка закона, и последующая практика показывают, что указ 1715 г. не избавил женщин от обязанности получать разрешение мужа на продажу земли. В течение первой половины XVIII в. замужние женщины не только реже, чем вдовы, участвовали в поземельных сделках³⁰, но они также обычно писали в документах, что продают или закладывают свои земли с согласия мужей («с ведома моего мужа»), и предъявляли соответствующие письма от мужей во время заключения сделки. Иногда содержание этих писем воспроизводилось в нотариальных документах. Когда жена лейтенанта Поливанова продавала в 1751 г. свое приданое имение в сорок душ крепостных, она представила следующее письмо от мужа:

«Свет моя Устиня Феклистовна здравствуй! Которую ту деревню свою приданого в Верейском уезде селцо Чеблаково с воли моей заложила титулярному советнику Кудрявцову за четыреста пятьдесят рублей выкупом не исправится. То оную деревню похочешь кому продать в том я вам позволяю и прекословить не буду понеже оная деревня придана, а нам как ты сама ведаешь в денгах не без нужды. Муж твой Михаил Поливанов»³¹. В другой сделке, состоявшейся позже в том же году, жена прапорщика Селевачева продала за сто рублей землю, унаследованную от первого мужа, и тоже представила свидетельство согласия мужа на сделку: «Мария Петровна, здравствуй! Ежели Вам востребуецца нужда в деньгах, то я Вам продать позволяю из Ваших дачь в Ярославском уезде... а я том впредь спорить не буду»³².

Власть мужчин над женами и их имуществом никоим образом не была подорвана петровским указом, разрешившим женщинам участвовать в сделках с недвижимостью. Законодательство признавало, что на практике женатые мужчины не проводили различия между своим имуществом и собственностью жен³³. Женщины продолжали подчиняться мужьям в вопросах собственности, как и во всех других делах. Когда некая вдова Ломаниха нанималась на службу к Дарье Кишкиной, прежде всего она получила согласие на это от мужа Дарьи, стольника Кишкина³⁴. Еще одна дворянка из Владимирского уезда в 1717 г. продала дворового мужика из своего приданого «по приказу мужа»³⁵. Марфа Сурмина приняла условия завещания собственной матери «с ведома» своего мужа, Романа Воронцова³⁶. Сравнивая наследственное право нескольких европейских стран с русскими обычаями в царствование Петра, один чиновник Посольского приказа заметил, что в Шотландии муж с женой могли заключить между собой договор, не отвечающий правилам наследования в отсутствие завещания. Московское же право, напротив, по его мнению, исключало всякий сговор жены с мужем при вступлении в брак, потому что в России «во всем властвует женою муж»³⁷.

КАК РЕГИСТРИРОВАЛОСЬ ПРИДАНОЕ

Несмотря на то что власть мужчин над имущественными делами их жен держалась прочно, суды в течение первой половины XVIII в. постепенно укрепляли границу между собственностью жен-

щин и мужчин, состоящих в браке. При внимательном изучении нотариальных документов обнаруживается, что ограничения раздельного владения имуществом супругов, пришедшие из XVII в., в конце концов уступили место новому взгляду на отношение женщины к собственности и у судебных властей, и в среде дворянства как группы. Наиболее убедительное свидетельство этой перемены мы находим в документах об официальном оформлении имений, полученных в приданое: в 1740 г. без всякой подсказки сверху суды отказались от регистрации приданных земель на имя жениха и стали вместо этого записывать их на имя невесты.

Теоретически Указ о единонаследии 1714 г. должен был положить конец обращениям мужчин с ходатайствами о записи на их имя земель, полученных за женами в приданое. Когда Петр Великий уничтожил различие между вотчиной и поместьем, он также разорвал связь между землевладением и военной службой, которая была одним из факторов ограничения женских имущественных прав³⁸. При новом порядке поместье исчезло и приданое женщин более не предназначалось для финансирования службы мужа. По логике вещей, сразу вслед за этим мужчины должны были бы прекратить ходатайства о регистрации перехода приданого в их собственность. Однако нотариальная практика не успевала за изменением нормативных законодательных актов. Мужья продолжали обращаться в Вотчинную коллегию за записью на себя приданого жен, и сами женщины направляли туда ходатайства в поддержку прошений своих мужей. Но мало-помалу такие обращения иссякли, и их сменили ходатайства дворянок, просивших о регистрации приданого на свое собственное имя³⁹.

То, что мужчины упорно продолжали требовать записать приданные земли на них, служит явным показателем того уровня владения имуществом, который был доступен замужним женщинам в первой половине XVIII в. Неудивительно, что русские дворяне с большой неохотой отступались от власти над приданным своих жен, невзирая даже на то, что категория поместных земель вышла из употребления. Мало того, некоторые из таких челобитчиков полагали, что с отменой условных держаний за службу их права на приданое жен никоим образом не упразднились, а наоборот, распространились на все земли, которые приносили женщины, вступая в брак. Некоторые просители утверждали, что они женились еще «до пунктов» 1714 г., а потому имеют права на «прожиточные поместья» (земли для оплаты расходов на военную службу), которые принес-

ли их жены⁴⁰. Впрочем, и в 1718 г. некий капитан Подхомский прямо потребовал записать на него «приданные поместья и вотчины» его жены⁴¹. Большинство мужчин, обращавшихся с челобитными после 1714 г., игнорировали прежние различия между видами земель и просто требовали регистрации «недвижимого имения» жен, вступая в брак⁴².

В середине XVIII в. в делопроизводстве Вотчинной коллегии происходит разительная перемена: чиновники больше не принимают от мужей прошения о регистрации приданого жен, а требуют, чтобы его записывали на имя самих этих женщин. Поначалу мужья еще иногда подавали прошения о записи приданого на имя своих жен⁴³, но в подавляющем большинстве случаев уже сами женщины обращались теперь в Вотчинную коллегию от своего собственного имени. Так, в 1749 г. Авдотья Яблонская заявила в Вотчинной коллегии, будто отец выделил ей приданое в двадцать четвертей земли с крестьянами. Она представила копию брачного соглашения и просила, чтобы коллегия записала землю на нее («оное недвижимое имение за мною... справить»)⁴⁴. После 1753 г. такие случаи участились, и Вотчинная коллегия стала терять интерес к обращениям мужей. Один челобитчик, сержант Токмачев, ждал после свадьбы четырнадцать лет, чтобы прояснить статус приданого жены. К его прошению 1757 г. приложено заявление его жены Ирины, написавшей, что она нашла «между домашних своих писем» документы, доказывающие ее права на имение. В ответ Вотчинная коллегия записала имение на имя Ирины Токмачевой, причем, обсуждая ее права на землю, о прошении мужа вообще не упоминали⁴⁵. К сожалению, из этого случая невозможно сделать никаких выводов относительно пользования имуществом во время брака. Тем не менее признание женщин юридическими лицами, владеющими приданным независимо от мужей, означало серьезный разрыв с установлениями XVII в. и являлось важным предвестием указа 1753 г.

ДВОРЯНКИ ТРЕБУЮТ ПРАВА РАСПОРЯЖАТЬСЯ ИМУЩЕСТВОМ

В XVIII в. дворянки в подавляющем большинстве не противились ограничению своей финансовой независимости. И все же довольно много женщин активно стремились к расширению власти над своим имуществом, а потому добивались, чтобы законодатели пересмотрели указ 1715 г. Так, в целях предотвращения продаж

собственности обманном путем Сенат в 1733 г. распорядился, чтобы в случае заключения сделки через уполномоченное лицо оригинал купчей записи хранился в Крепостной конторе, а с уполномоченного бралась клятва в том, что представленное им письмо с разрешением на продажу является подлинным. Отныне каждая сделка записывалась в регистрационную книгу, а участники ее получали копии этого документа. Отметим, что именно женские злоупотребления заставили власти ввести эти тонкости бюрократической процедуры: в суды поступило несколько жалоб от мужчин, чьи жены продали имущество без их согласия. Сенат привел пример Матрены Грязновой, которая продала свои приданные деревни капитану Кольчеву за тысячу рублей, коварно заявив, будто письменное согласие мужа потерялось. Разгневанный мичман Грязнов написал своему зятю, князю Вяземскому, что долгов не имеет и в капитале не нуждается, а потому не давал своей жене ни письменного, ни устного разрешения продать деревни. Грязнов поручил зятю принять необходимые меры к возврату имения, добавив, что его жена заслуживает любого наказания, какое ей назначат. Другая дворянка, Анна Дурново, заложила свое имение за пятьсот рублей, также с помощью покупателя, готового смотреть сквозь пальцы на отсутствие письма от ее мужа. Так как собственники обоих полов могли продавать имущество через своих представителей, то возможностей повернуть сделку обманном путем было множество. Таким образом, целью новых процедурных правил было сведение подобных случаев к минимуму. Но, как признавал один из членов Юстиц-коллегии, продажи, совершенные на основании «писем от мужей к женам и от жен к мужьям», очень часто встречались в фальшивых сделках⁴⁶.

Поскольку жены не оставляли попыток отчуждать собственность без согласия мужей, сенаторам то и дело приходилось ломать голову над вопросом о праве замужних женщин распоряжаться имуществом. Наконец в 1753 г., вынося решение по одному делу (по поводу которого негодовал князь Щербатов в своем сочинении), Сенат разрешил эту проблему в пользу женщин. Тяжбу, о которой идет речь, начала супруга майора Ивана Головина, Аксинья, которая написала в Сенат, что желает продать своих дворовых людей, а Юстиц-коллегия в Москве отказывается зарегистрировать сделку без согласия ее мужа. Истица пояснила, что с мужем они не ладят, вместе не живут, а потому она и не может получить его согласие на продажу. По мнению Головиной, Юстиц-коллегия поступила «в

противность указу 715 года, по которому точно от женских персон крепости писать дозволено», т.е. нарушила постановление 1715 г., в котором дворянкам прямо разрешалось совершать сделки от своего имени. Поэтому Головина просила Сенат распорядиться, чтобы Юстиц-коллегия зарегистрировала продажу ее дворовых.

После долгих споров Сенат вынес решение в пользу Головиной. Сенаторы начали с того, что просмотрели материалы дел 1744 и 1752 гг., по которым Юстиц-коллегия своими решениями запретила дворянкам осуществлять сделки купли-продажи без ведома мужей, и вынуждены были признать, что в обоих случаях Сенат не ответил на запрос коллегии о заключении относительно законности таких сделок. Юстиц-коллегия тогда доложила, что она хорошо осведомлена об указе 1715 г. относительно продажи имущества женщинами, но не решается его применять без подтверждения со стороны Сената («токмо-де Юстиц-Коллегия онаго собою учинить не смеет»). Затем сенаторы обратились к проблеме сделок, заключенных обманным путем, — проблеме, которая и вызвала появление указа 1733 г. о процедуре регистрации продаж через посредников. Были приведены доводы в пользу признания женщин самостоятельными владелицами имущества — например, указ 1677 г., в котором говорилось, что вдовы могут требовать обратно вотчинные земли, проданные мужьями без их ведома, а также указы за 1679 г., запретившие мужьям продавать собственность жен или принуждать их отступаться от приданого имущества. Затем был приведен и указ от 1680 г. о том, что продажа приданой вотчины жены является законной, если купчая подписана мужем и женой или только женой. Сенаторы рассмотрели все ограничения на продажу недвижимости, введенные Петром Великим, — все они касались продавцов обоих полов. Кроме того, они не раз возвращались к пресловутому указу 1715 г., который, по их мнению, уже уполномочил женщин продавать принадлежащую им недвижимость, как полученную в приданое, так и иную. Наконец, Сенат пришел к заключению о том, что ни одно из прежних законодательных постановлений не содержит прямого требования, чтобы женщины получали согласие мужей на имущественные сделки. Словом, в Сенате было признано, что Головина, а следовательно, и все замужние женщины имеют право продавать свое имущество без разрешения мужа⁴⁷.

То, что сенаторы, как ни странно, совсем не принимали во внимание пол участников всех этих спорных дел, является самой су-

ственной чертой постановления 1753 г. Обсуждение ими дела сконцентрировалось исключительно на бюрократической процедуре, а о подчиненном статусе женщин в браке как о причине для ограничения их имущественных прав (о чем нередко писали в европейских правовых сводах) здесь даже не упоминалось. Более того, готовность сенаторов принять указ 1715 г. как аргумент в пользу независимости женщин в вопросах собственности означала явный отход от взглядов их предшественников. Сенаторы рассудили, что раз они не могут указать в российском праве ни одного закона, в котором бы ясно говорилось о запрете женщинам неограниченно распоряжаться своим имуществом, то нет и оснований этого не позволять. Вместо этого они сосредоточились на двух ключевых проблемах: на положении о защите собственности женщин от их мужей (которое было официально введено в XVII столетии) и на действующих ограничениях продажи недвижимости (ни в одном из которых не проводилось различий между полами). Сенаторы решили, что поскольку и постановления XVII в., и петровский указ 1715 г. гласят, что подписи женщин под купчими являются не только необходимым, но и достаточным доказательством законности сделок, то не существует законных оснований требовать, чтобы женщины получали от мужей согласие на продажу своих земель («на собственное их имение»).

Этот практический подход к проблеме составляет резкий контраст с взглядами западных законодателей, веривших, что отношения собственности должны отражать иерархию в отношениях мужа и жены и что раздельное владение имуществом разрушительно для самой сути брака⁴⁸. По иронии судьбы, в то же самое время, когда российские законодатели вынесли решение в пользу предоставления женщинам финансовой самостоятельности, законодатели по крайней мере двух западноевропейских стран столкнулись с такой же задачей — и решили, что устранение мужской опеки в вопросах имущественных отношений было бы, по выражению одного ученого, «нетерпимым»⁴⁹. Новые положения в английском праве XVIII в. обеспечили право женщин на обособленное владение, но при этом законодатели так и не решились позволить замужним женщинам контролировать собственный капитал⁵⁰. Революционное правительство Франции, покончив с законами Старого режима, объявило замужних женщин самостоятельными субъектами в вопросах собственности. Но в 1804 г. Code civil снова возродил принцип гендер-

ного покровительства, причем не только во Франции, но и во всех странах, попавших в сферу влияния наполеоновской империи⁵¹.

В отличие от своих европейских коллег, российские законодатели довели принцип обособленной собственности супругов до логического завершения и дали замужним женщинам полную власть отчуждать свои земли. Российские законодатели не рассуждали о том, как изменения в отношениях собственности отразятся на институте брака. Вместо этого они изучили все прежние указы, устанавливавшие разделение собственности супругов, и уничтожили единственное противоречие в их применении. Так было заложено важное расхождение между путями развития женских имущественных прав в России и на Западе.

РЕАКЦИЯ ДВОРЯНСТВА НА ПРАВО ЖЕНЩИН РАСПОРЯЖАТЬСЯ ИМУЩЕСТВОМ

Не существует в полном смысле никаких письменных свидетельств, которые говорили бы о реакции современников на грандиозную перемену в имущественных правах замужних женщин. С начала XVIII в. русских дворян чрезвычайно волновали проблемы прав собственности, и они не скрывали недовольства, если какие-то положения имущественного законодательства им не нравились. Так, дворянство отчаянно сопротивлялось петровскому Указу о единонаследии и изобретательно обходило его путем заключения незаконных земельных сделок. Депутаты Уложенной комиссии 1767 г. открыто выражали свое недовольство законами, предписывавшими выделять средства на содержание вдов с имений их мужей, как и множеством ограничений на продажу недвижимости⁵². Однако среди многочисленных жалоб по поводу урегулирования имущественных вопросов, зафиксированных во время работы Уложенной комиссии, прозвучало только одно возражение против закона, разрешившего замужним женщинам свободно распоряжаться недвижимостью. Некий депутат от Костромы сетовал на то, что слишком многие дворянки продают или закладывают крестьян, чтобы добыть средства на расточительную жизнь, а в итоге, когда они умирают, мужьям ничего не достается в наследство. Дабы помешать женщинам пускать на ветер свои имения, этот депутат предлагал запретить им распоряжаться имуществом без согласия мужей⁵³.

В принципе представитель Костромы был не одинок в своем недовольстве экономической независимостью дворянок. Те депутаты, которых Екатерина назначила в 1770 г. разрабатывать новый Свод законов, были бы рады повернуть время вспять и дать мужьям власть над приданым жен «к общей ползе семейства», с обычной оговоркой о том, что супруги не вправе продавать или закладывать имущество друг друга. Еще по одному поводу они добавили, что женам следует запретить продажу земли, если это противоречит интересам семьи⁵⁴.

Несмотря на эти возражения против нового правового статуса женщин, значительная часть дворянства проявляла удивительную готовность смириться с расширением женских имущественных прав. Нотариальная практика убедительно свидетельствует о том, что все больше супругов раздельно владело имуществом, и это отвечало собственным желаниям дворянства, а вовсе не навязывалось сверху. В частности, язык брачных договоров говорит о трансформации положения женщин по отношению к собственности: во второй половине XVIII в. многие знатные семьи рассматривали приданое скорее как контракт между родителями и дочерью, чем как уговор с будущим зятем. И эти новые черты в соглашениях о приданом появились не по распоряжению какой-либо законодательной инстанции, а сложились постепенно, под влиянием указа 1753 г.

В XVII в. брачные договоры составлялись по определенному образцу. Их формулировка гласила, что отец выдает дочь замуж и вручает зятю ее приданое. Согласие дочери в этом случае было настолько несущественным, что даже не требовалось ее подписи под документом. В одном типичном брачном договоре, составленном в 1695 г., боярин Федор Лопухин, выдавая свою дочь за князя Куракина, вручал князю часть своей вотчины и сотню крепостных душ⁵⁵. Дочь боярина в этом документе вообще не фигурировала, за исключением того факта, что отец именно ее выдавал замуж за будущего зятя. До середины XVIII в. большинство доноров приданого придерживалось этой формулы: в сущности, роспись приданого являлась контрактом между родителями и зятем, а поэтому и скреплялась подписью последнего. Выдавая девиц замуж, от их имени отказывались от имущества, которое вручалось их мужьям, обязанным отныне управлять им на общее благо семьи. В первых строках брачного договора выражались дворянские представления об отношении женщин к собственности и подчеркивался истинный смысл

раздельного имущества супругов. Хотя последнее и было неприкосновенно, но существовало оно только ради защиты родовых интересов, а не затем, чтобы замужние женщины независимо контролировали свои состояния.

Однако с середины XVIII столетия в традиционных формулировках росписей приданого появились признаки изменений. Первые дворянские семьи начинали видеть в приданом соглашение между родителями и дочерями. Это явление, конечно, не было повсеместно распространенным, и в нотариальных записях Юстицколлегии старая формула сохранялась даже в XIX в.⁵⁶ Зато брачные договоры из губернских крепостных книг и из семейных архивов составляют с ними любопытный контраст: многие росписи приданого, зафиксированные в губерниях, собственноручно подписывали дочери, а неграмотные дворянские девицы просили кого-нибудь расписаться за них. Очевидно, что в глазах многих семейств ответственность за выполнение имущественных договоренностей перешла от жениха к невесте.

С первой же фразы брачного договора теперь было очевидно, что роспись приданого превратилась в соглашение родителей с дочерью. Этот документ составлялся уже на имя дочери, а не зятя, и на нее же возлагалась ответственность за сбор налогов, поставку рекрутов и исполнение других обязанностей владельца земли и крестьян⁵⁷. Так, если в 1742 г. Анна Нелидова составила соглашение, в котором передавала приданое дочери своему зятю, лейтенанту Александру Сухотину, то в 1771 г. Авдотья Трусова пожаловала дочери в приданое 34 крепостных души «в вечное и потомственное владение»⁵⁸. Лейтенант Андрей Сабуров в 1771 г. подтвердил, что полностью получил все имущество, значащееся в росписи приданого его жены, Марии Зубаревой, причем в документе оговаривалось, что Зубарева несет ответственность за все налоги с приданого имения в 56 душ. Этот документ Зубарева к тому же подписала сама в присутствии шестерых свидетелей⁵⁹. В 1845 г., когда Софья Михайловна Воронцова выходила замуж за графа Андрея Шувалова, жених удостоился лишь краткого упоминания в документе: приданое Воронцовой рассматривалось уже только как объект соглашения между ее родителями, братом и ею самой⁶⁰.

Постепенная, хотя и частичная, трансформация нотариальной практики, в отличие от сенатских и императорских указов, убедительно свидетельствует о превращении дворянок в самостоятельных юридических лиц и проливает свет на отношение дворянства к

женскому владению. Сенатское решение 1753 г. никоим образом не ниспровергло традиционные отношения собственности: семьи продолжали смотреть на приданое как на имущество, предназначенное для содержания молодой семьи, и мужа сплошь и рядом по-прежнему управляли имениями, полученными в приданое за женами. В то же самое время готовность отдельных дворян действовать согласно духу указа 1753 г. свидетельствовала о появлении противоположной тенденции. Эти дворяне, вместо того чтобы сопротивляться повышению правового статуса женщин, продвинули закон еще на шаг вперед, подтверждая юридическую ответственность своих дочерей и проводя более четкую границу между состояниями мужа и жены. Многочисленность брачных контрактов, подписанных женщинами или составленных от их имени после 1753 г., показывает, что значительная часть дворянства согласилась с расширением женских имущественных прав. Преобразуя брачные договоры в контракты между невестой и донаторами приданого, эти дворяне решались на укрепление власти женщин над их имуществом без всякой подсказки сверху.

В XIX в. эта тенденция привела к постепенному исчезновению приданого. К середине столетия родители уже не составляли брачных соглашений, а предпочитали вместо этого передавать дочерям собственность посредством документов, именуемых дарственными, или отдельными, записями⁶¹. Эти документы становятся все более частым явлением в нотариальных документах по мере сокращения числа брачных договоров. Более того, если сыновья получали подобные дарения лишь изредка, то дочерям имущество передавалось таким способом гораздо чаще⁶². Переход от приданого к дарению стал логическим итогом вручения приданого в женские руки, а с ним укрепился и контроль женщин над их землями⁶³.

СОБСТВЕННОСТЬ ЖЕНЩИН И НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ ИМУЩЕСТВА

При попытке разобраться, насколько восприимчивым оказалось русское дворянство к расширению женских имущественных прав, возникает не меньше вопросов, чем ответов. Почему в столь патриархальном обществе, как Россия XVIII в., дворяне с готовностью предоставили женщине возможность расстаться со своим приданым без мужского разрешения? Институт обособленного

владения и без того уже предоставлял женщинам достаточную защиту имущества, которое они приносили с собой, выходя замуж, и охранял интересы родных семей вступающих в брак дворянок. Но, расширив их права на отчуждение собственности, государство вышло за рамки защиты родовых интересов и признало индивидуальные имущественные права женщин. И поступив так, российские законодатели далеко опередили своих коллег в Западной Европе.

Для начала поучительно было бы сравнить такое положение дел в России с эволюцией правового статуса женщин в англо-американском мире. Специалисты по истории собственности замужних женщин в Англии и в Соединенных Штатах утверждают, что принцип раздельного имущества супругов сложился в результате перехода от экономики, в которой центральную роль играла земельная собственность, к системе, основанной на ценных бумагах, облигациях и других формах личной собственности⁶⁴. Они отмечают также, что с возникновением раздельных состояний супругов семья получила способ избежать разорения в том случае, когда муж объявлял о банкротстве. Если российские специалисты по истории права никогда не искали причин появления необычных имущественных прав у российских дворянок в финансовых интересах дворянства, то Август фон Гакстгаузен в своем описании поездки в Россию привел именно такое объяснение. По поводу количества недвижимости, сосредоточенного в руках женщин, он писал:

Все развитие общественной жизни вело к этому. Нигде имущество не переходит так часто из рук в руки, как в России. На государственной службе, в коммерции, в промышленности, в предпринимательстве быстро составляют крупные состояния, но так же быстро их теряют... Неудачные деловые предприятия (а русский человек в глубине души — игрок) губят и купца, и фабриканта. В таких случаях семьи разоряются дотла. Это происходит сплошь и рядом, и с самого начала муж должен предвидеть такую возможность и обеспечить семью денежными накоплениями. Он записывает часть имущества, а именно дом и землю, на имя жены; поначалу это, скорее, *pro forma*, но со временем становится юридически обязательной мерой. Таким образом, движимое имущество является ответственностью мужа, в то время как жена владеет недвижимостью. Последняя сохраняется в целости даже после того, как муж пускает на ветер свое состояние⁶⁵.

Гакстгаузен мог отнести это рассуждение с таким же успехом и к дворянству, так как в XVIII в. дворяне весьма широко использовали преимущества раздельного владения имуществом, чтобы спастись от кредиторов. Но в качестве объяснения того, как оформился женский контроль над собственностью, наблюдение Гакстгаузена не годится. В указе 1753 г. нет статьи, в которой ясно говорилось бы, что женщины освобождаются от ответственности за долги мужей. В сущности, вопрос об ответственности женщин за финансовые злоупотребления мужей на протяжении всего XVIII в. составлял туманную область в имущественном праве. В XVII в. вдова, согласно Соборному уложению, отвечала за долги своего мужа, если наследовала какую-либо часть его имения; позднейшими указами было уточнено, что претензии кредиторов мужа не могут касаться приданого имущества вдовы⁶⁶.

Вопрос об ответственности женщин за мужское расточительство оставался спорным и в XVIII в. Тем не менее правило, гласившее, что жены должников не должны приносить в жертву свое приданое, соблюдалось почти всегда⁶⁷ и надолго опередило указ 1753 г. о распоряжении замужними женщинами своим имуществом. Таким образом, Гакстгаузен не только упустил из виду тот факт, что принцип разделения собственности супругов в русском праве предшествовал установлению активного женского контроля над имуществом, но и не понял, что интересы дворянства (и купечества) вполне могли быть удовлетворены и без предоставления женщинам права отчуждать имущество. Опыт женщин в Англии и Америке показывает, что раздельное владение имуществом не обязательно сопровождалось прерогативой женщин отчуждать собственность. Чаще всего опекуны — родственники-мужчины или даже мужья — контролировали имущество, как считалось, ради блага самих женщин⁶⁸.

Подвергая критическому разбору причины появления раздельной собственности супругов в Англии начала Нового времени, одна исследовательница утверждает, что в XVI—XVII вв. семьи стали заботиться о защите собственности своих дочерей именно потому, что «личное имущество, в противоположность недвижимости, становилось все более важной частью состояния дочерей». Уже существовал ряд способов не допускать мужей до распоряжения недвижимостью жен, однако движимое имущество нельзя было закрепить за женщиной без права отчуждения, и, согласно обычному праву, оно поступало под власть мужа на весь период брака⁶⁹.

В Вирджинии, где закон о подчиненном статусе замужней женщины отменили только в 1877 г., обособленное имущество супругов до 1810 г. считалось ненормальным явлением. Но между 1821 и 1860 гг., как показала С. Лебсок, здесь же, в городке Питерсбург, около шестисот супружеских пар избрали для себя раздельное владение имуществом. Правда, исследовательница не считает, что это делалось ради поощрения женской самостоятельности. По ее мнению, «рост числа обособленных состояний являлся серьезным успехом для женщин среднего и высшего классов, но начался он вынужденно, как реакция на множество банкротств среди мужчин». Лишь четверть изученных автором брачных соглашений позволяла женщинам продавать свою собственность и менее пятой части — распоряжаться имуществом в завещании⁷⁰.

Те обстоятельства, в которых русские женщины получили контроль над своим состоянием, мало напоминали социальную и экономическую обстановку, окружавшую их англо-американских сестер. Россия XVIII в. не переживала переходного периода в накоплении капитала или в структуре экономики, как обстояло дело в Англии. Не подталкивала российских законодателей к нововведениям и финансовая депрессия, как в Америке перед Гражданской войной. Напротив, неотложные причины, лежавшие в сердцевине преобразования правового статуса русских женщин, являлись чисто политическими. Короче говоря, к признанию имущественных прав за замужними женщинами в России XVIII в. привело стремление дворянства укрепить гарантии прав частной собственности.

Важно отметить, что указ 1753 г., обеспечивший за женщинами контроль над их состоянием, был принят в тот момент, когда дворяне начали добиваться тех же сословных привилегий, что и у их европейских собратьев⁷¹. Незащищенность личности и имущества составляла неотъемлемую черту жизни российского дворянства в XVIII в. До царствования Екатерины II у российских дворян не было таких сословных прав, которыми пользовались правящие классы европейских государств, и они рисковали лишиться своих владений, если теряли царское расположение или подозревались в государственной измене. В сущности, повлечь за собой конфискацию дворянского имущества мог очень широкий круг проступков⁷². Утверждение одного исследователя о том, что конфискации имущества за политические преступления случались редко, возможно, справедливо⁷³, но оно не учитывает психологию дворянства, травмированную сначала при Петре I, когда грубо попирался священ-

ный обычай раздельного наследования, а затем в царствование Анны Иоанновны — время массовых ссылок и казней⁷⁴. На протяжении всего XVIII в. для русских дворян были жизненно важны пределы неприкосновенности их статуса и имущества⁷⁵.

Призрак конфискации имений даже в XIX в. неотступно возник в проектах дворянских реформаторов — и не зря⁷⁶. Несмотря на то что в екатерининской «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г. предусматривалось, что дворянина нельзя лишить имений без суда, следующий шаг — гарантия неприкосновенности дворянского звания и имущества — в ней сделан не был. Более того, в этом документе приводился широчайший круг преступлений, наказуемых конфискацией имущества⁷⁷. Дворяне, совершавшие деяния, «несогласные с дворянским достоинством»⁷⁸, теряли свой статус и могли подвергаться телесному наказанию и ссылке. Так, в 1800 г. жена майора Татаринова была лишена дворянства, бита кнутом и сослана в Сибирь за укрывательство разбойников⁷⁹. Произвол государства в отношении дворянской собственности сохранялся и после выхода «Жалованной грамоты дворянству»⁸⁰. Уже в 1834 г. Николай I издал указ о том, что российские подданные, покинувшие страну без разрешения, будут лишены имущества. Адмирал Чичагов, ставший одной из жертв этого распоряжения, написал в завещании, что уехал из России в 1834 г. и принял британское подданство после «произвольных мер императора Николая, которые лишили русское дворянство его привилегий, имущественных прав и личной свободы»⁸¹.

Но если конфискации имущества до конца XVIII в. происходили редко, то государство применяло другие способы ограничить имущественные права дворян, виновных в государственной измене или даже в гораздо менее опасных преступлениях — таких, как плохое управление имением или несостоятельность⁸². В 1792 г. Екатерина II отдала в опеку имение княгини Варвары Шаховской, когда та выдала дочь замуж за дворянина, участвовавшего во Французской революции. Шаховская потеряла право управлять своими имениями или продавать их, хотя после того, как были выплачены ее долги, она по-прежнему получала все доходы с земли. Далее императрица постановила, что дочь Шаховской вообще лишится наследства, если не вернется из Франции в Россию после смерти матери⁸³. Имения декабристов, в отличие от собственности преступников прежних времен, не подверглись конфискации и впоследствии перешли к их наследникам, однако при их жизни на име-

ния был наложен арест, и участники восстания потеряли право распоряжаться своим имуществом. В письмах управляющего Волконских не раз упоминается о том, как трудно снабжать средствами ссыльного князя Сергея, который утратил не только право пользоваться своими имениями, но и получать с них прибыль⁸⁴. Напротив, Анна Розен, жена другого ссыльного декабриста, продолжала вести свои имущественные дела, находясь в Сибири вместе с мужем⁸⁵.

Эволюцию женских прав собственности следует рассматривать в контексте незащищенности имущественных прав в России в целом, которая долго царила даже в XIX в., хотя государство и старалось не допускать, чтобы невинные в преступлениях дворянки теряли средства к существованию. Еще в 1718 г. Петр Великий приказал не подвергать конфискации приданое женщин, когда государство отбирало имущество их мужей⁸⁶. Однако на практике чиновники без стеснения отнимали у женщин их собственность. Леди Рондо, жена английского посла в России, отмечала в 1732 г., что, когда дворян обвиняли в государственной измене, их лишали чина и они вместе с семьями теряли свои имения⁸⁷. В итоге государю приходилось лично разбираться с каждым делом по жалобам женщин, лишенных последнего куска хлеба за провинности родственников-мужчин. Императрица Елизавета, ссылаясь на указ 1718 г., постоянно выносила решения о возврате конфискованных имений дворянкам, если те не были причастны к преступлениям мужей⁸⁸.

Указ, изданный в мае 1753 г. (за месяц до сенатского решения в пользу Головиной), свидетельствует о возможной связи между расширением имущественных прав замужних женщин и неприкосновенностью дворянского имущества. И Соборное уложение 1649 г., и «Устав воинский» 1716 г. предписывали конфискацию всего имущества, как недвижимого, так и личного, принадлежащего семьям дворян, виновных в государственной измене или оскорблении величества. Так как указ 1718 г. не отучил власти поступать согласно этим предписаниям, то в 1753 г. были введены новые правила. Они гласили, что приданое невинной жены не подлежит конфискации и, более того, следует выделять определенную часть имущества провинившегося мужа на пропитание его жене и детям⁸⁹. Вместе взятые, законодательные акты 1753 г. гарантировали, что женщины не будут страдать за преступления своих мужей и, более того, что они не станут обузой ни своим семьям, ни государ-

ству. Таким образом, жены ссыльных дворян могли сохранять имущество и управлять своим состоянием без ограничений.

Может быть, наиболее убедительным показателем неразрывной связи между эволюцией частной собственности и имущественными правами замужних дворянок служит предпринятая позднее, в 1826 г., попытка ограничить финансовую самостоятельность женщин. В течение XVIII столетия женское обособленное имущество превратилось в средство защиты семейной собственности и оберегало женщин от последствий проступков их мужей. Но со временем дворяне стали использовать законные привилегии своих жен, чтобы скрывать истинный размер своего состояния путем записи имений на имя жены, и избегали тем самым уплаты долгов в полном размере. Так как злоупотребления принципом раздельного имущества становились все распространеннее, чиновники задумались, не следует ли ограничить имущественные права женщин, дабы заставить мужчин исполнять финансовые обязательства.

Когда в 1826 г. император предложил принять закон, открывавший кредиторам доступ к купленным имениям жен должников, сенатор Н.С. Мордвинов возразил, что российское право именно тем и славится, что не делает различий между мужчинами и женщинами в вопросах собственности. Между тем предложенный закон, нарушая принцип обособленного имущества, который в России соблюдали «испокон веков», тем самым угрожает институту частной собственности. С одной стороны, Мордвинов полагал, что закон не возымеет действия, ведь люди прибегали к самым разным средствам, чтобы уклониться от кредиторов: можно было продать свои владения третьему лицу и скрыть полученную сумму, точно так же как и записать имение на имя жены. Далее, он предупреждал об опасностях, которыми грозил подрыв имущественных прав дворянок: «Жена, купившая имение у мужа своего, никогда уже оным свободно распоряжаться не будет, ибо кто таковое имение у нея пожелает купить?» Поэтому, как заключал Мордвинов, выгоды от предложенного закона будут минимальными, и, что еще хуже, в России «ослабеют права собственности»⁹⁰. Это мнение отвечало той миссии, которой Мордвинов служил всю жизнь, — укреплению статуса дворянства и нерушимости индивидуальных имущественных прав⁹¹. Позднее, в 1846 г., Сенат наконец ввел новый порядок, регулирующий ответственность жен по долгам их мужей: единственным имуществом, подлежащим изъятию, признавалось то, которое было получено женой от мужа или куплено на ее капитал

в течение десяти лет перед банкротством. Эти меры установили компромисс между неприкосновенностью обособленного имущества жен (и соответственно частной собственности) и вероятностью ее нарушения⁹².

* * *

Наблюдение Мордвинова, что принцип обособленного имущества жен составляет неотъемлемую часть более широкого понятия частной собственности в России, выявляет важную связь между опытом дворянок и изменениями в политической культуре. Как ни странно, длительная традиция деспотического правления и продажности чиновников в России создала для самостоятельности женщин такие возможности, каких не было при более либеральных режимах Западной Европы. В России, как и в Европе, законодатели воспринимали семью как государство в миниатюре и проводили явную параллель между патриархатом и самодержавным государством. Когда сенаторы подорвали всевластие мужей, поддержав женские права собственности, они не ставили цель уничтожить патриархальный порядок, а хотели ограничить деспотизм и отстоять принцип неприкосновенности частной собственности в более широком смысле. Требование консолидации имущественных прав было ядром борьбы дворянства за расширение своих сословных привилегий во второй половине XVIII в. Поэтому дворяне-законодатели использовали право толкования законов, чтобы ограничить произвол со стороны государства и его представителей и защитить сословные и личные права. Впрочем, российские законодатели, стремясь к укреплению личных прав собственности, совершили еще более удивительный шаг — признали индивидуальные права замужних женщин.

Ни финансовые бедствия дворянства, ни упразднение земельных держаний за службу не объясняют загадки появления у замужних женщин права распоряжаться имуществом. По мнению многих историков, заслуга в расширении женских имущественных прав в XVIII в. принадлежит Петру Великому. При этом его вклад не сводился к единственному указу, повысившему правовой статус женщин, а состоял и в том, что он познакомил дворян, смотревших на себя как на покорных слуг государя, с европейскими ценностями и правовыми нормами. В ходе борьбы за ослабление произвола власти и за неприкосновенность дворянской собственности законодатели использовали правовое положение женщин для укрепле-

ния личных прав дворянской собственности в целом. В конечном счете русские женщины в известной мере освободились от бремени мужской опеки благодаря тому, что их мужья и отцы добивались ослабления присмотра со стороны государства.

¹ *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсим. изд. / Ред. М.В. Нечкина, Е.Л. Рудницкая. М., 1984. С. 112.

² *Holcombe L.* Wives and Property: Reform of the Married Women's Property Law in Nineteenth-Century England. Toronto, 1983. P. 4; *Moses C.G.* French Feminism in the Nineteenth Century. Albany, 1984. P. 18—19, 138, 167, 171. Обзор имущественных прав замужних женщин в Европе в XIX в. см.: *Ostrogorski M.Ia.* The Rights of Women: A Comparative Study in History and Legislation. L., 1893. P. 208—232.

³ *Орианский И.Г.* Исследования по русскому праву семейному и наследственному. СПб., 1877. С. 155. И в 1910 г. В.И. Синайский тоже находил, что правоведы не сумели объяснить эту черту русского имущественного права. См.: *Синайский В.И.* Личное и имущественное положение женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910. С. 236.

⁴ *Дубакин Д.Н.* Влияние христианства на семейный быт русского общества. СПб., 1880. С. 92—93; *Неволин К.* История русских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 2. С. 97. См. также: *Weickhardt G.G.* Legal Rights of Women in Russia, 1100—1750 // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. № 1. P. 20—21. Замужняя женщина в Византии могла свободно распоряжаться имуществом, не входившим в приданое (*parapherna*); приданое возвращалось к вдове после кончины супруга, однако закон гласил, что во время брака «муж распорядился приданым и получал доход от него». См.: *Buckler G.* Women in Byzantine Law about 1100 A.D. // *Byzantium: Revue internationale des études byzantines*. 1939. № 11. P. 408—409. Даже когда византийская женщина соглашалась на отчуждение имущества, полученного в приданое, это соглашение не считалось законным, если ей заранее не разъясняли ее права. См.: *Macrides R.* The Transmission of Property in the Patriarchal Register // *La transmission du patrimoine: Byzance et l'aire méditerranéenne*. Paris, 1998. P. 180—181.

⁵ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1909. С. 374, 446, 456. К. Победоносцев полагал, что раздельное имущество в браке было присуще русскому праву с незапамятных времен, а Н.Н. Дебольский утверждал, что замужние женщины не подвергались никакому ограничению правоспособности в допетровском праве. См.: *Победоносцев К.* Курс гражданского права. СПб., 1871. Т. 2. С. 102; *Дебольский Н.Н.* Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в. СПб., 1903. С. 12, 21—22.

⁶ *Дмоховский.* О правах женщины в России // Библиотека для чтения. 1862. Июль. № 172. С. 75; *Шашков С.С.* История русской женщины. СПб.,

1879. С. 314; *Щеглов В.Г.* Положение и права женщины в семье и обществе в древности, средние века и новое время. Ярославль, 1898. С. 91; *Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России: первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 49; *Farrow L.A.* Peter the Great's Law of Single Inheritance: State Imperatives and Noble Resistance // *Russian Review*. 1996. July. Vol. 55. № 3. P. 445.

⁷ *Meÿер Д.И.* Русское гражданское право. СПб., 1861. Т. 2. С. 522—523.

⁸ *Edmondson L.H.* Feminism in Russia, 1900—1917. Stanford, 1984. P. 11; *Wagner W.G.* Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia Oxford, 1994. P. 66; *Zirin M.F.* Introduction // *Durova N.* The Cavalry Maiden: Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars. Bloomington, 1989. P. IX—XXXVII.

⁹ *Eck A.* La situation juridique de la femme russe au moyen âge // *Recueils de la Société Jean Bodin*. 1962. Vol. 12. P. 406—413, 415—417; *Levin E.* Women and Property in Medieval Novgorod: Dependence and Independence // *Russian History*. 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 166; *Levy S.* Women and Control of Property in Sixteenth-Century Muscovy // *Russian History*. 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 204—205; *Пушкарева Н.Л.* Имущественные права женщин на Руси (X—XV вв.) // *Исторические записки*. 1986. № 114; *Pushkareva N.L.* Women in Russian History: From the Tenth to the Twentieth Century / Transl. and ed. by Eve Levin. Armonk, 1997. P. 48; *Weickhardt G.G.* Legal Rights of Women in Russia. P. 8—10.

¹⁰ ПСЗ-1. Т. 2. № 650 (20.06.1676); Т. 2. № 751 (21.02.1679); Т. 2. № 762 (19.07.1679).

¹¹ *Levin E.* Women and Property. P. 164—165; *Levy S.* Women and Control of Property. P. 210; *Веселовский С.В.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947. Т. 1—2. С. 44—45. В Судебнике 1589 г. ясно говорилось, что после смерти мужей приданое следует возвращать женам. См.: *Kleimola A.M.* «In Accordance with the Canons of the Holy Apostles»: Muscovite Dowries and Women's Property Rights // *Russian Review*. 1992. Vol. 51. № 2. P. 208. Впрочем, вдовы не могли свободно распоряжаться всем имуществом, им принадлежавшим: если в приданое им доставались родовые земли (приданные вотчины), то унаследовать их могли только сыновья. См.: ПСЗ-1. Т. 2. № 674 (24.01.1677).

¹² Соборное уложение 1649 года. Гл. XVI. Ст. 20.

¹³ *Kaiser D.H.* Women, Property, and the Law in Early Modern Russia. Indiana University, 1988 (доклад). P. 14—15; *Kleimola A.M.* «In Accordance with the Canons...». P. 225.

¹⁴ ПСЗ-1. Т. 2. № 1008 (25.04.1683).

¹⁵ Как отмечает И. Левин, в поземельных сделках, заключенных женщинами, обычно участвовали также их мужья или сыновья. См.: *Levin E.* Women and Property. P. 166. При обзоре 104 дарственных грамот XIV—XV вв. Н.Л. Пушкарева обнаружила, что 50% дарений сделано женщинами самостоятельно, а остальные осуществлялись совместно с мужчинами-родственниками, либо от имени последних. Однако в этом обзоре не отмечено, какой процент среди участниц рассмотренных сделок составляли замужние женщины. См.: *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 118. Е. Павлова отмечает, что, хотя женщины Северо-Восточной

Руси в XV в. делали пожертвования земель в монастыри, она не встретила примеров, когда бы женщины покупали или обменивали земли. См.: *Pavlova E. Private Land Ownership in Northeastern Rus' and Mongol Land Laws // Russian History. 1999. Vol. 26. № 2. P. 126—127.*

¹⁶ *Murray M. The Law of the Father? Patriarchy in the Transition from Feudalism to Capitalism. London, 1995. P. 66—67.* Согласно правовой системе, сложившейся в XVII в. и известной как Право справедливости, управление имуществом замужней женщины могло осуществляться по доверенности, а часть имущества выделялась ей в отдельное пользование. Однако эти установления были выгодны только богатым, так как Право справедливости не действовало, если состояние женщины не превышало двухсот фунтов, т.е. приносило не больше 10 фунтов годового дохода. Дж. Муркин считает, что в XIX в. лишь 10% замужних женщин располагали обособленным доходом — эта цифра едва ли говорит о широком распространении экономической независимости среди знатных англичанок. См.: *Perkin J. Women and Marriage in Nineteenth-century England. London, 1989. P. 71, 74.* Об ограничениях в сфере раздельного владения имуществом см.: *Erickson A.L. Women and Property in Early Modern England. London, 1993. P. 107; Poovey M. Uneven Developments: The Ideological Work of Gender in Mid-Victorian England. Chicago, 1988. P. 71.* Англичанки часто сравнивали свои имущественные права с правами женщин на континенте и жаловались на свое невыгодное положение. Так, леди Мэри Уортли Монтегю с завистью отметила, что имущество австрийских аристократок остается в их распоряжении во время брака: *The Complete Letters of Lady Mary Wortley Montagu. Oxford, 1965. Vol. 1: 1708—1720. P. 273—274.* Английские феминистки в XVIII в. были весьма высокого мнения также об экономической независимости голландок: *Barker-Benfield G.J. The Culture of Sensibility: Sex and Society in Eighteenth-Century Britain. Chicago, 1992. P. 129.*

¹⁷ *Okin S.M. Patriarchy and Married Women's Property in England: Questions on Some Current Views // Eighteenth-Century Studies. 1983/84. Vol. 17. № 2. P. 136; Staves S. Married Women's Separate Property in England, 1600—1833. Cambridge, Mass., 1990. P. 135.*

¹⁸ *Viollet P. Histoire du droit civil français. Paris, 1983. P. 795.* В Кастилье мужа управляли не только приданым своих жен, а и всем имуществом, которое те наследовали или приобретали иными путями в продолжение брака. *Reher D.S. Perspectives on the Family in Spain, Past and Present. Oxford, 1997. P. 48—49.*

¹⁹ *Viollet P. Histoire du droit civil. P. 292.*

²⁰ *Abensour L. La femme et le féminisme avant la révolution. Paris, 1923. P. 14; Diefendorf B.B. Women and Property in Ancien regime France: Theory and Practice in Dauphine and Paris // Early Modern Conceptions of Property / Ed. J. Brewer and S. Staves. London, 1995. P. 176.* Исследователи полагают, что женщины в Южной Франции в конце концов утратили контроль над суммами, не входившими в приданое (см.: *Ourliac P., Gazzaniga J.-L. Histoire du droit privé français de l'an mil au Code Civil. Paris, 1985. P. 271*), а по наблюдению Б. Дифендорф, условие согласия мужа на отчуждение имущества

его жены включалось в официальные контракты даже тогда, когда это не требовалось по существу дела (*Diefendorf B.B. Women and Property. P. 175*).

²¹ *Biemer L.B. Women and Property in Colonial New York: The Transition from Dutch to English Law, 1643—1727. Ann Arbor, 1983. P. 1—3.*

²² *Marshall S. The Dutch Gentry, 1500—1650: Family, Faith, and Fortune. Westport, Conn., 1987. P. 50—51.* Это правило сохранялось и в Новом Свете: хотя замужние женщины, происходившие от голландских переселенцев, обосновавшихся в колонии Нью-Йорк, могли сохранять за собой контроль над имуществом посредством предбрачного договора, лишь единицы из них выбирали эту возможность: *Narrett D.E. Inheritance and Family Life in Colonial New York. Ithaca, 1992. P. 77—82.* У дворян Южной Каролины замужние женщины пользовались той же прерогативой в сфере рабствования, но и здесь менее 2% женщин, вышедших замуж с 1785 по 1810 г., заключили подобные соглашения. См.: *Salmon M. Women and the Law of Property in South Carolina: The Evidence from Marriage Settlements, 1730 to 1830 // Willam and Mary Quarterly. 3rd ser. Vol. 39. 1982. P. 655—685.*

²³ *D'Eszlary C. Le Statut de la femme dans le droit Hongrois // Recueils de la Société Jean Bodin. 1962. Vol. 12. P. 433.*

²⁴ *Gates-Coon R. The Landed Estates of the Esterházy Princes: Hungary during the Reforms of Maria Theresia and Joseph II. Baltimore, 1994. P. 14—15.*

²⁵ *Roman S. Le Statut de la femme dans l'Europe Orientale (Pologne et Russie) au moyen âge et aux temps moderne // Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions. 1962. Vol. 12. P. 397.*

²⁶ Гражданские законы губерний Царства Польского. СПб., 1875. Т. 1: Гражданское уложение 1825 года. Ст. 192—193. Впрочем, отчуждать имущество жен без их согласия мужчины не могли, а у женщины было право отстранить мужа от распоряжения ее имуществом, если удавалось доказать, что он плохо управляет имением: Там же. Ст. 199.

²⁷ Шведское право признавало как совместное, так и раздельное имущество супругов. Согласно Уложению 1734 г., мужьям запрещалось продавать недвижимость жен без разрешения последних, и никто из супругов не нес ответственность за долги другого. Однако женщина не могла ни продавать имущество, находившееся в совместном владении с мужем, ни управлять им. Закон давал женщинам некоторые права распоряжения совместной собственностью, если они впадали в нужду в отсутствие мужей или были покинуты. Но в таких случаях женщины были обязаны посоветоваться со своими родителями, прежде чем продавать собственность. См.: *de la Grasserie R. Les Codes suédois de 1734. Paris, 1895. P. 16. Art. 1—7.* Шведки получили контроль над своими доходами только в 70-е гг. XIX в., когда режим совместного имущества супругов был отменен (*Meyer D. Sex and Power: The Rise of Women in America, Russia, Sweden, and Italy. Middletown, Conn., 1987. P. 171*).

²⁸ ПСЗ-1. Т. 5. № 2952 (04.11.1715).

²⁹ См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 1. Ед. хр. 2624 (Поместный приказ, 1701—1703); ед. хр. 2920 (Владимирский стол, 1699—1701). Женщины, покупавшие и продававшие земельную собственность, так же мало представ-

лены и в опубликованных источниках. См., в частности: Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. 2, а также приложение к кн.: *Дебольский Н.Н.* Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в. СПб., 1903. С. 416—430.

³⁰ См. в наст. изд. гл. 4, табл. 4.3.

³¹ РГАДА. Ф. 282 (Юстиц-коллегия). Оп. 1. Ед. хр. 394. Л. 403—404.

³² Там же. Ед. хр. 394. Л. 575—576. См. также запись о продаже имения Марьи Лисогорской (Там же. Л. 854—857).

³³ Указом 1740 г. было разрешено набирать рекрутов из деревень, принадлежащих женам отставных офицеров, так же как и из собственных деревень самих офицеров: «Понеже мужья жениными деревнями пользуются, так как своими собственными, и для того надлежит им, при отставке, как о собственных, так и приданных деревнях объявлять без всякия утайки». Цит. по: *Парамонов А.С.* О законодательстве Анны Иоанновны. СПб., 1904. С. 161—162.

³⁴ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 1956. Л. 3 (Владимир, 1717).

³⁵ Там же. Л. 21.

³⁶ *Щукин П.И.* Сборник старинных бумаг. М., 1901. Т. 9. С. 49.

³⁷ РГАДА. Ф. 181 (Рукописное собрание библиотеки МГАМИД). Оп. 2. Ед. хр. 162. Л. 9.

³⁸ О влиянии этого решения на имущественные права женщин см.: *Weickhardt G.G.* Legal Rights of Women in Russia. P. 21—22.

³⁹ Эти ходатайства сохранились в документах Вотчинной коллегии. См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 84. Ч. 14. Ед. хр. 14, 52, 58, 84, 154, 158, 171, 193, 409. Последнее из таких обращений относится к 1744 г. Имеются и другие примеры — прошения от женщин, желавших записать их приданое на имя мужей. См.: Там же. Ед. хр. 58 (1715), 158 (1723), 520 (1748). Обращения женщин с просьбами о регистрации имений, полученных в приданое, на их собственное имя см.: Там же. Ед. хр. 545, 630, 642, 875, 986, 1543. Первая из этих челобитных датируется 1749 г., последняя — к 1776 г.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 84. Ч. 14. Ед. хр. 58. Л. 1 (1715); Ед. хр. 193 (1729), 52 (1714), 154 (1722).

⁴¹ Там же. Ед. хр. 84. Л. 1 (1718).

⁴² Там же. Ед. хр. 171. Л. 1 (1726); Ед. хр. 409 (1744).

⁴³ Л. Фэрроу приводит два примера того, как мужчины ходатайствовали о регистрации приданого на имя жены: *Farrow L.A.* Inheritance, Status, and Security: Noble Life in Eighteenth-Century Russia. 2000 (неопубликованная рукопись). P. 115—116; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 84. Ч. 14. Ед. хр. 352 (1742 г.); Там же. Дела молодых лет. Тула. Кн. 14640. Л. 16—17 (1757 г.). Примеры обращений отцов, матерей и братьев с прошениями о записи имущества на своих родственниц после 1753 г. находятся в следующих документах: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 84. Ч. 14. Ед. хр. 793 (1756 г., прошение брата); Ед. хр. 837 (1757 г., прошение матери); Ед. хр. 1539 (1776 г., прошение

отца); Ед. хр. 1744 (1785 г., совместное прошение отца и дочери, в котором дочь также отказывается от всякого наследства в будущем).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 84. Ч. 14. Ед. хр. 545. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Ед. хр. 857. Л. 1, 7, 21.

⁴⁶ ПСЗ-1. Т. 9. № 6487 (21.09.1733).

⁴⁷ ПСЗ-1. Т. 13. № 10111 (14.06.1753).

⁴⁸ См.: *Diefendorf B.B.* Women and Property in Ancien regime France. P. 175; *Poovey M.* Uneven Developments. P. 73—74.

⁴⁹ *Staves S.* Pin Money // Studies in Eighteenth-Century Culture / Ed. O.M. Brack Jr. Madison, 1985. Vol. 14. P. 64. Законы, регулировавшие женский контроль над имуществом, стали строже после того, как женщины начали использовать свою ограниченную финансовую независимость, вкладывая средства в находившиеся на пике стоимости ценные бумаги Компании Южных морей. В 1685 г. 20% акционеров Ост-Индской компании составляли женщины. См.: *Ingrassia C.* The Pleasure of Business and the Business of Pleasure: Gender, Credit, and the South Sea Bubble // Studies in Eighteenth-Century Culture. Baltimore, 1995. Vol. 24. P. 191—210; *Carswell J.* The South Sea Bubble. L., 1960. P. 11.

⁵⁰ *Staves S.* Married Women's Separate Property in England. P. 222.

⁵¹ *Birkett J.* «A Mere Matter of Business»: Marriage, Divorce, and the French Revolution // Marriage and Property: Women and Martial Customs in History / Ed. E. Craik. Aberdeen, 1984. P. 133—134. Француженки не только не могли распоряжаться своим имуществом в браке, но им даже запрещалось предъявлять права на наследство без разрешения мужа. См. также: *Ostrogorski M.Ia.* The Rights of Women. P. 208—232.

⁵² *Augustine W.R.* Notes Toward a Portrait of the Eighteenth-Century Nobility // Canadian Slavic Studies. 1970. Vol. 4. № 3. P. 396—397; СИРИО. 1896. Т. 4. С. 419, 424; Там же. 1871. Т. 8. С. 539—540.

⁵³ СИРИО. 1869. Т. 4. С. 284.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Ед. хр. 220. Ч. 2. Л. 21, 106. Ни одно из этих предложений не было принято.

⁵⁵ Архив князя Ф.А. Куракина / Ред. М.И. Семевский. СПб., 1894. Т. 6. С. 161—164.

⁵⁶ См., например, росписи приданого в Центральном государственном историческом архиве Москвы (далее ЦГИАМ): Ф. 50. Оп. 14. Ед. хр. 2100 (1810).

⁵⁷ Некоторые примеры таких документов см.: РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4220. Л. 42 (Кашин, 1753); Ед. хр. 2045. Л. 72, 81 (Владимир, 1776); Ед. хр. 5565. Л. 1 (Курск, 1775); Ед. хр. 11237. Л. 77 (Симбирск, 1777); Ед. хр. 11578. Л. 8—9; Ед. хр. 11592. Л. 36 (Тамбов, 1777, 1779); Там же. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Ед. хр. 579. Л. 1—2 (1800); Там же. Ф. 1274 (Панины—Блудовы). Оп. 1. Ед. хр. 1318. Л. 1—2 (1868); РГИА. Ф. 840 (Батюшковы). Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 5—6 (1753); Ф. 942 (Зубовы). Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1 (1821); ф. 1088 (Шереметевы). Оп. 1. Ед. хр. 756 (1808);

ГА Тверской области. Ф. 668. Оп. 1. Ед. хр. 6444. Л. 33—34; Там же. Ед. хр. 6447. Л. 52—53 (Кашин, 1806, 1808).

⁵⁸ РГИА. Ф. 840. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 4, 7.

⁵⁹ Там же. Ф. 1044 (Сабуровы). Оп. 1. Ед. хр. 578 (1771).

⁶⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 1—2.

⁶¹ Р. Биша в своем исследовании брака в России XVIII в. отметила, что после 1845 г. не обнаружила росписей приданого (*Bisha R. The Promise of Patriarchy: Marriage in Eighteenth-Century Russia Ph. D. diss. Indiana University, 1993. P. 193*). По мнению Г. Дониخت, отсутствие брачных соглашений во второй половине XIX в. было выгодно для мужчин. Она находит, что мужья надеялись сами получать приданое от родителей своих невест и яростно возражали, когда их жены утверждались в правах на собственность. Однако большинство случаев, приводимых ею в пример, касаются имущества в форме наличных денег, а не земли. См.: *Donicht G. The Idea of Morality in the Russian Noble Family of Late Imperial Russia, 1870—1914* (доклад на 3-й конференции по истории семьи в Карлтоне, май 1997).

⁶² Санктпетербургские сенатские объявления по судебным, распорядительным, политическим и казенным делам. СПб., 1859. № 1082, 1084, 1101, 1102, 1109, 1513, 1865, 1867, 1868, 1980, 1981, 2005, 2032, 2374, 12180, 14591. В этой публикации я не обнаружила брачных договоров. Дочери, получавшие имущество в дарение, не исключались автоматически из числа наследников, если только они сами не отказывались от права наследования.

⁶³ Дискуссии законодателей по поводу статуса женской собственности в браке касались исключительно приданого; о том, чтобы мужчины пользовались законной властью над имуществом, которое наследовали женщины до брака или во время его, речь не заходила.

⁶⁴ *Basch N. In the Eyes of the Law: Women, Marriage, and Property in Nineteenth-Century New York. Ithaca, 1982. P. 114; Okin S.M. Patriarchy and Married Women's Property in England. P. 125; Shammas C. Re-assessing the Married Women's Property Acts // Journal of Women's History. 1994. Vol. 6. № 1. P. 25.*

⁶⁵ *Haxthausen A. v. Studies on the Interior of Russia / Ed. by S.F. Starr. Trans. by E. Schmidt. Chicago, 1972. P. 23.*

⁶⁶ Соборное уложение 1649 года. Гл. X, ст. 132, 207; ПСЗ-1. Т. 1. № 210 (25.07.1657). К. Неволин утверждал, что каноническое право запрещало кредиторам считать женщин ответственными за долги их мужей, поэтому еще в Средневековье кредиторы не могли конфисковать приданое жен. М.Ф. Владимирский-Буданов, напротив, считал, что ответственность за долги мужей была снята с женщин только в конце XVII в. См.: *Неволин К. История русских гражданских законов. Т. 1. С. 101—107; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С. 454—456. Власти в России как начала Нового времени, так и императорского периода возлагали ответственность за долги умершего на его наследников; следовательно, вопрос о том, должны ли жены платить долги мужей, зависел от того, признавались ли они наследницами. Поскольку же супруги не являлись кров-*

ными родственниками, то вдова, хотя она и получала одну седьмую часть собственности мужа, не считалась его наследницей. См.: *Wagner W.G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia* P. 229—230.

⁶⁷ Например, в 1758 г. Сенат постановил, что если чиновника признавали виновным в растрате из государственной казны, которую он не мог возместить, то взыскание могло налагаться на имение его отца, но собственность его жены и матери оставалась неприкосновенной: ПСЗ-1. Т. 15. № 10789 (09.01.1758). См. также: ПСЗ-1. Т. 14. № 10238 (18.05.1754). Имущество купеческих жен подлежало конфискации по Уставу о банкротах 1740 г. (ПСЗ-1. Т. 11. № 8300 (15.12.1740)). Впрочем, в 1800 г. оно уже было освобождено от изъятия, кроме тех случаев, когда жена участвовала в деловых махинациях своего мужа: ПСЗ-1. Т. 26. № 19692 (19.12.1800) («Устав о банкротах»).

⁶⁸ *Lebsock S. The Free Women of Petersburg: Status and Culture in a Southern Town, 1784—1860*. N.Y., 1984. P. 57—67; *Okin S.M. Patriarchy and Married Women's Property in England*. P. 124—125.

⁶⁹ *Okin S.M. Patriarchy and Married Women's Property in England*. P. 124—125.

⁷⁰ *Lebsock S. The Free Women of Petersburg*. P. 57—67.

⁷¹ *Leonard C.S. Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia* Bloomington, 1993. P. 49—50. В 1767 г. депутаты Уложенной комиссии предлагали ограничить круг владельцев деревень с крепостными потомственным дворянством и не допускать в него офицеров, выслуживших себе дворянство на военном поприще. См.: СИРИО. 1869. № 4. С. 209.

⁷² Соборное уложение, а потом и указы XVIII в. предусматривали конфискацию за такие преступления, как государственная измена и уклонение от военной службы. См.: Соборное уложение 1649 года. Гл. II, ст. 5; гл. VII, ст. 20; гл. XVI, ст. 51; гл. XVII, ст. 39, 42. Манифест Петра III о вольности дворянства освобождал дворян от государственной службы, но при этом гласил, что дворяне, которые не дают своим детям достойного образования или не возвращаются из-за границы по требованию властей, наказываются конфискацией имущества. См.: *Leonard C.S. Reform and Regicide*. P. 41.

⁷³ *Weickhardt G.G. Was There Private Property in Muscovite Russia? // Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 532—534.

⁷⁴ Е. Анисимов, ссылаясь на данные Т. Черниковой об арестах и ссылках при Анне Иоанновне, не обвиняет эту государыню в чрезмерной жестокости, но признает существование «традиции политических репрессий» при русском дворе: *Anisimov E.V. Empress Anna Ivanovna, 1730—1740 // The Emperors and Empresses of Russia: Rediscovering the Romanovs / Ed. D.J. Raleigh*. Armonk, N.Y., 1996. P. 61—62. См. также: *Черникова Т.В. Государево слово и дело во времена Анны Иоанновны // История СССР*. 1989. № 5. С. 155—163. По замечанию Л. Фэрроу, составленная П.Н. Барановым опись указов Сената с 1725 по 1762 г. содержит свыше двухсот случаев конфискации имущества. См.: *Farrow L.A. Inheritance, Status, and Security*. P. 219.

⁷⁵ *Pipes R.* Russia under the Old Regime. N.Y., 1974. P. XXI—XXII, 66 [перевод: *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004]; *Meehan-Waters B.* The Development and Limits of Security of Noble Status, Person, and Property in Eighteenth-Century Russia // Russia and the West in the Eighteenth Century / Ed. A.G. Cross. Newtonville, Mass., 1983. P. 294—305.

⁷⁶ См.: *Raeff M.* Plans for Political Reform in Imperial Russia, 1730—1905. Englewood Cliffs, N.J., 1966. P.75—76, 79.

⁷⁷ *Meehan-Waters B.* The Development and Limits of Security. P. 300. В «Жалованной грамоте дворянству» говорилось, что дворянского звания можно было лишиться за «нарушение клятвы», «измену», «разбой», «воровство всякаго рода», «лживые поступки», «преступления, за кои по закону следовать имеет лишение чести и телесное наказание». См.: ПСЗ-1. Т. 22. № 16187 (21.04.1785). Раздел А. Ст. 6.

⁷⁸ ПСЗ-1. Т. 22. № 16187 (21.04.1785). Параграф А. Ст. 6.

⁷⁹ РГИА. Ф. 1345 (Пятый департамент Сената). Оп. 98. Ед. хр. 477. Л. 2, 17. Подавляющее большинство дворян, лишенных дворянства в XIX в., составляли мужчины. Их наказывали таким образом за хищения государственной или частной собственности, должностные злоупотребления и убийства. См.: Там же. Ф. 1343. Оп. 56. Но в документах встречаются и женские имена: дворянки, в большинстве своем, лишались дворянства за убийство незаконнорожденных детей.

⁸⁰ См. ряд примеров: ПСЗ-1. Т. 34. № 26780 (09.04.1817); РГИА. Ф. 1330. Оп. 5. Ед. хр. 516. Л. 14, 23, 47. См. также: РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 1—2 (письмо с описанием крупномасштабных конфискаций среди дворянства на Украине после восстания 1816 г.). По сообщению киевского военного губернатора Н. Казнакова, не менее 850 имений польских помещиков площадью 2,5 млн десятин было конфисковано в Киевской губернии после восстания 1863 г.: Там же. Ф. 948 (Казнаковы). Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 69—70.

⁸¹ Там же. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 585. Л. 1—2.

⁸² Об аресте имений за мучительство крепостных, несостоятельность и иные проступки см. гл. 7 наст. изд.

⁸³ ПСЗ-1. Т. 23. № 17033 (24.03.1792).

⁸⁴ РГИА. Ф. 914 (Волконские). Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 12, 15—16. Жена Сергея Волконского, Мария Николаевна, имела право на свое приданое и на седьмую часть имущества мужа после его «гражданской смерти». Но поскольку она решила разделить его судьбу и отправиться в ссылку, ей позволили получать только десять тысяч рублей ассигнациями в год. См.: *Волконский С.М.* О декабристах (по семейным воспоминаниям). СПб., 1998. С. 61 (первое издание вышло в 1922 г.).

⁸⁵ См. ее письмо с доверенностью тетке во время раздела семейных владений в 1832 г.: РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 451. Л. 1.

⁸⁶ ПСЗ-1. Т. 5. № 3204 (26.05.1718).

⁸⁷ Письма леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе, в царствование императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1836. С. 41.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 1—8; Там же. Ед. хр. 124. Л. 1—5; Там же. Ед. хр. 136. Л. 11—13.

⁸⁹ Проекты Уголовного уложения 1754—1766 годов: новоуложенной книги часть вторая. О розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены. СПб., 1882. С. 76, 78. Гл. 2. Ст. 1, 2; Гл. 21. Ст. 1.

⁹⁰ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1903. Т. 8. С. 101—107.

⁹¹ См., например, предложения Мордвинова правительству относительно облегчения долгового бремени дворян: РГИА. Ф. 994 (Мордвиновы). Оп. 2. Ед. хр. 221. Л. 7—8. Мордвинов никоим образом не противопоставлял самодержавное государство институту частной собственности в России, подразумевая, что центральная власть является единственной защитой от произвола местных властей. См.: Там же. Ед. хр. 575. Л. 1—2. Об интересе Мордвинова к имущественному праву см.: *McCaffray S.P. What Should Russia Be? Patriotism and Political Economy in the Thought of N.S. Mordvinov // Slavic Review. 2000. Vol. 59. № 3. P. 572—596.*

⁹² ПСЗ-2. Т. 21. № 20138 (17.06.1846).

Глава 3

БРАК И РАЗДЕЛЬНОЕ ВЛАДЕНИЕ ИМУЩЕСТВОМ

«**Т**ебе следует знать, что каждая женщина имеет права на свое состояние совершенно независимо от мужа, а он точно так же независим от своей жены, — восхищалась Кэтрин Уилмот в письме из России к своей сестре Гарриэт в 1806 г. — Следовательно, брак никоим образом не является объединением денежных интересов, и если женщине, имеющей большое поместье, случится выйти замуж за бедняка, она все равно считается богатой, в то время как муж может сесть в долговую тюрьму, так как он не имеет права ни на один фартинг из ее состояния. Это придает любопытный оттенок разговорам русских матрон, которые, на взгляд кроткой англичанки, пользуются огромной независимостью в этом деспотическом государстве!»¹

К тому времени как Кэтрин Уилмот приехала в Россию, имущественно-правовое положение русских дворянок в сфере наследования и контроля над имуществом существенно улучшилось. Европейские путешественники, побывавшие в России в начале Нового времени, отмечали подчиненное положение русских женщин как определяющую черту «отсталого» общества москвитов. Зато в XIX в. иностранцы, наоборот, с изумлением обнаруживали существование обширных правовых привилегий русских женщин. Хотя иноземные путешественники зачастую неверно понимали или

преувеличивали увиденное в России, в своих записках они освещают XVIII век как истинное время перемен для дворянок. И все же даже самые проникательные европейские наблюдатели едва коснулись вопроса о том, как русские женщины переживали преобразование своего правового статуса. Историки, со своей стороны, сравнительно легко выявили юридические вехи на пути расширения женских имущественных прав, однако не пытались оценить ни практическое значение раздельного имущества в повседневной жизни русских женщин и мужчин, ни истинный масштаб женского права распоряжаться имуществом. Являлось ли обособленное владение лишь юридическим механизмом, не влиявшим на то, как семьи управляли собственностью на деле? Продолжали ли мужья и жены присматривать каждый за своим имуществом после того, как соединялись их имения, или они мыслили исключительно в категориях общих семейных интересов? В отсутствие доказательств обратного ученые предполагают, что контроль женщин над их состоянием был номинальным, а мужчины являлись фактическими распорядителями общего имущества супругов. У. Вагнер находит, что «как государственные чиновники, так и общество в целом мало придавали подлинного значения правовым нормам; во всяком случае, последние, как кажется, были зачастую плохо известны и внедрялись неравномерно... Поэтому остается неясным, в какой степени соблюдались на практике те права, которыми формально пользовались замужние женщины согласно законам Российской империи»².

В этой главе будет рассмотрен центральный для нашей темы и весьма сложный для исследования вопрос: что же представляло собой на практике раздельное владение имуществом. Ниже мы проанализируем влияние раздельной собственности на отношения между мужьями и женами, а также те возможности контролировать имущество, которые получили дворянки после 1753 г. Для начала коснемся личного присутствия дворянок при заключении имущественных сделок как важного показателя активности замужних женщин в сфере распоряжения собственностью. Затем исследуем имущественные споры, возникающие при супружеских разногласиях и говорящие о том, что раздельная собственность действительно играла большую роль в жизни дворянских семей. Вопреки общему мнению, я утверждаю, что контроль над имуществом со стороны дворянок далеко не был всего лишь юридической формальностью: в частности, стремление судов поддерживать права

женщин, лишенных имущества, говорит о той важности, которую могла иметь раздельная собственность для дворянок. При всей своей ограниченности, закон об обособлении имущества супругов предоставил русским женщинам свободу в такой области, которая была почти недоступна европейским дворянкам: они получили шанс защитить свои имения от посягательств мужей или спастись от нестерпимо жестокого обращения³.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СПОР: СЕМЕЙНОЕ ПРАВО ПРОТИВ ИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА

С середины XVIII в. правовому статусу замужних женщин и гендерным отношениям в России было присуще одно глубокое противоречие. В его основе лежало несоответствие между положением замужних женщин в семейном и в имущественном праве. Обычай, семейное право, религиозное мировоззрение единодушно предписывали личное подчинение женщин мужьям. Власти, как гражданские, так и церковные, провозглашали, что жена должна жить со своим мужем и покоряться ему, даже если он с ней жестоко обращается. В то же время имущественное право видело в замужней женщине самостоятельную личность и гарантировало ей полный контроль над любым имуществом, ей принадлежащим. Неудивительно, что эти принципы приходили в столкновение, причем нередко от этого страдала женская самостоятельность. Как пронизательно заметила британская наблюдательница обычаев русского общества, «замужняя женщина хоть и имеет полную власть над своим состоянием, но не властна над своею судьбою»⁴.

Очевидно, что контроль дворянок над земельными владениями был реален лишь в той мере, в какой суды были готовы примирять эти противоречия и защищать права замужних женщин⁵. Но еще с XIX в. историки, за немногими исключениями, утверждали, что право женщин свободно отчуждать имущество есть юридическая фикция, что эта привилегия не может быть реализована в рамках брака в императорской России. Исследователь Н.В. Рейнгардт писал, что поскольку власть мужей над женами в русском гражданском праве неограниченна, то и экономическая независимость дворянок — это всего лишь видимость⁶. Рейнгардт утверждал, что не существует препятствий, способных помешать мужьям получать от жен доверенности на имения и распоряжаться их землями с выго-

дой для себя. Тем, кто думал, что правовой статус русских женщин выше, чем в Западной Европе, Рейнгардт отвечал, что западноевропейское право гарантирует женщинам больше личных свобод, а закон о совместном имуществе супругов дает женщинам более надежную защиту от злоупотреблений их собственностью со стороны мужей. Ученый признавал, что русским женщинам порой удается защитить свое имущество от мужей, но лишь в тех случаях, когда им удастся обойти закон⁷. Более того, он отметил, что принцип обособленного имущества жен действует, только если он не входит в противоречие с интересами государства. Поэтому женам должностных лиц запрещено заниматься коммерцией, а женщины, которые ведут предпринимательскую деятельность не от своего имени, не имеют права подписывать долговые обязательства без согласия мужей⁸.

Другие авторы оспаривали эту пессимистическую оценку Рейнгардта. Как отметил М.Ф. Владимирский-Буданов в своем основательном обзоре истории русского права, законодательство XVIII в. примечательно тем, что в нем нет положений, посвященных отношениям мужа и жены, которые лежали бы в сфере религиозной идеологии. Он указал, что правила, запрещавшие раздельное проживание супругов, были приняты в то время, когда власти империи начали переселение крестьян и стремились предотвратить разрушение крестьянских семей. Более того, Петр Великий решительно освободил женщин всех сословий от обязанности следовать за мужьями в ссылку, а это значит, что государство установило определенные пределы власти мужей над женами.

Владимирский-Буданов писал также о том, что в XVIII в. не существовало постановлений, в которых говорилось, что жены обязаны подчиняться своим мужьям. Указ 1782 г. впервые в истории гражданского права прямо предписывал женщинам покорность, и лишь в 1830 г. составители Свода законов добавили слова о том, что женское послушание должно быть абсолютным. Если бы этот закон применялся на практике, то, по мнению Владимирского-Буданова, он не только являлся бы посягательством на имущественные права женщин, но и препятствовал бы им подавать в суд на своих мужей. Между тем женские права в этом отношении никогда в России не ограничивались⁹. К.Д. Кавелин, напротив, полагал, что статья, предписывавшая женам покорность, была не просто рекомендацией, но имела реальную законную силу; поэтому брак с неизбежностью сурово ограничивал личную свободу женщин¹⁰.

Н.М. Карамзин был убежден, что эта новая тенденция к подчинению женщин возникла в российском праве под иностранным влиянием, и обвинял М.М. Сперанского в подражании Кодексу Наполеона при составлении проекта российского Гражданского уложения 1809 г.¹¹

С середины XIX в. разительное противоречие между личными и имущественными правами замужних женщин в российском законодательстве не только привлекало растущий интерес правоведов, но и обострялось по мере приближения к концу императорского периода истории России. В 1880-х гг. члены комиссии по составлению нового Свода законов подробно обсуждали эти досадные несоответствия в правовом статусе женщин, причем многие из них выступали за ограничение власти мужей над женами. Один депутат утверждал, что институт брака в России все еще подчинен принципам Домостроя, заложенным в XVI в., что исключает возможность активного контроля замужних женщин над имуществом. Суды, по его словам, ставили себя в невозможное положение, разбирая споры между супругами по поводу принадлежности приданого: хотя имущественное право гарантировало женщинам независимое владение, судебные власти нередко искажали смысл закона, объявляя, что в браке мужа выступают опекунами приданого своих жен¹². В кругах правоведов и чиновников с опытом судебной практики преобладало мнение, что у замужних женщин мало шансов управлять и распоряжаться своими имениями, если мужа им этого не разрешают.

РАЗДЕЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО И НОТАРИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Естественно, что большинство данных, свидетельствующих о значении раздельного владения имуществом, происходит из судебных дел о тяжбах между супругами. Нотариальные же материалы служат важнейшим источником информации о том, какую роль играло раздельное имущество в сравнительно дружных семьях, а также позволяют оценить, насколько тщательно соблюдало дворянство юридические формальности. Анализ мужских и женских подписей под имущественными сделками показывает, что владение со стороны женщин имуществом во время брака существовало далеко не только на бумаге. При продаже имений и заключении любых других имущественных сделок присутствие сторон было совершен-

но необязательным: дворяне обоих полов часто посылали своих представителей подписывать соглашения и документы вместо себя. Так, отпуская крепостных на волю, владельцы почти никогда не являлись лично в учреждения, выполнявшие нотариальные функции по имущественным сделкам (см. в наст. изд. Приложение 1), а поручали дело управляющему или деревенскому старосте.

Но если бы женщины являлись лишь формальными владелицами имущества, можно было бы ожидать серьезной разницы в количестве мужчин и женщин, присутствующих при продаже недвижимости. Женщины могли не присутствовать лично при нотариальном оформлении сделки, когда они продавали или приобретали имущество: женам было проще поручать представительство мужьям, чем ездить по делам самим. В сущности, так было бы удобнее всего, если бы, в соответствии с предположениями ученых, женщины возлагали все решения по поводу управления собственностью на мужей или других родственников мужского пола. Однако подписи под купчими записями говорят о том, что и мужья, и жены были верны не только букве, но и духу закона о раздельном имуществе. И покупая, и продавая собственность, мужчины и женщины лично присутствовали на продажах почти в равных пропорциях. Как видно из данных (табл. 3.1), в XVIII в. помещики обоего пола засвидетельствовали подписью почти 90% покупок и продаж деревень. Более того, когда в XIX в. уровень присутствия женщин при заключении сделок снизился, то вместе с ним пошло вниз и личное участие мужчин в их оформлении. По всем уездам и за весь период наблюдений поведение дворянок оказывается удивительно сходным с поведением мужчин-помещиков: и те и другие одинаково не желали доверять уполномоченным лицам дела, связанные с недвижимостью.

Состав лиц, подписывавших документы вместо неграмотных дворянок, еще ярче подчеркивает стремление супругов строго соблюдать официальное разделение их имущества. До XIX в. многие дворянки были не в состоянии заверить документ своей подписью¹³. Но, как ни странно, подписи мужей и родственников не являются самыми многочисленными в имущественных сделках неграмотных женщин: в среднем 22% женщин в XVIII в. просили мужей подписывать за них купчие, но куда чаще они обращались к священникам или чиновникам с просьбой засвидетельствовать их сделки (см. табл. 3.2). Судя по нотариальным записям, бывало, что неграмотные дворянки просили чиновников расписаться за них

Таблица 3.1

**Присутствие дворянок и дворян при продажах имений
в 1750—1860 гг.***

	Владимирский уезд		Кашинский уезд		Тамбовский уезд		Москва		Все регионы	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
1750—1755	95 (20)	91 (11)	100 (25)	80 (5)	90 (31)	93 (28)	94 (243)	95 (202)	94 (319)	94 (246)
1775—1780	89 (28)	94 (17)	82 (76)	75 (20)	83 (92)	93 (54)	90 (267)	86 (352)	87 (463)	86 (443)
1805—1810	46 (147)	45 (85)	96 (27)	88 (16)	71 (7)	100 (3)	83 (88)	91 (54)	64 (269)	63 (158)
1855—1860	65 (85)	73 (30)	—	—	—	—	—	—	65 (85)	73 (30)
Все периоды 1750—1860	60 (280)	60 (143)	88 (128)	80 (41)	84 (130)	93 (85)	90 (598)	88 (608)	82 (1136)	84 (877)

* ж — женщины, м — мужчины. Каждая цифра означает процент женщин или мужчин, присутствовавших при заключении сделок продажи своего имущества. Количество сделок указано в скобках.

Источник: см. Приложение 1.

**Подписи представителей неграмотных дворянок
(1750—1860 гг.)***

	Владимирский уезд			Кашинский уезд			Тамбовский уезд			Москва			Все регионы		
	м	р	о	м	р	о	м	р	о	м	р	о	м	р	о
1750—1755	14	7 (14)	79	20	5 (20)	75	15	4 (27)	81	25	11 (115)	64	22	8 (176)	69
1775—1780	57	14 (7)	29	27	8 (37)	65	14	5 (42)	81	17	17 (46)	59	21	11 (132)	66
1805—1810	13	13 (8)	75	0	0 (3)	67	0	0 (0)	0	0	50 (2)	50	8	15 (13)	69
1855—1860	0	0 (0)	0	—	—	—	—	— (0)	—	—	—	—	0	0 (0)	0
Все периоды 1750—1860	24	10 (29)	66	23	5 (60)	68	15	4 (69)	81	23	13 (163)	63	21	9 (321)	68

* м — муж, р — родственник мужского пола, о — официальное лицо (чиновник или священник). Все подписи, не входящие в эти категории, принадлежат женщинам-родственницам. Каждая цифра показывает процент неграмотных дворянок, за которых расписались представители данной категории. В скобках приведено количество неграмотных женщин, участвовавших в продажах имений.

Источник: см. Приложение 1.

даже тогда, когда их собственные мужья тоже приезжали в контору по своим делам. Так, в 1777 г. в Тамбове прапорщик Извольский лично присутствовал при оформлении его женой в провинциальной канцелярии залога тридцати душ крепостных. Сам Извольский отдал в заклад 20 десятин земли, так что вместе супруги получили 1500 руб. — вероятно, на уплату долгов. Извольский подписался под своей закладной, а жена его Елена попросила секретаря заверить ее закладную¹⁴. К тому же дворяне обоего пола, как оказалось, не склонны были просить своих супругов заключать за них сделки, когда речь шла о продаже собственности¹⁵. Определенно супруги были заинтересованы в общем финансовом благополучии, хотя бы ради детей, но если они не могли сами присутствовать при сделке, то скорее готовы были обратиться к третьему лицу с просьбой хлопотать об их интересах. Эти особенности нотариальной практики не оставляют сомнений, что представительство замужних дворянок в их собственных делах считалось само собой разумеющимся, даже если их участие сводилось просто к личному присутствию в момент сделки.

ДУШЕВЛАДЕНИЕ И ПРОБЛЕМА БРАКОВ МЕЖДУ КРЕПОСТНЫМИ

Несмотря на всю ту защиту, которую обеспечивал институт обособленного имущества замужним женщинам и их родным семьям, перед российскими судами, охранявшими границы между собственностью мужа и жены, все-таки возникала масса юридических дилемм. Важно отметить, что правовые конфликты по поводу выяснения статуса имущества, принадлежащего мужу и жене, были по преимуществу характерны для XVIII в.: они возникли в его начале и усилились после указа 1753 г., предоставившего замужним женщинам власть над их именными. Хотя российское право начала Нового времени признавало замужних женщин собственницами приданого, управление имуществом супругов традиционно было их общим делом. Выше мы видели, что до второй четверти XVIII в. приданое вручалось жениху. В начале Нового времени супруги совместно решали вопросы отчуждения приданого жены и выделяли приданое дочерям из своих общих владений («из обща»). К тому же и жены, и дети несли ответственность по долгам мужей и отцов¹⁶.

В процессе постепенного перехода имущественных прав от семей к индивидам судебные власти в России сталкивались со все новыми трудностями в исполнении закона о раздельном имуще-

стве. Задолго до того как женщины получили право контроля над своим состоянием, дворянские семейства уже прекрасно осознавали, что существует опасность обмана со стороны родни по мужу. В течение XVIII в. их опасения вылились в форму невероятно подробных росписей приданого, в которых не только значились количество земли и численность крестьян, данных за невестой, но и бесконечно перечислялись иконы, платья, хозяйственные принадлежности, корсеты... Такие списки оказывались незаменимыми в имущественных спорах, в которых предметом разногласий служила каждая подушка и каждая кастрюля. Типичный случай произошел в 1761 г., когда подполковник Свечин представил в Сенат восьмистраничный список приданого своей жены, которую обвинял в супружеской неверности, и попытался завладеть ее имуществом. Свечин перечислил по пунктам каждую вещь из жениного приданого и отметил, в чьем владении она находится в данный момент — его или ее. Если вещь была продана, то он отмечал, кем именно. Некоторые вещи, в том числе несколько предметов нижнего белья и лисья шуба, как отметил Свечин, были «изношены женою»¹⁷.

Но куда сложнее, чем поделить движимое имущество, было установить, кому принадлежат крестьяне в ситуации, когда крепостные мужа и жены вступали в брак и у них рождались дети. Проблема принадлежности крепостных иллюстрирует те сложности, которые были связаны с сохранением раздельной собственности супругов в повседневном обиходе. Она показывает также, что, дабы пожать плоды раздельного владения имуществом, дворянки были вынуждены оберегать правовые границы, отделявшие их поместья от владений мужа. Существование целого ряда документов о юридических договоренностях, в том числе запись полученных в приданое деревень на имя жены и тщательное перечисление состава приданого в росписях, твердо внушало мужчинам и женщинам, что они не могут игнорировать раздельность своих имений. В то же время мужья довольно часто управляли обоими именьями и женили своих крестьян на крепостных своих жен. Причем, если дворянка не самым пристальным образом следила за своими владениями, это могло привести к существенным потерям как для нее самой, так и для ее детей.

В росписи приданого, как правило, включались крепостные женщины, и естественно, что между крестьянами, принадлежавшими супружеским парам, заключались браки. Это обстоятельство никого не тревожило, пока существовал брак между владельцами

крепостных, но, как только один из супругов умирал, начинались серьезные проблемы. Соборное уложение 1649 г. запрещало владельцам разлучать жен и мужей. А раз женатых крестьян нельзя было поделить, то перед овдовевшим барином или барыней вставал затруднительный вопрос: собственностью которого из супругов теперь считаются крепостные муж с женой и их дети?

Вдова Акулина Воейкова, обратившаяся в Вотчинную коллегию в 1737 г., стояла на том, что владелица — она. После смерти мужа в 1735 г. Воейкова вступила в длительный спор со своим зятем, князем Никанором Мещерским, по поводу раздела мужнина имения. Воейкова не оспаривала права дочери на шесть седьмых имения, но настаивала, что имеет полное право на одну седьмую часть недвижимого имущества своего мужа, как и на возврат своего приданого. По словам Воейковой, Мещерский отдал ей менее одной десятой части собственности, причем забрал себе всех умелых и работающих крестьян, оставив ей «самых нищих, и увечных, и мертвых». Кроме того, зять причислил к своей доле всех ее крепостных женщин, которых муж когда-то выдал замуж за крестьян из собственных деревень.

В 1744 г. Воейкова представила свое дело в Сенат, после того как Вотчинная коллегия постановила, что крепостных женщин ей должны вернуть, а их мужей и детей зачесть в счет ее прожитка. Тем самым сокращалась та доля имущества, которая полагалась вдове из имения мужа. Сенат же, напротив, нашел решение Вотчинной коллегии противоречащим одной статье Соборного уложения, гласившей, что если женщина умирала, не оставив потомства, то принадлежавших ей крестьянок следовало возвращать ее родной семье. Если же эти крестьянки были выданы замуж, то их мужьям полагалось отправляться вместе с женами, невзирая на то, кому они принадлежали первоначально. Поэтому Сенат постановил, что Воейкова вправе требовать возврата своих крестьянок вместе с семьями в качестве исходного приданого сверх одной седьмой части владений мужа¹⁸.

В XVIII в. регулярно происходили подобные конфликты из-за принадлежности крестьянских семей разным владельцам-супругам. В 1751 г. в Вотчинную коллегию пожаловалась вдова Акулина Коверина. Она заявила, что ее муж выдал нескольких ее крепостных девок за собственных мужиков, и потребовала вернуть их вместе с семьями. На это ее деверь отвечал негодующим письмом, где говорилось, что Коверина не принесла в приданое ни одной крепост-

ной крестьянки, и более того, его покойный брат выдал за ее крестьян десять собственных девок, и все они теперь принадлежат его невестке¹⁹. Последовала череда жалоб с обеих сторон; два года спустя Вотчинная коллегия вынесла решение в пользу Ковериной, признав ее права на седьмую часть имения мужа и на всех ее крепостных женщин с их потомством²⁰.

До середины XVIII в. дворянские вдовы явно оказывались в выигрыше благодаря тому, как суды истолковывали их право требовать назад своих крестьянок вместе с их семьями. Но такое положение вещей куда меньше устраивало мужчин, которые чувствовали, что их обирали, лишая части наследства. В 1767 г. дворянские собрания представили свои жалобы вниманию Екатерины II, указывая на то, что при действующих правилах мужчины несут убыток в крестьянах и что при разделе имущества следует дать право владельцу крепостного мужа требовать себе всю его семью²¹.

Члены Сената, вынося впоследствии решения по поводу принадлежности крепостных, повторяли логику рассуждений провинциальных дворян-депутатов. В течение второй половины XVIII в., по мере того как законодатели пересматривали свои взгляды на отношение женщин к имуществу, они также во многом лишили прежней защиты замужних женщин-помещиц. Предоставив женщинам в 1753 г. полноправие в отношении собственности, Сенат был вынужден заново рассмотреть проблему принадлежности крестьян супружеским парам.

При пересмотре одного дела в 1799 г. Общее собрание Сената обсуждало принципы, влиявшие на прецеденты решений о принадлежности крестьян от 1744 и 1762 гг. В 1744 г. было вынесено решение в пользу жены и ее родственников, потому что «в прежняя времена приданое имение справливалось не за одною вышедшею замуж, но и замужем ея, и по тому почитал он себя владельцем женина имения, мог приданных ея женщин выдавать за своих людей». Чтобы предотвратить ущерб имуществу жены и ее рода, Сенат тогда постановил, что крепостных крестьянок с потомством надлежит возвращать жене и ее родным. Но после 1744 г. в регистрации приданого установились новые обычаи. Теперь чиновники записывали деревни только на имя жены, и женщины стали управлять и распоряжаться своими имениями, не спрашивая разрешения у мужей, так что мужчины более не могли присваивать собственность своих жен. Следовательно, решили сенаторы, будет несправедливо вместо одной крестьянки отдавать жене целую семью.

А потому они предложили новые основания для раздела имущества в будущем. Если мужа и жены сговаривались поженить своих крестьян, то отныне при разделе имущества действовал такой принцип: крестьянская семья принадлежит владельцу крепостного мужа. Поэтому если муж выдавал своих крепостных женщин за мужиков, принадлежащих жене, то владелицей отныне считалась жена, и наоборот²². Словом, получив право контролировать собственные имения, женщины, хотели они того или нет, брали на себя и бремя защиты своего состояния от притязаний со стороны мужей.

СДЕЛКИ МЕЖДУ СУПРУГАМИ

Установление принадлежности крестьян было не единственным затруднением, с которым сталкивались суды, пытаясь уладить имущественные отношения между супругами во второй половине XVIII в. Исходя из той удобной посылки, что женщины теперь в самом деле могут решать, как им использовать свою собственность, законодатели постепенно лишали их той защиты, которую некогда распространили на жен, принуждаемых отдать свое состояние. Разобравшись с последствиями, ожидавшими супругов-помещиков, которые женили между собой своих крепостных, суды принялись за решение вопроса о том, можно ли мужьям и женам продавать или закладывать друг другу имущество. Блюстители закона возражали против этого не на том основании, что не могут же муж и жена, являясь единым существом, оформлять взаимные контракты (так считалось кое-где в Западной Европе). Их смущало другое — постулат об обязанности женщин слушаться своих мужей, который первоначально являлся одним из догматов церковного права, а затем был сформулирован и в гражданских сводах законов. Сначала суды выражали вполне обоснованное понимание того, что мужья способны, пользуясь слабостью своих жен, заставлять их уступать свою собственность на невыгодных условиях. Но к XIX в. забота властей о беззащитных женах постепенно сменилась твердой уверенностью в том, что замужние женщины должны сами защищать собственные интересы.

Хотя имущественные сделки между супругами, судя по нотариальным документам, были сравнительно немногочисленны, вопрос, разрешать ли им продавать друг другу недвижимость, тревожил сенаторов и в XIX в. Суды издавна ощущали, что существует

вероятность насильственных продаж земли принуждаемыми к этому женами. Чтобы свести к минимуму подобную угрозу, в XVII в. продавцов обоего пола опрашивали в суде при оформлении купчих записей, закладных или завещаний²³. Впрочем, самым эффективным препятствием намерениям мужа переписать собственность жены на свое имя служил надзор со стороны родственников жены. В указе 1679 г., запретившем мужчинам продавать вотчины их жен, содержалась ссылка на родственников «вдов и девиц»; эти люди утверждали, что их родственниц мучили до тех пор, пока те не соглашались на отчуждение своих земель²⁴. Лишь гораздо позднее, в XVIII в., женщины привыкли обращаться в суды от собственного имени с жалобами на то, что их обижают и обирают.

Лишь во второй половине XVIII в., после того как женщины приобрели власть над своим состоянием, вопрос о законности сделок между супругами занял серьезное место в сенатских дебатах. Весьма показательно, что первое обсуждение статуса таких сделок в Сенате, состоявшееся в 1763 г., было инициировано не супругой, павшей жертвой принуждения, а потомками владельца имения, поспорившими из-за права его выкупить. В резюме этого дела главное внимание уделялось праву членов одного рода продавать имущество другому роду; в конце концов Сенат постановил, что продажа имущества мужьями женам неприемлема. Основанием этого решения послужил указ 1748 г., запретивший мужьям и женам претендовать на наследственную седьмую часть владений своих супругов при их жизни. Продажа женами имущества мужьям была, по мнению сенаторов, еще нежелательнее, так как женщина, не имея права возражать мужу, могла по его требованию отступить от своего имущества²⁵.

В последующих судебных постановлениях власти то исходили из неопределенности правового статуса имущественных сделок между супругами, то подчеркивали необходимость защищать жен от жадных мужей. Как ни странно, женщины оказывались в проигрыше и тогда, когда они покупали недвижимость у своих мужей, и тогда, когда у них обманом выманивали их поместья. В 1780 г. Наталья Сухотина пожелала зарегистрировать в Вотчинной коллегии имение, купленное ею у мужа, но там отказались удовлетворить ее ходатайство. Авторы этого решения утверждали, что ни в Соборном уложении, ни в позднейших узаконениях не содержится прямого разрешения на сделки между супругами. Исходя из резолюции Сената от 1763 г., Вотчинная коллегия постановила, что не может

регистрировать никакие имущественные сделки между мужьями и женами. Впрочем, вопрос о том, вернет ли муж Сухотиной ту сумму, которую она ему заплатила за имение, не обсуждался²⁶. Подобным же образом в 1805 г., когда жена титулярного советника Иванова подала в суд на мужа, не вернувшего ей 2 тыс. рублей, взятые в долг, Сенат отказался передать в ее руки имение, которое Иванов дал жене в заклад, объявив, что согласно судебному решению 1763 г. сделка их была незаконной. С другой стороны, Сенат позволил Ивановой требовать через суд возврата суммы, одолженной мужу²⁷.

Хотя судебные власти и штрафовали женщин за участие в имущественных сделках с мужьями, они все же не упускали из виду их уязвимое положение. В 1801 г. сенаторы слушали дело об имении тамбовской дворянки Марии Мосалевой, заложенном ею мужу за 10 тыс. рублей. Кончилось тем, что Сенат вынес решение в пользу ее двоюродных братьев на том основании, что перед смертью сама Мосалева подала в суд на своего мужа, причем утверждала, что это он принудил ее составить закладную, а потом завладел ее имением, так и не заплатив деньги²⁸. Случай Мосалевой был вполне типичен для дворянок, многие из которых, как она, умирали, не дождавшись правосудия.

Ходатайства женщин о разводах в XVIII в. были полны подобных обвинений: эти женщины описывали, как мужья непрерывно избивали их до полусмерти, как таскали за волосы по полу, как морили голодом — и все ради того, чтобы заставить их расстаться со своим имуществом²⁹. В одном ужасающем документе 1758 г. Ульяна Головнина рассказывала, как муж не только избивал ее до синяков, но еще и приехал однажды вечером в ее деревню и угрозил переломать ей руки-ноги и поджечь дом, если она откажется отписать на него свое поместье³⁰.

Пока Сенат обсуждал правовые тонкости разрешения супругам вести дела между собой, в губерниях, куда не доставала рука центральной власти, продолжались имущественные сделки между мужьями и женами. Убедившись, что пресечь это невозможно, Сенат в конце концов пересмотрел свои прежние постановления и объявил, что резолюция по делу 1763 г. представляла собой всего лишь решение по конкретному спору, а не общий принцип и что в российских законах нет никаких оснований запрещать супругам продавать друг другу имущество³¹. Последний спор по этому вопросу состоялся в Сенате в 1825 г. между министром юстиции и членами ко-

миссии по составлению Свода законов. В своей аргументации почти все сенаторы вообще не касались проблемы власти мужа над женой и настаивали, что постановление 1763 г. так и не было возведено в ранг закона. Министр юстиции решительно возражал, указывая на то, что Вотчинная коллегия сформулировала тогда свое мнение как руководство для решений по всем будущим сделкам между супругами. В ответ члены комитета выдвинули собственное понимание проблемы: по их мнению, она заключалась не в пользе или вреде продажи имущества между супругами для участников сделки, а в том, существует ли в российских законах какое-нибудь положение, позволяющее запретить эти сделки. Пересмотрев статьи Соборного уложения и «Жалованной грамоты дворянству», комитет заключил, что не обнаруживается никаких причин, препятствующих переходу собственности от супруга к супругу. После долгого обсуждения, в котором ни слова не прозвучало о незащищенном положении женщин, трое из четырех сенаторов на Общем собрании признали, что отныне сделки между мужьями и женами надлежит разрешить³².

Если учесть, что прежние решения опирались, хотя бы отчасти, на убеждение, что жен следует защищать от жестоких мужей, это был странный вывод³³. Но постановление Сената находилось в общем русле российского имущественного права с его тенденцией предоставлять женщинам минимальное покровительство. С середины XVIII столетия закон делал мало различий между тем, как использовали свое имущество мужчины и женщины. Когда на оба пола возложили равное бремя защиты своих интересов, это стало логическим следствием повышения статуса женщин в имущественном праве. Так, в начале XIX в. российские чиновники столкнулись с парадоксом, который по сей день сбивает с толку юристов: если закон не проводит различия между полами, это никоим образом не означает, что у женщин появляются равные возможности в осуществлении их законных прав.

СУПРУЖЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ И РАЗДЕЛЬНОЕ ВЛАДЕНИЕ ИМУЩЕСТВОМ

В результате несоответствия между статусом женщин в имущественном праве и идеологией их подчинения, царившей во всех других сферах женского существования, принцип раздельного иму-

щества подвергался испытанию, прежде всего в контексте супружеских споров³⁴. Поэтому материалы тяжб между супругами позволяют глубоко проникнуть в то, как раздельное владение имуществом могло влиять на отношения между мужем и женой. Разумеется, имущественные тяжбы между супругами случались не каждый день: в документах гражданских судов XVIII в. сохранилось сравнительно мало дел о спорах между мужьями и женами. Хотя принадлежность имущества служила важнейшим источником супружеских разногласий, данные о таких тяжбах сохранились в основном в ходатайствах о расторжении брака в архивах Святейшего синода. С одной стороны, ходатайства о разводе представляют собой интересный источник сведений об отношениях между мужьями и женами, о причинах распада браков, а с другой стороны — свидетельствуют о подходе властей к проступкам со стороны мужчин и женщин.

Зато с конца XVIII в. дворянки стали чаще обращаться к гражданским властям и проявляли все большую готовность подавать в суд на мужей, присваивавших их имения. Обзор имущественных споров между родственниками, слушавшихся в Вотчинной коллегии и Сенате с 1700 по 1861 г., показывает, что лишь в 4% (2 из 45) дел XVIII в. в качестве сторон участвовали супруги; в XIX в. эта пропорция возросла до 16% (11 из 71)³⁵. В сохранившихся судебных документах, как гражданских, так и церковных, выявляется поразительная закономерность: если речь шла только о принадлежности имущества, власти неизменно поддерживали права женщин на их собственность; когда же мужчины, участвовавшие в тяжбе, выдвигали обвинение в безнравственности, прерогативы женщин оказывались далеко не такими прочными. Хотя представители церкви неодобрительно смотрели на нарушения мужчинами супружеской верности, женщин, нарушивших брачные обязательства, ожидали гораздо более серьезные последствия. Кроме того, забота о благополучии детей нередко толкала власти на ограничение свободы женщин в отношении продажи их имущества. Интересы семьи часто заслоняли индивидуальные интересы дворянок.

Как бывает очень часто, материал, доставшийся историкам от прошлого, в подавляющем большинстве случаев касается несчастливых семей — такое положение дел способно исказить нашу картину того, как «типичная» дворянская семья смотрела на владение имуществом. Многие дворянки доверяли мужьям управление своими собственными деревнями к общей выгоде, а также в интере-

сах детей. Но, как показывает приведенный ниже спор, такой порядок далеко не всегда шел на пользу детям, если эта общность супружеских интересов разрушалась. В 1809 г. надворный советник Степан Рахманинов обратился в Сенат с просьбой вернуть ему положенное наследство, большую часть которого он потерял после смерти матери. Он рассказывал, что при вступлении родителей в брак его отец имел всего 30 душ крестьян, а мать принесла в приданое 300 душ. Все время их совместной жизни Рахманинов-старший управлял собственностью жены по своему усмотрению, собирал подати и на доходы приобретал недвижимость на свое имя. «При жизни своей [мать моя], имея уже с ним детей, почитая все то общим, противоречить не имела причины», — объяснял злосчастный Рахманинов. Потом отец снова женился, а вскоре после этого умер, оставив сына с мачехой и сводными братьями и сестрами, каждый из которых рассчитывал на долю имущества, принадлежавшего некогда матери Рахманинова. Сенат не оспаривал справедливость требований Рахманинова, но все же поддержал решение нижестоящих судов о включении земель его матери в общий раздел имущества, вместо того чтобы выделить их в собственность только Рахманинову и его родным братьям. Словом, проявленная матерью Рахманинова беззаботность привела к уменьшению наследства ее детей³⁶.

Если между мужем и женой вспыхивал конфликт, то они, совсем не считая свою собственность имуществом, находящимся в общем владении на благо всей семьи, требовали один от другого строжайшего отчета. Когда жена Ивана Мусина-Пушкина подала на развод, он заявил, что содержание ее деревень его разорило. Он потратил тысячи рублей на постройку домов в ее деревнях, копал пруды, сажал сады, заводил фабрики в имениях, которые она теперь требовала себе, не говоря уже о покупке зерна в пополнение скудного урожая с ее полей³⁷. В другом деле о разводе за 1806 г. майор Петр Бельгард утверждал, что внес залог за имения своей жены и истратил 6 тыс. рублей собственного капитала: построил барский дом у нее в деревне, купил мебель, карету, фарфор и вообще «все те разности какая для порядочного хозяйства были потребны»³⁸. Дворянство Вологодского уезда считало, что раздельное владение способно повлиять на то, как один супруг управляет имением другого, особенно если у них нет детей. В одном дворянском наказе накануне созыва Уложенной комиссии в 1767 г. отмечалось: «...Часто бывает... что муж при жизни жениной старается свои деревни

поправить, а женины разорить; бывают и жены таким образом мужнины деревни разоряют»³⁹.

РАЗВОД, НРАВСТВЕННОСТЬ И ЖЕНСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Строго говоря, имущественные тяжбы находились в ведении гражданского права и могли рассматриваться только в гражданских судах. Тем не менее пререкания из-за имущества были непременной чертой супружеских разногласий, и церковные власти в XVIII в. оказались перед трудной задачей — внушить разъяренным супругам, что в церковной компетенции находятся лишь вопросы духовной жизни. Эта неразбериха уходила корнями в допетровский период, когда церковь ведала разрешением имущественных споров между супругами⁴⁰. Истцы обоих полов постоянно обвиняли друг друга в расточительстве, в запустении имений, а то и прямо в хищении своего имущества и требовали справедливости от любого учреждения, которое соглашалось выслушать их дело. В результате дела о разводах XVIII в. освещают ту роль, которую споры из-за собственности играли в усугублении семейного разлада. В первое десятилетие XIX в. граница между гражданским и церковным правом стала наконец очевидной и для чиновников, и для просителей, и вопросы о принадлежности имущества из ходатайств о разводах постепенно исчезли. Зато в XVIII в. подавляющее большинство ходатайств о расторжении брака, разбиравшихся в Синоде, было переполнено имущественными претензиями.

Дела о разводе не только представляют собой невеселое чтение, но и показывают, насколько беззащитными были женщины перед жестокостью мужей и как сильно они зависели от родственников-мужчин или других защитников в попытках спастись от жестокого обращения⁴¹. Исковые заявления дворянок в гражданские суды почти без исключения содержат рассказы о годах невыносимых мучений от рук мужей. Обзор ходатайств перед Синодом выявляет резкие различия в целях мужчин и женщин, которые обращались к суду церкви: если мужчины гораздо чаще просили развода, имея целью получить разрешение на новый брак, то большинство женщин просили лишь позволить им жить отдельно от мужей и вернуться в родную семью или уйти в монастырь⁴². В общем и целом эти женщины напрасно зывали к церковным властям, потому что с середины XVIII в. православная церковь отказывалась рассматри-

вать даже самое жестокое физическое обращение как предлог для расторжения брака. До самого конца XIX в. церковь разрешала развод только в самых крайних обстоятельствах. Так, самыми распространенными причинами, которые церковь признавала основанием для развода, служили оставление мужем семьи и его ссылка в Сибирь⁴³. Когда же развода просил мужчина-дворянин, то обычным приемом было обвинение жены в супружеской измене, подкрепленное или признанием самой жены (от которого женщины часто впоследствии отказывались, утверждая, что оно было сделано по принуждению), или свидетельством дворовых людей. Обвинения в прелюбодеянии играли столь же заметную роль в имущественных спорах между супругами, слушавшихся в гражданских судах.

Князь М.М. Щербатов в своем обвинительном акте против двора русских императриц неустанно осуждал распутство дворянок, утверждая, что царствование Елизаветы стало «началом, в которое жены начали покидать своих мужей»⁴⁴. Но прав был Щербатов или нет, церковные и гражданские власти продолжали требовать от женщин высоких понятий о супружеской верности и строгой нравственности. Как можно было ожидать, и церковь, и государство в XVIII в. проявляли большую снисходительность к мужским проступкам, а женскую неверность наказывали — часто опираясь на самые ненадежные доказательства — пожизненной ссылкой в монастырь. Церковные власти проявляли гораздо меньшую готовность осуждать мужчин на основании рассказов их жен об их забавах с крепостными девками или о проделках с обольстительными соседками⁴⁵. Но еще удивительнее то, что женщины, нарушившие супружескую верность, оказывается, не только теряли свободу передвижения, но и лишались власти над своим имуществом⁴⁶. Даже в гражданских исках мужа могли быть уверены, что если они приведут сведения об измене, оставлении семьи или распутном поведении жены, то ее законные права померкнут перед этими преступлениями против нравственности. И наоборот, мужчины в XVIII в. могли совершать разнообразные проступки без страха потерять контроль над имуществом⁴⁷.

Несмотря на то что в гражданских законах не была отражена связь между женской нравственностью и имущественными правами, мужчины-истцы и судебные власти единодушно полагали, что женщины, преступившие границы морали, надо лишать прав собственности. Еще в 1745 г. императрица Елизавета лишила вдову

Прасковью Носову опеки над дочерью и прав на имущество, как личное, так и недвижимое, после того как тесть Носовой пожаловался на ее несправедливый образ жизни⁴⁸. Поэтому прелюбодеяние не только представляло собой одно из немногих оснований для развода, которые, пусть и редко, но все же принимала православная церковь, но и давало повод — законный или нет, — чтобы помешать замужним женщинам пользоваться правами собственности. Имея в виду именно эту цель, подполковник Свечин в 1761 г. представил целый свод обвинений против своей жены Марии в ходатайстве в Сенат. Как утверждал Свечин, он обращался с жалобами на жену и в Новгородскую духовную консисторию, и в гражданский суд, обвиняя ее в том, что она прелюбодействовала со своим двоюродным братом, коллежским советником Озеровым, что покинула супружеский кров и увезла с собой дочь, что она, кроме всего прочего, расточала свое и мужнино имение на подарки Озерову. Затем Свечин представил документ из Новгородской консистории, которая будто бы постановила вернуть дочь Свечина отцу, а имение Марии Свечиной отдать в руки ее мужу на сохранение.

Как часто бывало, к документам о тяжбе Свечиных не приложили письменную резолюцию. Новгородская консистория уверяла, что ничего не знает о том решении, которое Свечин привез в Сенат, а там объявили, что, если Свечин желает продолжать дело, он должен снова подать прошение. Мария Свечина, со своей стороны, отрицала измену мужу и обвиняла его в присвоении ее приданого и в том, что он бросил ее в Москве без вещей, в одном дорожном платье⁴⁹.

Далеко не один Свечин предъявлял измышления об измене, чтобы отнять собственность у жены. В 1779 г. коллежский асессор Колокольцов сообщил в Синод, что его жена сбежала в Пензу к любовнику и довела до разорения свои деревни. Чтобы сберечь наследство шестерых детей, он просил Сенат запретить ей впредь продавать или закладывать собственность. Елизавета Колокольцова отрицала, что изменяла мужу, но все же ради сохранения мира в доме согласилась отписать имение на детей и разрешила мужу пользоваться всеми доходами с него, за вычетом ежегодного содержания в 12 тыс. рублей для себя. Колокольцов был, очевидно, доволен этим компромиссом, столь явно клонившимся в его пользу: он уже не упоминал о якобы совершенных женой проступках против нравственности, как только добился полновластного распоряжения доходами с ее земель, и не возражал, чтобы она поселилась

отдельно от него в одной из своих деревень⁵⁰. Мужу Наталии Колтовской оказалось еще легче добиться прав на имение жены. Колтовская не делала тайны из того, что питает отвращение к мужу и неверна ему: она заявила, что готова пожертвовать своим состоянием и покинуть детей, лишь бы не возвращаться домой. «Имение я тебе все отдаю... ты можешь им распорядиться как угодно, — писала она в 1798 г. — Только, ради самого себя, забудь меня»⁵¹.

Красноречивые рассуждения о семейных финансовых интересах занимают видное место в документах о супружеских спорах: истцы обоих полов понимали, что призыв к справедливости от имени их наследников прозвучит в суде более весомо, чем просто мотивы личной корысти. Например, любимым приемом судившихся супругов было винить друг друга в плохом управлении имуществом. В одном из таких типичных дел генерал-лейтенант Деденев заявил, что по слабости разума и дурному поведению его жена не способна управлять собственным имением. Их разногласия все усиливались, и в 1766 г. Деденев обратился к императрице с прошением назначить к имению опекуна и ради детей запретить жене продажу земель. Императрица рассудила дело в пользу генерала и лишила Авдотью Деденеву права распоряжаться собственным имуществом⁵². Десятью годами раньше князь Владимир Мещерский обвинил жену в том, что она заложила его крестьян, а полученные деньги пустила на разгульное житье в Петербурге. Он искал справедливости от имени своих троих обездоленных нищих малолетних детей, что дало императрице мысль вызвать к себе княгиню Наталью Мещерскую и сделать ей внушение⁵³. Зато сколько-нибудь успешно использовать тот же прием в отношении мужа могла только дворянка безупречной нравственности. В 1779 г. Сенат встал на защиту Екатерины Сиверс: с нее сняли всю вину за распад брака, и Сенат обещал положить конец попыткам ее мужа помешать ей хозяйничать в собственном имении⁵⁴. И напротив, когда опекун прелюбодейки Натальи Колтовской обвинил ее мужа в плохом управлении ее собственностью, то это ни к чему не привело⁵⁵.

Судебные власти всем сердцем поддерживали таких дворян, как князь Мещерский, утверждавший, будто их дети остались без гроша из-за того, что жена покинула его и растратила состояние. Но если женщины возводили подобные обвинения на мужей, этот принцип срабатывал не всегда. Так, в 1789 г. перед Сенатом предстала Александра Воейкова с рассказом о том, как ее муж с любовницей за последние два года разорил свое поместье и пустил на

ветер больше ста тысяч рублей. Именем своих детей она умоляла Сенат передать поместье в опеку. Но хотя суды низших инстанций вынесли решение в пользу Воейковой, Сенат отменил их постановления, указав, что никто из родных капитана Воейкова не жаловался на плохое управление его имением. Кроме того, сенаторы отметили, что невозможно найти прецедент, когда дворянина лишили бы имения по требованию его жены. «Из жалобы Воейковой видно, что она хочет быть мужу своему не женою, а материю», — заявили они и постановили, что ее ходатайство вызвано чистой корыстью, а не материнским попечением о детях⁵⁶. Сенаторы назначили Воейковой содержание с имений ее мужа, но запретили ей выезжать из своей рязанской деревни и донимать их новыми жалобами.

В течение всего XVIII в. противоречие между правами замужних женщин на обособленное имущество и их обязанностью хранить святость брака вызывало весьма неоднозначные решения со стороны судов. Некоторые жалобы дворянок говорят о том, что постановления провинциальных судов вопиющим образом нарушали их имущественные права⁵⁷. Однако в глазах императрицы и Сената положения имущественного права часто оказывались важнее осуждения изъятий женской нравственности. Например, в 1745 г. Ефим Сабуров обвинил свою жену, Елену Трусову, в супружеской измене. Та не признала за собой никакой вины и послала несколько прошений, в которых утверждала, что муж и свекор избивали ее и держали под замком, чтобы завладеть ее деревнями. Московская консистория сначала вынесла решение в пользу Сабурова, поручила ему опеку над дочерью и сослала Трусову в монастырь вблизи от ее деревень. Но Трусова при помощи своего дяди упорно защищалась, и в 1748 г. Сенат от имени императрицы Елизаветы приказал Синоду отпустить Трусову из ссылки и вернуть ей дочь и все имущество. Императрица заявила, что передача имения Трусовой ее мужу является нарушением законов о собственности. Трусовой предоставлялся полный пожизненный контроль над ее имуществом, хотя, согласно указу, она не могла ни продать, ни заложить и малой доли своих владений, дабы они сохранились в целости для дочери⁵⁸. Императрица пришла к такому же решению и в 1750 г., когда Иван Мусин-Пушкин обвинил свою жену Татьяну в том, что она покинула его и выдала дочь замуж без его согласия. Отвечая на обвинения мужа, Татьяна Мусина-Пушкина заявила, будто он прелюбодействовал со своей крепостной, а с ней обращался так жестоко, что пришлось бежать из дома. Как и в деле Трусовой, Елиза-

вета Петровна передала и имение, и младшего сына супругов на попечение Мусиной-Пушкиной, но с оговоркой, что она не вправе продать или заложить свою недвижимость⁵⁹.

У княгини Наталии Гольштейн-Бек дела сложились лучше, чем у Трусовой или Мусиной-Пушкиной. Хотя с этих дворянок сняли обвинения, их ограничили в правах пользования своим имуществом; княгиня же Гольштейн-Бек получила поместье назад без всяких условий. В ответ на жалобы князя Гольштейн-Бека на то, что его жена пренебрегает воспитанием дочери, Петр III в 1762 г. приказал передать имение княгини на попечение ее мужа до тех пор, пока их дочь не достигнет совершеннолетия⁶⁰. Но позднее в том же году Сенат отменил указ императора и постановил вернуть имение княгине Гольштейн-Бек, потому что ни в Соборном уложении 1649 г., ни в каком-либо другом правовом своде не существовало прецедента, позволявшего отдать имение женщины ее мужу. По закону же ему не полагалось ничего, кроме седьмой части имущества жены после ее смерти⁶¹. Вероятно, на решение сенаторов повлияло свержение Петра III, но они обосновали свой вердикт законом и прецедентом, а значит, его нельзя сбросить со счетов как пустую формальность.

Судебные власти высшей инстанции, далекие от того, чтобы разрешать супружеские споры по собственному произволу, остро осознавали несоответствие между статусом дворянок в семейном и имущественном праве. Одно дело, слушавшееся в Сенате в 1779 г., особенно ясно показывает, что законодатели никогда не забывали, что они обязаны подходить к женским правам собственности с большой осторожностью, даже если женщина, потеряв доброе имя, не заслуживала более прав на свое имущество. Ожесточенный спор между Никитой и Софьей Демидовыми высвечивает тот конфликт, с которым сталкивались суды, когда на одной чаше весов находилось положение женщины с точки зрения имущественного права, т.е. чисто гражданское дело, а на другой — ее долг уважать святость брака.

Представ перед Сенатом в 1779 г., Никита Демидов заявил, что вложил весь свой капитал в покупку для жены имения в пять с лишним тысяч душ, а она отплатила ему за щедрость тем, что дважды нарушила супружескую верность. После того как он долгие годы терпел беспутное поведение жены, Демидов решил с нею развестись и теперь требовал вернуть ему это имение. Мать и братья Демидовой в один голос свидетельствовали в пользу ее мужа, подтвер-

див его слова о том, что она сбежала с другим мужчиной. И хотя Софья Демидова заявила, что муж своей жестокостью едва не довел ее до самоубийства, Сенат поверил показаниям ее мужа и родных: в кратком резюме дела сенаторы отметили, что их решению способствовали показания матери Демидовой, а материнское свидетельство священно. После долгих размышлений Сенат постановил, что отныне Демидова должна жить под опекой своей матери и братьев, а права собственности на имение вернул Демидову.

Впрочем, в своем комментарии к делу Демидовых сенаторы признали, что имущественное право фактически — на стороне Софьи. «Настоящее дело есть сущий пример той истины, что есть такие дела, кои выходят иногда из законов, и кои зависят более от нравственного о них понятия, — писали они. — Кого здесь подобает более щадить и защищать от угнетения: мужа ли, который... любовью, и благодеяниями старался поправлять испорченный и распутный нрав жены, покупая к тому и великия на имя ея деревни... Жену ли удовлетворять отданием ей купленного на ея имя имения?» Сенаторы согласились в том, что по праву Демидова является законной владелицей имения («...закон, велящий крепостному быть по крепостям»), но если они отдадут ей это имение, то преступят закон Божеский и снабдят ее средствами на продолжение распутной жизни. Они также рассудили, что несправедливо будет лишить Демидова его богатства, ведь он подарил жене имение, веря в то, что они будут пользоваться им вместе до конца дней своих.

Но самая удивительная черта дела Демидовых состоит в том, что, хотя не было недостатка в свидетелях против Софьи Демидовой, включая ее собственных родных, члены Сената ни минуты не считали постановление о лишении ее собственности предрешенным. Напротив, они считали, что должны подробно обсудить правовой статус имущества, купленного Демидовым на имя жены, и внимательно взвешивали статьи закона, говорившие в пользу того, чтобы имение осталось за ней. Сенаторы были уверены, что моральная вина Демидовой установлена неоспоримо, однако в докладе императрице они признали, что если бы строго придерживались положений законов о собственности, то имение осталось бы в руках у Демидовой⁶².

Тяжба между супругами Демидовыми едва ли была уникальна в смысле противопоставления имущественных прав и предсудительного поведения женщины. Но замысловатый комментарий к

делу ясно говорит о том, как трудно было судьям найти решение, когда на одной чаше весов перед ними лежало право замужней женщины на собственность, а на другой — ее преступления против нравственности. Дворянина тоже можно было лишиться права распоряжаться имуществом за безнравственные поступки. Например, когда в 1769 г. Сенат осудил Андрея Нелединского за то, что он высек свою мать и сестру, виновника сослали в монастырь на год, а мать получила права на его имение⁶³. И все же принятые тогда правила поведения предоставляли мужчинам больше свободы, чем женщинам, по части супружеских грехов. Такая асимметрия приводила к тому, что суды гораздо охотнее налагали ограничения на законные прерогативы дворянок, подозреваемых в безнравственности, чем на права дворян.

Но с другой стороны, несмотря на суровый подход к женщинам, обманывавшим или бросавшим своих мужей, судебные власти отказывались предоставлять мужьям полномочное распоряжение состоянием жен. В некоторых случаях, как было в истории Елены Трусовой, в дело вмешивалась императрица и заступалась за женщин, чтобы не позволить суду отдать собственность жены ее мужу. Чаще же, даже если суд объявлял женщин не способными управлять имениями, он передавал их земли в руки опекунов и налагал строгие ограничения на право мужчин пользоваться состоянием своих жен.

СУПРУЖЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Если на протяжении XVIII в. сведения о конфликтах между супругами по поводу собственности находили отражение в основном в прошениях о разводе, то в XIX в. женщины все чаще обращались в гражданские суды за защитой своих имущественных прав. Растущее число женщин, начинавших тяжбы против мужей в гражданских судах (не говоря уже о решениях судов в поддержку их прав), служит ярким доказательством трансформации статуса женщин в имущественном праве. В России начала Нового времени обращения женщин в суд от своего имени с исками против жестоких мужей были редкостью⁶⁴. Но к концу XVIII в. женщины постепенно привыкали защищать свои интересы и все меньше полагались на родственников-мужчин, которые бы сделали это за них.

Неудивительно, что готовность поставить мужа перед судом выработалась у женщин не сразу и стала сравнительно обычным делом лишь в два последних десятилетия XVIII в. Один из ранних примеров того, как дворянка отстаивала свои права от посягательств супруга, относится к 1738 г., когда Анна Бартенева обвинила мужа в том, что он без спроса заложил ее имение за 35 рублей. Несмотря на многочисленные указы Сената в адрес Вотчинной коллегии с приказом аннулировать заклад, сделка не была отменена. Наконец, ссылаясь на статью Соборного уложения, запрещавшую продавать или закладывать землю, принадлежащую другому роду, Сенат в недвусмысленных выражениях приказал Вотчинной коллегии вернуть деревню Бартеневой и возместить ей доход, упущенный за те годы, что оно находилось в закладе⁶⁵.

С начала XIX в. дворянки все чаще обращались к гражданским властям с жалобами на мужей, не уважавших закон о раздельном имуществе. Несмотря на то что церковные суды отказывались давать женщинам развод даже в явных случаях жестокого оскорбления действием, гражданские суды были далеко не столь снисходительны к мужьям, которые продавали имущество жен или растрачивали их приданое. Поэтому дворянки поняли, что преступления против их собственности скорее способны вызвать сочувствие суда, чем преступления против личности. Более того, в отличие от Никиты Демидова, в XIX в. мужья, переводившие имущество на имя жен, обнаруживали, что не могут вернуть его обратно, когда их чувства охладевали.

И местные, и центральные власти последовательно выносили решения в пользу женщин, если те могли доказать, что мужья присвоили их состояние. В 1799 г. графиня Екатерина Девиер обратилась в Сенат с прошением заставить ее мужа вернуть 10 тыс. руб. приданого, которые он растратил. Сенат признал правоту графини, хотя вернуть эту сумму оказалось непросто, потому что Девиер уже успел заложить почти все принадлежавшее ему имущество, чтобы вести свою сумасбродную жизнь. Сенаторы постановили продать оставшееся имущество графа и передать вырученные деньги его жене⁶⁶. Княгиня Наталья Львова тоже пятнадцать с лишним лет судилась с мужем. Наконец в 1815 г. Сенат убедился, что князь Львов действительно продал имение жены и истратил ее приданое, и постановил возместить ей убытки с процентами. Но, подобно графине Девиер, княгине Львовой оказалось нелегко изъять хотя бы часть причитающегося ей у обнищавшего супруга⁶⁷.

Хотя мужья продолжали впутывать вопрос о нравственности в имущественные тяжбы, Сенат был все менее склонен принимать такие показания как имеющие какой-либо вес в имущественных исках, особенно если не существовало угрозы благополучию детей. Санкт-Петербургская управа благочиния была первой инстанцией, рассматривавшей иск жены коллежского асессора фон Риттиха, Юлианны Гедовиус. Она подала на своего бывшего мужа в суд, когда он не заплатил ей долг в тысячу рублей, которые обещал вернуть после смерти своего отца. Фон Риттих и Гедовиус развелись в 1823 г. Когда через 20 лет умер отец Риттиха, бывшая супруга не забыла, что муж все еще должен ей эту сумму. Фон Риттих обратился в Сенат, где, во-первых, заявил, что никогда этой суммы у бывшей жены в долг не брал, а долговой документ был составлен для того, чтобы жена унаследовала часть капитала от его отца, если бы сам фон Риттих погиб на военной службе. Во-вторых же, как утверждал Риттих, развод состоялся по причине безнравственного поведения жены, а значит, она этих денег не заслуживает. Четвертый департамент Сената вынес решение в пользу Риттиха на том основании, что Юлианна Гедовиус нарушила святость брака и своим распутством навлекла на мужа бесчестье. Поэтому, заключили они, фон Риттих свободен от всяких обязательств перед бывшей женой. Но Юлианна Гедовиус настаивала на своем, и Общее собрание Сената постановило, что Управа благочиния должна пересмотреть дело, строго придерживаясь законов, касающихся сроков уплаты долгов⁶⁸.

В других супружеских конфликтах перед нами предстают мужья, которые, купив имущество на имя жены, требовали по суду отдать эту собственность им. Эти мужчины, как показывает следующее дело, скоро убеждались в том, что закон не позволяет человеку вдруг взять и передумать. В 1809 г. Никита Гаврилов подал в суд на свою жену, заявив, что в 1788 г. купил дом за 12 тыс. рублей на ее имя. Он в то время воевал на флоте, а дом купил, чтобы жена не осталась без гроша в случае его гибели в бою. Тем самым он спас ее от крайней нищеты, так как она пришла к нему в дом без приданого и к тому же имела на руках мать, двух детей от первого брака и свекровь. Когда Гаврилов вернулся со службы, их отношения испортились по вине жены, и она не только отказалась с ним жить, но, по его словам, «домом овладела и меня из одного вытеснила». При этом жена утверждала, будто дом она купила сама на деньги, доставшиеся ей в наследство от первого мужа. Гаврилов объявил,

что это ложь, и просил Сенат вернуть дом ему. Но Сенат не проявил сочувствия к печальной участи Гаврилова и постановил, что поскольку купчая была совершена на имя Елены Гавриловой, то она и есть законная владелица этого дома⁶⁹.

Как в XVIII, так и в XIX столетии решения судов были направлены прежде всего к выгоде наследников судящихся супругов. Но все же, когда власти отказывали женщине в праве распоряжаться помещьем, они не отдавали ее деревни мужу. В таких случаях выход заключался в назначении опекунов, которые либо управляли имением сами, либо, по крайней мере, строго требовали отчета, если муж получал какие-то права на имение. Таков был исход дела, начатого Варварой Межаковой против мужа в 1797 г. Перед целой вереницей судов Межакова клялась, что муж бил ее и силой отобрал у нее имение в 700 душ. Александр Межаков отверг обвинения своей жены как заведомую ложь, внушенную ей ее порочной натурой, которую он не сумел исправить за все восемнадцать лет их брака. Наконец Межакова добилась права жить отдельно от мужа, но возобновила тяжбу, когда он положил ей ежегодное содержание всего в 2 тыс. руб. В результате в 1808 г. апелляция Межаковой дошла до Сената. Там во всех подробностях рассказывалось, как муж заставил ее продать имение их малолетним детям. Сенаторы постановили, что Межаковой разрешается получить имение обратно, но что она должна избрать опекуна, дабы тот управлял им вместе с ней, так как детей оставили с отцом. Они также предписали Межаковой отдавать половину дохода с имения и с фабрики мужу на содержание детей⁷⁰.

Как ясно показывают эти дела, Сенат упорно защищал имущество дворянок от посягательств их мужей, но при этом судебные власти не решались предоставлять помещицам полный контроль над их имениями, когда под угрозой находилось благополучие детей. Кроме того, большинство супружеских тяжб не доходило до Сената, и материалы о решениях провинциальных судов остаются для нас белым пятном. Историями о женщинах, разоренных расточительными мужьями, полны мемуары и романы XIX в.: на каждую женщину, подавшую на мужа в суд, приходилось гораздо больше таких, которые безропотно возвращались к своим родным или уезжали в глухие деревни, полученные в приданое. Но все же сам факт, что с конца XVIII в. все больше дворянок подавали иски на своих мужей, свидетельствует об их вере в способность властей рассудить дело по закону. Мужчины в России начали нарушать иму-

ственные права своих жен задолго до XIX в. Но в отличие от своих предшественниц, с конца XVIII столетия женщины меньше зависели от родственников-мужчин в деле защиты своих прав и чаще решались выносить свои беды на рассмотрение судов. И самые упорные из них в конце концов добивались справедливости.

С точки зрения законодателей Российской империи, интересы семьи и благополучие детей имели преимущество перед правами индивида, и они толковали закон исходя из этой предпосылки. Хотя правоведы часто с гордостью заявляли, что в русском имущественном праве не проводится различий между мужчинами и женщинами, в XVIII в. к женщинам предъявлялись более высокие требования как к хранительницам наследства детей, а когда возникали сомнения в их добродетели, они лишались, по меньшей мере, части своих прав на состояние. С другой стороны, когда суды основывали свои постановления только на положениях закона, касающихся собственности, женщины вполне могли надеяться на решение в свою пользу. Если православная церковь не желала принимать никаких мер против жестокости мужей, то гражданские суды старались уважать принцип раздельного владения имуществом и не давать мужчинам ничем не сдерживаемой власти над женами.

РАЗНОГЛАСИЯ СУПРУГОВ И ФИНАНСОВАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИН

Самостоятельное владение имуществом шло женщинам на пользу и за пределами суда. Святейший синод отказывался давать развод, даже когда оба супруга жаждали положить конец своему союзу⁷¹. Однако неформальные разводы в XVIII в. распространились почти как эпидемия. Многие современники отмечали склонность знатных супружеских пар жить раздельно, как с санкции церкви, так и без нее. «Самовольные разводы... были весьма обыкновенны», — как писал Андрей Болотов в своих обширных воспоминаниях о жизни провинциального дворянства в конце XVIII в.⁷² В очерке усадебной жизни начала XIX в. Аркадий Кочубей вспоминал, как обедал в доме соседнего помещика и обнаружил, что все гости на обеде состоят в разводе⁷³. Князь Щербатов был убежден, что экономическая свобода замужних женщин поощряет их к внебрачным связям⁷⁴. Марта Уилмот во время своего длительного пребывания в России тоже намекала на такую возмож-

ность, рассказывая о Марии Бахметьевой, которая «оставила мужа (в России состояние жены всегда в ее распоряжении) и вступила в связь с Алексеем Орловым»⁷⁵.

Владение женщин имуществом, несомненно, облегчало подобные шаги и давало им больше свободы, чтобы покинуть мужа. В своем наказе Уложенной комиссии 1767 г. депутаты Коломенского уезда отметили, что в дворянстве нередки случаи, когда несчастная жена покидает своего мужа и «живет в своих деревнях или у своих родственников». В самом деле, это было настолько обычно, что дворяне просили законодательно урегулировать решение имущественных вопросов в таких случаях⁷⁶. Опечаленные мужья, такие как коллежский асессор Петр Бахтеяров, обращались в Синод с жалобами на то, что жены их покидали и селились в собственных имениях. Бахтеяров в своем прошении заявил, что в 1742 г. жена сбежала от него под предлогом поездки в Москву и вернулась в свою родовую деревню в Ржевском уезде, где и построила дом на деньги, украденные у него. Но Мария Бахтеярова обвинила мужа в прелюбодеянии с крепостной девкой и велела собственным крестьянам убить его, если тот посмеет явиться к ней в деревню⁷⁷. Несмотря на упорные апелляции, ни один суд так и не удовлетворил ходатайства Бахтеярова, и дело было закрыто только в 1770 г., когда умерли оба супруга.

Мужья нередко обращались в Синод, чтобы потребовать возвращения беглых жен. Не только аристократки, но и дворянки с более скромным достатком тратили свои деньги на побег от неудачного брака, даже если церковь предписывала им вернуться. Елена Хвошинская вспоминала, как после того, как отец завел себе любовницу, ее мать покинула их имение в Тамбовском уезде и увезла трех дочерей в собственную деревню под Пензой⁷⁸. С другой стороны, жена Матвея Карниолина-Пинского ускользнула от мужа, требовавшего развода, и несколько лет избегала его, используя свои богатства, чтобы заручиться покровительством местных чиновников⁷⁹.

Женщине было совсем не легко решиться бросить мужа и удобства жизни в усадьбе. Одна дворянка рассказывала, как сестра ее матери, долго терпевшая тяжкую жизнь со своим мужем, забрала дочь и поселилась в имении, полученном в приданое. Ее добровольная ссылка тянулась много лет в глухой деревне, «где снег заметал крыльцо и волки выли под окнами»⁸⁰. Хвошинская представляла себе, в каком состоянии была ее мать, когда решила оставить

отца: «Мать моя... с болью сердца покидала Салтыки... В перспективе у нея были: скудные средства, лишения, одиночество, тоска и непривычный труд!»⁸¹

Владение имуществом не только давало дворянкам возможность спастись от невыносимых оскорблений со стороны мужа, но и повышало положение женщины в семье в более счастливых обстоятельствах. Вспоминая свое детство на Украине, один мелкопоместный дворянин так описывал соотношение власти у них в доме: «Официально главой семьи считался, конечно, дедушка... но в действительности бразды домашнего правления держала в своих маленьких пухлых ручках бабушка... и не только потому, что и городской дом, и клочок земли... были ее (а не его) собственностью, но и вследствие прирожденных ей деловых и правительственных способностей»⁸². Марта Уилмот отметила связь между раздельной собственностью супругов и семейной гармонией, заключив, что «здесь возможность женщины распоряжаться своим имуществом серьезно препятствует намерению мужа тиранить или покинуть жену»⁸³.

* * *

В императорской России право дворянок распоряжаться имуществом далеко не было абсолютным. Когда между супругами возник конфликт по поводу управления имуществом жены, у нее не было ни гарантии того, что в суде поддержат ее права, ни даже уверенности в том, что ее родные встанут на ее сторону. Но столь же неправильно было бы считать, что раздельная собственность супругов не играла никакой роли в облегчении подчиненного положения женщины в дворянской семье. Рассказывая в мемуарах историю своей семьи до отмены крепостного права, графиня А.Д. Блудова утверждала, что традиция раздельного владения имуществом в России сформировала характер русской женщины и имела глубокое влияние на отношения супругов. Она обратилась к этой теме, приведя отрывок из письма своего отца к матери по поводу одного из ее крепостных: «Не только по закону, но и по обычаю, который часто сильнее закона, замужняя женщина, так же как и девушка, была полной владелицей и распорядительницей своего личного имущества, — рассказывала Блудова читателям, — и в самых лучших, нежных семейных отношениях... муж находил нужным, чтобы отношения жены к крестьянам, к властям, к управляющим, по ее собственному имени, были совершенно самостоятельны, не только на деле, но и на глазах всех, имеющих с нею дело»⁸⁴.

Благодаря режиму раздельной собственности дворянки со средстами сохраняли личную самостоятельность и правовую независимость от мужей в сфере экономических отношений. Если имущественное право и не отменяло суровую иерархию патриархальной семьи, то оно давало замужним женщинам шанс избежать абсолютной покорности, предписываемой им семейным правом.

---

¹ *Bradford M.W.* The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot, 1803—1808 / Ed. by the Marchioness of Londonderry and H.M. Hyde. L., 1935. P. 234; *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Ред. С.С. Дмитриев. М., 1987. С. 316.

² *Wagner W.G.* Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994. P. 66.

³ По наблюдению Л. Стоуна, даже после постановления суда о раздельном жительстве супругов английские мужья сохраняли полную власть над доходами и личным имуществом своих жен. См.: *Stone L.* Broken Lives: Separation and Divorce in England, 1660—1857. Oxford, 1993. P. 13. Во Франции XVIII в. несчастная жена могла добиться раздела имущества, если ей удавалось доказать, что муж проматывает ее состояние, однако не имела права без его согласия продать имущество, полученное в приданое. См.: *Diefendorf B.B.* Paris City Councillors in the Sixteenth Century: The Politics of Patrimony. Princeton, 1983. P. 244.

⁴ *Bradford M.W.* The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot. P. 232; Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 314.

⁵ В Англии начала Нового времени сочли, что введение обособленной собственности не годится в качестве средства защиты имущества жен, потому что мужья с легкостью убедят своих супруг подчиниться их желаниям. *Staves S.* Married Women's Separate Property in England, 1660—1800. Cambridge: Harvard University Press, 1990. P. 84.

⁶ *Рейнгардт Н.В.* О личных и имущественных правах женщин по русскому закону. Казань, 1885. С. 7. См. также: *Гессен И.В.* Влияние законодательства на положение женщин // Право. 1908. № 51. Стб. 2837—2838; *Оршанский И.Г.* О приданом // Журнал гражданского и торгового права. 1872. № 12. С. 985—1045; *Загоровский А.* Личные и имущественные отношения между супругами // Русская мысль. 1897. № 4. С. 66.

⁷ *Рейнгардт Н.В.* О личных и имущественных правах. С. 11—12.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1909. С. 445—446. К. Неволин в своем труде по истории русского гражданского права сделал аналогичные наблюдения. См.: *Неволин К.* История русских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 1. С. 76.

¹⁰ *Кавелин К.Д.* Собрание сочинений. СПб., 1900. Т. 4. С. 1064.

¹¹ *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России (50—60-е годы XIX в.). Л., 1984. С. 29. О роли Code civil и влиянии Сперанского на укрепление влас-

ти мужей в семье см. также: *Синайский В.И.* Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910. С. 116—117, 124, 158, 162, 185—187.

¹² Замечания о недостатках действующих гражданских законов. СПб., 1891. № 109.

¹³ Вопрос о женской грамотности рассмотрен в гл. 7 наст. изд. (табл. 7.1).

¹⁴ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11579. Л. 5—6.

¹⁵ В составленной мною подборке примерно из 6 тыс. купчих и закладных на имена с крестьянами я обнаружила только девять случаев, когда мужчины выступали представителями своих жен. См.: РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11576. Л. 32—33; Ед. хр. 11578. Л. 7; Ед. хр. 11579. Л. 14—15; Ед. хр. 11581. Л. 36—37; Ед. хр. 11592. Л. 35, 54—55; ГАВО. Ф. 92. Оп. 5. Ед. хр. 21. Л. 194—195, 309—310; Ф. 92. Оп. 5. Ед. хр. 682. Л. 62—63. Примеры случаев, когда мужчины посылали жен вместо себя к нотариусу (хотя некоторые из дам были неграмотны), см.: РГАДА. Ф. 282 (Юстиц-коллегия). Оп. 1. Ед. хр. 394. Л. 354—356, 227—231; Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 64—65; Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11569. Л. 11; Ед. хр. 11577. Л. 22—23; Ед. хр. 11578. Л. 7; ГАТО. Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 27а. Л. 29—30; ГАВО. Ф. 92. Оп. 5. Ед. хр. 21. Л. 50—51; Ф. 92. Оп. 2. Ед. хр. 682. Л. 77—78.

¹⁶ См. примеры: Акты юридические. 1838. № 71. X; № 357. М.Ф. Владимирский-Буданов полагал, что в России с XIV по XVII в. существовала какая-то форма совместной собственности, а, по мнению В.И. Сергеевича, раздельное имущество сосуществовало с некой системой совместного имущества. См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. С. 449—456; *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 2-е изд. СПб., 1899. С. 366—369.

¹⁷ РГАДА. Ф. 22 (Дела судные). Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 22—29.

¹⁸ ПСЗ-1. Т. 12. № 9095 (19.12.1744).

¹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 79. Ед. хр. 167. Л. 11—12.

²⁰ Там же. Ед. хр. 365. Л. 86—90. См. также: Там же. Оп. 84. Ч. 14. Ед. хр. 1507. Л. 1—2.

²¹ СИРИО. 1869. Т. 8. С. 419, 424; 1871. Т. 8. С. 539—540.

²² ПСЗ-1. Т. 26. № 19250 (19.01.1800).

²³ Сначала закон требовал судебного допроса продавца, а позднее решили, что достаточно подписи самого продавца или его родственника. См.: ПСЗ-1. Т. 2. № 763 (19.06.1679); Т. 2. № 909 (05.04.1682).

²⁴ Там же. № 751 (21.02.1679).

²⁵ ПСЗ-1. Т. 16. № 11764 (26.02.1763).

²⁶ Там же. Т. 20. № 15022 (25.06.1780).

²⁷ Там же. Т. 27. № 21926 (30.09.1805).

²⁸ ПСЗ-1. Т. 26. № 20021 (25.09.1801). См. также: Там же. Т. 30. № 23685 (04.06.1809).

²⁹ См., например, заявления женщин о разводе в материалах РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 52. Ед. хр. 278а. Л. 1—2 (1771); Там же. Оп. 58. Ед. хр. 261. Л. 1—2 (1777); Там же. Оп. 61. Ед. хр. 216. Л. 1 (1780);

Там же. Оп. 78. Ед. хр. 440. Л. 2 (1797); *Розанов Н.П.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода. М., 1869. Т. 2, ч. 1. С. 117 (1743); Там же. М., 1870. Т. 2, ч. 2. С. 114 (1765).

³⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 39. Ед. хр. 71. Л. 2 (1758).

³¹ До середины XIX в. сделки между супругами были редкими, но иногда они появляются в нотариальных записях. См. гл. 4, табл. 4.17.

³² ПСЗ-1. Т. 37. № 30472 (31.08.1825).

³³ Ослабление бдительности российского имущественного права к случаям принуждения со стороны мужей находит параллель в событиях того же периода в Соединенных Штатах. М. Салмон, проследившая рост популярности обособления имущества замужних женщин в начале XIX в., считает, что в глазах законодателей «женщина, владевшая обособленным имуществом, не заслуживала такой же защиты, как женщина, им не владевшая». См.: *Salmon M.* Women and the Law of Property in Early America. Chapel Hill, 1986. P. 107—108.

³⁴ Тема брака и супружеских споров в среде дворянства, как ни странно, привлекала мало внимания историков дореформенной России. Три исключения составляют работы: *Bisha R.* The Promise of Patriarchy: Marriage in Eighteenth-Century Russia. Ph. D. dissertation. Indiana University, 1993; *Freeze G.L.* Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760—1860 // *Journal of Modern History*. 1990. Vol. 62. № 4. P. 709—746; *Товров J.* The Russian Noble Family: Structure and Change. N.Y., 1987.

³⁵ См. в наст. изд. Приложение 2. Дела XVIII в. в этой подборке относятся к 90-м гг. Следует отметить, что эта подборка состоит только из дел по имущественным спорам между супругами, обнаруженных в фондах Вотчинной коллегии (РГАДА. Ф. 1209) и Сената (РГИА. Ф. 1330), которые я свела в систематический обзор. Эти цифры не включают в себя те дела из Полного собрания законов, которые я цитирую в тексте книги. Не включены в него и материалы имущественных споров между супругами из других архивных собраний, таких как: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 691. Д. 69. Л. 350—351 (1727); РГИА. Ф. 1556. Оп. 1. Ед. хр. 163 (1827); ГАРФ. Ф. 109. 2-я эксп. Оп. 75. Ед. хр. 482 (1845); Там же. Оп. 77. Ед. хр. 328 (1847). Многочисленные случаи супружеских разногласий из документов ЦГИАМ, ф. 380 (см. гл. 7), также здесь не привлекаются. Таким образом, данные цифры представлены как репрезентативные и не охватывают все случаи имущественных споров между супругами, которые описаны в архивных документах.

³⁶ РГИА. Ф. 1330. Оп. 4. Ед. хр. 262. Л. 2—3, 35.

³⁷ РГАДА. Ф. 22 (Дела судные). Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 52.

³⁸ РГИА. Ф. 1346. Оп. 43. Ч. 1. Ед. хр. 415. Л. 4.

³⁹ СИРИО. 1875. Т. 14. С. 459—460. Примеры того, как женщины не проявляли интереса к имениям своих мужей, есть и в мемуарах. См.: *Бардакова М.М.* Из воспоминаний о Царском Селе // *Русская старина*. 1911. Т. 148. № 11. С. 331; *Куприянова А.Н.* Из семейных воспоминаний // *Богословский вестник*. 1. 1914. № 4. С. 651.

⁴⁰ Святейший синод раз за разом призывал истцов обращаться со своими имущественными спорами в гражданские суды. Два примера см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 41 (1760). Ед. хр. 299. Л. 5; Там же. Оп. 50 (1769). Ед. хр. 124. Л. 96. Об имущественных спорах между супругами в допетровскую эпоху см.: *Неволин К.* История российских гражданских законов. Т. 1. С. 86—87; *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб., 1902. С. 402.

⁴¹ О роли родственников-мужчин в защите женщин от притеснений со стороны мужей в XVII в. см.: *Kollmann N.S.* Women's Honor in Early Modern Russia // *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. by В.Е. Clements, В.А. Engel, С.Д. Worobec. Berkeley, 1991. P. 70—71.

⁴² В своей диссертации о браке в России XVIII в. Р. Биша отмечает, что в документах Санкт-Петербургской консистории нашла только один случай, когда женщина стала инициатором дела о разводе. См.: *Bisha R.* The Promise of Patriarchy. P. 238. Мои исследования ходатайств, рассмотренных Синодом в XVIII в., показывают, что женщины инициировали не менее 25% всех дел.

⁴³ В первой половине XVIII в. церковь признавала гораздо более широкий круг причин для развода. См.: *Freeze G.L.* Bringing Order to the Russian Family. P. 715, 733, 743.

⁴⁴ *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсим. изд. / Ред. М.В. Нечкина, Е.Л. Рудницкая. М., 1984. С. 115.

⁴⁵ Хотя Г. Фриз утверждает (*Freeze G.L.* Bringing Order to the Russian Family. P. 738), что нет данных о том, что православная церковь «считала женскую неверность более опасной, чем мужскую», дела о разводах XVIII в. противоречат его наблюдениям. Изучая ходатайства о разводах с 1700 по 1860 г., я нашла только один случай, когда Синод наложил епитимью на дворянина, признавшего, что он имел незаконных детей от крепостной. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 50 (1769). Ед. хр. 137. Л. 3. Всего лишь в двух случаях Синод разрешил женщинам развод на основании того, что их мужья совершили прелюбодеяние. См.: Там же. Оп. 114 (1833). Ед. хр. 594. Л. 1, 31—32; Там же. Оп. 136 (1855). Ед. хр. 558. Л. 1, 3—4, 7—8. Местные консистории и Синод гораздо охотнее верили мужским рассказам о сексуальных проступках жен и посылали женщин в монастыри, а мужьям разрешали снова жениться. См.: *Розанов Н.П.* История Московского епархиального управления. Т. 2, ч. 2. С. 368. Примеч. 3 (1769); ОАС. СПб., 1878. Т. 2, ч. 2. С. 263 (1722); РГИА. Ф. 796. Оп. 47 (1766). Ед. хр. 179. Л. 7; Там же. Оп. 50 (1769). Ед. хр. 124; Ед. хр. 294; Там же. Оп. 64 (1783). Ед. хр. 125; см. также: *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997. С. 240. Впрочем, это расхождение никак не обесценивает вывод Г. Фриза о том, что церковь редко принимала прелюбодеяние как основание для развода, независимо от пола виновного.

⁴⁶ Венгерские дворянки тоже теряли право контроля над имуществом, если их обвиняли в прелюбодеянии. См.: *D'Eszlary Ch.* Le Statut de la femme

dans le droit Hongrois // Recueils de la Societ  Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions. 1962. Т. 12. Р. 433.

⁴⁷ Я обнаружила лишь одно дело, в котором муж подписал соглашение, запрещавшее ему продавать или закладывать часть имения, предназначенную дочери в наследство; его жена подписала такое же обязательство. См. описание развода Якова и Екатерины Сиверсов (1779): Архив князя Воронцова. 1882. Т. 26. С. 284.

⁴⁸ ПСЗ-1. Т. 12. № 9142 (04.04.1745).

⁴⁹ РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 2—35. См. также: *Розанов Н.П.* История Московского епархиального управления. Т. 1, ч. 3. С. 534.

⁵⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 60. Ед. хр. 388. Л. 1—2, 13, 47—49 (1779).

⁵¹ РГИА. Ф. 1330. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 186, 207, 268.

⁵² РГАДА. Ф. 8 (Калинкин дом и дела о преступлениях против нравственности). Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 1—12.

⁵³ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 6—13, 46.

⁵⁴ Архив князя Воронцова. 1882. Т. 26. С. 307.

⁵⁵ РГИА. Ф. 1330. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 174—175 (1798).

⁵⁶ РГАДА. Ф. 7 (Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция Сената). Оп. 2. Ед. хр. 2749. Л. 23—36, 42.

⁵⁷ См. прошение Софьи Масловой, написавшей в 1797 г., что Зарайский уездный суд отказался велеть ее мужу вернуть ей приданое на основании того, что жены якобы не имеют права требовать от мужей возврата их личной собственности. Позднее Сенат опроверг это решение. РГИА. Ф. 796. Оп. 78. Ед. хр. 676. Л. 2.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 1—9; *Розанов Н.П.* История Московского епархиального управления. Т. 1, ч. 2. С. 327.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 39; ф. 248. Оп. 131 (Журналы и протоколы Сената, 1750). Кн. 2615. Л. 579; ОАС. 1907. Т. 26. С. 429—431 (1746).

⁶⁰ ПСЗ-1. Т. 15. № 11419 (28.01.1762).

⁶¹ Сенатский архив. СПб., 1904. Т. 11. Кн. 102. Л. 120—122.

⁶² ПСЗ-1. Т. 20. № 14886 (01.06.1779). Это дело присутствует и в материалах архива князя Воронцова (1888. Т. 34. С. 406—434).

⁶³ ПСЗ-1. Т. 18. № 13262 (23.03.1769).

⁶⁴ Н. Коллманн в своей статье о судебных исках женщин в Московии приводит несколько дел, в которых жены подавали в суд на мужей, покинувших, оскорбивших или обокравших их. Но в большинстве описанных ею дел задачу вести тяжбу от имени пострадавших жен брали на себя родственники. См.: *Kollmann N.S.* Women's Honor in Early Modern Russia. P. 70—71.

⁶⁵ ПСЗ-1. Т. 10. № 7651 (04.09.1738). См. также дело, в котором мужчина принудил жену составить завещание в его пользу. Это дело привлекло внимание императрицы Елизаветы, которая велела привезти мужа под караулом в Петербург. РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 140 (1751).

⁶⁶ РГИА. Ф. 1346. Оп. 43. Ч. 1. Ед. хр. 254. Л. 3, 7, 30—32.

⁶⁷ Там же. Ф. 1330. Оп. 4. Ед. хр. 337. Л. 1, 12—17.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1330. Оп. 6. Ед. хр. 278. Л. 36—50 (1850).

⁶⁹ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 2—3, 40. См. также: Там же. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 92—106, 189—191 (1806).

⁷⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 3065. Л. 1—7, 16—18, 38—39, 81—82; РГИА. Ф. 1330. Оп. 4. Ед. хр. 69. Л. 11—17; Там же. Ф. 1346. Оп. 43. Ч. 1. Ед. хр. 451.

⁷¹ До 1730 г. православная церковь разрешала развод, если оба супруга соглашались расстаться. Несмотря на запрет разводов без соблюдения формальностей после 1730 г., эта практика продолжалась до середины XVIII в. См.: *Лебедев А.* О брачных разводах по архивным документам Харьковской и Курской духовных консисторий // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1887. Т. 2, ч. 1. С. 27—29; *Freeze G.L.* Bringing Order to the Russian Family. P. 714—715.

⁷² Цит. по: *Левшин А.* Женские нравы и воспитание прошлого века (Исторические картины) // Колосья. Журнал научно-литературный. 1887. Январь. № 1. С. 160.

⁷³ *Кочубей А.В.* Семейная хроника. Записки, 1790—1873. СПб., 1890. С. 238—239.

⁷⁴ *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсим. изд. / Ред. М.В. Нечкина, Е.Л. Рудницкая. М., 1984. С. 69—70.

⁷⁵ *Bradford M.W.* The Russian Journals. P. 345; Письма сестер М. и К. Вильмот. С. 390.

⁷⁶ СИРИО. 1869. Т. 4. С. 338.

⁷⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 45. Ед. хр. 164. Л. 6—9, 15—19. См. заявление князя Мещерского о том, что его жена, оставив его, живет на доходы с имения, которое он купил не ее имя: РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 18.

⁷⁸ *Хвоцинская Е.Ю.* Воспоминания. СПб., 1898. С. 45—49.

⁷⁹ Приведено в работе: *Wortman R.* The Development of a Russian Legal Consciousness. P. 189 [*Уортман Р.* Властители и судии. С. 325—326. — *Примеч. ред.*].

⁸⁰ *Куприянова А.Н.* Из семейных воспоминаний. С. 662.

⁸¹ *Хвоцинская Е.Ю.* Воспоминания. С. 46.

⁸² *Волховский Ф.В.* Отрывки одной человеческой жизни // Современник. 1911. Кн. 4. № 4. С. 257.

⁸³ *Bradford M.W.* The Russian Journals. P. 271; Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 337.

⁸⁴ *Блудова А.Д.* Записки графини Антонины Дмитриевны Блудовой // Русский архив. 1874. Кн. 1. № 4. С. 872.

Глава 4

«КТО В ДОМЕ ХОЗЯЙКА»: ГЕНДЕР И КУЛЬТУРА ДВОРЯНСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

«**Н**а каждом доме в Москве и в Санкт-Петербурге находится надпись с именем его владельца, — заметил Август фон Гакстгаузен в своем очерке русской жизни 1840-х гг. — Идя по улице, можно быть уверенным, что найдешь женское имя на каждом третьем доме. Так же обстоит дело с недвижимостью в сельской местности; наверное, от одной пятой до одной четвертой части этой собственности находится в руках женского пола»¹.

Подобно многим и многим приезжим из-за границы, Гакстгаузен в России был заинтригован таким явлением, как женщины, владеющие недвижимостью. Иностранных наблюдателей удивлял и факт экономической независимости замужних женщин, и масштаб женского землевладения. Это наводило их на размышления о различии между женщинами в России и на Западе. Впрочем, только Гакстгаузен попытался оценить, сколько же имущества сосредоточено в женских руках, и его оценка никогда не оспаривалась. В предшествующих главах настоящего исследования показано, как

в сфере имущественного права постепенно стиралась разница в правовом подходе к мужчинам и женщинам. Теперь нам предстоит выяснить, преобразовалось ли юридически закрепленное равноправие в реальные экономические выгоды для женщин. Учитывая, что дворянские дочери могли рассчитывать лишь на скромную долю семейных владений, можно предполагать, что большинство помещиц располагало совсем ничтожным количеством земли, не способным дать своим хозяйкам настоящую экономическую независимость. Как отмечали историки российской экономики, владельцы крупных поместий или больших фабрик были редкостью. В самом деле, у них не было никаких оснований считать, что число женщин, владевших крупной собственностью, могло быть скольконибудь значительным.

В данной главе я покажу, насколько заметное место занимали женщины среди собственников, и проанализирую объем их активности в экономике. Возникающие в связи с этим вопросы на первый взгляд кажутся довольно простыми. Были ли дворянки активными участницами экономической жизни России? Какое количество недвижимого имущества находилось фактически во владении женщин? Участвовали ли женщины других социальных групп в экономических операциях или же владение имуществом было исключительной привилегией благородных дам? И наконец, что показывает сравнение экономической деятельности женщин и мужчин? В поисках ответов на эти вопросы я выхожу за рамки изучения правового статуса женщин, чтобы поближе присмотреться к дворянской культуре собственности.

Источники и методология

В этой главе в определенных географических и хронологических параметрах представлена неоднородность русского дворянства и переменчивость его имущественного состояния. Основой для изучения послужили данные по пяти губерниям на протяжении полуторавекового периода, ограниченного, с одной стороны, царствованием Петра Великого, а с другой — отменой крепостного права. Мною проанализированы материалы примерно восьми тысяч имущественных сделок, извлеченные из «крепостных книг», т.е. из губернских нотариальных архивов². В крепостных книгах — этом богатом и недостаточно использованном источнике сведений об

экономической жизни в провинции и в столицах — зафиксирован широкий спектр экономических операций. К ним относятся купчие, вольные и закладные записи (о продаже имений и отдельных крестьян, об отпуске крепостных на волю, об отдаче земли в заклад и аренду, о продаже городской недвижимости), не говоря уже о рассеянных повсюду во множестве завещаниях, росписях приданого и документах о раздельном жительстве супругов (раздельных записях). Помимо указаний на количество проданной собственности и на покупную цену, в каждой записи обозначен брачный статус женщин — участниц сделки, сказано, как была приобретена продаваемая собственность, а если сделка заключалась между родственниками, то уточнена степень их родства. Из крепостных книг можно почерпнуть сведения далеко не только о том, участвовали женщины-землевладелицы в сделках или нет; они позволяют по целому ряду параметров сравнить, как пользовались собственностью женщины и мужчины.

В 1701 г. в рамках крупного внутривластного начинания, направленного на централизацию системы управления и повышение государственных доходов, Петр I учредил Крепостную контору, орган нотариата, снабдив ее подробными инструкциями о том, как следует документировать передачу собственности и какие пошлины взимать с каждой сделки. Однако новый порядок прививался с трудом, что заставило самого Петра и его преемников несколько раз изменять юридическое подчинение нотариальной службы. В губерниях новоучрежденные нотариальные конторы сначала оказались под контролем воевод, но в 1706 г. они были переданы в ведение местных городских советов (ратуш); позднее, после 1719 г., регистрацией документов и сбором пошлин со сделок руководила Юстиц-коллегия. В Москве регистрация купчих происходила в самой Юстиц-коллегии, а имущественные операции в губернских и других городах сначала осуществлялись в местных надворных судах. Однако с 1731 г. на правителей губерний и уездов была возложена ответственность за контроль над имущественными сделками. В результате проведенной Екатериной II в 1775 г. реформы местного управления Юстиц-коллегия была упразднена, и с тех пор документы по всем имущественным делам велись в губернских и уездных судах³.

Документы, хранящиеся в Архиве древних актов в Москве, подсказали мне выбор уездов, обзор которых сделан в данной работе.

В этом архиве находятся нотариальные документы по всем губерниям России, но лишь немногие губернии представлены полной документацией, охватывающей весь XVIII век от начала до конца. Проследить за сделками, зарегистрированными после реформ Екатерины II, оказалось еще сложнее, потому что нотариальные архивы XIX в. размещаются в провинциальных хранилищах и многие не сохранились до нашего времени. В итоге не удалось собрать полные данные по всем губерниям и по всем параметрам. Тем не менее, несмотря на лакуны и путаницу в документах, в сохранившихся материалах сделок просматриваются очевидные тенденции, характеризующие участие женщин в экономической жизни.

Два из привлеченных к нашему обзору уездов, Владимирский и Кашинский (в Тверской губернии), расположены вблизи Москвы и были освоены помещиками еще в XVI столетии. Многие влиятельные дворянские семьи владели здесь имениями, которые, несмотря на неплодородность почвы, пользовались спросом из-за близости к Москве⁴. Земли Тамбовского и Курского уездов, лежащие в богатом Черноземном регионе, были первоначально колонизированы мелкими служилыми людьми в XVII в. и привлекли большое число переселенцев, после того как здесь ослабла угроза татарских набегов. К концу XVIII в. между дворянами существовала конкуренция из-за имений в обеих этих областях⁵. Пятая, и последняя, подборка извлечена из документов Юстиц-коллегии в Москве. Если дела, зарегистрированные в провинциальных нотариальных конторах, касались в основном земельной собственности, расположенной в соответствующих губерниях, то документы, осевшие в собрании московской Юстиц-коллегии, охватывают все российские губернии. Сопоставление документов из провинциальных крепостных книг с материалами Юстиц-коллегии (а после 1775 г. — Московского надворного суда) не только показывает резкие различия между экономической активностью дворянства в провинции и в Москве, но и выявляет одну важнейшую черту сходства. Как мы увидим, число продаж имений в провинции было скудным по сравнению с оживленной торговлей всеми видами собственности в Москве. Наблюдается также разница в размерах продававшихся имений и в ценности имущества, переходившего из рук в руки. Но для обоих этих рынков собственности, во многом столь несходных, начиная с середины XVIII в. становится характерным активное участие женщин.

Об экономике России до 1861 г.

Как в большинстве доиндустриальных обществ, доступ к земле в императорской России являлся ключевой составной частью экономического могущества. При этом русские дворяне вели счет своим богатствам, исходя из числа принадлежащих им крестьян, а не из количества земли⁶. И тем не менее торговый оборот незаселенной земли, большей частью мелких участков, говорит о том, что дворяне хватались за каждую возможность расширить и укрепить свои владения и извлечь выгоду из природных ресурсов. В самом деле, во второй половине XVIII в. дворянство сделало решительную попытку исключить членов всех остальных социальных слоев из круга владельцев земли в сельской местности⁷. В 1770-е гг., во время Генерального межевания, государство предложило на продажу дворянам казенные земли, и те немедленно скупили около трех миллионов десятин⁸. Нехватка земли была неизбежна в обществе, не имевшем ликвидных активов и располагавшем лишь самой примитивной банковской системой.

Сельское хозяйство служило не единственным источником дворянских доходов в XVIII в. С 1714 г. государственные служащие всех рангов получали ежегодное жалованье и пенсии. Но до царствования Екатерины II эти жалованья выплачивались нерегулярно, и наиболее здравомыслящие представители дворянства дальновидно вкладывали средства в земельную собственность. Несмотря на правительственные ассигнования, нацеленные на вовлечение дворянства в промышленное предпринимательство, как в торговле, так и в промышленности даже в XIX в. доминировало купечество и деловые люди из крестьян⁹.

Признавая важность земельной собственности для дворянства, многие историки находят, что активный рынок недвижимости сложился в России только после 1861 г.¹⁰ Однако данные крепостных книг свидетельствуют о более оживленной рыночной активности, чем считали исследователи. В течение XVIII в. в северных губерниях было зафиксировано сравнительно мало продаж имений, зато в Москве ежегодно совершалось в среднем 600—800 сделок купли-продажи имений как с крестьянами, так и без них. Оживленная торговля землей и крепостными была также распространена в Черноземном регионе. Например, в 1775—1780 гг. в Тамбове ежегодно регистрировалось не меньше сотни продаж имений с крестьянами и без них. Но если взглянуть на социальный состав населения

этого уезда, то очевидно, что многие покупатели и продавцы были из однодворцев, а не из дворян. Другие виды сделок, например отпуск на волю или продажа отдельных крестьян, отмечаются в XVIII в. гораздо чаще, чем продажа земель. Но хотя после отмены крепостного права масштабы российского рынка сельской недвижимости существенно увеличились, все же он далеко не находился в застое и в предшествующую эпоху.

ДВОРЯНКИ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

При всех различиях в интерпретации, историки изображают экономическую жизнь России как преимущественно, если не исключительно, мужскую сферу. В тех редких случаях, когда в документах встречаются имена женщин-помещиц, их обходят молчанием без комментариев. Масштаб женского землевладения, как и активность женщин в провинциальной экономической жизни, остается белым пятном.

С XIX в. представление о том, что русские дворянки еще со Средневековья обладали значительной экономической мощью, принимается на веру¹¹. Однако историки, отмечая преобладание в области владения имуществом и в правовой сфере, не обращают должного внимания на изменения. Документы, дошедшие от допетровской эпохи, показывают, что если отдельные женщины владели имениями и участвовали в городской и сельской экономической жизни, то среди общего числа владельцев земли они не составляли сколько-нибудь заметной группы. Знатные женщины в России начала Нового времени пользовались некоторой финансовой самостоятельностью, но немногим большей, чем их европейские современницы, и гораздо меньшей, чем их правнучки в XVIII в. Так, писцовая книга, составленная в Новгороде в 1582—1584 гг., содержит имена 64 женщин, что составляет 2,3% всех помещиков. В более поздней книге 1626—1627 гг. присутствует 91 женское имя, т.е. 5,5% помещиков. Обе эти цифры превышают пропорцию женщин-душевноладелиц, приводимую в сохранившихся купчих, по данным которых лишь 2% знатных женщин имело собственных холопов¹².

Эти данные об уровне женского землевладения никак не убеждают в том, что русским женщинам в Средневековье и в начале Нового времени как-то исключительно везло в смысле доступа к

собственности, хотя вполне возможно, что зафиксированные в документах цифры ниже, чем они были в реальности. Записи в крепостных книгах свидетельствуют, что до 1715 г. женщины участвовали менее чем в 5% имущественных сделок, зафиксированных в Москве и Владимире; в Рязанском уезде в 1706—1711 гг. женщины, кажется, вообще не покупали и не продавали имения¹³. Отсутствие женщин на рынке недвижимости не обязательно означает, что у них не было собственной земли. И все же эти цифры подчеркивают, насколько ограниченным было право женщин распоряжаться имуществом. Закон разрешал им продажу вотчин, но запрещал отчуждение принадлежавших им поместий. Как только в 1715 г. женщины получили право распоряжаться поместьями наряду с родовыми землями¹⁴, их присутствие на рынке недвижимости становится гораздо заметнее, чем в документах за 1699—1711 гг.

Экономическое положение дворянок в первые десятилетия XVIII в., рассмотренное сквозь призму нотариальных документов из крепостных книг, характеризуется прежде всего их ограниченным участием в имущественных сделках. Данных переписи, которые показали бы точное количество собственности в женских руках, не существует. Однако об уровне участия женщин в деятельности рынка можно судить довольно уверенно. Доля их колеблется от уезда к уезду (табл. 4.1): например, в Кашинском уезде женщины выступали продавцами имений в 25% зафиксированных сделок и участвовали еще в 3% сделок вместе с мужчинами-родственниками. В Курском уезде женщины-землевладелицы менее заметны, их имена появляются только в 11% имеющихся купчих. Естественно, самая большая подборка извлечена из материалов, собранных в Москве, где в 1715—1720 гг. женщины составляли около 18% продавцов имений. Всего же в рассмотренных уездах женщины продали 17% имений самостоятельно и еще 3% при участии родственников-мужчин.

Отсутствие женщин среди покупателей имений (табл. 4.2) служит еще более красноречивым показателем границ женской экономической деятельности в начале XVIII в. В этот период во Владимире, согласно документированным сделкам, ни одна женщина не купила землю, а в Кашине женщины составили 9% покупателей земли. Во всех изученных уездах доля покупок, совершенных женщинами в 1715—1720 гг., достигала в среднем 5%. Женщины вкладывали средства в землю лишь от случая к случаю, что особенно поражает на фоне Указа о единонаследии, который в эти годы еще

**Продажа имений дворянками самостоятельно или вместе
с родственниками мужского пола (1715—1860 гг.)***

	Владимирский уезд		Кашинский уезд		Тамбовский уезд		Курский уезд		Москва		Все регионы	
	с	+рм	с	+рм	с	+рм	с	+рм	с	+рм	с	+рм
1715—1720	5 (20)	5	25 (93)	3	21 (43)	9	11 (102)	2	18 (136)	0	17 (394)	3
1750—1755	45 (31)	3	37 (57)	2	31 (80)	3	30 (98)	1	34 (401)	1	34 (667)	1
1775—1780	45 (69)	0	55 (80)	0	28 (202)	1	40 (78)	3	34 (436)	3	36 (865)	2
1805—1810	35 (195)	3	38 (37)	0	33 (120)	0	— (137)	—	41 (436)	3	36 (489)	2
1855—1860	46 (137)	2	50 (127)	0	41 (217)	3	45 (186)	2	47 (467)	2	46 (1134)	2
Все периоды 1715—1860	39 (452)	2	42 (394)	1	33 (662)	2	33 (464)	2	37 (1577)	2	37 (3549)	2

* с — самостоятельно; +рм — с родственником-мужчиной.

Каждая цифра обозначает процент женщин, продавших имения в одиночку или с родственником. В скобках дано общее число выявленных сделок, совершенных как мужчинами, так и женщинами.

Источник: см. Приложение 1.

Таблица 4.2

Покупка имений дворянками (1715—1860 гг.)*

	Владимирский уезд	Кашинский уезд	Тамбовский уезд	Курский уезд	Москва	Все регионы
1715—1720	0 (19)	9 (81)	4 (47)	0 (96)	7 (144)	5 (387)
1750—1755	34 (29)	36 (58)	18 (87)	22 (96)	33 (378)	30 (648)
1775—1780	22 (72)	57 (81)	31 (200)	45 (71)	31 (413)	34 (837)
1805—1810	46 (166)	50 (32)	41 (119)	—	39 (123)	43 (440)
1855—1860	51 (85)	3 (100)	42 (174)	44 (164)	44 (452)	43 (975)
Все периоды 1715—1860	39 (371)	34 (352)	32 (627)	2 (427)	34 (1510)	33 (3287)

* Каждая цифра обозначает процент женщин, продававших имения. В скобках указано общее число выявленных сделок, заключенных как мужчинами, так и женщинами.

Источник: см. Приложение 1.

оставался в силе и позволял родителям давать приданое только в виде наличных денег и движимого имущества. Мы можем только предполагать, какую роль играло приданое женщин в семейном хозяйстве; однако количественные данные о женских капиталовложениях в начале XVIII в. наводят на мысль, что дворяне пускали капиталы жен на покупку недвижимости на свое имя. Источники личного происхождения подтверждают такое толкование. Так, в завещании, составленном в 1735 г., княгиня Анна Юсупова давала указания относительно деревни, которую ее муж купил на ее деньги, а записал на себя¹⁵. То, что женщины не обращали денежную часть приданого в земельную собственность, говорит о присвоении мужьями движимого имущества жен, которое тратилось если не на приобретение деревень, то на уплату долгов или семейные нужды. Поэтому дворянки в роли инвесторов капитала имели в основном лишь косвенное отношение к рынку.

Семейное положение дворянок, покупавших и продававших собственность в Петровскую эпоху (табл. 4.3), подчеркивает то печальное обстоятельство, что брак сурово ограничивал участие женщин в рыночных отношениях. Вдовы и незамужние девицы гораздо чаще расставались с землями или приобретали их, чем замужние дамы. В 1715—1720 гг. 62% женщин, продававших имения, составляли вдовы, а еще 18% не состояло в браке. На долю же замужних приходится только 20%. Кажется, что, несмотря на длительные отлучки мужчин, служивших в армии, жены редко жертвовали своими богатствами, даже когда мужья были далеко. И наоборот, если женщина была сама себе хозяйкой, то вероятность того, что она обратит недвижимость в наличные деньги, заметно возрастала. Это соотношение было справедливо и для женщин, приобретавших собственность, хотя и не до такой степени. Так, 44% женщин, зарегистрировавших покупку земли, были вдовами, 17% — незамужними, а долю в 39% составляли замужние дамы.

Еще несколько дополнительных данных говорят о том, что в начале XVIII в. женщины составляли незначительную часть землевладельцев. Дворянки продавали и отпускали на волю крепостных (табл. 4.4) примерно в тех же соотношениях, в каких они продавали имения. Во Владимирском уезде женщины составляли 17% владельцев, давших вольную крепостным, причем 84% из них были вдовами. 19% крестьян, отпущенных на волю в Курском уезде, принадлежали дворянкам. В 1715—1720 гг. в провинции были зарегистрированы многочисленные продажи крестьян, причем 14% из

Таблица 4.3

**Брачный статус дворянок, участвовавших
в имущественных сделках (1715—1860 гг.)***

	Все регионы: продающие		Все регионы: покупательницы	
1715—1720	Вдовы (49)	62	Вдовы (8)	44
	Замужние (16)	20	Замужние (7)	39
	Девыцы (14)	18	Девыцы (3)	17
	Всего (79)		Всего (18)	
1750—1755	Вдовы (108)	46	Вдовы (56)	30
	Замужние (107)	46	Замужние (120)	63
	Девыцы (18)	8	Девыцы (13)	7
	Всего (233)		Всего (189)	
1775—1780	Вдовы (141)	43	Вдовы (85)	30
	Замужние (154)	47	Замужние (174)	62
	Девыцы (31)	10	Девыцы (21)	8
	Всего (326)		Всего (280)	
1805—1810	Вдовы (50)	27	Вдовы (17)	9
	Замужние (102)	55	Замужние (133)	70
	Девыцы (34)	18	Девыцы (40)	21
	Всего (186)		Всего (190)	
1855—1860	Вдовы (122)	22	Вдовы (34)	8
	Замужние (342)	63	Замужние (320)	77
	Девыцы (79)	15	Девыцы (63)	15
	Всего (543)		Всего (417)	
Все периоды 1715—1860	Вдовы (470)	34	Вдовы (200)	18
	Замужние (721)	53	Замужние (754)	69
	Девыцы (176)	13	Девыцы (140)	13
	Всего (1367)		Всего (1094)	

* Каждая цифра обозначает процент выявленных имущественных сделок с участием женщин различного брачного статуса. В скобках приведено общее число сделок.

Источник: см. Приложение 1.

Таблица 4.4

Отпуск крепостных на волю дворянками (1715—1810 гг.)*

	Владимирский уезд	Кашинский уезд	Тамбовский уезд	Курский уезд	Все регионы
1715—1720	17 (190)	—	—	19 (48)	17 (238)
1750—1755	25 (197)	20 (385)	29 (24)	—	22 (606)
1775—1780	3 (139)	4 (330)	40 (70)	—	38 (539)
1805—1810	—	49 (71)	—	—	49 (71)
Все периоды 1715—1810	23 (526)	31 (786)	37 (94)	19 (48)	28 (1454)

* Каждая цифра обозначает процент выявленных сделок по отпуску на волю. В скобках приведено общее число сделок, заключенных мужчинами и женщинами.

Источник: см. Приложение 1.

них были совершены женщинами самостоятельно и 5% — женщинами при участии родственников-мужчин (табл. 4.5). Среди владимирских помещиков, отдававших крестьянам земли в аренду (табл. 4.6), 13% составляли женщины, а в Кашинском уезде на долю женщин приходилось 27% арендодателей. И в обоих этих уездах подавляющее большинство женщин, участвовавших в означенных сферах экономической жизни, были вдовами.

В начале XVIII в., в условиях нехватки наличности, женщинам иногда приходилось брать в долг, но они редко были в состоянии выступать кредиторами (табл. 4.7)¹⁶. В 1715—1720 гг. на долю женщин во Владимирском и Кашинском уездах приходился 31% всех зафиксированных соглашений о займе у других помещиков. Дворяне обоих полов, кажется, с неохотой занимали больше тридцати рублей, хотя некоторые нуждались в более крупных суммах. Так, одна помещица в 1717 г. заложила свое имение за триста рублей — это гораздо больше, чем цена среднего поместья во Владимирской провинции¹⁷. В том же году во Владимире отмечена одна-единственная женщина-кредитор: она прибыла в город в сопровож-

Таблица 4.5

Продажа крестьян дворянками самостоятельно или вместе с родственниками мужского пола (1715—1810 гг.)*

	Владимирский уезд		Кашинский уезд		Тамбовский уезд		Все регионы	
	с	+рм	с	+рм	с	+рм	с	+рм
1715—1720	18 (11)	0	—	—	13 (31)	6	14 (42)	5
1750—1755	33 (43)	5	55 (44)	5	43 (63)	2	43 (150)	2
1775—1780	21 (80)	0	43 (100)	0	37 (301)	0	35 (481)	0
1805—1810	44 (174)	1	36 (148)	0	38 (58)	3	40 (380)	1
Все периоды 1715—1810	36 (308)	1	41 (292)	0	36 (453)	1	37 (1053)	1

* с — самостоятельно; +рм — с родственником мужского пола.

Каждая цифра обозначает процент выявленных сделок по продаже крепостных женщинами. В скобках указано общее число выявленных сделок с участием мужчин и женщин.

Источник: см. Приложение 1.

Таблица 4.6

Сдача земли в аренду дворянками (1715—1780 гг.)*

	Владимирский уезд	Кашинский уезд	Все регионы
1715—1720	13 (23)	27 (90)	24 (113)
1750—1755	44 (18)	21 (99)	25 (117)
1775—1780	63 (8)	33 (60)	37 (68)
Все периоды 1715—1780	33 (49)	26 (249)	27 (298)

* Каждая цифра обозначает процент выявленных сделок по сдаче земли в аренду женщинами. В скобках указано общее число выявленных сделок с участием мужчин и женщин.

Источник: см. Приложение 1.

Таблица 4.7

Сделки дворянок по закладу имений (1715—1780 гг.)*

	Владимирский уезд		Кашинский уезд		Тамбовский уезд		Все регионы	
	з	к	з	к	з	к	з	к
1715—1720	27 (45)	2 (64)	38 (26)	4 (28)	—	—	31 (71)	2 (92)
1750—1755	44 (9)	11 (9)	40 (15)	25 (16)	—	—	42 (24)	20 (25)
1775—1780	36 (45)	11 (45)	50 (6)	4 (7)	23 (26)	23 (26)	33 (77)	18 (78)
Все периоды 1715—1780	32 (99)	6 (118)	40 (47)	16 (51)	23 (26)	23 (26)	33 (172)	11 (195)

* з — заемщицы; к — кредиторы-женщины.

Каждая цифра обозначает процент выявленных сделок по закладу земли женщинами. В скобках указано общее число выявленных сделок с участием мужчин и женщин.

Источник: см. Приложение 1.

дении сына и дочери и передала в долг, из рук в руки, астрономическую сумму в 2500 рублей серебром¹⁸. В Кашине женщины выступали как заемщицы в 38% долговых сделок с участием дворян (в шести случаях они брали займы сами по себе, а в четырех — с родственниками), а вот в роли заимодавцев они появились всего в 4% сделок. Так, незамужняя Екатерина Милюкова дала в долг 95 рублей некоему оборотистому крестьянину на сооружение мельницы¹⁹.

В первые десятилетия XVIII в. прослеживается несколько очевидных тенденций. Деятельность дворянок на рынке купли-продажи земли и крестьян была ограниченной, независимо от влияния переменных факторов; сделки, зафиксированные в крепостных книгах, говорят о том, что женщины располагали лишь скромными по размерам состояниями как в движимой, так и в недвижимой форме. Женщины, которые получали землю с крестьянами в наследство или в приданое, редко расставались со своей собственностью, находясь в браке, в то время как жены, получившие приданое наличными деньгами, не стремились вкладывать их в земельные владения. Эта картина, возможно, просто отражает семейные

приемы эксплуатации женских состояний в период брака, а не истинное количество собственности в руках женщин. Но если все эти тенденции вписываются в какую-то единую картину, то это картина второстепенной роли дворянских женщин в феодальной экономике. В отсутствие установленных законом долей дочери получали минимум семейной собственности в движимой форме, и большинство из них не обращало деньги в землю. Вдовство давало женщинам больше возможностей распоряжаться имуществом или вкладывать деньги по собственному усмотрению, но даже вдовы были едва заметны как независимые участницы экономической жизни начала XVIII в.

Чтобы поместить рыночную активность русских женщин в более широкий контекст, полезно провести сравнение с землевладением женщин Западной Европы. К сожалению, строгое хронологическое сопоставление невозможно из-за отсутствия исследований, посвященных женскому землевладению в Европе XVII—XVIII вв. В сущности, все работы о женской собственности касаются преимущественно Средних веков — времени расцвета экономического потенциала женщин на Западе. Д. Херлихи проанализировал тысячи грамот и контрактов из нескольких регионов Западной Европы с VIII по XII в. и обнаружил, что во многих документах в роли продавцов имущества предстают женщины. Испанки выступали как лица, отчуждающие имущество, в целых 18% грамот XI—XII вв. В Южной Франции дамы присутствуют в 9—13% таких документов. На основе этих цифр исследователь пришел к выводу, что женщина стала «играть выдающуюся роль в управлении семейным имуществом в раннем Средневековье, и занятие ею столь важного места повлияло и на традиции общества, и на его экономическую жизнь»²⁰.

Если смотреть с этой точки зрения, то экономическое положение русских дворянок в начале XVIII в. кажется несколько более благоприятным, чем у их европейских сестер, пусть и более раннего периода. Однако утверждать, что женщины играли какую-то выдающуюся роль — и в России, и в Западной Европе, — было бы необоснованно, ведь дворянки, владевшие землей, контролировали менее 20% земельных угодий, редко выступали как инвесторы и заимодавцы, а в деятельности рынка участвовали в основном уже овдовев. В начале XVIII в. замужние женщины в России управляли именными мужей, пока те воевали, но почти не осуществляли имущественных сделок от своего имени. Дворянки имели весьма

скромные возможности унаследовать землю от своих отцов и мужей. Лишь на заре правовых преобразований, расширивших для женщин доступ к недвижимости и контролю над ней, объемы богатств, сосредоточенных в женских руках, стали резко возрастать. После отмены Указа о единонаследии в 1731 г. полученное дворянками право на определенную долю родовых земель позволило им резко увеличить свое участие в деятельности рынка. Более того, с тех пор как от замужних женщин перестали требовать, чтобы они обращались к мужьям за разрешением продать землю, они заняли центральное место как вкладчики средств в недвижимость.

РОСТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ДВОРЯНОК

В середине XVIII в. дворянки добились замечательных успехов на провинциальном рынке недвижимости. В самом деле, контраст между скромной экономической активностью женщин в 1715—1720 гг. и их видной ролью тридцатью годами позже говорит о первой половине XVIII в. как об эпохе глубоких перемен в имущественном положении женщин. В 1755 г. женщины выступали как продавцы земельной собственности в два раза чаще, чем в 1715—1720 гг. (табл. 4.1). Самую поразительную картину дает Владимир, где продажи земли женщинами выросли с 5 до 45%, — несомненно, этот показатель объясняется немногочисленностью сохранившихся документов о сделках. Однако скачки продаж в других районах, не столь впечатляющие, но также существенные, подтверждают, что женщина заняла новые позиции в феодальной экономике. Продажи небольших незаселенных земельных наделов мелкопоместными тамбовскими и курскими дворянками составляли 30—31% земельных сделок, а московские дворянки, располагавшие более крупными состояниями, участвовали в 34% всех продаж. Несмотря на огромную разницу в богатстве и положении, дворянки всех состояний могли похвастаться осязаемыми выгодами от нововведений в законах о собственности. К середине XVIII в. дворянки как группа в два раза чаще продавали недвижимость, чем до отмены Указа о единонаследии. Реформированное имущественное право, возможно, не сумело уничтожить неравноправие полов в области наследования, но оно дало толчок видимому росту экономических возможностей дворянок.

В русле этой тенденции к 1755 г. резко возросла готовность женщин вкладывать средства в покупку земли и крестьян (табл. 4.2). Снова устойчивая картина изменений по всем регионам показывает, что дворянки всех уровней состояния не замедлили воспользоваться своими новыми правами: женщины так же охотно покупали небольшие и недорогие участки земли в Черноземном регионе, как и вкладывали средства в дорогостоящие имения. Если в 1715—1720 гг. женщины участвовали всего лишь в 5% земельных сделок, то в середине столетия эта цифра достигла 30%. Дворянки проявили себя и как владелицы крепостных (табл. 4.4): помещицы осуществили 22% сделок по предоставлению воли во Владимире, Кашине и Тамбове. Впрочем, следует заметить, что после 1750 г. женщины в два раза чаще предпочитали продавать крестьян (табл. 4.5), чем давать им вольную, — женщины самостоятельно произвели 43% продаж крестьян в этих районах. Конечно, несоответствие между количеством крестьян, отпущенных помещицами на волю и проданных ими, озадачивает. Можно предполагать, что барыни считали крепостных людей источником быстрого получения наличных денег: вероятно, за неимением других доходов женщины легче, чем мужчины, решались распродавать крестьян поодиночке. К тому же, как мы увидим, если землю дочерям в приданое давали неохотно, то дворовые люди присутствовали почти в каждом приданом.

Хотя значительное большинство женщин, чьи имена встречаются в купчих записях, участвовало только в одной сделке, во второй половине XVIII в. были и такие дамы, которые продавали и покупали землю неоднократно. Так, вдова Елена Постельникова в 1776 г. купила земли с крестьянами почти на 700 рублей. Через два года она приобрела еще три земельных участка, один из которых с выгодой продала в том же году²¹. В Кашине графиня Анна Воронцова в 1772 г. покупала крестьян у пятерых владельцев²². Во Владимире графиня Разумовская в 1806 г. приобрела землю с крестьянами в ходе пяти разных сделок²³. Если эти женщины и представляли собой скорее исключение, чем правило, то, значит, у дворянок дела обстояли так же, как и у дворян: имена мужчин тоже встречаются в основном в единичных сделках, и это мало говорит нам об их экономическом положении и еще меньше о причинах, заставивших их покупать или продавать землю.

Женщины во второй половине XVIII в. не только покупали землю, но и использовали свое имущество другими способами. Дворя-

не обоих полов сдавали участки земли в аренду государственным крестьянам (табл. 4.6). Договоры об аренде земли не слишком многочисленны, вероятно потому, что они приносили мало дохода: сроки аренды колебались от года до пятнадцати лет, и крестьяне платили ежегодно несколько рублей ренты помещикам. В сущности, эта практика, кажется, была распространена только в северных губерниях, но и там лишь в ограниченных масштабах²⁴. Тем не менее в имеющихся документах аренды упоминаются помещики обоих полов; в них также прослеживается рост женского землевладения. В других случаях сами дворянки арендовали земли у их хозяев. Так, в сызранской глуши в 1753 г. жена капитана Головина расширила таким способом свои угодья, заплатив солидную сумму в 45 рублей за пользование землей, принадлежавшей соседней татарской деревне²⁵.

Хотя женщины не располагали достаточными для кредиторской деятельности денежными средствами или предпочитали не использовать свой капитал таким образом, теперь у них появилось достаточно недвижимости, чтобы самостоятельно занимать деньги. В 1775—1780 гг. дворянки составили 33% заемщиков во Владимире, Кашине и Тамбове (табл. 4.7). Немногочисленность долговых соглашений не позволяет провести систематическое сравнение мужских и женских долгов. Однако данные неюридических источников не оставляют сомнений в том, что женщины были столь же склонны жить не по средствам и влезать в долги, как и мужчины. Объявления в «Сенатских ведомостях» о продаже за долги имений разорившихся помещиков касаются в равной степени и тех и других. Упоминаниями о долгах пестрят семейные архивы и дворянская переписка, демонстрируя, с каким трудом даже самые богатые дворянки сводили концы с концами. В 1786 г. подруга писала Елизавете Глебовой-Стрешневой, что наделала в Петербурге долгов на 2 тыс. руб. и теперь ее осаждают кредиторы²⁶. В 1796 г. в письме к своему родственнику, князю Александру Михайловичу Голицыну, Анна Александровна Голицына рассказывала, как расходы на содержание нескольких домов и слабость ее мужа к карточной игре заставили их задолжать 80 тыс. руб. Дальше она писала, что намерена прожить лето и осень в деревне и что, даст Бог, они сумеют так уладить дела, чтобы ей не пришлось продавать ничего из своих имений²⁷.

Ни в одном из привлеченных к изучению уездов не встречается сколько-нибудь многочисленных примеров ростовщичества сре-

ди дворян. В редких случаях женщины-помещицы ссужали деньгами соседей или родичей: Марфа Грибоедова в 1776 г. дала займы своему брату 500 руб., приняв в качестве обеспечения его обширное имение; княгиня Дашкова предоставила брату ссуду в 1880 руб. в 1775 г., когда сама еще занималась упрочением собственного состояния²⁸. Кроме того, дворянки обращались в Вотчинную коллегию с просьбами о регистрации имений на себя, если их должники не выполняли своих обязательств. В целом, однако, отдача денег в рост играла ничтожную роль в жизни дворян-помещиков, во всяком случае в провинции. Дворяне обоего пола неохотно выступали как частные ростовщики, уступая эту роль купцам и мещанам²⁹.

В середине XVIII в. женщины не только покупали и продавали гораздо больше деревень, чем прежде, но, состоя в браке, все шире использовали свою собственность. Если вдовы и незамужние женщины и теперь были традиционно заметнее как участницы экономической жизни, то и замужние занимали в ней все более видное место, по мере того как росло число дворянок, покупавших и продававших собственность (табл. 4.3). В 1715—1720 гг. 80% дворянок, продававших имения, составляли вдовы и незамужние женщины, а к середине века их доля сократилась до 54%, в то время как доля замужних продавщиц земли выросла до 46%. Замужние женщины занимали видное место и среди тех, кто вкладывал деньги в недвижимость: на их долю в 1750—1755 гг. пришлось 63% всех покупок земли. То, что замужние женщины становились все активнее на рынке недвижимости, отражает трансформацию их роли в экономике семьи: они уже не выступали всего лишь как материально зависимые лица, а стремились использовать свое приданое и наследство как собственность, приносящую доход. И снова это изменение следует рассматривать в контексте преобразований в имущественном праве: с 1753 г. женщины получили свободу распоряжаться имуществом без согласия мужей, что поощряло их в возросших масштабах вкладывать деньги в недвижимость и отчуждать собственность.

К середине XVIII в. женщины переместились с периферии экономической жизни дворянства ближе к центру. В последующие десятилетия они укрепили свои позиции на рынке: участие женщин в продаже недвижимости устойчиво держалось на уровне 36% до первого десятилетия XIX в. Зато их доля в инвестировании средств в недвижимость росла; в 1775—1780 гг. женщины составили 34% покупателей имений, а в XIX в. вышли на постоянный уровень в

43%. Активность женщин как продавцов недвижимости накануне отмены крепостного права была еще внушительнее. В 1860 г. женщины в одиночку участвовали более чем в 46% зафиксированных сделок, а вместе с родственниками — еще в 2%. В соответствии с прежними тенденциями, в это время на рынке покупки и продажи земли вышли на первое место замужние женщины, а активность вдов резко сокращалась, пока в 1855—1860 гг. их доля не дошла до 8% от общего числа женщин-инвесторов (табл. 4.3).

Оценка экономического поведения женщин в Англии и Соединенных Штатах (этой теме посвящены единственные имеющиеся исследования о женском владении имуществом на Западе) создает еще более контрастный фон для этих цифр. Из более четырехсот землевладельцев английского графства Саффолк женщины составляли в XVIII в. всего 4%, причем почти все были мелкопоместными³⁰. На всю Британию в списке крупнейших землевладельцев XIX в. не значилось ни одной женщины, а в России, напротив, они составляли 28% богатейших помещиков³¹. Число женщин среди владельцев недвижимости в Питерсбурге (штат Вирджиния) в 1790 г. достигало лишь 8,4%. В 1814 г. оно выросло до 14%, а в 1860 г. составило 28,7%³². Актами о собственности замужних женщин были расширены имущественные права американок, и в XIX в. они добились серьезных успехов, но все же не догнали числом женщин дворянского или купеческого сословия в России, занятых в операциях с городской недвижимостью в тот же период³³. По оценке одного автора, в 1860 г. женщины и дети владели лишь 7,2% всего богатства в Соединенных Штатах³⁴.

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ДВОРЯНОК

В целом по всей России в XIX в. дворянки участвовали примерно в 40% сделок с недвижимостью как продавцы и покупатели — эта цифра, насколько нам известно, далеко превосходит показатели женского землевладения в других европейских странах. Количественная оценка участия женщин в рынке недвижимости — задача довольно простая, а вот оценить значение этой цифры гораздо сложнее. Как можем мы определить, насколько заметную роль играли русские дворянки императорского периода как хозяйки земельных владений? Отражают ли изменения в рыночной активности женщин реальное количество собственности в женских руках

или говорят о возросшем стремлении женщин использовать свои земельные участки как источник дохода? Иными словами, в какой степени использование женщинами земельных владений зависело от нового представления дворянства об отношении женщин к собственности?

Например, динамика продажи имений может быть истолкована или как признак растущего богатства дворянок, или как показатель их заинтересованности в наличных деньгах. При заключении имущественных сделок продавцы обычно указывали, как они приобрели свои владения, а вот причин продажи они не объявляли. Продажа имений женщинами могла быть вызвана необходимостью расплатиться с долгами, а не вложить средства в более доходную собственность. Впрочем, в этом смысле они находились в солидной мужской компании. Редко случалось, чтобы продавец (как, например, Андрей Зыков, продавший часть отцовского поместья, которое он унаследовал в 1715 г.) объявил, что расстается с землей, чтобы заплатить родительские долги³⁵. Один персонаж «Господ Головлевых» Салтыкова-Щедрина на вопрос о том, почему сын Арины Головлевой продал свой московский дом, мог ответить лишь: «За долги... Так нужно полагать! Известно, за хорошие дела продавать не станут»³⁶. С другой стороны, как мы увидим, данные о приобретении собственности (табл. 4.15) свидетельствуют о том, что с конца XVIII в. собственники земли обоего пола все чаще продавали землю, чтобы купить другое имение ради выгоды или удобства. Кэтрин Уилмот писала сестре в 1806 г., как была удивлена, услышав о дворянке, ехавшей в свое имение на Украине с целью «продать усадьбу, так как ее удаленность от поместий мужа создает большие неудобства»³⁷. Мемуары и переписка дворянок содержат немало подобных историй. В 1754 г. Наталья Дивова продала несколько деревень, чтобы купить другие, поближе к имению родственницы³⁸. В письмах перед нами предстают и такие помещицы, которые всегда ищут, где бы купить доходное имение³⁹.

Пусть продажа имений и не является надежным показателем экономической самостоятельности дворянок — но женщины далеко не ограничивались ею в своей рыночной деятельности. Помещицы не только расставались со своей собственностью, но и вкладывали средства в землю и покупали все больше крепостных. Более того, готовность помещиц отпускать крестьян на волю и сдавать земли в аренду росла вместе с цифрами продажи земель. Нет никаких оснований считать, что с середины XVIII в. задолженность жен-

щин постоянно росла в пропорции к мужской, или что все больше мужей принуждали своих жен жертвовать именьями. Если цифровые показатели участия женщин в деятельности рынка, может быть, и не являются надежным мерилем их экономического потенциала, то они ясно показывают, что в результате реформы системы наследования в 1731 г. процентная доля богатства дворянок стала возрастать.

Снова обращаясь к сравнению, мы видим, что экономическое поведение русских дворянок выглядит как аномалия на фоне того, как обстояли дела у их западноевропейских современниц. По мнению одной исследовательницы, согласно положениям английского обычного права, в котором первородство было незыблемым законом, а при отсутствии сыновей имение делили между собой дочери, почти 42% женщин должны были бы становиться наследницами земли. На практике же английские землевладельцы крепко держались традиции передачи семейной собственности по мужской линии, предпочитая оставлять наследство родственникам мужского пола, а не собственным дочерям. Таким способом доля женского наследования в XVII—XVIII вв. была сокращена до 13%⁴⁰. И напротив, видное место русских дворянок в имущественных операциях более точно отражало определяемую демографической ситуацией вероятность того, что они станут наследницами. Режим владения имуществом во многих европейских странах или подрывал возможность женского наследования, или отдавал пользование женским имуществом в руки мужей. В России же шанс для дворянки стать владелицей земли становился реальностью едва ли не в каждом случае, а закон активно поощрял помещиц к участию в деятельности рынка. Иными словами, заметное место русских женщин в экономике было в той же мере продуктом правовой культуры, как и демографии. Итак, преобразование правового положения женщин в XVIII в. обернулось для них ощутимыми экономическими выгодами.

ОЦЕНКА БОГАТСТВА ЖЕНЩИН

Русские дворянки в XVIII—XIX вв. добились несомненных успехов на рынке в качестве продавщиц и покупательниц недвижимости. В то же время уровень их участия в деятельности рынка никоим образом не может служить точным отражением величины

богатства, находившегося в их распоряжении. Хотя женщины и выступали как продавщицы и покупательницы в добрых 40% рассмотренных нами купчих записей, однако же располагали они лишь скромными наделами — поэтому вполне вероятно, что в их руках находилось гораздо менее 40% губернских земель.

В отсутствие надежных землемерных документов, официально утвержденных описей завещанного имущества или налоговых деклараций очень сложно установить, какая доля недвижимости на самом деле принадлежала дворянкам. До Генерального межевания 1770-х гг. российские правители время от времени предпринимали попытки официально определить численность дворян-помещиков, проживающих в различных губерниях, как и число крестьян, им принадлежащих. Перепись населения Петербургской губернии за 1766 г. показала 226 землевладельцев, и в их числе 32 женщины (14%). Но согласно той же переписи, во владении помещиц находилось всего лишь 9% крепостного населения губернии⁴¹. Самые полные данные о землевладении можно найти в документах Генерального межевания, проходившего в 1770—1780-х гг. Но даже в этих материалах не проведено точного подсчета количества земли в руках индивидуальных владельцев обоего пола. Землемеры не учитывали размеры собственности, принадлежащей индивидуальным владельцам, а обмеряли целые деревни и участки земли («поместные дачи»), нередко имевшие в результате раздельного наследования двух и более хозяев⁴².

Но как бы то ни было, приблизительный подсчет можно произвести при помощи сравнения количества помещиков и помещиц, перечисленных в указателях к межевым обзорам каждого уезда, и среднего числа участков, принадлежавших тем и другим. Межевание Владимирской губернии было завершено в 1775 г., причем здесь насчитали 304 помещика, из которых 119 (39%) составляли женщины. Если землевладельцы-мужчины имели в среднем по 4,3 участка, то женщины располагали по 3,3 участка, т.е. на 32% меньше, чем мужчины⁴³. Попросту говоря, согласно Генеральному межеванию, дворянки Владимирской губернии контролировали 33% имений, находившихся в частных руках в 1775 г.

Сходная картина сложилась и в Кашинском уезде в 1776 г. Из 458 местных помещиков, внесенных в списки, 192 (42%) были женщины. Впрочем, здесь расхождение между количеством владений у мужчин и женщин было выражено менее ярко: в среднем в собственности мужчины-помещика находилось 4,2 деревни или поля,

а у женщин — 3,9 (на 8% меньше). Следовательно, по данным межевания, примерно 41% кашинских имений принадлежал женщинам-помещицам⁴⁴. В третьем регионе, в Рузском уезде Московской губернии, согласно опубликованным в 1812 г. данным межевания, женщины тоже составляли 41% помещиков⁴⁵. Переписи Липецкого и Лебедянского уездов Тамбовской губернии в 1814 г. дали общее количество помещиц в 43% и 47% соответственно⁴⁶.

Однако переписи имений дают не только сведения о соотношении мужчин и женщин среди владельцев земли. Они также позволяют увидеть одну важную черту дворянского землевладения в конце XVIII в. Помещики обоих полов, как правило, владели землей, рассеянной по всему уезду небольшими участками, и были хозяевами жалкой горстки крепостных. Хотя перечень участков в указателе показывает, что они часто располагались недалеко друг от друга, но соприкасались вплотную они редко. Лишь немногие счастливицы владели имениями в виде компактного земельного надела. Некая Аграфена Мясоедова имела только одну деревню во Владимирской губернии, но она состояла из 92 душ мужского пола с семьями, расселенных на единой территории в 954 десятины, где располагался также дом и сад помещицы⁴⁷. Княгиня Анна Белосельская владела 371 десятиной и 99 душами мужского пола в Кашинском уезде; землемер отметил на ее усадьбе также барский дом на левом берегу реки⁴⁸. В имении Феклы Алмазовой было 167 крестьян мужского пола, несколько десятин леса и некоторое количество домов и церквей⁴⁹. Но такие помещики, как Фекла Алмазова, были редким исключением. Большинство дворян имели земли с крестьянами в нескольких местах и чаще всего делили владение деревней с другими помещиками.

Историки много раз писали о сравнительной бедности русского дворянства и утверждали, что скромное финансовое положение знати подрывало ее влияние на процесс государственного управления⁵⁰. Но если бедность угрожала дворянам мужского пола, с их приоритетными правами наследования и с жалованьем на государственной службе, то вполне можно предполагать, что у женщин средства были еще скромнее. Однако, как я намереваюсь показать, стоимость имущества, которое продавали женщины, была соизмерима со стоимостью проданного мужчинами. Кроме того, сохранялось примерно одинаковое соотношение количества земель и крестьян, продаваемых мужчинами и женщинами. Таким образом, начиная со второй половины XVIII в. масштабы женского и мужского землевладения были удивительно сходными.

Стоимость продажных имений в рублях (табл. 4.8) позволяет особым образом взглянуть на соотношение собственности помещиков и помещиц. Несмотря на расхождения, отмечаемые в средней стоимости имений, проданных мужчинами и женщинами, единой тенденции в зависимости от пола владельца не прослеживается ни в пределах уездов, ни в конкретные отрезки времени. В сущности, самые резкие различия проявляются в контрасте между продажами в провинции и в Москве. Если в начале XVIII в. дворянки продавали имения гораздо реже, чем дворяне, то средняя стоимость их имений была почти вдвое выше, чем у мужчин-продавцов, — эта закономерность наводит на мысль о том, что в петровское время владение землей было характерно только для самых богатых и знатных женщин (табл. 4.8). Когда же землевладение стало шире распространяться среди дворянок, разница в средней цене имений, проданных мужчинами и женщинами, резко сократилась. Соотношение между богатством мужчин и женщин, если исходить из стоимости проданных имений, со временем изменялось: оно слегка смещалось в пользу мужчин в 1775—1780 гг., а позднее, накануне отмены крепостного права, этот процесс снова усилился, что особенно заметно проявлялось в Москве⁵¹. Но если вычислить средний показатель за весь период, то стоимость имений, которые выставляли на рынок дворянки, оказывается слегка выше (примерно на 6%), чем стоимость имений, проданных мужчинами.

Чтобы сравнить богатство представителей обоих полов, можно также рассмотреть, как распределялись между ними размеры проданных имений или число крепостных в отчуждаемых ими владениях. Однако имеющиеся сведения о величине имений и о количестве крестьянских дворов, в лучшем случае, скудны. До XIX в. продавцы так же редко описывали в купчих границы своих владений, как и указывали количество проданных десятин. К тому же, продавая имение, хозяева обычно лишь вскользь упоминали о присутствии там крестьян, как будто не знали, сколько у них крепостных душ. Зато московские служители Юстиц-коллегии более исправно сообщали точный размер имений и количество крепостных, что позволяет составить вразумительную картину размеров владений мужчин и женщин.

Если помещики обоих полов продавали поместья, сопоставимые по стоимости, то надо также отметить, что и мужчины, и женщины, регистрировавшие продажу в Москве (см. табл. 4.9), расставались со сравнительно небольшими владениями. Размер имения

**Средняя цена (в рублях) имений, проданных дворянками
и дворянами (1715—1860 гг.)***

	Владимирский уезд		Кашинский уезд		Тамбовский уезд		Курский уезд		Москва		Все регионы	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
1715— 1720	27 (2)	3 (18)	57 (26)	41 (70)	14 (13)	12 (32)	7 (11)	6 (91)	308 (25)	148 (110)	123 (77)	65 (321)
1750— 1755	174 (14)	66 (16)	39 (22)	38 (36)	22 (25)	23 (54)	19 (32)	14 (67)	562 (140)	595 (263)	357 (33)	370 (436)
1775— 1780	653 (30)	285 (37)	50 (44)	50 (36)	209 (59)	21 (145)	43 (33)	38 (46)	2246 (157)	2784 (289)	1202 (323)	1537 (553)
1805— 1810	1128 (74)	1396 (125)	85 (14)	80 (23)	2923 (40)	4808 (80)	—	—	13762 (60)	13151 (81)	5464 (188)	5263 (309)
1855— 1860	3273 (66)	2894 (70)	5228 (63)	6837 (62)	5034 (96)	5669 (126)	4379 (87)	4815 (101)	13966 (229)	17907 (245)	8517 (541)	10289 (604)
Все периоды 1715— 1860	1729 (186)	1464 (266)	1983 (169)	1902 (227)	2632 (233)	2591 (437)	2350 2(163)	1605 (305)	7304 (611)	6508 (988)	4490 (1362)	3991 (2223)

* ж — женщины; м — мужчины. Под именными подразумеваются любые виды земель, с крестьянами или без. В скобках указано число сделок.

Источник: см. Приложение 1.

Таблица 4.9

**Размер имений (в десятинах), проданных в Москве
дворянками и дворянами (1750—1860 гг.)***

	<50		50—100		101—500		501—1000		1001—10000		>10000	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
1750—1755 (ж=41) (м=110)	85	88	5	7	10	5	0	0	0	0	0	0
1775—1780 (ж=46) (м=113)	52	57	24	20	22	16	2	3	0	4	0	0
1805—1810 (ж=14) (м=19)	57	63	14	21	22	11	0	0	7	5	0	0
1855—1860 (ж=199) (м=219)	13	7	10	11	44	47	15	21	16	14	2	>1
1750—1860 (ж=300) (м=461)	31	41	12	13	35	28	10	10	11	8	1	>1

* ж — женщины; м — мужчины. Каждая цифра обозначает число сделок, заключенных дворянками или дворянами. В скобках в левом столбце указано число сделок с участием мужчин и женщин.

Источник: см. Приложение 1.

не всегда служил надежным показателем его цены: северные земли были гораздо менее плодородными, чем черноземные, и к тому же стоимость имения серьезно повышалась при наличии леса. Но если мы рассмотрим размеры имений, проданных мужчинами и женщинами, то обнаружим, что и те и другие редко продавали крупные земельные участки. Еще интереснее, что параллельно повышению процента мужчин, продававших крупные владения, росло и число женщин, расстававшихся с поместьями сходных размеров.

Во второй половине XVIII в. в руках у помещиков находились не только более дорогие, но и гораздо более обширные имения. Хотя в росте цены на землю в XVIII в., возможно, виновата инфляция, тенденция выставлять на продажу более крупные имения говорит о сосредоточении богатства в руках небольшой части дворянства⁵². Это колебание размеров дворянских состояний никоим образом не ущемляло женщин: мужчины и женщины строили свое поведение в сфере экономики поразительно сходным образом. Дворяне, про-

давшие землю в 1750—1755 гг., были большей частью мелкопоместными. Так, имения размером менее 50 десятин составляли 85% владений, проданных женщинами, и 88% — мужчинами. Но в последующие десятилетия доля мелких землевладельцев сокращалась, и помещики обоих полов выставляли на рынок все более крупные наделы земли. В течение всего XVIII в. среди крупных помещиков, которые продавали сразу больше тысячи десятин, женщин не было, но уже в 1805 г. 10,7% имений, проданных женщинами, превышали эту площадь, а в 1855—1860 гг. их доля возросла до 16%. Другими словами, распределение размеров продаваемых имений подчинялось той же закономерности, что их средняя цена в рублях: между величиной имений, проданных мужчинами и женщинами, разница очень небольшая. Мало того, впоследствии дворянкам случалось продавать и более крупные имения, чем мужчинам.

ЖЕНЩИНЫ И ВЛАДЕНИЕ КРЕПОСТНЫМИ

Так как количество крепостных крестьян служило главным показателем богатства в России, мы могли бы ожидать, что обнаружится более заметный разрыв между числом мужчин и женщин, ими владевших, или выяснится, что у помещиц было гораздо меньше работников, чем у мужчин-помещиков. Но и данные о продаже помещицами крестьян поодиночке, и сведения о выдаче ими вольных и о продаже земли с крестьянами подтверждают, что женщины занимали видное место в феодальной экономике: участие дворянок в продаже крепостных соответствует их активности в продаже недвижимости. Чем энергичнее выступали дворянки в рыночном обороте земли, тем чаще они включались и в оборот крепостных, от труда которых зависела продуктивность их имений. В начале XVIII в. женщины так же редко владели крестьянами, как и землей; самостоятельные продажи крестьян помещицами зафиксированы лишь в 14% сделок, заключенных в трех уездах, а продажи с участием родственников-мужчин — еще в 5%. Через тридцать лет число женщин, продававших крестьян, возросло до 43% от общего количества сделок, к концу века упало до 35%, а в 1805—1810 гг. снова выросло до 40% (см. табл. 4.5).

Цифры, свидетельствующие об отпуске крепостных на волю, отражают динамику женского душевладения. В самом деле, уже само количество вольных записей, сделанных дворянками в

XVIII в., устраняет всякие сомнения в наличии помещиц в губерниях. У помещиков было принято отпускать на волю крестьянок, желавших выйти замуж в соседние имения. Реже они освобождали крестьян в награду за многолетнюю службу, разрешая им записываться в государственные крестьяне. При этом ни помещики, ни помещицы не отпускали крестьянок на волю в другие имения из соображений экономической выгоды, потому что от такой сделки они получали лишь номинальное возмещение всего лишь в несколько рублей. Поэтому данные об отпуске крепостных дают нам важный инструмент для измерения количества крестьян в женском владении. В приведенной подборке доля операций, связанных с отпуском крестьян на волю помещицами, с 17% в 1715—1720 гг. выросла до скромных 22% в 1750—1755 гг. (см. табл. 4.4). Но в дальнейшем доля женщин, владевших крепостными, продолжала расти, пока не составила 38% всех помещиков, отпустивших крестьян на волю в 1775—1780 гг. и 49% (в одном уезде) в 1805—1810 гг.

По оценке В.И. Семевского, 84% владельцев крепостных крестьян в 1777 г. имели менее ста душ, т.е. минимальное количество, необходимое дворянину, чтобы кое-как сводить концы с концами у себя в имении⁵³. Данные ревизии за гораздо более поздний период 1858—1859 гг. показали, что ниже этой черты бедности проживало 79% дворянства, а 20% имело от ста душ до тысячи. Только 1,1% дворян могли считаться крупными помещиками — те, у кого было больше тысячи крепостных душ⁵⁴. Анализ количества крепостных, проданных в имениях Московской губернии (см. табл. 4.10), подтверждает вывод Семевского. До XIX в. от 76 до 80% помещиков продавали имения, насчитывавшие меньше ста душ крепостных (см. табл. 4.10). К середине XIX в. сократилось число помещиков, продававших имения с менее чем 20 душами. И все же помещицы средней руки все еще составляли лишь 22% от общего числа, и всего-навсего 1% женщин принадлежал к тем помещикам, кто продавал имения свыше тысячи душ. Для мужчин была справедлива та же картина — примерно 1% из них владел крещеной собственностью в крупном размере.

Кроме того, помещики обоих полов предпочитали продавать на вывод отдельных крестьян, а не выпускать из рук много семей сразу. Правда, поведение мужчин и женщин не во всем совпадало. Дворянки были в целом склонны продавать скорее крепостных баб, чем мужиков, дворяне же — наоборот (см. табл. 4.11). Но, прода-

Таблица 4.10

**Количество крепостных крестьян, проданных
в подмосковных имениях дворянками и дворянами
(1750—1860 гг.)***

	<20		21—100		101—500		501—1000		>1000	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
1750—1755 (ж=25) (м=32)	40	25	40	53	20	22	0	0	0	0
1775—1780 (ж=51) (м=85)	45	39	33	37	18	20	2	2	2	2
1805—1810 (ж=38) (м=48)	29	29	39	42	29	25	3	2	0	2
1855—1860 (ж=184) (м=182)	22	20	53	54	21	23	3	3	1	<1
1750—1860 (ж=298) (м=347)	28	26	47	48	22	23	2	2	1	1

* ж — женщины; м — мужчины.

Каждая цифра обозначает процент сделок, заключенных дворянками или дворянами. В скобках в левом столбце указано число сделок с участием мужчин и женщин.

Источник: см. Приложение 1.

вая целую семью или несколько дворов, мужчины и женщины вели себя одинаково. И у тех и у других с 1715 по 1810 г. 11% всех операций купли-продажи крепостных затрагивали две и более крестьянских семей. Очевидно, что консервативное поведение в экономике вызывалось ограниченными средствами, а не являлось следствием гендерных различий.

Сведения о продаже земли с крестьянами (см. табл. 4.12) представляют собой последнюю точку обзора для оценки женского и мужского владения крепостными. До XIX в. помещицы охотнее своих собратьев-мужчин продавали населенные поместья (так назывался любой клочок земли, проданный вместе с живущими на ней крестьянами). Здесь снова виден контраст между Москвой и провинцией — в Москве доля продажи земли с крестьянами гораздо выше: за весь период целых 72% проданной в Москве женщинами недвижимости приходится на имения с крестьянами (для сравнения — во Владимире 48%, в Тамбове и Кашине по 35%). При этом во всех уездах женщины продают населенные земли, воспроизводя линию поведения мужчин: продажи увеличиваются в середине

Таблица 4.11

**Крепостные крестьяне, проданные без земли дворянками
и дворянами, по виду сделок (1715—1810 гг.)***

	1		2		3		4		5	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
1715—1720 (ж=6) (м=33)	17	30	50	30	17	30	17	9	0	0
1750—1755 (ж=650) (м=82)	32	32	31	41	26	21	8	5	3	1
1775—1780 (ж=170) (м=311)	41	35	28	27	21	23	9	10	1	5
1805—1810 (ж=151) (м=223)	43	40	26	30	21	23	7	5	4	2
1715—1810 (ж=392) (м=649)	40	36	27	30	22	23	8	8	3	3

* 1 — одна крепостная крестьянка, с детьми или без; 2 — один крепостной крестьянин, с детьми или без; 3 — одна семья крепостных; 4 — от двух до четырех семей крепостных; 5 — пять и более семей крепостных.

ж — женщины; м — мужчины.

Каждая цифра обозначает процент сделок, заключенных дворянками или дворянами. В скобках в левом столбце указано число сделок с участием мужчин и женщин.

Источник: см. Приложение 1.

XVIII в. и резко возрастают перед отменой крепостного права до уровня в 68% у помещиц и 66% у помещиков⁵⁵. В целом модель женского душевладения на протяжении всего рассматриваемого периода и на всем географическом пространстве мало отклонялась от поведения помещиков-мужчин.

Женщины и городская недвижимость

Третий вид имущества, доступный дворянкам, а также женщинам других социальных категорий, представляла собой городская недвижимость. Если владеть крепостными имели право только дворяне, то представители всех социальных слоев в России имели право вкладывать средства в городские дома, лавки, земельные участки. В результате, в отличие от сведений о продаже имений, данные

Таблица 4.12

**Процентное соотношение имений, проданных дворянками
и дворянами (1715—1860 гг.)***

	Владимирский уезд		Кашинский уезд		Тамбовский уезд		Москва		Все регионы	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
1715—1720	0 (2)	5 (19)	19 (26)	10 (70)	0 (13)	0 (34)	60 (25)	36 (111)	30 (66)	21 (234)
1750—1755	67 (15)	18 (17)	41 (22)	14 (36)	7 (27)	5 (55)	64 (140)	41 (264)	54 (204)	32 (372)
1775—1780	48 (31)	45 (38)	16 (44)	6 (36)	29 (59)	18 (146)	64 (159)	49 (289)	48 (293)	37 (509)
1805—1810	50 (74)	51 (126)	21 (14)	9 (23)	40 (40)	38 (80)	72 (60)	69 (81)	53 (188)	49 (310)
1855—1860	42 (66)	46 (71)	56 (63)	60 (96)	50 (96)	50 (127)	85 (230)	82 (245)	68 (454)	66 (506)
Все периоды 1715—1860	48 (186)	44 (271)	24 (228)	35 (235)	35 (235)	28 (442)	72 (614)	55 (990)	56 (1205)	44 (1931)

* ж — женщины; м — мужчины. Число сделок указано в скобках.

Источник: см. Приложение 1.

о продажах городского имущества позволяют провести сравнение между женщинами разных сословий. Нам крайне мало известно о жизни женщин купеческого сословия; сравнение их роли на рынке городской недвижимости с аналогичной ролью дворянок, однако, указывает на принципиальное различие в отношении к собственности у женщин дворянского и купеческого звания.

С середины XVIII в. собственников — представителей всех сословий можно было обнаружить в оживленной сфере торговли городским имуществом. Дворянки также проявляли активность в этой области экономики, выступая покупательницами и продавщицами в более 40% сделок, зарегистрированных в Москве (см. табл. 4.13). Стоимость городской собственности была далеко не пустячной, составляя важную часть богатства дворян: каменные дома с садами и прилегающими постройками, земельные участки и доходная недвижимость ценой переходили за тысячи рублей⁵⁶. Дворянки, по примеру Елизаветы Тутолминой, извлекали устойчивый доход, сдавая в аренду квартиры в Петербурге⁵⁷. Княгиня Дашкова рассказывала в своих мемуарах, как она всячески медлила с тратами на покупку дома в Петербурге и месяцами жила в своем загородном имении или на съемных квартирах. Когда Екатерина II спросила ее, почему она не купит собственный дом, Дашкова ответила: «Покупка дома так же серьезна, как выбор мужа, и тут нужно не один раз подумать!»⁵⁸

Купчихи отставали от женщин благородного происхождения по части сделок с городской недвижимостью. В приведенной небольшой выборке видно, что до середины XIX столетия поведение купчих напоминало образ действий дворянок в начале XVIII в. (см. табл. 4.14). Среди тех московских купцов, кто вкладывал средства в недвижимость, женщины, действовавшие сами по себе, составляли 13% в 1750—1755 гг. и 23% в 1775—1780 гг. Одна купеческая вдова участвовала в самой дорогой сделке 1778 г.: она купила одну десятую долю завода за 30 тыс. рублей⁵⁹. Но такие примеры были редки, и лишь накануне отмены крепостного права участие купеческих женщин в рынке сравнялось с долей дворянок. При этом, становясь все активнее, купчихи явно предпочитали продавать имущество, а не приобретать. Так, в 1855—1860 гг. на долю женщин пришлось 47% продаж городской недвижимости среди московского купечества и всего 30% зафиксированных покупок⁶⁰.

Скромная роль, которую купчихи играли как вкладчицы средств в городскую недвижимость, говорит о серьезных расхож-

Таблица 4.13

**Продажа и покупка дворянками городской недвижимости
в Москве (1715—1860 гг.)***

	Продажи		Покупки одна
	одна	+ рм	
1750—1755	33 (52)	2	32 (62)
1775—1780	33 (87)	6	46 (93)
1805—1810	—		—
1855—1860	52 (182)	0	52 (149)
Все периоды 1750—1860	44 (321)	2	46 (304)

* +рм — вместе с родственником мужского пола.

Каждая цифра обозначает процент выявленных сделок. В скобках указано общее число сделок с участием дворянок и дворян.

Источник: см. Приложение 1.

Таблица 4.14

**Продажа и покупка купчихами городской недвижимости
в Москве (1715—1860 гг.)***

	Продажи		Покупки одна
	одна	+ рм	
1750—1755	13 (69)	4	13 (67)
1775—1780	18 (82)	7	23 (105)
1805—1810	—		—
1855—1860	47 (120)	0	30 (149)
Все периоды 1750—1860	30 (271)	3	24 (321)

* +рм — вместе с родственником мужского пола.

Каждая цифра обозначает процент выявленных сделок. В скобках указано общее число сделок с участием купчих и купцов.

Источник: см. Приложение 1.

дениях в культуре собственности между дворянством и купечеством. Хотя современники в один голос твердили об ужасной участи женщин в купеческих семьях⁶¹, разница в отношении к собственности дворянок и купчих никак не связана с угнетением последних ретроgrадами-женоненавистниками. Активность купчих в торговле и инвестировании в недвижимость явно сдерживалась целым рядом неясностей в законе. Несомненно, купеческие женщины с опозданием вышли на рынок недвижимости потому (хотя бы отчасти), что распространение на купечество закона о раздельной собственности супругов задержалось. В указе 1753 г., разрешившем замужним дворянкам распоряжаться своим имуществом без разрешения мужей, говорилось о «женских персонах», без пояснений, относится ли это правило к женщинам недворянских сословий. Мало того, лишь в 1800 г. Устав о банкротах прямо запретил кредиторам требовать в возмещение долга имущество жен разорившихся купцов или других предпринимателей⁶². Дворянки же пользовались таким иммунитетом еще с конца XVII в.

Были в законе и другие изъяны, которые ограничивали экономическую свободу женщин из купечества. В частности, если незамужние купчихи пользовались правом приписываться к гильдиям, то замужние, желавшие самостоятельно заниматься торговлей, сталкивались с серьезными препятствиями, как показывает следующая история. В 1853 г. Епистимия Коненкова испросила разрешения приписаться ко второй гильдии купечества отдельно от своего мужа, и Харьковская казенная палата удовлетворила ее просьбу. Но когда это решение поступило в Министерство финансов в Петербург, там распорядились, чтобы Казенная палата обязала Коненкову прекратить торговлю от своего имени, ибо согласно Торговому уставу она не имела права зарегистрироваться в гильдии независимо от супруга. Коненкова подала другое прошение, в котором писала, что ее просьба основана на четком понимании закона, который даровал членство в купеческом сословии женщинам, вышедшим замуж за купцов. Далее она оправдывала свое намерение самостоятельно заняться торговлей тем, что унаследовала свой капитал от родителей и имела полное право распоряжаться этим имуществом. Кроме того, Коненкова постаралась успокоить всякие подозрения со стороны судей, заявив, что просьба ее вызвана не раздорами с мужем, а практическими соображениями: ее собственность размещалась в Харькове, а муж вел торговлю в Бер-

дьянске и потому физически не мог управлять делами жены, как своими.

Когда дело Коненковой поступило в Петербург в 1856 г., члены Сената признали, что закон содержит противоречия. С одной стороны, в нем значилось, что замужняя женщина не может дать долговое обязательство без разрешения мужа; с другой стороны, закон гласил, что мужа и жены имеют право управлять своим имуществом независимо друг от друга. Наконец сенаторы заключили, что Коненкова может самостоятельно приписаться к купеческой гильдии, так как в законе содержится двусмысленность и нет четких оснований для отказа⁶³. В свете подобных правовых неурядиц не следует удивляться тому, что женщины составляли относительно небольшую часть зарегистрированного купечества: в Петербурге в 1858 г. их доля колебалась от всего лишь 2% в первой гильдии до 15% в третьей гильдии⁶⁴.

ЖЕНЩИНЫ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬНИЦЫ

Многие фабрики и заводы в России располагались на территории дворянских имений, поэтому женщины владели и руководили также и различными видами промышленного производства. В первой половине XVIII в., несмотря на призывы Петра Великого, в рядах фабрикантов можно было найти мало дворян. Лишь в послепетровский период дворянство стало понимать экономические выгоды развития промышленного производства в имениях⁶⁵. Привилегия владения крепостной рабочей силой в этом смысле была для дворянства большим преимуществом и долго служила предметом разногласий между купцами и дворянами на протяжении XIX в. Дворяне и дворянки заводили у себя в имениях производство тканей, бумаги, канатов, металлических изделий, хотя, как правило, в небольших масштабах. На суконной фабрике помещицы Воейковой в начале XIX в. работало три сотни крестьян. Фабрики, на которых было бы занято больше тысячи человек, встречались редко, хотя, судя по описи, относящейся к 1803 г., на суконной фабрике графини Потемкиной в Курской губернии трудилось 9 тыс. крестьян⁶⁶. Кроме того, дворянство пользовалось монопольным правом на производство алкогольной продукции, и винокурение было нередким явлением на землях мужчин и женщин благородного сословия. В числе восьми крупнейших поставщиков алкоголя в 1765 г.

находилась Аграфена Апраксина; вдова П. Чернышева в 1779—1783 гг. тоже была видной поставщицей этого продукта⁶⁷.

Купеческие жены и дочери, наряду с дворянками, также владели и управляли предприятиями, причем на некоторых трудились сотни работников. Так, в семье Морозовых активное участие женщин в управлении фабриками было настоящей традицией. Пока Елисей Морозов писал трактаты о пришествии Антихриста, его жена Евдокия в 1840-е гг. руководила семейными красильнями. Внук Елисея, Викул Морозов, учредил в 1872 г. прядильную фабрику и назначил свою жену в совет директоров. Варвара Морозова не только расширила бумажную фабрику мужа, но и нашла возможность заняться улучшением жилищных условий рабочих. Кстати, не только Морозовы привлекали к делу энергию и практическую хватку женщин: когда Капитолина Симонова унаследовала отцовскую льняную фабрику, то поставила своего мужа руководить коммерческой деятельностью фирмы, взяв на себя непосредственное управление производством⁶⁸.

Явный контраст между деятельностью мужчин и женщин в промышленности состоял в том, что женщины наследовали дело от отцов и мужей, а не учреждали предприятия на свои собственные капиталы. Но есть и кое-какие свидетельства о том, что дух предпринимательства был не чужд ни дворянкам, ни купчихам. В 1816 г. жена майора Грибоедова купила имение в 777 душ крепостных, с которого рассчитывала получать 400 тыс. руб. дохода ежегодно. Когда же ее крестьяне отказались платить ей полный оброк, она решила возместить убыток и построить в имении стекольную фабрику. К несчастью для Грибоедовой, ее крестьяне не пожелали выполнять и отработочные повинности⁶⁹. В 1814 г. жена надворного советника Белавина просила Сенат разрешить ей переоборудовать свою шелкоткацкую фабрику в более доходный полотняный завод⁷⁰. Купчихи также стремились извлечь максимальную выгоду из своих коммерческих предприятий. Унаследовав от отца в 1892 г. пришедшее в упадок хлопчатобумажное производство, Матрена Павлова сумела восстановить процветание фирмы, оснастив фабрику новыми машинами⁷¹. Несомненно, для женщин всех социальных сословий наследование земли или капитала служило источником богатства; но, как мы увидим, богатство мужчин тоже в значительной мере опиралось на наследство, и женщины оказались не менее мужчин способными понять преимущества удачного вложения средств.

ПРИОБРЕТЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ

Итак, в сфере использования собственности сходство экономического поведения мужчин и женщин значительно перевешивало различия. Женщины располагали тем же набором видов собственности, что и мужчины, и в тех же масштабах участвовали в различных операциях. Однако сравнение путей, какими мужчины и женщины приобретали свои состояния, дает не столь единообразную картину и, кроме того, подчеркивает особую роль, которую сыграли преобразования экономического и правового статуса женщин в послепетровскую эпоху. Отчуждая недвижимое имущество, продавцы обычно сообщали некоторые сведения о том, как оно было приобретено, и иногда приводили длинную «родословную» имений. Анализ источников богатства дворян обоего пола, с одной стороны, доказывает, что наследство являлось краеугольным камнем дворянских состояний; с другой стороны — свидетельствует о том, что с середины XVIII в. участие женщин в экономической жизни семьи постепенно становится насущной необходимостью. Проступающие в ходе такого анализа модели поведения говорят о том, что способы, посредством которых дворяне и дворянки приобретали имения, также постепенно сближались.

В начале XVIII в. провинциальные дворяне в подавляющем большинстве наследовали земли от отцов (см. табл. 4.15). Сообщенные мужчинами сведения об источниках приобретения имущества лишней раз свидетельствуют о том, что женщины в Петровскую эпоху играли незначительную роль в экономике: ни один из дворян в изученной группе не продал землю, унаследованную от матери или жены; в 5% документов указано, что мужья продавали приданое своих жен. В общей сложности 77% продававших недвижимость мужчин в 1715—1720 гг. расстались с имениями, доставшими им в наследство от отцов; еще 14% унаследовали землю от умерших братьев и дядьев. Не просто наследование, а наследование от родственников-мужчин являлось важнейшим источником получения земли для дворян в начале XVIII столетия. Важно отметить, что всего лишь 4% всех мужчин, продававших землю, получили эту собственность путем покупки. Эта цифра говорит о застое земельного рынка в начале столетия.

Похоже, для женщин приобретение недвижимости было одной из радостей вдовьей жизни. Почти 50% дворянок, продавших землю в 1715—1720 гг., указали, что унаследовали имения от мужей, —

Таблица 4.15

**Источники первоначального приобретения
проданных имений (1715—1860 гг.)***

Источник приобретения	Владимирский уезд		Кашинский уезд		Тамбовский уезд		Курский уезд		Москва		Все регионы	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
1715—1720	(2)	(11)	(16)	(21)	(5)	(12)	(12)	(70)	(14)	(24)	(49)	(138)
но	—	64	25	67	20	67	42	96	43	46	33	77
нм	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	2	—
нс	100	—	50	—	40	—	58	—	36	—	49	—
ндр	—	9	13	24	—	25	—	4	—	25	4	14
п	—	27	6	—	40	8	—	—	21	4	12	5
к	—	—	—	9	—	—	—	—	—	21	—	4
1750—1755	(16)	(11)	(19)	(26)	(26)	(42)	(25)	(43)	(138)	(205)	(224)	(327)
но	25	37	37	69	65	50	84	93	30	46	40	54
нм	6	18	5	15	—	9	—	—	5	9	4	9
нс	38	—	26	4	15	—	12	—	24	3	23	2
ндр	25	18	11	8	12	24	—	5	14	17	13	16
п	6	9	—	—	4	—	4	—	8	1	6	—
к	—	18	21	4	4	17	—	2	19	25	14	19
1775—1780	(31)	(34)	(42)	(37)	(57)	(119)	(22)	(30)	(171)	(296)	(323)	(516)
но 13	41	21	38	14	37	18	50	24	38	21	39	
нм	16	15	21	8	11	5	14	7	15	16	15	12
нс	16	12	15	3	26	—	18	3	16	5	18	4
ндр	23	17	26	27	12	16	5	10	6	14	11	15

Источник приобретения	Владимирский уезд		Кашинский уезд		Тамбовский уезд		Курский уезд		Москва		Все регионы	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
п	16	—	—	—	12	—	5	—	8	—	8	—
к	16	15	17	24	25	42	41	30	31	27	27	30
1805—1810	(63)	(111)	(12)	(20)	(14)	(36)	(0)	(0)	(58)	(76)	(147)	(243)
но	35	32	8	20	—	36	—	—	21	30	24	31
нм	16	28	17	20	14	22	—	—	19	16	17	23
нс	9	6	17	5	36	8	—	—	7	1	12	5
ндр	5	6	25	25	22	—	—	—	10	21	10	11
п	8	—	—	—	14	—	—	—	7	—	7	—
к	27	28	33	30	14	33	—	—	36	32	30	30
1855—1860	(53)	(55)	(0)	(0)	(0)	(0)	(0)	(0)	(0)	(0)	(53)	(55)
но	17	31	—	—	—	—	—	—	—	—	17	31
нм	17	13	—	—	—	—	—	—	—	—	17	13
нс	11	2	—	—	—	—	—	—	—	—	11	4
ндр	8	20	—	—	—	—	—	—	—	—	8	20
п	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—
к	45	33	—	—	—	—	—	—	—	—	45	33

* но — унаследовано от отца; нм — унаследовано от матери; нс — унаследовано от супруга; ндр — унаследовано от другого лица;

п — получено в приданое; к — куплено;

ж — женщины; м — мужчины.

Каждая цифра обозначает процент выявленных сделок. В скобках указано общее число сделок за каждый период.

Источник: см. Приложение 1.

такая цифра вполне согласуется с семейным положением большинства женщин, продававших собственность в начале XVIII в. Удивительно малое число женщин выставило на рынок земли, полученные в приданое, — в среднем 12% по всем изученным уездам, а 33% отчуждали землю, доставшуюся им от отцов. И если у мужчин в распоряжении находилось мало купленных земель, то у женщин их не было совсем: ни одна дворянка в представленной подборке не заявила о продаже купленного имения. Словом, сравнив, как мужчины и женщины приобретали собственность в течение первых десятилетий XVIII в., мы убедились, что женщины находились на периферии феодальной экономики.

Три десятилетия спустя источники богатства для обоих полов стали разнообразнее. Мужчины по-прежнему сильно зависели от имущества, переходившего по наследству от отцов, но при этом половина земли, которую они продавали, происходила уже из других источников. И для мужчин, и для женщин самым существенным новшеством в экономическом поведении стала продажа купленных имений: в обследованных нами уездах 14% проданных женщинами имений были купленными. Купленные имения составляли также 19% продаж, совершенных мужчинами, а число проданных ими наследственных имений сократилось до 54%. Не менее интересно появление женщин в роли исходных владелиц недвижимого имущества: в 9% земельных продаж мужчины заявили, что продают материнское наследство. Женщины же по-прежнему все еще рассчитывали главным образом получить долю на содержание из владений мужа. На эти земли приходится поразительная цифра в 23% всех женских продаж. В то же время землям, полученным дворянками от отцов и других родственников, стали придавать больший вес, чем прежде: по всем уездам всего лишь 6% земли, проданной дворянками, было получено в приданое, а мужчины вообще полностью прекратили продавать приданое своих жен — это было неоспоримое следствие укрепления и расширения контроля женщин над имуществом.

Тенденции, наметившиеся к середине XVIII в. в сфере приобретения богатства мужчинами и женщинами, усилились в последующие десятилетия. Особенно интересны для дальнейшего рассмотрения две из них: во-первых, по мере роста активности женщин на рынке недвижимости возрастал вес их имущества в наследстве их детей. Во-вторых, дворяне обоих полов все чаще стремились продавать купленное имущество, а не наследственные земли. Кроме

того, женщины стали меньше опираться на имущество мужей при выходе на рынок, и как мужчины, так и женщины продавали теперь меньше поместий, перешедших к ним от отцов. По мере того как становились разнообразнее возможности для приобретения дворянами собственности, покупка земли женщинами все меньше отличалась от аналогичной деятельности мужчин.

С конца XVIII в. и до кануна отмены крепостного права дворяне обоих полов получали доступ к собственности на нескольких этапах жизненного пути. Важнее всего, конечно, было наследование семейных владений, но, кроме того, дворяне и дворянки выступали наследниками целого множества родственников, как мужчин, так и женщин. Инвестиции в землю выросли настолько, что продажи купленных земель достигли 45% у женщин и 33% у мужчин⁷². Русские дворянки, которые не были намного консервативнее мужчин, реагировали на изменения экономического климата, продавая земли и по-иному размещая свой капитал. Иногда женщины расставались с имениями, чтобы расплатиться с кредиторами, но цифры показывают, что они также продавали имения с целью округлить свои земельные владения или купить более доходную землю, когда она появится на рынке. В этом отношении землевладелицы в России расходились с американками, владевшими недвижимостью на Юге до Гражданской войны. Последние, приобретая недвижимость, редко с ней расставались. По словам одной исследовательницы, «лозунгом женщин как группы была осторожность. Они покупали землю, но, как показывают документы сделок, старались не выпускать ее из рук»⁷³. У русских же помещиц не заметно никакого перевеса в сторону продажи или покупки земли.

Дополнительным источником богатства для дворян были императорские пожалования земель с крестьянами в знак расположения или в награду за службу. Историк С.С. Шашков считал, что при императрицах женщины часто получали земли с крестьянами, «благодаря которым они могли жить совершенно независимую жизнь»⁷⁴. Екатерина II жаловала имения и другое имущество княгине Дашковой в награду за ее преданную службу⁷⁵. Мужчины, занимавшие престол после Екатерины, тоже дарили женщинам имения. Император Павел в 1798 г. подарил 2 тыс. десятин земли с необозначенным количеством крестьян Матрене Сердюковой в возмещение жертв, понесенных ею в войне с Турцией. Речь идет, вероятно, о ее родных, погибших на поле боя⁷⁶. В 1824 г. жена лейтенанта Бруннера получила 3 тыс. десятин, хотя

в дарственной не объяснено, за что этот подарок⁷⁷. Но такие примеры были скорее исключением, чем правилом. Дворяне гораздо чаще и в больших масштабах, чем дворянки, пожинали весомые плоды в награду за службу государству. Так, среди 105 человек, получивших пожалования из дворцовых земель с 1700 по 1749 г., было только 12 женщин⁷⁸.

ПРИДАНОЕ И ЖЕНСКИЕ СОСТОЯНИЯ

Как ни странно, даже в начале XVIII в. приданные деревни представляли собой для дворянок, продававших имения, не столь значительный компонент владений. Давать дочерям приданое старались в денежной форме и в виде движимого имущества, которые они затем обращали в недвижимость. В самом деле, если дворяне получали жалованья и пенсии за многолетнюю государственную службу⁷⁹, то у большинства дворянок было только два источника капитала: деньги, полученные в приданое или в наследство, и доход с имений. Историки по традиции утверждают, что землю включали в рядные записи, благодаря чему осуществлялся оборот земель в среде дворянства⁸⁰. Но эта посылка не подкрепляется ни данными купчих записей, ни росписями приданого, сохранившимися в документах Крепостных контор. В целом недвижимую собственность давали своим родственницам в приданое два вида донаторов: бедные дворяне, у которых было мало движимого имущества, так что они ничего не могли наскрести для дочери, кроме части деревни, и, наоборот, богатые семьи, вполне способные дать щедрое приданое в любой форме: землю, движимое имущество, наличные деньги.

Указ о единонаследии вызвал резкое изменение состава приданого. До 1714 г. недвижимое имущество включали в приданое как само собой разумеющееся. Из 35 росписей приданого, зафиксированных в Москве в 1703 и 1714 гг.⁸¹, 28 документов (80%) включали в себя землю, и только 7 (20%) состояли из одной движимости и дворовых людей⁸². К тому же цена приданных, зарегистрированных в Москве, была весьма существенной: движимость, включенная в приданое в 1703 г., стоила в среднем 542 руб., а в 1714 г. эта средняя цифра выросла до 1240 руб. Зато в росписях приданого, составленных после 1731 г., земля появлялась редко. Несмотря на отчаянные протесты дворян, утверждавших, что они не в состоянии

обеспечить дочерей, не деля на части свои имения, к 1731 г. они приспособились к новому положению дел. Из 61 списка приданого, заверенного Юстиц-коллегией в Москве за 1731, 1750, 1760 и 1780 гг., только один включал в себя землю: в 1760 г., выйдя замуж за Николая Бахметьева, Софья Милославская получила от своей вдовой матери поместье в 246 душ крестьян в дальнем Арзамасском уезде, а также движимость на сумму 4500 руб⁸³. Но приданое Милославской было исключительным случаем; прочие московские невесты довольствовались движимым имуществом, наличностью, редко кому доставалась дворовая девка⁸⁴.

Если в приданое родственницам не давали земель, то не из жадности и не из-за финансовой несостоятельности. Средняя цена приданого в вышеприведенной выборке за 1731 г. составляла 2800 руб., за 1750-й — уже 5827 руб.⁸⁵ Московские росписи приданого говорят не только о том, что донаторы расставались с драгоценностями, одеждой и другими вещами, но и о том, что в большинство приданных входили солидные суммы, специально предназначенные для покупки земли. Типичная рядная запись гласит, что стольник Кошелев дал за дочь, вышедшей замуж в 1731 г., 1800 руб. «на покупку деревни»⁸⁶. В 1750 г. Андрей Сабуров, помимо кровати, одежды, белья на сумму 3277 руб., добавил к приданому дочери 3000 руб. «на покупку вотчин»⁸⁷.

Приемы распределения богатства в провинциальных семьях, среди менее зажиточных дворян, были совершенно другими. Из 58 списков приданого, зарегистрированных в 1751—1868 гг. во Владимире, Кашине, Тамбове, Курске и Сызрани, 26 (45%) включали в себя небольшое количество земли, а еще 32 (55%) состояли в разных пропорциях из вещей, денег, дворовых людей⁸⁸. Контраст между приданными, зафиксированными в Москве и в губерниях, подчеркивает разрыв, отделявший тонкий слой богатых аристократических семей от мелкого дворянства. Последнее большей частью не могло предложить дочерям ничего, кроме единственного дворового человека или крохотного клочка земли. В 1753 г. помещик Поярков, не сумев наскрести ничего в приданое дочери, в конце концов дал ей крестьянку с маленьким сыном⁸⁹. В 1776 г. вдова Патрекеева рассудила, что из отцовского имения ее дочь может рассчитывать лишь на одно крепостное семейство и еще двух неженатых парней⁹⁰. Более обеспеченная курская вдова Пузанова смогла снабдить дочь почти всем необходимым: в 1778 г. она зарегистрировала на имя дочери длинный перечень домашней утвари,

в том числе кровать с шелковым пологом, десять подушек, двенадцать салфеток и девять скатертей⁹¹.

На другом имущественном полюсе женщины из богатых семей могли, наряду с деревнями, домами и денежным капиталом, рассчитывать на наследство из движимого имущества — иконы, драгоценности, одежду, мебель. Сведения о приданом, сохранившиеся в семейных архивах знати, свидетельствуют о средствах, которыми располагали эти семьи: из 35 брачных договоров за 1731—1868 гг. 17 (49%) включали в себя землю, а 18 (51%) — только вещи и деньги⁹². Но даже невесты, вышедшие замуж без недвижимости, начинали семейную жизнь с солидным набором всяческого добра. Наталья Приклонская вышла за Ивана Мусина-Пушкина в 1733 г. Мать выделила ей на 2 тыс. рублей движимого имущества и 500 рублей наличными. Среди предметов, перечисленных в Натальином приданом, были иконы, украшенные драгоценными камнями, польская шуба, немецкие парчовые отрезы⁹³. В некоторых случаях люди, давая приданое, отмечали, что выделяют дочерям денежные средства вместо их доли родовых земель, причем оговаривали, что приданое равно полному наследству, положенному дочери. Так, сенатор Федор Иванович Глебов дал в 1787 г. в приданое дочери 1400 душ крестьян и 29 175 рублей в виде ликвидных активов, а она подписала еще и другой документ, в котором обещала больше ничего не требовать из отцовских богатств⁹⁴. Однако подавляющее большинство соглашений о приданом не мешало его получательницам участвовать в разделе семейного имущества после смерти обоих родителей. Эти документы представляют нам письменное свидетельство того, что для большинства дворянок приданое являлось авансом наследства, а не окончательной долей причитающегося им семейного имущества.

Ликвидные активы в форме наличных денег и движимого имущества давали женщинам средства на покупку собственной земли, чем и объясняется видная роль женщин как инвесторов в недвижимость, начиная с середины XVIII в. Даже приданое, составленное из драгоценностей и одежды, можно было использовать как доходное имущество. В начале XIX в. Софья Щербатова продала драгоценности, полученные к свадьбе, а на вырученные деньги купила землю в плодородных южных губерниях. «Эти покупки заложили основу семейного состояния», — писала ее праправнучка⁹⁵. Мужчины также использовали капитал своих жен. Дворянки, как и купчихи, давали средства на начинания своих мужей. Знаменитый граф

С.Ю. Витте вспоминал, как его отец с разрешения матери вложил ее солидное приданое в литейный завод на Кавказе. Мать Витте всю жизнь сожалела о своем решении, когда муж умер, не заплатив долги, и оставил семью в крайне стесненных обстоятельствах⁹⁶. Но чаще всего русские женщины избегали «скрытых» семейных инвестиций и использовали средства, полученные в приданое, на покупку своих собственных земельных владений.

РОДСТВО И ИМУЩЕСТВЕННЫЕ СДЕЛКИ

Хотя женщины и мужчины благородного сословия приобретали собственность в разные моменты жизни и разными способами, но когда оно попадало им в руки, использовали они его одинаковыми способами. Впрочем, если бы мы приняли во внимание элемент субъективности, который исследователи выявили в завещаниях европейских и американских женщин⁹⁷, мы могли бы ожидать, что и русские дворянки проявят большую склонность к имущественным сделкам с родственниками, чем мужчины. Историки Британии начала Нового времени утверждают, что частая продажа недвижимости между родственниками присуща не столько индивидуальному, сколько родовому владению имуществом⁹⁸. Считалось, что в России связь между семьей и землей была непрочной. Иностранцы наблюдатели в России часто замечали, с какой легкостью дворяне продавали родовые владения, не выказывая большой преданности фамильным традициям, если на карту была поставлена финансовая выгода. Август фон Гакстгаузен писал, что русский дворянин «тотчас избавится от своего наследства, если увидит в этом выгоду»⁹⁹. Несмотря на большие старания государства отучить дворян расставаться с родовыми землями, русские дворяне обоего пола распродавали фамильное имущество в масштабах, поражающих заграничных путешественников. В этом смысле поведение женщин-помещиц в точности воспроизводило мужское. Кроме того, если женщины и продавали родственникам чуть большую долю имущества, чем мужчины, то все равно его размеры были незначительны.

С начала XVIII в. и до отмены крепостного права дворяне обоих полов с неохотой вступали в сделки по продаже имущества внутри семьи¹⁰⁰. В 1715—1720 гг. только 9% недвижимости женщины продали родственникам, а мужчины поступали так еще

реже (см. табл. 4.16). Поведение дворянок и дворян явно разошлось в конце XVIII в., когда женщины продали родственникам 20% земли, а мужчины только 8%. Но в XIX в. женщины снова сравнялись с мужчинами: не более 12% их сделок за 1805—1810 гг. и 13% за 1855—1860 гг. пришлось на продажу земли родственникам. В течение всего рассматриваемого периода дворяне обоего пола предпочитали продавать землю посторонним людям.

Еще одну точку зрения на внутрисемейные продажи имущества дает анализ состава родственников, заключавших между собой имущественные сделки (см. табл. 4.17). До середины XIX в. и мужчины, и женщины продавали землю братьям и сестрам, отдавая им предпочтение перед всеми другими родственниками. Лишь в 1855—1860 гг. продажа земли братьям и сестрам уступила первенство сделкам между супругами и между родителями и детьми. Сделки дядьев и теток с племянниками и племянницами были заметны до середины XVIII в., после чего быстро пошли на убыль. Продажи свойственникам в XVIII в. тоже были совсем не редки. Наиболее выразительную картину при анализе междоусловных продаж дает постепенный переход от имущественных сделок с родственниками второго колена и родней по линии мужа или жены к продажам внутри нуклеарной семьи. В середине XIX в. целых 46% сделок мужчин с членами семьи составляла продажа имущества женам. Что касается женщин, то при внутрисемейных сделках они продали 31% имущества мужьям и 44% — детям. В целом, хотя мужчины чаще продавали землю братьям и сестрам или женам, а женщины — детям, и те и другие, продавая недвижимость родственникам, старались сохранить имущество в ближайшем родственном кругу, чтобы свести к минимуму дробление семейных земель.

* * *

В губерниях и городах императорской России женщины-землевладелицы стали обычным явлением задолго до того, как Август фон Гакстгаузен обнаружил их существование. По его наблюдению, сосредоточение богатства в женских руках по-новому освещает экономическое положение русских дворянок. С одной стороны, видное место, занимаемое помещицами начиная с середины XVIII в., свидетельствует о влиянии пересмотра правил наследования в 1731 г. на экономический статус дворянок. В то же время активность женщин на рынке земли с середины XVIII в. нельзя объяснить без учета повышения имущественно-правового

Таблица 4.16

**Процентное соотношение сделок с родственниками,
по регионам (1715—1860 гг.)***

	Владимирский уезд		Кашинский уезд		Тамбовский уезд		Курский уезд		Москва		Все регионы	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
1715—1720	0 (12)	5 (19)	19 (26)	11 (70)	15 (13)	3 (34)	0 (13)	0 (91)	0 (25)	5 (111)	9 (79)	5 (325)
1750—1755	13 (15)	12 (17)	14 (22)	17 (36)	7 (27)	5 (55)	50 (30)	13 (69)	15 (140)	12 (263)	18 (234)	12 (441)
1775—1780	35 (31)	8 (38)	30 (44)	14 (36)	10 (59)	4 (146)	49 (32)	13 (47)	13 (159)	8 (289)	20 (325)	8 (556)
1805—1810	9 (74)	8 (126)	29 2(14)	35 (23)	5 (40)	10 (81)	—	—	17 (60)	15 (81)	12 (188)	14 (309)
1855—1860	15 (66)	14 (74)	11 (64)	11 (63)	13 (96)	9 (127)	13 (87)	9 (102)	12 (230)	14 (245)	13 (543)	11 (611)
Все периоды 1715—1860	16 (1874)	9 (266)	19 (170)	15 (228)	10 (235)	7 (443)	25 (162)	6 (309)	13 (614)	11 (990)	15 (1369)	10 (2244)

* ж — женщины; м — мужчины. Каждая цифра обозначает процент сделок, заключенных с родственниками дворянами и дворянками. В скобках указано число выявленных сделок.

Источник: см. Приложение 1.

Таблица 4.17

**Процентное соотношение сделок с родственниками,
по виду родства (1715—1860 гг.)***

	1		2		3		4		5		6		7	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
1715—1720 (ж=6) (м=15)	0	0	33	33	0	0	33	33	17	27	0	7	17	0
1750—1755 (ж=43) (м=51)	0	0	28	37	7	4	23	18	12	16	0	4	30	21
1775—1780 (ж=65) (м=43)	2	0	38	46	20	5	11	16	6	5	6	2	17	26
1805—1810 (ж=23) (м=38)	13	8	44	55	26	16	9	5	4	5	0	3	4	8
1855—1860 (ж=68) (м=67)	31	46	19	27	44	22	0	2	0	0	2	0	4	3
1715—1860 (ж=205) (м=214)	12	16	30	39	26	12	10	11	6	7	2	2	14	13

* 1 — супруги

2 — братья, сестры

3 — родители, дети

4 — дяди, тетки, племянницы, племянники

5 — двоюродные братья, двоюродные сестры

6 — деды, бабки, внуки, внучки

7 — родственники по мужу, жене.

ж — женщины; м — мужчины.

Цифры в скобках в левом столбце обозначают число сделок.

Источник: см. Приложение 1.

статуса замужних дворянок после 1753 г. Закон о раздельной собственности супругов поощрил женщин к использованию приданого как имущества, приносящего доход, и к приобретению имений на свое имя. В результате установления в правовой сфере большего, чем прежде, равновесия между полами дворянки накануне отмены крепостного права оказались хозяйками третьей части всей земли и крестьян, находившихся в частном владении¹⁰¹.

Если подавляющее большинство дворянок, владевших землей, не имело больших поместий, то в этом смысле их материальное

положение было почти таким же, как у мужчин-землевладельцев. Еще интереснее то, что, за небольшим исключением, женщины участвовали в таких же видах имущественных сделок и в тех же масштабах, что и мужчины. В отличие от женщин на Западе, русские дворянки не стояли на периферии владения имуществом и их вклад в семейную экономику не был скрытым: богатство русских женщин составляло важнейшее дополнение к состоянию их мужей¹⁰². Женщины играли гораздо более важную роль в семейной экономике и в хозяйственной жизни российских губерний, чем предполагали историки. Как они использовали принадлежавшее им имущество, чтобы оказывать влияние на родню, соседей и местные власти, мы рассмотрим в следующих главах.

¹ *Haxthausen A. v. Studies on the Interior of Russia* Chicago, 1972. P. 23.

² Более детально методы, примененные в этой главе, рассмотрены в Приложении 1.

³ Обзор истории Крепостной конторы см.: *Капустина Г.Д.* Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник (первая четверть XVIII в.) // Проблемы источниковедения. 1959. № 7. С. 217—222. Сначала сколько-нибудь крупные сделки фиксировались в Москве или в губернских городах, а в прочих городах регистрировались только сделки на сумму менее ста рублей. При Петре I территория России разделялась на одиннадцать губерний, которые подразделялись на 49 провинций. Москва, Владимир и Тамбов с 1719 г. являлись губернскими городами. См.: *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. С. 103. Екатерининская реформа местного управления 1775 г. выработала новое территориальное деление и предоставила провинциальным учреждениям больше полномочий в отправлении справедливости и в контроле над куплей и продажей недвижимости. См.: *Madariaga I. de.* Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven, 1981. P. 277—291 [*Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 439—452. — *Примеч. ред.*]; *Jones R.E.* Urban Planning and the Development of Provincial Towns in Russia, 1762—1796 // *The Eighteenth Century in Russia* / Ed. J.G. Garrard. Oxford, 1973. P. 327.

⁴ *Dukes P.* Catherine the Great and the Russian Nobility: A Study Based on the Materials of the Legislative Commission of 1767. Cambridge, 1967. P. 11.

⁵ О заселении Тамбовской губернии см.: *Щепкина Е.Н.* Старинные помещики на службе и дома. СПб., 1890. С. 95—97.

⁶ *Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1961. P. 367; *Dukes P.* Catherine the Great and the Russian Nobility. P. 11; *Kahan A.* The Costs of «Westernisation» in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // *Slavic Review*. 1966. Vol. 25. № 1. P. 42.

⁷ *Leonard C.S.* Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia. Bloomington, 1993. P. 51—52.

⁸ *Милов Л.В.* Исследование об «экономических примечаниях» к генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965. С. 28.

⁹ *Kahan A.* The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago, 1985. P. 134—136.

¹⁰ *Gatrell P.* The Tsarist Economy, 1850—1917. N.Y., 1986. P. 106; *Confino M.* Histoire et psychologie: à propos de la noblesse russe au XVIII siècle // *Annales: économies, sociétés, civilisations.* 1967. Vol. 22. № 6. P. 1185.

¹¹ Количество земли, находившейся во владении женщин в допетровскую эпоху, стало объектом многих исследований. Самое большое внимание уделено женскому землевладению в Московском царстве в работе: *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996. P. 106—108. См. также: *Kaiser D.H.* Women's Property in Muscovite Families, 1500—1725 (доклад в университете Кента в 1988 г.); *Kleimola A.M.* «In Accordance with the Canons of the Holy Apostles»: Muscovite Dowries and Women's Property Rights // *Russian Review.* 1992. April. Vol. 51. № 2. P. 225; *Levin E.* Women and Property in Medieval Novgorod: Dependence and Independence // *Russian History.* 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 164; *Levy S.* Women and Control of Property in Sixteenth-Century Muscovy // *Ibid.* P. 205—206.

¹² *Hellie R.* Slavery in Russia, 1450—1725. Chicago, 1982. P. 611. В другой своей работе Р. Хелли отмечает, что количество женщин, имевших холопов, повышается до 7,7%, если считать также росписи приданого, в которых жена значится собственницей наряду с мужем. См.: *Hellie R.* Women and Slavery in Muscovy // *Russian History.* 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 227. См. также: *Real Estate Transfer Deeds in Novgorod, 1609—1616 / Text and comm. I. Norlander.* Stockholm, 1987. P. 63. В таких росписях, выявленных за начало XVII в., приведены имена шестисот лиц, в том числе около 60 женщин.

¹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 1. Ед. хр. 2624 (Поместный приказ, 1701—1703); Там же. Ед. хр. 2920 (Владимирский стол, 1699—1701); Там же. Ед. хр. 2935 (Рязанский стол, 1706—1711). Документы сделок, содержащиеся в ед. хр. 2624, состоят полностью из купчих и закладных на имущество; в ед. хр. 2920 и 2935 документы купли-продажи составляют меньшинство.

¹⁴ См. гл. 2.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 1.

¹⁶ Эти наблюдения хорошо согласуются с исследованием Д. Кайзера о долгах и должниках в России начала Нового времени. Автор указывает, что женщины реже упоминали в завещаниях своих кредиторов, чем мужчины, и гораздо реже — должников; размеры их долгов тоже значительно уступали мужским долгам. См.: *Kaiser D.* «Forgive us Our Debts...»: Debts and Debtors in Early Modern Russia // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* Berlin, 1995. P. 168—169.

¹⁷ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 1956. Л. 93—94.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 1956. Л. 22—23.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 4190. Л. 4.

²⁰ *Herlihy D. Land, Family and Women in Continental Europe, 701—1200 // Traditio. 1962. Vol. 18. P. 89. См. также: Wemple S.F. Women in Frankish Society: Marriage and Cloister, 500—900. Philadelphia, 1981. P. 106—123. Более скромную оценку статистических показателей об отчуждении собственности женщинами см. в работе: Gold P.S. The Lady and the Virgin: Image, Attitude, and Experience in Twelfth-Century France. Chicago, 1985. P. 116—144.*

²¹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11566. Л. 63—64, 67—68, 69—70, 63—74; Там же. Оп. 2. Ед. хр. 11581. Л. 57—58, 63—65, 73.

²² РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4242. Л. 67—70, 72—73.

²³ ГАВО. Ф. 92. Оп. 5. Ед. хр. 21. Л. 245—253.

²⁴ Эти наблюдения подтверждают мнение А. Кахана, полагающего, что рынок аренды незаселенных земель до XIX в. был незначительным. См.: *Kahan A. The Costs of «Westernisation» in Russia P. 42.*

²⁵ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11184. Л. 39.

²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 92.

²⁷ Последние дни царствования Екатерины II. (Письма княгини Анны Александровны Голицыной) // Исторический вестник. 1887. Октябрь. Т. 30. С. 91.

²⁸ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 14; ГИМ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 2.

²⁹ А. Кахан считает, что к концу XVIII в. дворянство помещало свои накопления в государственные депозитарные учреждения, предпочитая «надежность, связанную с некоторым доходом, высокому риску и высоким оборотам у частных ростовщиков»: *Kahan A. The Plow, the Hammer, and the Knout. P. 314. Обзор провинциальных крепостных книг первой четверти XVIII в. в работе Н.Б. Голиковой подтверждает мои наблюдения и аргументацию А. Кахана. См.: Голикова Н.Б. Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 247—248. Н.И. Павленко, напротив, показывает, что дворяне составляли 44% частных ростовщиков в Москве в 1732 г. См.: Павленко Н.И. О ростовщичестве дворян в XVIII в. (к постановке вопроса) // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 269.*

³⁰ *Davidoff L., Hall C. Family Fortunes: Men and Women of the English Middle Class, 1780—1850. Chicago, 1987. P. 276. Дж. Лиддингтон на базе изучения земельного кадастра 1870 г. установила, что в Англии женщины владели 7% земли. См.: Liddington J. Female Fortune: Land, Gender, and Authority: The Anne Lister Diaries and Other Writings, 1833—1836. L., 1998. P. 245, 284.*

³¹ *Lieven D. The Aristocracy in Europe, 1815—1914. N.Y., 1992. P. 42, 56 [перевод: Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815—1914. СПб.: Академический проект, 2000. С. 41—43, 56. — Примеч. ред.].*

³² *Lebsock S. The Free Women of Petersburg: Status and Culture in a Southern Town, 1784—1860. N.Y., 1984. P. 129—130.*

³³ О влиянии имущественных прав замужних женщин на размеры женских состояний см.: *Shammas C. Re-assessing the Married Women's Property Acts // Journal of Women's History. 1994. Vol. 6. № 1. P. 9—30.*

³⁴ *Ibid.* P. 20.

³⁵ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4186. Л. 9.

³⁶ По мнению Дж. Хабаккука, в Англии XVIII в. мотив уплаты долгов «играл важную роль в значительном большинстве продаж». См.: *Habakkuk J. Marriage, Debt, and the Estates System: English Landownership, 1650—1950. Oxford, 1994. P. 396—397.*

³⁷ *Bradford M.W. The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot, 1803—1808 / Ed. by the Marchioness of Londonderry and H.M. Hyde. L., 1935. P. 234—235.*

³⁸ АСПБИИ. Кол. 238, I, 23. Оп. 2. Ед. хр. 298/50.

³⁹ См. письмо некоей дамы к Е.П. Салтыковой, в котором описываются выгоды покупки имения у какого-то разорившегося помещика: РГИА. Ф. 1048. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1—2 (1851).

⁴⁰ *Spring E. Law, Land, and Family: Aristocratic Inheritance in England, 1300—1800. Chapel Hill, 1993. P. 10—12, 15.*

⁴¹ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (далее — РО РНБ). Эрмитажное собрание. № 243/1. Л. 1—13.

⁴² *Милов Л.В. Исследование об «экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. С. 21—22.*

⁴³ РГАДА. Ф. 1355 (Экономические примечания к Генеральному межеванию). Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 5—10.

⁴⁴ Там же. Ед. хр. 1700. Л. 7—14.

⁴⁵ *Leonard C.S. Reform and Regicide. P. 68.*

⁴⁶ РГИА. Ф. 1549 (Ревизия сенатора Львова А.Л. Тамбовской губернии, 1814—1815 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 24—39, 108—115.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 53.

⁴⁸ Там же. Ед. хр. 1700. Л. 23.

⁴⁹ Там же. Ед. хр. 1700. Л. 34.

⁵⁰ Классическое изложение этой точки зрения см.: *Pipes R. Russia under the Old Regime. P. 179.*

⁵¹ Исследование инфляции после 1760 г., заметно повлиявшей на цену земли, см.: *Mironov B.N. Consequences of the Price Revolution in Eighteenth-Century Russia // Economic History Review. 1992. Vol. 45. № 3. P. 457—478.*

⁵² К такому же выводу пришла Н.М. Шепукова. См.: *Шепукова Н.М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 388—419.*

⁵³ *Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. Т. 1. С. 30.*

⁵⁴ См.: *Pipes R. Russia under the Old Regime. 1974. P. 178.*

⁵⁵ Эти выводы противоречат утверждению А. Кахана о том, что «землю без крестьян отдавали в залог и продавали в некотором количестве глав-

ным образом во второй половине XVIII в.» (*Kahan A. The Costs of «Westernisation» in Russia* P. 42).

⁵⁶ Во второй половине XIX в. владение городским имуществом сделалось важным источником дохода для дворян. См.: *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М., 1969. С. 274—275.

⁵⁷ См. три контракта, подписанные Тутолминой в 1858 г.: РГИА. Ф. 1067. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1—7.

⁵⁸ *Дашкова Е.Р.* Записки. М., 1987. С. 148.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 529. Л. 249.

⁶⁰ Подобные же результаты наблюдаются в губернских городах. Согласно обзору сделок за 1855—1860 гг., купчихи участвовали в 36% продаж недвижимости во Владимире (т.е. в 66 сделках), в 20% продаж в Тамбове (30 сделок) и в 13% продаж в Курске (13 сделок). Что касается зафиксированных покупок, то во Владимире купчихи участвовали в 28% сделок (61), в Тамбове в 19% сделок (36) и в Курске в 26% (27). На долю же дворянок пришлось 63% продаж во Владимире (84 сделки), 59% продаж в Тамбове (94) и 55% в Курске (38 сделок). Из общего числа зафиксированных покупок дворянки участвовали в 65% сделок во Владимире (55), в 57% в Тамбове (89) и в 57% в Курске (40). Мещанки участвовали в 44% продаж во Владимире (90 сделок), в 37% продаж в Тамбове (57), в 36% в Курске (56) и в 59% в Москве (86). В покупках, оформленных на мещан, женщины фигурируют в 30% сделок во Владимире (33), в 37% в Тамбове (48), в 46% в Курске (37) и в 57% в Москве (70). Источник см. в Приложении 1.

⁶¹ См.: *Rieber A.J.* Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia Chapel Hill, 1982. P. 120.

⁶² ПСЗ-1. Т. 26. № 19692 (19.12.1800). Гл. 1. Отд. II. Ст. 43. Уставом 1740 г. кредитором было предоставлено право на имущество жен. ПСЗ-1. Т. 11. № 8300 (15.12.1740). Ст. 28.

⁶³ РГИА. Ф. 1330. Оп. 6. Ед. хр. 1004. Л. 6—8, 14—15, 22—23.

⁶⁴ *Kelly C.* Teacups and Coffins: The Culture of Russian Merchant Women, 1850—1917 // *Women in Russia and Ukraine* / Ed. R. Marsh. Cambridge, 1996. P. 65.

⁶⁵ *Туган-Барановский М.* Русская фабрика. 6-е изд. М., 1934. С. 15, 84; *Mironov B.N.* Consequences of the Price Revolution. P. 465.

⁶⁶ *Туган-Барановский М.* Русская фабрика. С. 87, 93.

⁶⁷ *Kahan A.* The Costs of «Westernisation». P. 62—63.

⁶⁸ *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915. С. 18—20, 37; Там же. Часть 2. С. 28. См. также: *Joffe M., Lindenmeyr A.* Daughters, Wives, and Partners: Women of the Moscow Merchant Elite // *Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie* / Ed. J.L. West and J.A. Perov. Princeton, 1998. P. 102—104.

⁶⁹ Крестьянское движение в России в 1796—1826 гг.: Сборник документов / Ред. С.Н. Валк. М., 1961. С. 476.

⁷⁰ *Туган-Барановский М.* Русская фабрика. С. 100.

⁷¹ *Иоксимович М.* Мануфактурная промышленность. С. 87.

⁷² Сведения о том, как шла покупка имений в 1855—1860 гг., имеются только по Владимирскому уезду. Отсутствие данных по другим регионам — очевидный недостаток этой подборки. Но тенденции, очевидные для Владимира, являются логическим продолжением тенденций, общих для всех регионов в 1805—1810 гг.

⁷³ *Lebsock S. The Free Women of Petersburg*. P. 126. У. Ч. Джордан также отмечает, что женщины в Европе начала Нового времени не были склонны к рискованным действиям и предпочитали вкладывать средства в недвижимость, а не в торговлю. См.: *Jordan W.C. Women and Credit in Pre-Industrial and Developing Societies*. Philadelphia, 1993. P. 77.

⁷⁴ *Шашков С.С.* История русской женщины. СПб., 1879. С. 314—315.

⁷⁵ *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 145—148.

⁷⁶ РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Ед. хр. 20. Л. 3.

⁷⁷ Там же. Ф. 1350. Оп. 56. Ед. хр. 567. Л. 4. См. также: Там же. Ф. 1356. Оп. 56. Ед. хр. 19. Л. 3.

⁷⁸ *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С. 66—78.

⁷⁹ Петр Великий положил конец практике пожалования земель государственным служащим и стал вместо этого платить офицерам и гражданским чиновникам жалование. Многие дворяне не получали в наследство никаких имений, и все их доходы зависели от казны. См.: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С. 266. Среди женщин исключением были только те, которые служили при дворе.

⁸⁰ *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874. С. 210—212, 294, 334—335; *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, 1982. P. 79.

⁸¹ Эта подборка включает росписи приданого до выхода Указа о единонаследии 23 марта 1714 г.

⁸² РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 541 (1703). Л. 41, 44, 47—49, 55, 57—58, 60, 72—73, 77, 84, 88—89, 94—95, 100—101, 105—107, 110, 113, 116—117, 139; Ед. хр. 543 (1714). Л. 40, 42, 45, 49—54, 57, 101.

⁸³ Там же. Ед. хр. 583. Л. 440—443.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 550 (1731). Л. 2—3, 20—21, 30—31, 42—43, 45—46, 62—64, 70—71, 88—89, 101—103, 105—107, 109—110, 232—233, 321—322, 329—330, 495—496, 501—502, 529—530; Ед. хр. 571 (1750). Л. 8—11, 14—16, 24—25, 37—38, 52—54, 66—69, 76—77, 90—91, 100—101, 302—303, 305—306, 354—355, 360—361, 366—367, 380—381, 388—389, 403—406, 412—413; Ед. хр. 583 (1760). Л. 51—52, 58—59, 77, 79—83, 103—105, 130—131, 430—432, 447—449, 454—455, 476—477, 514—515, 558—565, 668—673; Ед. хр. 610 (1780). Л. 41, 76—77, 237—239, 247—248, 429—430.

⁸⁵ Приданое в 19 росписях за 1731 г. стоило в среднем по 2800 руб. Мы не включили в выборку одно приданое на 17 648 руб. Средняя цифра за 1750 г. также основана на девятнадцати списках, с исключением одного приданого в 70 тыс. руб. Средняя цена шестнадцати приданных за 1760 г. достигала 3584 руб., а 30-тысячное приданое мы снова не включили в рас-

смотрение. Р. Биша отмечает, что в XVIII в. средняя цена приданого в семьях мелкого дворянства составляла 3000 руб., а в аристократических фамилиях — 69 500 руб. См.: *Bisha R. The Promise of Patriarchy: Marriage in Eighteenth-Century Russia*. Ph. D. dissertation. Indiana University, 1993. P. 140—141.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 550. Л. 102—103.

⁸⁷ Там же. Ед. хр. 571. Л. 90—91.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 1996. Л. 1—2, 17, 108—109 (Владимир, 1751); Ед. хр. 2000. Л. 22, 60 (Владимир, 1753); Ед. хр. 4220. Л. 38, 42, 70—71, 194, 201—202 (Кашин, 1753); Ед. хр. 11418. Л. 2, 6—7, 22—23 (Тамбов, 1753); Ед. хр. 2004. Л. 75—76 (Владимир, 1755); Ед. хр. 4222. Л. 61—62 (Кашин, 1755); Ед. хр. 4241. Л. 82 (Кашин, 1770); Ед. хр. 2042. Л. 16—17, 127—128 (Владимир, 1775); Ед. хр. 5565. Л. 1—2, 5, 8, 39—40 (Курск, 1775); Ед. хр. 2045. Л. 72, 81, 87—88 (Владимир, 1776); Ед. хр. 11569. Л. 38—39, 51—52, 74—75 (Тамбов, 1776); Ед. хр. 11235. Л. 11, 30—31 (Сызрань, 1776); Ед. хр. 11577. Л. 14—15, 52—53 (Тамбов, 1777); Ед. хр. 11578. Л. 3, 8—10, 21—22 (Тамбов, 1777); Ед. хр. 11237. Л. 23—24, 28—29, 32, 36—37, 72, 77 (Сызрань, 1777); Ед. хр. 2049. Л. 1—2, 103—104, 122—123 (Владимир, 1778); Ед. хр. 5587. Л. 13—14, 35 (Курск, 1778); Ед. хр. 11539. Л. 3—5, 12—14, 20—21, 30—31, 36, 52 (Тамбов, 1779); ГА Тверской области. Ф. 668 (Кашинский уездный суд). Оп. 1. Ед. хр. 6444. Л. 33—34, 52—53 (Кашин, 1806, 1808); Санктпетербургские сенатские объявления по судебным... и казенным делам (14.03.1860). С. 45.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4220. Л. 42 (Кашин, 1753).

⁹⁰ Там же. Ед. хр. 2045. Л. 72 (Владимир, 1776).

⁹¹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 5587. Л. 13—14.

⁹² РГИА. Ф. 994 (Мордвиновы). Оп. 1. Ед. хр. 226 (1731); РГАДА. Ф. 1270 (Мусины-Пушкины). Оп. 1. Ед. хр. 78 (1733); ОПИ ГИМ. Ф. 47 (Шаховские—Глебовы—Стрешневы). Ед. хр. 1. Л. 20—21 (1734); РГАДА. Ф. 1258 (Бешенцевы). Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1—2 (1738); ОПИ ГИМ. Ф. 47. Ед. хр. 1. Л. 1—3 (1739); РГИА. Ф. 840 (Батюшковы). Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1, 4 (1742); Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 100 (1744); *Шукин П.И.* Сборник старинных бумаг. СПб., 1897. Т. 3. С. 71—72 (1748); РГАДА. Ф. 1263 (Голицыны). Оп. 1. Ед. хр. 6770 (1751); РГИА. Ф. 914. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 1—5 (1751—1752); Ф. 840. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 5—6 (1753); РГАДА. Ф. 1265 (Гончаровы). Оп. 2. Ед. хр. 120. Л. 1 (1757); Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 8464. Л. 16 (1758); ОПИ ГИМ. Ф. 60 (Воронцовы). Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 8, 11, 14, 17 (1758—1766); РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Ед. хр. 156. Л. 1—2 (1767); РГИА. Ф. 840. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 7 (1771); РГИА. Ф. 1044 (Сабуровы). Оп. 1. Ед. хр. 578 (1771); *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 537—551; РГАДА. Ф. 1272 (Нарышкины). Оп. 1. Ед. хр. 101 (1771); ОПИ ГИМ. Ф. 47. Ед. хр. 1. Л. 7 (1787); РГАДА. Ф. 1274 (Панины—Блудовы). Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 1082. Л. 1 (1790); Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Ед. хр. 579. Л. 1—2 (1800); ОПИ ГИМ. Ф. 47. Ед. хр. 1. Л. 11—12 (1808); РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Ед. хр. 756 (1808); РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Ед. хр. 1170. Л. 1—2 (1820); Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 523 (1821); Ф. 1270. Оп. 1. Ед. хр. 1442 (1823); Ф. 1263.

Оп. 3. Ед. хр. 338. Л. 1 (1826); ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 1—6 (1845); РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 1318 (1868).

⁹³ РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Ед. хр. 78.

⁹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 47. Ед. хр. 1. Л. 7.

⁹⁵ *Chavchavadze P. Marie Avinov: Pilgrimage through Hell.* Englewood Cliffs, N.J., 1968. P. 10. Ш. Кеттеринг считает, что драгоценности являлись «источником наличных денег» для французских дворянок начала Нового времени и служили экономическим потенциалом женщин. См.: *Kettering S. The Patronage Power of Early Modern French Noblewomen // Historical Journal.* 1989. Vol. 32. № 4. P. 825—826.

⁹⁶ *Bumme С.Ю.* Воспоминания: Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849—1894). Берлин, 1923. С. 38—39.

⁹⁷ См. главу 5 наст. изд.

⁹⁸ *Macfarlane A.* The Origins of English Individualism: The Family, Property, and Social Transition. N.Y., 1978. P. 80—101.

⁹⁹ *Haxthausen A. von.* Studies on the Interior of Russia. P. 250.

¹⁰⁰ Возможно, что переходу собственности от родственника к родственнику мешало то обстоятельство, что земля, проданная членам того же рода, оставалась родовой.

¹⁰¹ К. Шаммас установила, что в Соединенных Штатах в 1900 г., после реформы имущественных прав замужних женщин, «примерно одно из каждых трех имений принадлежало женщине, а в среднем женщины владели приблизительно четвертью официально завещанного богатства». Эта средняя величина очень близка к моей оценке состоятельности русских дворянок в XIX в. См.: *Shammas C.* Re-assessing the Married Women's Property Acts. P. 16—21.

¹⁰² Судя по описи громадного имения князя Николая Юсупова, владельца свыше 33 тыс. душ, больше половины земли и 27% крестьян, принадлежавших ему в 1849 г., принесли в приданое или купили его бабки. См.: РГАДА. Ф. 1290 (Юсуповы). Оп. 3. Ед. хр. 1747. Л. 1—10.

Глава 5

КУЛЬТУРА ПЕРЕДАЧИ ИМУЩЕСТВА В НАСЛЕДСТВО: ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ КАК ЗАВЕЩАТЕЛИ

Почувствовав на склоне лет, что «угнетаема... старостию», Анна Нелидова произвела раздел имущества покойного мужа между своими пятью детьми. В письме к дочери Екатерине в 1790 г. Нелидова уверяла, что защищала ее интересы, и просила не обижаться на небольшую долю имущества по сравнению с братьями. Мать указывала, что доставшиеся Екатерине земли с крестьянами не раздроблены, а расположены компактно в одной деревне, рядом с материнским имением. «Я за долг почитаю обо всем касающемся до сего раздела вас, душа моя, уведомить... дабы Вы в сем случае могли сыскать лучшая свои выгоды», — писала Нелидова. Дальше она объяснила, что, хотя Екатерина получит только 300 десятин земли (в то время как братьям достанется 20 тыс. десятин), ее наследство состоит из самых плодородных земель с богатыми лесными угодьями, а в долю братьев входят обширные болота. В заключение Нелидова от своего имени и от имени

сыноией просила дочь дать согласие на такой раздел собственности¹.

Письмо Анны Нелидовой — примечательный документ, который в нескольких красноречивых абзацах освещает конфликты интересов и истоки семейных ссор, сопровождавших каждый раздел собственности в императорской России. С одной стороны, оно служит ярким примером стремления знатных семей по возможности уменьшить негативные последствия раздельного наследования. Екатерина Нелидова получила в наследство не больше того, что полагалось ей по закону, но зато ее доля представляла собой единое нераздробленное владение. В то же время Анна Нелидова прямо признает, что закон несправедлив в отношении женского наследования. Она разделила владения мужа в строгом соответствии с правилами, действующими при отсутствии завещания, и дочь не имела юридических оснований рассчитывать на большее. И все же Нелидова-старшая очень хотела, чтобы Екатерина одобрила то, как совершился раздел, и поспешила заверить ее, что доля для нее выбрана самая выгодная. Эти хлопоты матери были вызваны отчасти заботой о том, чтобы после ее смерти дети не ссорились между собой: она писала, что, согласившись с условиями раздела, Екатерина в будущем не имела бы ни почвы для недовольства решением матери, ни основания донимать братьев судебными исками. Тем не менее в письме звучит подлинная озабоченность Нелидовой тем, чтобы в рамках наследственного права ее дочь получила справедливую долю. А так как она выбрала для себя деревню рядом с выделенной дочери, можно предположить, что в будущем она собиралась завещать Екатерине свое имение.

Владение имуществом, помимо его многочисленных преимуществ, давало женщинам еще и множество возможностей вмешиваться в материальную жизнь членов семьи. Будучи самостоятельными собственницами и субъектами права, дворянки могли награждать или наказывать своих родных, наделяя их имуществом или воздерживаясь от этого. Поэтому образ действий завещателей проливает яркий свет на эмоциональные связи, существовавшие в русских дворянских семьях. Но историки императорской России чаще всего игнорируют завещания как источник материалов для изучения дворянской культуры, предпочитая им мемуары и дидактически-назидательную литературу². Между тем внимательное изучение этих документов позволяет составить уникальную картину дворянских представлений о семье, родстве, происхождении и по-

нять, как все это было связано с отношениями собственности. Мы увидим, что, хотя русские дворяне придавали родовым корням и семейным связям большое значение, собственность играла ничтожную роль в поддержании этих отношений. Связи между широким кругом родственников часто преобразовывались во влияние при дворе и на политической сцене, однако ни мужчины, ни женщины не демонстрировали преданность своему роду при многочисленных раздачах перед смертью своего имущества, как недвижимого, так и личного. Напротив, по меньшей мере с XVII в. в сфере собственности нуклеарная семья преобладала над родом³. В отсутствие детей мужчины и женщины возвращали принадлежавшие им земли в родные семьи (вместе с не столь желанным даром в виде своих долгов). Но даже бездетные завещатели очень внимательно выбирали себе наследников и старались оставлять имущество как можно меньшему их числу, лишь бы не обидеть тех, к кому питали привязанность, и не нарушить закон.

Модели завещательного поведения не только отражают динамику отношений в семье, но и предоставляют нам отчетливые свидетельства того, как имущественные и правовые традиции формировали гендерные черты. Завещания русских дворян говорят еще об одном различии между культурой собственности в России и на Западе. Русские дворянки не только располагали большей властью над своим состоянием, находясь в браке, но и иначе, чем их современницы в Европе, решали, что станет с имуществом, когда они умрут. Опираясь на анализ завещаний и документов по делам о наследствах, многие историки пришли к выводу о существовании особой женской системы ценностей в отношении имущества в англо-американском мире и в Европе. Эти авторы в общих чертах утверждают следующее: если завещатели-мужчины при передаче имущества в наследство были связаны родовыми обязательствами и отдавали явное предпочтение наследникам мужского пола, то женщины-завещательницы проявляли субъективность и очевидную склонность к наследницам-женщинам. Более того, женщины гораздо чаще мужчин придавали различным предметам движимого имущества сентиментальное значение и упоминали в завещании всех, к кому питали привязанность. В России же, напротив, имущественное право диктовало дворянкам определенные схемы завещательного поведения и с неизбежностью заставляло их воспроизводить действия завещателей-мужчин, что не способствовало развитию обособленной женской культуры в сфере имущественных отношений.

ОПАСНОСТИ РАЗДЕЛЬНОГО НАСЛЕДОВАНИЯ

В отличие от большинства дворян Западной Европы, русские дворяне с энтузиазмом занимались разделом наследства. Конечно, не только русская знать распределяла семейное имущество между своим потомством: все европейские системы наследования предусматривали некую долю для младших сыновей и дочерей, даже в тех случаях, когда недвижимость предназначалась только старшему сыну. Но, в противоположность своим западным собратьям, русские дворяне довели принцип разделения наследства до крайности. Германские дворяне тоже делили свои имения между сыновьями, но «проводили политику ограничения браков... и отдавали все большее предпочтение старшим сыновьям, не отказываясь официально от системы раздельного наследования»⁴. Петр I, издав в 1714 г. Указ о едином наследии, сделал попытку законодательно изменить практику наследования, но тщетно; императрица Анна Иоанновна, взяв власть в свои руки, в 1731 г. уступила требованиям дворянства отозвать этот закон. Преемники Петра разделяли с дворянством двойственное отношение к вопросу о майоратном наследовании. До 1845 г. дворянам полагалось просить разрешения государя, если они желали создать майоратное имение. Но даже после того как Николай I упорядочил эту практику, требования при возведении земли в майорат были так высоки, что лишь богатейшие дворяне могли им соответствовать⁵. Однако при всей своей приверженности раздельному наследованию дворянство осознавало его негативные последствия, и всякий такой раздел фактически становился опытом по совмещению несовместимого. До самой революции 1917 г. существовало реальное противоречие между исконным убеждением дворянства в том, что имущество следует делить на всех сыновей и дочерей, и противоположным ему желанием предотвратить распад вотчинного владения⁶.

Даже тогда, когда правила наследования в отсутствие завещания строго выполнялись, раздел семейной собственности был чреват конфликтами. Самые дальновидные из дворян пытались сохранять семейный лад, тщательно расписывая в завещании, как именно следует делить имущество, и запрещая детям отступать от условий завещания. Некоторые завещатели, подобно коллежскому регистратору Гневашину, сурово внушали своим наследникам, что нужно провести раздел «без всякого спору»⁷. Евграф Татищев, со-

ставляя завещание в 1781 г., указал, какие из его деревень должны отойти каждому из четверых сыновей. При этом он подчеркнул, что справедливо разделил свое имущество, так как «все сии вотчины хотя числом душ и землями одна с другою несовсем сходственны, но по известным мне выгодностям доходами уравнительны»⁸. Кроме того, Татищев оставил небольшое наследство жене и выделил каждой из четырех дочерей по 24 тыс. руб. в приданое.

Впрочем, дворяне и дворянки нередко умирали, не оставив завещания, и их наследникам приходилось самостоятельно договариваться между собой о разделе наследства. Нотариальные документы крепостных книг XVIII в. содержат сотни примеров таких соглашений, именуемых «раздельными записями», которые показывают, каким образом овдовевшим супругам, детям, зятям и невесткам удавалось договориться о разделе имущества умершего. Раздельные записи также демонстрируют общую заботу о том, чтобы свести к минимуму дробление собственности. Так, по соглашению о разделе, заключенному в 1753 г. между четырьмя сестрами Шухертовыми, одна из них отказалась от своей части отцовских земель в Устюжском и Бежецком уездах и взяла доли сестер в Кашинском уезде, чтобы округлить владения в этом месте⁹. Настасья Колобова после смерти матери в 1778 г. подписала с отцом раздельную запись, в которой за 10 тыс. руб. уступила ему свою часть принадлежавшей матери ткацкой фабрики с приписанными к ней крестьянами. Она заявила, что отец уже истратил большую часть собственного капитала на обучение крестьян работе на этом предприятии, а поскольку разделить фабрику невозможно, то она готова получить единовременную выплату вместо своей доли отцовского дела¹⁰.

Тема раздела имений часто звучит в дворянских мемуарах. Идеализируя жизнь дворянства в дореформенную эпоху, многие авторы изображали себя или своих героев действующими исключительно в интересах братьев и сестер. Аркадий Кочубей рассказывал, как они с братьями решили справедливо распределить между собой имущество при разделе отцовских поместий: «В начале 1826 года мы, наконец, решились разделить родовое наше имение, так как матушка не могла уже управлять, и я женился, — вспоминал он в своих мемуарах. — У нас часто происходили политические споры за обедом и большею частью на французском языке, вследствие этого приезжающие к нам соседи думали, что мы спорим о наслед-

стве, а напротив того, раздел наш кончен был в несколько часов». Кочубей описал деревни, которые пожелал получить каждый из братьев, и заметил, что сам он удовольствовался деревней, приносившей тогда очень мало дохода, потому что у его жены было прибыльное имение¹¹.

Авторы других мемуаров того времени хвалили своих отцов за то, что те отдали лучшие деревни их братьям или сестрам, оставив себе имения, обремененные долгами¹². Декабрист Сергей Волконский в письме к племяннику из ссылки вспоминал, что «в семейных денежных делах наших» они с братьями «никогда не совещались с законами». Вместо этого при разделе собственности ими руководило «истинное чувство родства»¹³. Но не все наследники были так сговорчивы. Бывало, что раздосадованные родственники просили вмешаться судебные власти, если им казалось, будто на их долю досталась самая бедная земля или даже самые ленивые крестьяне. В 1741 г. Фекла Чирикова, разгневанная тем, как разделили отцовское имение, подала в Вотчинную коллегия жалобу, в которой заявила, что чиновник, производивший раздел, «выбрал лучших людей и крестьян и пустоши, и отказал сестре моей Авдотье Лукиной, а мне с сестрою Катерине Жуковой оставил хутчее пустошей»¹⁴.

Хотя дворяне отлично знали о негативных последствиях разделов наследства, они почти не располагали способами предотвратить дробление семейных земель. Некоторые использовали гибкую природу женского наследования, чтобы обеспечить сыновей достаточным наследством в земельной форме. Как мы видели, многие семьи предпочитали давать дочерям приданое, состоящее только из денег и личных вещей; другие требовали, чтобы получатели приданого отказывались на будущее от всяких претензий на семейную собственность. Князь Семен Волконский, давая за дочь, выходящую замуж в 1761 г., 6 тысяч рублей приданого «на покупку деревень», позаботился о том, чтобы она впредь не предъявляла никаких претензий к имуществу матери, брата и незамужних сестер¹⁵. Материал завещаний подтверждает, что некоторые отцы давали своим дочерям самый минимум денег и движимого имущества. Отец княгини Дашковой, Роман Воронцов, явно больше любил сыновей от первого брака и все свои купленные владения завещал им. И если Александру и Семену Воронцовым достались в наследство от отца тысячи душ, то две его младшие дочери по распоряже-

нию отца получили в приданое по 10 тыс. руб. каждая — жалкая часть отцовских богатств. Воронцов к тому же совсем не щедро обошелся и со второй женой (на которую, кстати, возложил попечение о двух своих старших сыновьях, велел им выплачивать ей содержание в размере одна тысяча рублей в год)¹⁶.

Решив оставить большую часть состояния сыновьям, Воронцов не нарушил никаких законов. Другие родители прибегали и к более беспринципным способам, чтобы выделить одного ребенка перед другими. Н. Башкирцева, излагая историю семьи своей матери, вспоминала о махинациях прапрабабки, сговорившейся со своими сыновьями обманом выманить у дочерей их наследство и тем самым не допустить, чтобы хоть часть земли, принадлежавшей ее мужу, ушла из его рода. Раздел земли между пятью ее сыновьями был неизбежен, но так или иначе земля оставалась в родовом владении; а вот «выделять части дочерям — это уже настоящая потеря для фамилии»¹⁷. Елена Хвощинская в середине XIX в. описывала, как ее бабушка выдала замуж всех своих шесть дочерей, но потребовала, чтобы они с семьями остались жить у нее в поместье¹⁸. Мать Елизаветы Водовозовой вообще отвергла законы о наследстве, когда в 1861 г. при разделе семейного состояния заявила, что знает «лучше всех законов в мире, кому из ее детей что нужно»¹⁹. Мудрость ее в данном случае подсказала ей лишиться наследства четверых детей в пользу старшего сына. Но решение сохранить владения семьи в целости не всегда бывало столь тягостным для ее членов, и некоторые дети с готовностью приносили жертвы ради этой цели. Мария Николева повествует о стараниях отца повысить урожайность в имении и хвалит сестер и братьев, не допустивших дробления земли ценой отказа от брака²⁰.

Законодатели иногда горевали о разрушительных последствиях разделов наследства, но при этом предупреждали родителей о том, что предпочтение одних детей перед другими также может привести к расточению семейного богатства. Члены Уложенной комиссии 1767 г., обсуждая обязанности родителей, советовали дворянским семьям обеспечивать своих детей поровну, «понеже неравенство в содержании производит с начала зависть, а наконец оно обращается в несогласие, по времени же выводит бедственные следствия для семейства»²¹. И действительно, споры из-за наследства часто заканчивались финансовым крахом всех участников, в том числе и победителя.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ПОВЕДЕНИИ ЗАВЕЩАТЕЛЕЙ

Обсуждать поведение завещателей можно, лишь помня о той напряженной обстановке, которая неизменно сопутствовала разделам наследства. Историки часто утверждают, что раздельное наследование способствовало упадку русского дворянства²². Но внимательный анализ завещаний не позволяет сомневаться в том, что некоторые дворяне старались смягчить последствия дробления имений и что женщины играли важную роль в этой сфере экономического существования семей. Дворянки со средствами при помощи своего имущества стремились уменьшить вред от разделов наследства, либо самостоятельно выделяя землю дочерям при условии, что те не станут требовать долю отцовской земли, либо дополняя скудное наследство сыновей. К тому же дворяне обоих полов называли в завещаниях мало наследников: когда подходило время разделить свои мирские блага, мужчины и женщины обозначали настолько узкий семейный круг, насколько позволял закон. И даже если завещаемые ими земля и движимое имущество являлись благоприобретенными, завещатели обоих полов почти неукоснительно соблюдали правила наследования без завещания, безжалостно исключая других потенциальных претендентов на наследство и требуя, чтобы наследники не нарушили их последнюю волю.

Сравнительный обзор показывает, что поведение русских дворянок, распределявших свои земные богатства между наследниками, выглядело необычно на европейском фоне. Авторы многочисленных исследований поведения завещательниц во Франции, Англии, Италии и Соединенных Штатах начала Нового времени единодушно приходят к двум выводам: во-первых, что женщины делали те или иные завещательные распоряжения скорее под влиянием пристрастий и чувств, чем ради долговечности родовой ветви. Например, в патрицианских фамилиях Венеции в эпоху Возрождения завещания мужчин определялись «приверженностью непреходящим интересам отцовского рода», а завещания женщин чаще вдохновлялись любовью к родным — к собственной и родительской семье²³. Женщины-завещательницы, таким образом, раздавали имущество более широкому кругу людей, да и между своими детьми тоже распределяли собственность иначе, чем их мужья²⁴. Во-вторых, эти ученые утверждают, что женщины больше, чем мужчины, верили в способность других женщин управлять имуществом. В результате они охотнее мужчин завещали имущество род-

ственницам и назначали их своими душеприказчицами²⁵. Эти расходы между мужской и женской моделью завещаний происходили отчасти из различия между видами собственности, принадлежавшими завещателям. У женщин гораздо реже бывала в распоряжении недвижимость, и к тому же, решая, кому достанется их собственность, они пользовались большей свободой благодаря тому, что их дети и так уже были обеспечены наследством из отцовских владений. Но все эти авторы без исключения видят в женском выборе наследников некое проявление специфической женской системы ценностей²⁶. По словам одного автора, посредством завещаний матери «давали дочерям больше авторитета и власти, чем их отцы, тем самым тонко выражая критическое отношение к патриархальным воззрениям своего времени»²⁷.

Всякая попытка сравнить поведение русских дворянок с образом действий европейских женщин немедленно наталкивается на громадные препятствия. Если англичане и англичанки всех классов общества составляли завещания во множестве, то далеко не все русские дворяне обоих полов стремились письменно выразить последнюю волю перед смертью. Такое нежелание позаботиться о своих родных отчасти вызывалось неясностью в законе положений о правах завещателей²⁸. Ограничения свободы завещания в императорской России тоже отбивали охоту зафиксировать свою последнюю волю. Ни мужчины, ни женщины не могли завещать родовую собственность никому, кроме наследника по прямой линии, и лишь в крайних обстоятельствах допускалось лишение детей наследства. Составляя завещания, дворяне тщательно проводили различие между вотчинными и купленными землями и цитировали статью екатерининской «Жалованной грамоты дворянству», разрешавшую им завещать последние по собственному усмотрению. Главное внимание в большинстве завещаний, представленных в моей подборке, уделяется разделу недвижимости, а перечни движимого имущества в них встречаются редко. Эти документы также дают мало информации о размерах или о цене поместья завещателя. Но при всех своих недостатках дошедшие до нас завещания свидетельствуют о том, насколько сужали круг родных и мужчины, и женщины, распределяя свои земные богатства, и как все они, когда писали завещания, беспокоились об одном и том же.

Итак, обзор 133 завещаний, зарегистрированных с 1703 по 1867 г., ясно показывает, что русские женщины как завещательницы имели больше общего в поведении с мужчинами-завещателями,

чем со своими европейскими сестрами²⁹. В самом деле, традиция разделов наследства заставляла представителей обоих полов чрезвычайно внимательно подходить к материальным вопросам, в результате чего гендерные различия в этой сфере имущественных отношений оказались стертыми. Впрочем, в завещаниях все же заметна известная разница: женщины чаще оставляли землю дочерям, а мужчины больше беспокоились об обеспечении своих супругов. Но общая модель говорит о том, что завещатели обоих полов оставляли свои владения немногочисленным лицам, завещали все свое недвижимое имущество детям (а в отсутствие детей — двум-трем членам своей родной семьи), и для них был важен не столько пол наследников, сколько степень родства с ними.

СЕМЬЯ И КРУГ НАСЛЕДНИКОВ

Самая характерная черта дворянских завещаний — и женских, и мужских — это очень узкий круг наследников, которые в них назначаются. Дворянки и дворяне, приближаясь к смертному часу, вовсе не спешили раздавать наследство направо и налево, а старались всячески ограничить число его получателей. Анализ завещательных документов показывает, что среднее количество получателей движимого имущества по завещаниям дворянок, имевших детей, равнялось 1,9 (64/33), а по завещаниям мужчин дворянского сословия — 2,9 (94/32)³⁰. При этом если мужчины назначали большее число наследников своих имений, то у них было и больше здравствующих детей. Так, у женщин, по указанным ими в завещаниях сведениям о детях, средняя цифра составляла 2,5 (87/35), а у мужчин — 3,5 (111/32)³¹. Зато когда завещатели распределяли личное движимое имущество, они вели себя не столь сдержанно: у небольшого числа попавших в выборку женщин-завещательниц, оставивших отдельным лицам только личное имущество, среднее число получателей составляло 2,9 (29/10), а у мужчин эта цифра достигала 4,4 (61/14)³².

Эти цифры говорят весьма много о том выборе, перед которым оказывались родители при разделе своего имущества. Разница между числом здравствующих детей, указывавшимся в завещании, и количеством наследников свидетельствует о существовании у завещателей-дворян последовательной системы распределения наследства. Очевидно, что завещатели обоих полов были вынуждены ис-

ключать одного или более своих детей из числа наследников недвижимости, чтобы избежать крайнего дробления имений. Современники, как русские, так и иностранцы, часто высказывались об абсурдности принятой в России практики наследования, из-за которой одну деревню приходилось делить между несколькими владельцами. Дворяне-завещатели, представленные в нашей выборке, не только понимали, чем грозит раздельное наследование, но и принимали меры, чтобы избежать излишнего дробления своих земель. Кроме того, приведенные цифры наводят на мысль о том, что супруги согласовывали друг с другом завещательные действия, ведь и матери, и отцы могли исключать детей из числа наследников, будучи уверены, что их обеспечит другой родитель.

Завещатели приводили множество причин для исключения детей из завещаний. Иногда такое поведение родителей вызывалось давними обидами. В 1776 г. Мария Блудова завещала свое имущество младшим дочерям и не оставила ни куска земли сыну, с которым у нее была тяжба³³. Вдова Алферьева предпочла наградить одного из сыновей за хорошее поведение, а его братьев за непослушание лишила наследства. Полковник Талеров также не допустил одну из дочерей к разделу имения за непочтительность³⁴. Русское наследственное право позволяло использовать завещания как средство для наказания детей, которые не заботились о родителях и отличались расточительством, так что некоторые дворяне составляли завещания главным образом с целью покарать провинившихся отпрысков.

Но главной причиной исключения детей из круга наследников собственности одного из родителей было стремление сберечь землю. Завещания мужчин и женщин благородного сословия раскрывают, какие усилия предпринимала семья, чтобы предотвратить расточение родовых богатств, и раскрывают роль женского имущества в уравнивании долей, предназначенных детям. Вот типичный пример: в 1735 г. княгиня Анна Юсупова исполнила распоряжение мужа и разделила его деревни и другое имущество между их двумя сыновьями. Затем она объявила сыновьям, что ни она сама, ни их сестра не будут претендовать на их законные доли имущества. Дочери же, вместо ее доли, Юсупова завещала все свои собственные деревни. Кроме того, дочь получила внушительное приданое в виде движимого имущества из отцовских богатств³⁵.

Юсупова и ее муж были далеко не одиноки в применении закона о разделе наследства ко всему имуществу, принадлежавшему

им обоим. Такие завещательницы, как Юсупова, тщательно оговаривали, о чем имуществе (их собственном или принадлежащем мужьям) шла речь в каждом случае; при этом они молчаливо признавали, что в интересах детей лучше передавать каждому землю единым наделом. В 1784 г. граф Кирилл Разумовский разделил имущество между шестью сыновьями, передав лишь одной дочери деревню из своих земель, так как каждой из ее трех сестер предназначалось по две тысячи душ в имениях матери³⁶. Еще одно завещание, составленное совместно отцом и матерью, имевшими девять детей, показывает, как мужчины и женщины общими силами старались смягчить худшие последствия разделения наследства. В этом документе 1776 г. родители оговаривали, что каждый из детей получит землю «в одном месте», а не по куску в каждой деревне. Дарья Толстая дополнила собственными средствами то имущество, которое ее муж, статский советник Василий Толстой, завещал двум старшим сыновьям, а одну из своих деревень целиком назначила в наследство младшему сыну. Толстая с мужем выделили землю с крестьянами одной незамужней дочери, а ее сестрам завещали только движимое имущество. Но оба родителя предусмотрели, что в качестве компенсации ни одна из дочерей не будет отвечать за долги, которые могут остаться после отца и матери, и, кроме того, Дарья обещала оставить им имение, которое рассчитывала унаследовать от тетки³⁷.

При наличии детей у завещателя исключительным правом на имущество покойного пользовались члены нуклеарной семьи. В настоящей подборке 93% дворянок завещали недвижимость своим семьям, созданным вместе с мужьями, и 96% завещателей-мужчин поступили так же (см. табл. 5.1). Завещатели обоих полов, которые обошли своих детей наследством, передали имущество внукам. Граф Владимир Орлов разделил свои купленные земли между шестью внучками, выделив каждой из них деревню и по 100 тыс. руб. Вдова сержанта Возницына решила завещать свои куда более скромные владения двоим внукам, а сына попросила удовлетворяться одним движимым имуществом³⁸. После того как прямые потомки были обеспечены, у завещателей-мужчин не оставалось ничего, чтобы одарить свойственников или друзей. Среди женщин тоже немногие отклонялись от этой мужской нормы: графиня Прасковья Мусина-Пушкина проявила редкую щедрость к своей юной воспитаннице Прасковье Барановой, завещав ей двести душ из огромного купленного ею поместья и сверх того 10 тыс. руб.³⁹

Вдова Булгакова в 1720 г. завещала свой прожиток в совместное владение дочери и зятю. В 1830 г. Софья Строганова отписала зятю дом в Петербурге⁴⁰. Но такие подарки были исключением. Распределяя недвижимость между наследниками, дворянки были далеки от намерения выразить таким способом критическое отношение к патриархальной системе и воспроизводили мужские предпочтения в выборе наследников, проявляя столь же явную заботу о том, чтобы не дробились имения.

И законы наследования, и обязанности перед семьей гарантировали то, что родители почти всегда завещали земли и крестьян прямым наследникам. Однако в распределении денежных пожалований и личного имущества завещатели позволяли себе больше свободы. В целом в завещаниях дворян обоих полов внимание уделялось прежде всего недвижимости, и наследники поместий и домов получали также их содержимое. Впрочем, иногда завещали одну только движимую собственность, и вот тут-то становилась наиболее заметной разница в поведении мужчин и женщин. 67% получателей движимого имущества от женщин-завещательниц, имеющих детей, составляли члены из брачных семей⁴¹ (см. табл. 5.1). Однако завещатели-мужчины несколько меньше стремились сосредоточивать движимое имущество в руках жен и детей и поэтому в целых 16% завещаний оставили наследство посторонним людям. Кроме того, передававшееся в наследство движимое имущество завещателей, имеющих детей, состояло преимущественно из наличных денег. Богатые землевладельцы, такие как граф Николай Шереметев, вполне могли позволить себе упомянуть в завещании широкий круг родственников наряду с доверенными слугами и раздать им тысячи рублей⁴². Жена асессора Чебышева оставила 500 руб. в приданое одной родственнице; свою недвижимость она распорядилась продать, чтобы можно было оплатить ее астрономические долги, а все оставшееся после этого завещала мужу и дочери⁴³. Бросается в глаза, что в этих документах нет распоряжений чисто сентиментального свойства. Князь Павел Щербатов поступил необычно, завещав наставнику своих детей золотые часы, 2 тыс. руб. и ежегодную пенсию. Кроме того, Щербатов оставил библиотеку и собрание гравюр зятю, а белье поделил между дворовыми людьми⁴⁴.

Хотя большая часть вотчинных земель доставалась по завещаниям сыновьям, на долю женщин пришлось 53% мужских и женских завещаний недвижимости; что же касается движимого имуще-

Таблица 5.1

Лица, получившие наследство от завещателей, имеющих детей*

Виды получателей	Получатели от женщин-завещательниц, имеющих детей				Получатели от мужчин-завещателей, имеющих детей			
	недвижимое имущество		личное имущество		недвижимое имущество		личное имущество	
Пол получателей								
всего	100	(45)	100	(18)	100	(51)	100	(31)
мужчин	47	(21)	39	(7)	47	(24)	32	(10)
женщин	53	(24)	61	(11)	53	(27)	68	(21)
Члены брачной семьи завещателей								
всего	93	(42)	67	(12)	96	(49)	58	(18)
сын	33	(15)	5,5	(1)	45	(23)	6,5	(2)
дочь	49	(22)	28	(5)	31	(16)	23	(7)
супруг	2	(1)	5,5	(1)	16	(8)	19	(6)
внук	7	(3)	11	(2)	0	(0)	6,5	(2)
внучка	2	(1)	17	(3)	4	(2)	3	(1)
Члены родной семьи завещателей								
всего	0	(0)	27,5	(5)	4	(2)	23	(7)
брат	0	(0)	0	(0)	0	(0)	3	(1)
сестра	0	(0)	0	(0)	0	(0)	3	(1)
племянник	0	(0)	5,5	(1)	2	(1)	6,5	(2)

Виды получателей	Получатели от женщин-завещательниц, имеющих детей				Получатели от мужчин-завещателей, имеющих детей			
	недвижимое имущество		личное имущество		недвижимое имущество		личное имущество	
племянница	0	(0)	11	(2)	0	(0)	0	(0)
др. (муж.)	0	(0)	5,5	(1)	0	(0)	3	(1)
др. (жен.)	0	(0)	5,5	(1)	2	(1)	6,5	(2)
Родственники супруга завещателя								
всего	4	(2)	5,5	(1)	0	(0)	3	(1)
мужчины	4	(2)	5,5	(1)	0	(0)	0	(0)
женщины	0	(0)	0	(0)	0	(0)	3	(1)
Не являющиеся родственниками								
всего	2	(1)	0	(0)	0	(0)	16	(5)
мужчины	0	(0)	0	(0)	0	(0)	6	(2)
женщины	2	(1)	0	(0)	0	(0)	10	(3)

* Каждая цифра обозначает процент от общего числа получателей наследства данной категории. Количество получателей указано в скобках. В эту таблицу не включено общее число каждого вида получателей, упомянутых в завещаниях. Она оценивает распределение пожалований в зависимости от родства. Число получателей в каждом столбце не включает пожалования, сделанные отдельным завещателем более чем одному получателю одинаковой степени родства. Так, если завещатель передает имущество пятерым сыновьям, категория «сын» считается только один раз.

Источник: описание источников см. в примечании 29 к главе 5.

ства, то женщины назначены его наследницами в 68% мужских завещаний и в 61% женских. Таким образом, эти цифры показывают, что ни мужчины, ни женщины не отдавали явного предпочтения наследникам одного с ними пола. Но поведение мужчин и женщин расходилось в отношении вида имущества, которое они готовы были оставить дочерям. Более половины завещателей в данной подборке заявили о том, что имеют здравствующих детей одного пола. Одиннадцать женщин упомянули в завещаниях здравствующих детей обоих полов. Из них 72% (9 из 11) завещали дочерям землю с крестьянами, а 18% (2 из 11) просили их удовлетвориться движимым имуществом. Напротив, 59% (10 из 17) мужчин, имевших детей обоих полов, оставили дочерям землю, а 41% (7 из 17) — только движимое имущество. Таким образом, оказалось, что женщины несколько больше, чем мужчины, заботились о том, чтобы оставить дочерям недвижимость.

К сожалению, из дворянских завещаний нельзя вывести количественные показатели того, насколько щедры были родители к своим дочерям. Дворяне редко указывали в завещаниях, что доля их дочерей превышает положенную по закону — это упущение стоит в одном ряду с отсутствием в завещаниях, особенно XVIII в., сведений о точной стоимости имений. Но есть данные, свидетельствующие о том, что многие русские дворяне отступали от правил наследования и давали дочерям гораздо больше имущества, чем полагалось по закону. Наталья Грот в мемуарах дважды упомянула о щедрости родителей, оставивших ей не четырнадцатую, а пятую часть своих владений⁴⁵. Депутаты Уложенной комиссии 1767 г. от Дмитровского уезда сокрушались о несправедливости закона, по которому родители обязывались завещать почти все свое имущество сыновьям — возможно, недостойным, — тогда как каждой из дочерей доставалась жалкая четырнадцатая доля⁴⁶. Выступая в 1848 г. за уравнивание женщин в наследственных правах с мужчинами, граф Блудов отметил, что родители обычно обходят законы наследования, продавая землю, чтобы отдать вырученные деньги дочерям⁴⁷.

При этом, составляя завещания, родители не хотели показывать, какой именно процент их состояния в конце концов окажется в руках у дочерей. Завещание московской вдовы Надежды Суровой является примером этого уклончивого стиля: она завещала сыну 27 душ «нашего» имения в Переславском уезде, а также дом с обстановкой, а свою приданую деревню в 22 души отписала доче-

ри⁴⁸. Превышало ли это наследство законную долю дочери, установить невозможно. Исключением стал граф Никита Панин, указавший общее число крепостных, принадлежавших ему в трех губерниях. Из 9897 душ три его дочери получили 2861, поделенные так, чтобы каждой поступало ежегодно 10 тыс. руб. оброка. Другими словами, Панин завещал примерно по 35% своих владений каждому из сыновей и по 10% каждой дочери, к тому же освободив последних от всякой ответственности за отцовские долги⁴⁹. Но большинство завещателей не так четко обрисовывали распределение своих богатств.

Наличие здравствующих детей явно способствовало стремлению завещателей обоюго пола исключить лишних претендентов из своих духовных. Но если дворяне, имевшие детей, составляли завещания с осмотрительностью, то еще заметнее эта линия поведения у бездетных завещателей. Хотя они и были менее ограничены в поступках, бездетные завещатели при разделе своей собственности вели себя так же осторожно, как имеющие детей. Бездетные завещатели обоих полов назначили в среднем по 1,8 (44/25 и 42/23) наследника недвижимого имущества; при распределении только движимого имущества бездетные женщины назначили в среднем по 3,2 (38/12) наследника, а мужчины — 5,3 (37/7). Не имея прямых наследников, завещатели обоих полов оставляли недвижимое имущество своим супругам и родным семьям. Единственные исключения из этого правила касались городской недвижимости. В 1798 г. Мария Шереметева отписала дом в Москве своей подруге. При этом она предусмотрительно отметила, что купила этот дом в 1789 г., а значит, «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. дает ей право завещать это имущество кому угодно⁵⁰. Князь Дмитрий Голицын тоже завещал свой дом в Вене некоей подруге⁵¹.

Судя по этой подборке, бездетные дворянки, завещавшие недвижимость, оказали некоторое предпочтение наследникам-мужчинам (53%), а мужчины выбрали в наследницы больше женщин (55%) (см. табл. 5.2). Среди получателей наследства из числа кровных родственников самую большую группу составили сестры и братья завещателей и завещательниц и их дети. В этой выборке также не прослеживается явное предпочтение по полу. Если женщины чаще мужчин назначали наследницами племянниц, то мужчины чаще оставляли недвижимость сестрам. К тому же мужчины иногда предпочитали сестер братьям в роли наследников. Так, Алексей Перовский оставил все свое имение сестре, графине Анне

Таблица 5.2

Лица, получившие наследство от бездетных завещателей*

Виды получателей	Получатели от бездетных женщин-завещательниц				Получатели от бездетных мужчин-завещателей			
	недвижимое имущество		личное имущество		недвижимое имущество		личное имущество	
Пол получателей								
всего	100	(32)	100	(23)	100	(33)	100	(15)
мужчин	53	(17)	39	(9)	45	(15)	47	(7)
женщин	47	(15)	61	(14)	55	(18)	53	(8)
Члены брачной семьи завещателя								
всего	16	(5)	4	(1)	30	(10)	7	(1)
супруг	2	(1)	4	(1)	30	(10)	7	(1)
Члены родной семьи завещателя								
всего	81	(26)	78	(18)	67	(22)	67	(10)
брат	9	(3)	4	(1)	9	(3)	67	(10)
сестра	9	(3)	4	(1)	15	(5)	13	(2)
племянник	22	(7)	13	(3)	24	(8)	13	(2)
племянница	22	(7)	22	(5)	6	(2)	7	(1)
др. (муж.)	6	(2)	13	(3)	12	(4)	13	(2)
др. (жен.)	13	(4)	22	(5)	0	(0)	13	(2)

Виды получателей	Получатели от бездетных женщин-завещательниц				Получатели от бездетных мужчин-завещателей			
	недвижимое имущество		личное имущество		недвижимое имущество		личное имущество	
Родственники супруга завещателя								
всего	0	(0)	0	(0)	0	(0)	0	(0)
мужчины	0	(0)	0	(0)	0	(0)	0	(0)
женщины	0	(0)	0	(0)	0	(0)	0	(0)
Не являющиеся родственниками								
всего	3	(1)	17	(4)	3	(1)	26	(4)
мужчины	0	(0)	4	(1)	0	(0)	13	(2)
женщины	3	(1)	13	(3)	3	(1)	13	(2)

* Каждая цифра обозначает процент от общего числа получателей наследства данной категории. Количество получателей указано в скобках. В эту таблицу не включено общее число каждого вида получателей, упомянутых в завещаниях. Здесь оценивается распределение пожалований в зависимости от родства. Число получателей в каждом столбце не включает пожалования, сделанные отдельным завещателем более чем одному получателю одинаковой степени родства. Так, если завещатель передает имущество пятерым сыновьям, категория «сын» считается только один раз.

Источник: описание источников см. в примечании 29 к главе 5.

Толстой с сыном, и ничего не завещал двум своим братьям, которых назначил душеприказчиками. Брат Перовского, Лев, завещал свыше 14 тыс. руб. другой сестре, а братьям оставил только меха и золотые часы⁵². Лейтенант Талызин проявил особую заботу о материальном благополучии своих сестер, обратившись в Сенат за разрешением разделить родовое имение в 2 тыс. душ поровну между братом и двумя сестрами⁵³.

Осторожность, с какой бездетные завещатели выбирали себе наследников, была под стать тем усилиям, которые предпринимали их более плодовитые собратья, дабы уменьшить дробление имений. В 1776 г. и Татьяна Сабурова, и князь Иван Болховский оставили все свои деревни, дома и движимое имущество единственному племяннику⁵⁴. Вдова Авдотья Домнина в 1755 г. все свои земные богатства завещала сестре⁵⁵. В 1781 г. Мария Кошелева просила у императрицы разрешения исключить из своего завещания братьев и оставить имение племяннице, дочери покойной сестры⁵⁶. Необычным по составу наследников было завещание Прасковьи Дашковой: в 1747 г. она разделила свои деревни между двумя братьями, дом оставила матери, а затем отписала наличные деньги и движимое имущество сестрам и братьям, тетке, племянницам и нескольким дворовым⁵⁷. Ради того чтобы избежать в будущем судебных баталий из-за их имений, завещатели строго наказывали другим потенциальным наследникам не оспаривать их последнюю волю. Назначив племянницу единственной наследницей своего тульского имения, вдова Агафья Пургусова пригрозила братьям и племяннику карой на том свете, если они нарушат ее волю⁵⁸.

ЗАВЕЩАНИЯ СУПРУГАМ

С начала XVIII в. и до отмены крепостного права в поведении дворян-завещателей отмечалось мало изменений. Впрочем, в XIX в. важность брачных уз нашла осязаемое выражение в заботе мужчин и женщин о материальном благосостоянии своих супругов. В группе мужчин, имевших детей, жены составляли 16% получателей недвижимости в наследство, в то время как мужья представляли всего 2% наследников по завещаниям жен. Неудивительно, что этот процент был выше у бездетных завещателей. Мужья составляли 16% наследников недвижимости бездетных женщин; у бездетных мужчин жены составили 30% наследников. Однако было бы опро-

метчиво заключить на основании этих данных, что русские дворянки не любили своих спутников жизни: 80% завещательниц с детьми в этой выборке пережили своих мужей. Бездетные завещательницы реже оставались вдовами — их 53% в группе, — а потому им чаще доводилось обеспечивать своих мужей.

В первой половине XIX в. появилось поразительное множество просьб со стороны дворян обоих полов о разрешении оставить супругам пожизненное право на свои имения⁵⁹. Многие при этом писали, что их просьбы вызваны привязанностью, которую они испытывают к мужьям или женам. Генерал-майор Жеребцов, регистрируя свое завещание в 1799 г., объяснил, что «по любви и дружбы к жене моей» он не хочет, чтобы она пострадала от утраты доходов с его имения после его кончины. Поэтому он просил разрешить ей пожизненно пользоваться его собственностью, после чего имение должно было вернуться в его род. Подобное же завещание составила Мария Жеребцова, оставившая мужу пожизненное право на ее имение в 2 тыс. душ⁶⁰. В 1860 г. князь Семен Воронцов, с намерением позаботиться о будущем жены («желая обеспечить судьбу супруги моей»), выделил ей по завещанию гораздо большую часть своего имущества, чем полагалось по закону⁶¹. Обычно вдова, принявшая пожизненное право на имение мужа, отказывалась от претензий на свою законную долю этого имущества, но так бывало не всегда: в 1852 г. Николай I разрешил тайному советнику Василию Шереметеву оставить жене пожизненное право на доходы с имения в 2892 души и одновременно подтвердил, что она имеет полное право на одну седьмую часть его земли⁶².

Вполне естественно, что щедрость многих завещателей к их супругам проистекала из отсутствия прямых наследников, но далеко не во всех случаях. Так, князь Павел Щербатов отписал все свое родовое имение единственной дочери, но притом дал жене сверх положенной ей доли два дома⁶³. Мужчины, имевшие детей, также оставляли женам пожизненное право на доходы с имений — возможно, чтобы гарантировать послушание со стороны сыновей и дочерей. Сенатор Неплюев оставил свое внушительное состояние под контролем жены, так как желал, «чтобы по смерти моей навсегда сохранился союз между женою моею и детьми нашими»⁶⁴. Другие супружеские пары, покупая землю, безоговорочно завещали ее друг другу. В 1799 г. Макар Михайлов завещал жене купленное имение и все свое движимое имущество, объяснив это решение бездетностью и взаимной любовью⁶⁵. Генерал-лейтенант Репнин-

ский вверил жене Елизавете все свое состояние навечно — на содержание ей самой и их троем детям⁶⁶.

Род и имущество

Какую бы роль ни играли дальние родственники в жизни русских дворянок и дворян, у них едва ли был шанс попользоваться от щедрот своих родных, имевших детей. Но то, что круг наследников в русских завещаниях был ограничен, никоим образом не означает, что преданность людей своему роду не имела никакой важности. Как предупреждает Д. Сэбиан, рискованно было бы предполагать, что «если бы родство играло какую-то роль вне круга ближайших родственников, то люди распределяли бы свою собственность согласно некоей иерархии притязаний». Далее он пишет: «В любом обществе права и обязанности распределяются таким образом, что у родственников существуют не совпадающие цели в отношении друг друга, обусловленные некоторой схемой. Имущество переходит из рук в руки по совершенно иным правилам, чем те, по которым заключаются брачные союзы, складываются группировки или проводятся религиозные обряды»⁶⁷. И не должно вызывать удивления, что при ограниченных средствах большинства русских дворян первоочередной их заботой являлось финансовое благополучие потомства.

Нежелание завещателей раздавать многочисленные пожалования, пусть и сентиментального свойства, ясно показывает, что, хотя широкие родственные связи и играли центральную роль в социальной и политической жизни русского дворянства, его преданность роду выражалась не на материальном уровне⁶⁸. В мемуарах и переписке содержится много примеров того, как русские дворяне и дворянки пользовались своим влиянием, чтобы помочь родственникам получить место на государственной службе⁶⁹, а затяжные приезды родных в гости были неременной стороной помещичьей жизни, хотя светские контакты отнюдь не сводились только к посещению родственников и ответным визитам. Как вспоминала одна дворянка о своем детстве в начале XIX в., «в это время... *родство* было священным словом. Частехонько случалось, что приедет бывало из отдаленной губернии, с чадами и домочадцами, почтенная мать семейства... и поселялась на несколько месяцев в доме с тем, чтобы лечить больную дочь, или пристроить сына в корпус»⁷⁰. Однако

дворяне обоих полов выполняли обязанности по отношению к родичам при жизни, а не путем посмертного раздела своих владений.

Хотя при передаче состояния и фамилии доминировала патрилинейность, со временем понятие «родства» среди русского дворянства стало постепенно охватывать и женщин, независимо от их брачного статуса. Дворяне, писавшие семейные воспоминания, уделяли одинаковое внимание предкам отца и матери; кроме того, они вели родословные, где прослеживалось их происхождение и по материнской линии⁷¹. Некоторые завещатели, оставляя имущество в наследство женщинам, ссылались на родовые связи. Так, в 1766 г. граф Бестужев-Рюмин указал в завещании, что имение должно остаться в его роду, но при этом разделил владения между своей замужней сестрой и ее сыном, вместо того чтобы завещать их кому-нибудь из родственников-мужчин, носящих родовую фамилию⁷².

Однако до XIX в. статус замужних женщин в отношении родового имения служил предметом правовых споров. В конце XVIII в. капитан Бахметев составил завещание, в котором попытался передать наследство не сыновьям своего брата, а их замужней сестре, княгине Голицыной. Сенат разрешил Бахметеву не завещать поместье племянникам в наказание за их «буйный» образ жизни, но отказал и Голицыной в праве унаследовать родовое имущество Бахметева, которое и отдал в опеку⁷³. Александр Шереметев тоже нарушил наследственное право, когда обошел своих братьев и племянника в пользу младшей сестры. Сенат в конце концов аннулировал завещание Шереметева, но сначала Московский гражданский суд утвердил его на основании указа 1714 г., позволявшего бездетному мужчине или женщине завещать недвижимость любому из членов своего рода⁷⁴. Согласно смыслу этого указа сестра Шереметева была таким же членом рода, как и ее братья. В 1815 г. Сенат, однако, в недвусмысленных выражениях постановил, что замужним женщинам принадлежит одна из ключевых привилегий родства: право требовать возврата родового имущества, проданного в другой род. Рассматривая разногласия по этому вопросу, возникшие в местных судах, сенаторы отметили, что отношение замужних женщин к фамильной собственности было определено законом еще в 1770 г. По их мнению, единственная разница между полами в смысле родства состояла в том, что при наследовании по нисходящей линии братья и их потомки имели преимущество перед сестрами⁷⁵. В целом среди русского дворянства существовало представление о том,

что и нуклеарная семья, и род имеют двойную гендерную принадлежность.

Русские дворяне и дворянки, составляя завещания, часто ссылались на права родства, причем использовали завещания главным образом, чтобы выполнить обязанности перед своим родом. Но причуды законодательства, в соединении с традицией разделения наследства, оставляли завещателям мало простора в распоряжении вотчинными землями. В результате немногие дворяне налагали на своих потомков долгосрочные обязательства. Граф Николай Шереметев был исключением, когда запретил своим наследникам продавать любую часть его владений. Далее он позаботился о том, чтобы в случае смерти его единственного сына и наследника без потомства имение не отошло бы к сестре и племянникам графа, которых он обвинял в расточительстве. Вместо них Шереметев счел достойными наследниками своего состояния одного дальнего родственника с сыном⁷⁶. Граф Лев Перовский поставил ряд условий, завещая родственникам наличные деньги, — потребовал, чтобы их доли наличности хранились на накопительных счетах, пока они не достигнут определенного возраста⁷⁷. Но подавляющее большинство завещателей позволяло своим наследникам производить дальнейшие разделы родовых имений, не налагая условий на пользование собственностью их потомками. Так, княгиня Александра Волконская объявила в своей последней воле, что завещание отца позволяет ей совершенно беспрепятственно разделить унаследованное от него имение по собственному усмотрению⁷⁸. Дворяне сознавали свою роль хранителей наследства отцов и дедов, но не могли воспользоваться правовыми каналами, чтобы не позволить потомкам промотать родовые земли.

Владение собственностью и гендерная идентичность

Западные специалисты по истории женщин придают очень большое значение различиям между мужскими и женскими завещаниями, утверждая, что женщины чаще всего стремились раздавать свое имущество широкому кругу лиц, награждать верных и преданных друзей и близких и старались, чтобы их состояние, пусть самое скромное, пошло на пользу другим женщинам. Среди русского же дворянства разница между полами в области завещания имущества была менее заметной. Вынужденные подчиняться зако-

ну о разделении наследства, завещатели-дворяне в России приносили субъективные пристрастия в жертву практическим соображениям. Завещатели, имеющие детей, распределяли свое недвижимое имущество исключительно среди своих детей или прямых наследников; те же, кто потомства не имел, передавали собственность кровным родственникам. Даже движимое имущество редко попадало в руки посторонних людей.

Сходство между мужскими и женскими завещаниями не ограничивалось стремлением завещателей распределить свое имущество в узком родственном кругу. При назначении исполнителей завещания поведение мужчин и женщин тоже следовало единым образцам. Из всех женщин, назначивших себе душеприказчиков, 66% (23/35) избрали на эту роль мужчин, 23% (8/35) назвали женщин, а остальные 11% (4/35) остановили выбор на душеприказчиках обоих полов. Равным образом мужчины в 64% завещаний (18/28) предпочли поручить это дело мужчинам, 25% назначили душеприказчицами женщин (7/28), и 11% завещаний (3/28) должны были исполнить мужчины и женщины совместно. Поскольку в данной подборке женщин оказалось больше четверти, то очевидна уверенность завещателей обоих полов, что женщины справятся с обязанностями душеприказчиков: сумеют проследить за организацией похорон, расплатиться с долгами умерших или сделать пожертвования в монастыри от их имени. К тому же, если мы примем во внимание высокий процент вдов, которые осуществляли раздел состояния своих мужей согласно их воле, складывается впечатление, что мужчины вполне доверяли способности своих жен управлять имениями и материально обеспечивать детей.

Но в одном аспекте завещания мужчин и женщин не походили друг на друга. Хорошо известно, что дворянки играли видную роль в организации религиозных общин, а также занимались благотворительностью⁷⁹. Такие женщины, как Надежда Федорова, которая в 1798 г. дала 40 тыс. руб. на монастырь в Тамбове, поддерживали существование религиозных учреждений⁸⁰. Данные завещаний подтверждают, что дворянки с большей готовностью, чем дворяне-мужчины, жертвовали крупные суммы на благотворительность. В нашей подборке женщины прямо распорядились о пожертвовании вкладов в монастыри или денежных сумм отдельным крестьянам в 49% завещаний (37/75), а мужчины последовали их примеру всего в 38% случаев (22/58). Характерно, что, хотя князь Иван Болховский пожелал, чтобы после его смерти были внесены пожертво-

вания в церкви, он предоставил определить их размеры своему племяннику⁸¹. Вдова подпоручика Буланина оставила скромное состояние в несколько сотен рублей, но отписала иконы и 90 руб. трем церквям и еще 100 руб. — своему духовнику, которого назначила исполнителем своей последней воли⁸². А вот пример с другого имущественного полюса: в 1841 г. княгиня Анастасия Щербатова составила целый список пенсий и пожалований крестьянам и обедневшим друзьям на сумму около 600 тыс. руб.⁸³ Однако длинный список подобных пожалований был редкостью даже для женских завещаний. Большинство ограничивалось вкладом небольших сумм на помин своей души или отпускало на волю несколько дворовых.

Гендерные различия в структуре расходов и в поведении завещателей занимают важное место в исследованиях, посвященных европейским и англо-американским женщинам. Эти различия указывают на явно выраженную асимметрию в отношении полов к собственности. По мнению А. Викери, в среде английского дворянства XVIII в. «женские издержки носили постоянно повторяющийся и довольно приземленный характер», а мужские, напротив, были «дорогостоящими и делались с размахом»⁸⁴. Что касается поведения завещателей, то несколько исследователей отметили, с каким старанием женщины надписывали и распределяли свое движимое имущество, предназначая предметы одежды, домашней утвари, драгоценности широкому кругу подруг и родственниц. По наблюдению М. Хауэлл, эти документы передают чисто женскую манеру делать подарки, порожденную отчасти ограничением доступа женщин к недвижимости в начале Нового времени и фактическим отсутствием у них самостоятельных финансовых счетов. Права женщин на собственность были ненадежными, поэтому тем больше они имели причин «закреплять» за собой имущество, называя вещи своими⁸⁵.

Словом, историки сходятся в том, что правовая культура Запада создала систему имущественных отношений с ярко выраженными гендерными различиями. В России же, наоборот, необычный имущественно-правовой статус русских дворянок не позволил сложиться аналогичной картине гендерного диморфизма женского и мужского пользования собственностью. Если поведение в сфере расходования средств и потребления остается пока неизведанной территорией, то сходство завещательного поведения русских дворян обоих полов несомненно. Общая особенность всех русских завещаний, как записанных в крепостные книги, так и хранивших-

ся в семейных архивах, — их лаконичность. Это не значит, что русские дворяне презирали материальные блага: в росписях приданого они тщательно перечисляли каждую икону, каждый корсет и подушку. Но в отличие от росписей приданого, в завещаниях и мужчин, и женщин главное содержание составлял раздел земли и крестьян, а движимому имуществу большого внимания не уделялось. Здесь мы не найдем с любовью составленных описаний домашней утвари, заботливо сберегаемой и передаваемой от матери к дочери⁸⁶. Русские женщины, в общем и целом, не прибегали к завещанию, чтобы раздать столовое белье или серебро (хотя и не забывали включить эти вещи в приданое дочерей), да и судьбе более ценных предметов они не придавали большого значения. На самом деле именно мужчины составляли завещания с подробными перечнями личного имущества. Граф Дмитрий Блудов в знак большой любви к дочери Антонине завещал ей свои книги, картины и рукописи. Иван Шувалов оговорил, что его племянник имеет право на ту часть его собрания картин и книг, на которую не будет претендовать сестра Шувалова⁸⁷. Если же дамы все-таки упоминали подробно в своих завещаниях о движимом имуществе, то это касалось редких икон и драгоценностей, а не мебели, одежды или книг. Да и драгоценности чаще всего завещались в суммарном виде, без подробного перечисления. Например, Ульяна Путятина составила детальный список крестьян, деревень и угодий, которые завещала племяннику и его сыновьям в 1744 г.; что же до ее личных вещей, то она ограничилась тем, что отписала всю свою одежду и жемчуга двум дочерям племянника⁸⁸. И только женщины, не имевшие недвижимости, брали на себя труд перечислить свои домашние принадлежности и утварь и распределить их между наследниками (как сделала Федосья Сурмина в 1745 г.)⁸⁹.

* * *

Одна исследовательница заметила, что женщины в Англии XVIII в. использовали вещи как средство «создать целый мир смыслов и в конечном счете рассказать свою историю»⁹⁰. Завещания русских дворянок мало говорят о той роли, которую играло материальное имущество в выражении женской индивидуальности. Зато завещания европейских женщин показывают, насколько формирование обособленной женской системы ценностей в Западной Европе определялось правовым режимом, при котором мужчины были связаны с недвижимостью, а женщины — с движимым иму-

шеством. Женщины русской элиты не меньше европейских современниц увлекались потреблением. Их письма полны упоминаний о нарядах, и многие женщины поддерживали постоянные контакты со своими парижскими портнихами и прочими поставщиками модных товаров⁹¹. Но, размышляя о потомстве, русские дворяне обоих полов не задумывались о личных вещах. В их последней воле выражалась более важная и непростая забота: как обеспечить финансовое благосостояние детей или близких родственников — и мужчин, и женщин, — сведя при этом к минимуму угрозу дробления семейных земель. Таким образом, опыт русских дворянок подтверждает центральную роль права и собственности в формировании гендерной идентичности. В Европе неравенство полов в имущественном праве породило особую женскую культуру. В России же, хотя жизнь русских дворян и дворянок существенно различалась во многих отношениях, право женщин владеть землей породило единство мужских и женских интересов в материальной сфере.

¹ РГИА. Ф. 1003 (Е.И. Нелидова). Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 1—2. Очерк жизни Екатерины Нелидовой (1758—1839), фрейлины великой княгини Марии Федоровны, см. в кн.: Знаменитые россияне XVIII—XIX веков: Биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». СПб., 1996. С. 315—318.

² Единственным исследованием, специально посвященным этой теме, остается работа: *Tovrov J. The Russian Noble Family: Structure and Change*. N.Y., 1987. См. также: *Engel B.A. Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia*. Cambridge, 1983; *Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: первая половина XVIII в. Л.*, 1982.

³ В. Кивельсон считает, что именно нуклеарной семье, а не расширенной родственной группе в первую очередь демонстрировало преданность провинциальное дворянство Московии XVII в. См.: *Kivelson V. The Effects of Partible Inheritance: Gentry Families and the State in Muscovy // Russian Review*. 1994. Vol. 55. № 2. P. 197—212.

⁴ *Hurwich J.J. Inheritance Practices in Early Modern Germany // Journal of Interdisciplinary History*. 1993. Spring. Vol. 23. № 4. P. 718. Кастильское дворянство также прибегало к раздельному наследованию, но завещатели обладали правом особо выделять главных наследников. См.: *Reher D.S. Perspectives on the Family in Spain, Past and Present*. Oxford, 1997. P. 49.

⁵ См.: *Анфимов А.М. Майоратное землевладение в царской России // История СССР*. 1962. № 5. С. 151—159; *Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, 1961. P. 378—379;

Wagner W. *Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia*. Oxford, 1994. P. 236—238.

⁶ Как считает У. Вагнер, сохранение разделов наследства в конце императорского периода истории России связано отчасти с традицией, но также и с характером российской экономики, в которой земля с крестьянами являлась самой надежной формой материального обеспечения. См.: Wagner W. *Legislative Reform of Inheritance in Russia, 1861—1914* // *Russian Law: Historical and Political Perspectives* / Ed. W.E. Butler. Leiden, 1977. P. 154.

⁷ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 2042. Л. 21—22 (Владимир, 1775).

⁸ Там же. Ф. 1290 (Юсуповы). Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 1—2.

⁹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4220. Л. 171.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 11578. Л. 13—14.

¹¹ Кочубей А.В. Семейная хроника. Записки (1790—1873). СПб., 1890. С. 211—212. См. также: Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С. 187 (автор этой книги по просьбе матери уступил свою долю наследства сестре); Карпинская Ю.Н. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1897. Т. 70. № 12. С. 854; Толстой М.В. Мои воспоминания // Русский архив. 1881. Кн. 1. № 2. С. 253.

¹² См., например: Записки графини Н.Н. Мордвиновой // Русский архив. 1883. Кн. 1. № 1. С. 159.

¹³ РГИА. Ф. 914. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 1 (1848).

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 83. Ед. хр. 142. Л. 1.

¹⁵ РГИА. Ф. 914. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 5.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1261 (Воронцовы). Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1—3.

¹⁷ Баширицева Н.Д. Из украинской старины. Моя родословная // Русский архив. 1900. Кн. 1. № 3. С. 331.

¹⁸ Хвоцинская Е.Ю. Воспоминания. СПб., 1898. С. 3.

¹⁹ Водовозова Е.Н. На заре жизни. М., 1987. Т. 2. С. 125—126.

²⁰ Николева М.С. Черты старинного дворянского быта. Воспоминания // Русский архив. Кн. 3. № 9. 1893. С. 192.

²¹ РГАДА. Ф. 342 (Комиссия о сочинении нового уложения). Оп. 1. Ед. хр. 220. Ч. 2. Л. 27.

²² Это мнение уверенно высказано в работе: Pipes R. *Russia under the Old Regime*. N.Y., 1974. P. 177. См. также: Blum J. *Lord and Peasant in Russia*. P. 376—377; Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 166.

²³ Chojnacki S. *Dowries and Kinsmen in Early Renaissance Venice* // *Journal of Interdisciplinary History*. 1975. Vol. 5. № 4. P. 594—598. М. Хауэлл также находит, что мужчины-горожане в позднесредневековом Дуэ передавали имущество в первую очередь родственникам обоего пола по прямой линии, а женщины распределяли дарения индивидуально и более широкому кругу получателей. См.: Howell M. *Fixing Movables: Gifts by Testament in Late Medieval Douai* // *Past and Present*. 1996. February. № 150. P. 36—38.

²⁴ Erickson A.L. *Women and Property in Early Modern England*. L., 1993. P. 213; Harris B.J. *Property, Power, and Personal Relations: Elite Mothers and Sons in Yorkist and Early Tudor England* // *Signs* 15. 1990. № 3. P. 631;

Howell M. Fixing Movables. P. 3—45; *Sanchez M.S.* The Empress, the Queen, and the Nun: Women and Power at the Court of Philip III of Spain. Baltimore, 1998. P. 126—127. По наблюдению С. Амуссен, женщины в Англии начала Нового времени чаще делили имущество поровну между всеми детьми, чем мужчины, а С. Лебсок находит, что женщины в Вирджинии XVIII—XIX вв., в отличие от мужчин, оказывали одним из своих детей предпочтение перед другими. См.: *Amussen S.* An Ordered Society: Gender and Class in Early Modern England. Oxford, 1988. P. 91; *Lebsock S.* The Free Women of Petersburg: Status and Culture of a Southern Town, 1784—1825. N.Y., 1984. P. 135—137.

²⁵ *Amussen S.* An Ordered Society. P. 91—92; *Erickson A.L.* Women and Property. P. 215; *Lebsock S.* The Free Women of Petersburg. P. 135; *Riemer E.S.* Women, Dowries, and Capital Investments in Thirteenth-Century Siena // *Women and History*. 1985. Vol. 10. P. 72—73; *Shammas C., Salmon M., Dahlin M.* Inheritance in America from Colonial Times to the Present. New Brunswick, 1987. P. 44—46.

²⁶ *Lebsock S.* The Free Women of Petersburg. P. 116, 135; *Chojnacki S.* Dowries and Kinsmen in Early Renaissance Venice. P. 596—597. В другой работе этот автор утверждает, что венецианки в эпоху Возрождения были «сторонницами более индивидуализированного подхода к общественным отношениям» и что мужчины постепенно изменяли характер своих завещаний под влиянием жен. См.: *Chojnacki S.* The Power of Love: Wives and Husbands in Late Medieval Venice // *Women and Power in the Middle Ages* / Ed. M. Erler and M. Kowaleski. Athens, 1988. P. 139.

²⁷ *Amussen S.D.* An Ordered Society. P. 91—92.

²⁸ См.: *Неволин К.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 3. С. 304; *Wagner W.* Marriage, Property, and Law. P. 230—231.

²⁹ Завещания, привлеченные к данному исследованию, извлечены из следующих источников: РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 541. Л. 89—90 (1703); Ф. 1290. Оп. 1. Ед. хр. 34 (1706); Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 543. Л. 49, 152—155, 158, 162—163, 165—167 (1714); Ф. 9. Отд. II. Кн. 25. Л. 544 (1715); Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 1956. Л. 20 (1717); РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Ед. хр. 14 (1718); РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 1958. Л. 8, 49—50, 63 (1719); Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 98 (1719); РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 76 (1720); *Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. М., 1851. С. 420—421 (1720); ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 2 (1729); РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Ед. хр. 37 (1725); РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 8—9 (1730); РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Ед. хр. 39 (1735); Ф. 1290. Оп. 1. Ед. хр. 40 (1736); Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 558. Л. 114—115 (1740); Ф. 1209. Оп. 80. Ед. хр. 65 (1741); РГИА. Ф. 1086. Оп. 1. Ед. хр. 1114 (1744); ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 6 (1745); РГИА. Ф. 1086. Оп. 1. Ед. хр. 1115 (1746); РГАДА. ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 14—16 (1747); Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 8393 (1751); Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 4707 (1753); Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11418. Л. 12—13, 25—27 (1753); Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4220. Л. 109—110 (1753); Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 2004. Л. 102—103 (1755); Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 8398 (1756); Ф. 1209. Оп. 80. Ед. хр. 280 (1763); Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П.И. Щукина / Изд. П.И. Щукина. М., 1897.

Т. 2. С. 205—206 (1763); РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 277, 300 (1766); Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 8 (1767); Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 2042. Л. 21—22, 99—100 (1775); Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 8056 (1775); Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 1298. Л. 1—2, 4—8, 12—24, 27—46 (1776); Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 1299. Л. 1—4, 6—7, 9—16 (1777); Ф. 1272. Оп. 1. Ед. хр. 99 (1779); Ф. 1270. Оп. 1. Ед. хр. 259 (1781); Ф. 1290. Оп. 1. Ед. хр. 46 (1781); Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 360 (1784); Ф. 1288. Оп. 1. Ед. хр. 454 (1784); РГИА. Ф. 942. Оп. 1. Ед. хр. 591. Л. 1—4 (1785); РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 7503 (1786); Ф. 1247. Оп. 1. Ед. хр. 7 (1786); ЦГИАМ. Ф. 1871. Оп. 1. Ед. хр. 38 (1786); РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 6417 (1789); РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 176 (1790); РГАДА. Ф. 1263. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 7—12 (1796); ПСЗ—1. Т. 33. № 26432 (1816); РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Ед. хр. 714 (1798); ГАТО. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 1059. Л. 4 (1799); РГИА. Ф. 1346. Оп. 43. Ч. 1. Ед. хр. 222 (1799); ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 10 (конец XVIII в.); РГИА. Ф. 1346. Оп. 43. Ч. 1. Ед. хр. 295. Л. 5 (1801); Ф. 1088. Оп. 3. Ед. хр. 54. Л. 30—61 (1804); Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 252 (1805); ГА Тверской области. Ф. 668. Оп. 1. Ед. хр. 6445. Л. 24—26 (1807); Ф. 668. Оп. 1. Ед. хр. 6447. Л. 18—19 (1808); РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 1123 (1808); РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 272 (1809); Ф. 1048. Оп. 1. Ед. хр. 37 (1812); ПСЗ. Т. 34. № 26678. 05.02.1817; РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 266. Л. 14—15 (1820); РГИА. Ф. 1346. Оп. 43. Ч. 1. Ед. хр. 623. Л. 31—32 (1824); Ф. 942. Оп. 1. Ед. хр. 596 (1826); Ф. 914. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 2—6 (1827); Ф. 1048. Оп. 1. Ед. хр. 40 (1830); РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 55 (1831); Ф. 1270. Оп. 1. Ед. хр. 2384 (1831); РГИА. Ф. 942. Оп. 1. Ед. хр. 453. Л. 11—19 (1831); Ф. 1021. Оп. 1. Ед. хр. 13 (1836); РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 3241 (1841); РГИА. Ф. 942. Оп. 1. Ед. хр. 47 (1841); РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5754 (1844); РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Ед. хр. 373 (1848); Ф. 1021. Оп. 1. Ед. хр. 40 (1851); РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 1417 (1852); Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 1418 (1854); РГИА. Ф. 942. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 2—8 (1857); Ф. 971. Оп. 1. Ед. хр. 162 (1850-е гг.); ГА Тверской области. Ф. 668. Оп. 1. Ед. хр. 6279. Л. 3—6 (1860); ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 876. Л. 3 (1860); РГИА. Ф. 942. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 8—15 (1862); Ф. 1086. Оп. 1. Ед. хр. 943 (1862); РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 1316 (1867); РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Ед. хр. 879 (XIX в.); РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 56 (XIX в.); Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 1150 (XIX в.); Ф. 1278. Оп. 2. Ед. хр. 267 (XIX в.).

³⁰ Цифры отражают общее число наследников, поименованных в женских (или мужских) завещаниях, разделенное на число завещателей.

³¹ Малое число детей, которое указывают завещатели, противоречит свидетельствам мемуаров, в которых часто описываются очень большие семьи. Однако не существует демографических исследований, которые содержали бы данные о рождаемости и детской смертности в русских дворянских семьях.

³² Эти цифры касаются только завещания личного имущества, а потому выборка меньше, чем число завещателей недвижимости. Далее, среднее число получателей личного имущества по завещаниям не включает в себя крепостных; перечни ежегодных выплат и подарков, назначаемых дворянам, могли бы составить немало страниц в завещаниях богатых дворян.

- ³³ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 1298. Л. 15—16.
- ³⁴ Там же. Л. 12—14, 27—28.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 1290 (Юсуповы). Оп. 1. Ед. хр. 39 (1735).
- ³⁶ Там же. Ф. 1263 (Голицыны). Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 2.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 1298. Л. 30—34.
- ³⁸ Там же. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 1123 (1808); Там же. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 1298. Л. 45—46 (1776).
- ³⁹ РГИА. Ф. 942 (Зубовы). Оп. 1. Ед. хр. 596 (1826).
- ⁴⁰ Там же. Ф. 1048 (Салтыковы). Оп. 1. Ед. хр. 40; *Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов. М., 1851. С. 420—421.
- ⁴¹ М. Хауэлл замечает, что, хотя женщины в Дуэ довольно свободно распоряжались личным имуществом, завещая недвижимость, они «следовали всем правилам»: *Howell M. Fixing Movables*. P. 38—39.
- ⁴² РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Ед. хр. 54. Л. 33—48.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 1299. Л. 6—7 (1777).
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 942. Оп. 1. Ед. хр. 453. Л. 11—19.
- ⁴⁵ *Грот Н.* Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков. 7-е изд. СПб., 1900. С. 32, 116—117. См. также список приданого графини Варвары Петровны Разумовской, урожденной Шереметевой, где ее отец отмечает, что движимая часть ее приданого стоимостью в 141 020 руб. дана ей сверх положенной доли отцовской недвижимости. *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 547.
- ⁴⁶ СИРИО. 1871. Т. 8. С. 509.
- ⁴⁷ Цит. по: *Гоїхбарг А.Г.* Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений. СПб., 1912. С. 5—6.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 1298. Л. 43—44.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 1274 (Панины—Блудовы). Оп. 1. Ед. хр. 1150 (1814).
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Ед. хр. 714.
- ⁵¹ Там же. Ед. хр. 879 (начало XIX в.).
- ⁵² РГИА. Ф. 1021 (Перовские). Оп. 1. Ед. хр. 13 (1836); Ф. 1021. Оп. 1. Ед. хр. 40 (1851).
- ⁵³ Там же. Ф. 1346. Оп. 43. Ч. 1. Ед. хр. 295 (1801). Его ходатайство было удовлетворено.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 1298. Л. 35, 43.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 2004. Л. 102—103.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 1270 (Мусины—Пушкины). Оп. 1. Ед. хр. 259.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 14—16.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 80. Ед. хр. 280 (1763).
- ⁵⁹ ПСЗ-2. Т. 21. № 20426 (13.09.1846); Т. 24. № 22948 (21.01.1849); Т. 24. № 23573 (14.10.1849); Т. 25. № 23821 (13.01.1850); Т. 25. № 24061 (07.04.1850); Т. 25. № 24123 (28.04.1850); Т. 25. № 24227 (09.06.1850); Т. 25. № 24394 (11.08.1850); Т. 25. № 24410 (18.08.1850). Эти прошения не включены в число завещаний, рассмотренных в настоящей главе. См. также: РГИА. Ф. 1086. Оп. 1. Ед. хр. 943 (1862).
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 1346. Оп. 43. Ч. 1. Ед. хр. 222. Л. 1—2.

- ⁶¹ ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 876. Л. 3.
- ⁶² РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Ед. хр. 726.
- ⁶³ Там же. Ф. 942. Оп. 1. Ед. хр. 453. Л. 11 (1831).
- ⁶⁴ ПСЗ-1. Т. 34. № 26678 (15.02.1817).
- ⁶⁵ ГАТО. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 1059. Л. 4; см. также: ЦГИАМ. Ф. 50. Оп. 14. Ед. хр. 410. Л. 27—29, 52—53 (1834); Санктпетербургские сенатские объявления. № 8860 (16.03.1859).
- ⁶⁶ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 176 (1790).
- ⁶⁷ *Sabean D.W.* Property, Production, and Family in Neckarhausen, 1700—1870. Cambridge, 1990. P. 203.
- ⁶⁸ Эти наблюдения противоречат утверждению Дж. Товров о том, что «любое определение “родственников” должно подкрепляться некой общностью состояния», и о том, что богатые завещатели назначали множество получателей наследства. См.: *Tovrov J.* The Russian Noble Family. P. 90.
- ⁶⁹ См., например, письмо князя Александра Голицына (1786 г.) к жене брата с просьбой о помощи в получении места для своего племянника: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 5. Кроме того, князь просил Дарью Голицыну хлопотать о тязбе другому родственника: Там же. Л. 1.
- ⁷⁰ *Толычова Т.* Семейные записки. М., 1865. С. 44.
- ⁷¹ См., например, родословную Екатерины Любомирской по материнской линии: РГИА. Ф. 946. Оп. 1. Ед. хр. 6.
- ⁷² РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Ед. хр. 277.
- ⁷³ ПСЗ-1. Т. 24. № 18381. 1798 г.
- ⁷⁴ ПСЗ-1. Т. 31. № 24835. 1811 г.
- ⁷⁵ Там же. Т. 33. № 25833 (30.04.1815).
- ⁷⁶ РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Ед. хр. 54. Л. 31 (1804).
- ⁷⁷ Там же. Ф. 1021. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 2—3 (1851).
- ⁷⁸ Там же. Ф. 914. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 4 (1827).
- ⁷⁹ *Lindenmeyr A.* Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762—1914 // *Signs.* 1993. Vol. 18. № 3. P. 567—568; *Meehan B.* Popular Piety, Local Initiative, and the Founding of Women’s Religious Communities in Russia, 1764—1907 // *Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia* / Ed. S.K. Batalden. DeKalb, 1993. P. 83—105; *Meehan-Waters B.* Metropolitan Filaret (Drozdov) and the Reform of Russian Monastic Communities // *Russian Review.* 1991. Vol. 50. № 3. P. 310—323. О филантропической деятельности купчих см.: *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей (1860—1914 гг.) М., 1999. С. 271.
- ⁸⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 79. Ед. хр. 502. Л. 1—2 (1798). Письма от настоятельницы Успенского монастыря к графине Варваре Алексеевне Шереметевой говорят о том, что графиня оказывала монастырю деятельное покровительство: Там же. Ф. 1088. Оп. 1. Ед. хр. 37 (1767).
- ⁸¹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 1298. Л. 43.
- ⁸² Там же. Ед. хр. 1298. Л. 28—30.
- ⁸³ РГИА. Ф. 942. Оп. 1. Ед. хр. 47.
- ⁸⁴ *Vickery A.* Women and the World of Goods: A Lancashire Consumer and Her Possessions, 1751—1781 // *Consumption and the World of Goods* / Ed. J. Brewer and R. Porter. L., 1993. P. 281.

⁸⁵ *Howell M. Fixing Movables. P. 26, 35. См. также: Main G.L. Widows in Rural Massachusetts on the Eve of the Revolution // Women in the Age of the American Revolution / Ed. R. Hoffmann and P.J. Albert. Charlottesville, 1989. P. 88—89; Davidoff L., Hall C. Family Fortunes: Men and Women of the English Middle Class, 1780—1850. Chicago, 1987. P. 276, 511.*

⁸⁶ О центральном месте движимого имущества в наследствах американок см.: *Ulrich L.T. Hannah Barnard's Cupboard: Female Property and Identity in Eighteenth-Century New England // Through a Glass Darkly: Reflections on Personal Identity in Early America / Ed. R. Hoffmann, M. Sobel, and F.J. Teute. Chapel Hill, 1997. P. 238—273. О контрасте между мужскими и женскими завещаниями см.: Main G.L. Widows in Rural Massachusetts. P. 88—89; Davidoff L., Hall C. Family Fortunes. P. 276, 511.*

⁸⁷ РГАДА. Ф. 1274 (Панины—Блудовы). Оп. 1. Ед. хр. 1417 (1852); Там же. Ф. 1263 (Голицыны). Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 7—12 (1796).

⁸⁸ РГИА. Ф. 1086. Оп. 1. Ед. хр. 1114.

⁸⁹ Сурмина приходилась бабкой по женской линии княгине Дашковой. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 6. См. также завещание вдовы Ляпиной, оставившей деревянные миски, кровать и иконы племяннику с детьми: РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 1299. Л. 15—16 (1777).

⁹⁰ *Vickery A. Women and the World of Goods. P. 294.*

⁹¹ Примеры такой переписки см.: РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 1 (1799); Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 12 (1766); Ф. 1117. Оп. 1. Ед. хр. 261. Л. 19—24, 52, 59 (1769); Шукинский сборник / Изд. отделения императорского Российского исторического музея им. имп. Александра III — Музея П.И. Шукина. Т. 2. С. 229 (1795).

Глава 6

ПОМЕЩИЦА В СВОИХ ВЛАДЕНИЯХ И ВДАЛИ ОТ НИХ: ЖЕНЩИНЫ И УПРАВЛЕНИЕ ИМЕНИЯМИ

В романе «Отцы и дети» И.С. Тургенев бегло обрисовал те диаметрально противоположные роли, которые были доступны женщинам, владевшим землей в середине XIX в. Мать Базарова, Арина Власьевна, изображена как «настоящая русская дворяночка прежнего времени; ей бы следовало жить лет за двести, в старомосковские времена. Она была очень набожна и чувствительна... писала одно, много два письма в год, а в хозяйстве, сушенье и варенье знала толк, хотя своими руками ни до чего не прикасалась». Занимаясь домашним хозяйством, Арина Власьевна с радостью переложила заботу о своем поместье с двадцатью двумя душами крестьян на мужа, у которого не было никакой собственности: «...управление имением предоставила Василию Ивановичу — и уже не входила ни во что». Тургенев не удержался и добавил: «Подобные женщины теперь уже переводятся. Бог знает — следует ли радоваться этому!» И наоборот, эмансипированная, но

смешная Авдотья Кукшина заявляет Базарову: «Я действительно помещица. Я сама именем управляю». При этом Тургенев не выражает ни малейшего пренебрежения по адресу дам, занимавшихся управлением собственностью. Вольнодумствующая Кукшина — не единственная женщина в романе, которая распоряжается своим имуществом: познакомившись с Анной Одинцовой, Базаров одобрительно говорит, что она, без сомнения, «отлично» справляется со своим именем¹.

С середины XVIII в. экономический вес дворянок в России начал резко возрастать. При этом покупка и продажа имений были лишь одной из граней владения собственностью. Получая поместье в собственность, женщины оказывались перед выбором: самостоятельно управлять своим состоянием или передать его в руки родственников-мужчин. Насколько любая из названных героинь Тургенева была характерной представительницей помещиц императорской России? Исходя из преобладающего соотношения гендерных ролей в Западной Европе, мы вполне могли бы предположить, что русским женщинам полагалось избегать занятий крупномасштабным управлением и посвящать себя исключительно домоводству. Историки утверждают, что ход событий в политике и экономике начиная с конца XVIII в. подорвал участие европейских женщин в семейном предпринимательстве и лишил их роли в придворном обществе, вынудив развивать свою личность только в качестве жен и матерей². И если это «возвращение к домашнему очагу» поначалу было характерно для среднего класса, то затем и в среде аристократии утвердилось представление о материнстве как о средоточии женского существования³. Это был серьезный отход от тех представлений о судьбе дворянских женщин, что существовали в предыдущие века.

Р. Уортман высказал мысль о том, что на закате XVIII столетия в России, как и в тогдашней Европе, происходило становление местной формы культа домашнего очага и отстранение женщин от придворной жизни⁴. Однако ученым еще только предстоит сколько-нибудь глубоко исследовать влияние европейских гендерных традиций на исконные русские представления о моделях поведения полов. Ниже я покажу, что русские дворянки императорского периода отнюдь не ограничились сферой домашнего хозяйства, нередко вторгаясь в такие сферы, которые европейские современники считали неподходящими для женщин. К западу от Эльбы рамки закона и идеология домашнего очага препятствовали женщинам

принимать решения о вложении средств, участвовать в тяжбах, руководить аграрным хозяйством. А в России стоявшая перед дворянками необходимость повседневно заботиться о семье и доме уравновешивалась обязанностями владельцев земельной собственности: если современники прямо не называли управление поместьями женским занятием, то они тем не менее одобряли помещиц, радевших о благополучии материально зависимых от них лиц, и осуждали тех, чьи имения были в запустении.

Хотя историки России XIX в. не рассматривали опыт русских женщин в системе координат общественной и частной сферы, они, однако, выдвинули собственное толкование перемен в жизни и круге обязанностей дворянок. Е. Щепкина в исследовании, посвященном женщинам в русской истории, провела четкое различие между ролью женщины в управлении имениями в конце XVII — начале XVIII в. и ее деятельностью в послепетровский период. Щепкина нарисовала яркую картину трудностей, выпавших на долю служилых людей и их жен в ходе колонизации т.н. «Поля» (будущего Черноземного региона) в период Московского царства. Мужчины уходили в военные походы на целые месяцы и даже годы, а женщины в их отсутствие управляли беспокойными крепостными и отражали татарские набеги. «Целыми поколениями неслышно и незаметно вели здесь помещицы огромную экономическую работу», — заключает Щепкина. Эти женщины, по ее утверждению, сыграли решающую роль в заселении и возделывании Черноземья⁵.

Система держания земель за военную службу исчезла в начале XVIII в., и дворяне потянулись домой, к себе в имения. Когда мужья взяли на себя труд управлять поместьями, пишет Щепкина, женщинам остались лишь скучные рутинные обязанности — хозяйничать в доме, готовить еду, шить одежду, следить за работой дворовых людей. В противоположность былой свободе, женщины теперь, особенно в семьях мелкопоместного дворянства, могли «проявить свою... самостоятельность только в командовании над крепостным людом»⁶. А варка варенья — слабое утешение для женщин, которые когда-то обходили степь дозором, охраняя семейные владения.

Итак, в русском варианте истории о том, как женщины лишились былой самостоятельности, ограничение женской независимости было вызвано новой системой несения дворянской службы, а не изменением экономических отношений, но результат все равно один: женщины, потеряв право вести полезную осмысленную

жизнь, выражали свое разочарование посредством мелкой домашней тирании. Прочувствованный рассказ Щепкиной о затухающем участии женщин в управлении поместьями звучит убедительно. Освобождение дворянства от обязательной службы в 1762 г. позволило многим дворянам поселиться в провинции. У многих появился живой интерес к рациональному ведению хозяйства и активному управлению собственностью⁷. А если мужчины теперь были вольны сами заниматься делами имений, то у женщин не оставалось причин в это вмешиваться.

Между тем два описания, принадлежащие перу иностранных наблюдательниц начала XIX в., убедительно опровергают мнение Щепкиной о том, будто роль дворянок свелась только к домашнему хозяйству. Более того, они свидетельствуют о заметном расхождении между взглядами на авторитет женщин у русских и западных авторов. За время пятилетнего пребывания у княгини Дашковой Кэтрин и Марта Уилмот не раз касались в своих записках имущественных прав русских женщин, равно как и интересы дворянок к делам в их имениях. «Еще сильнее я удивилась, когда спросили о даме, которая еще не вернулась в Москву, а ее муж ответил, что у той какие-то дела в ее поместье на Украине. Владелица решила продать усадьбу... Если группа дам о чем-то беседует, можно быть уверенным, что это — дела, дела, дела», — писала Кэтрин родным в Ирландию⁸. В другой раз ее сестра Марта отметила способности одной знакомой, которая «так умела в делах, что управляет винокурным заводом своего родственника. Получая прибыль от этого завода, единственного источника доходов, тот проживает все с семьей в Петербурге, а Писарева вершит все дела в деревне, где неизменно пребывает со своей матерью»⁹.

Марта в своем дневнике снова возвращается к этой теме: «Очень часто можно услышать разговор двух молоденьких, хорошеньких, глупых и кокетливых женщин, беседующих между собой о продаже земель, душ (крепостных)... или о делах госпожи такой-то в Сенате, хороши они или нет, о ее овсе, пшенице, ячмене и т.д., выгодно проданном в этом году...»¹⁰

В конце XVIII в. французский дипломат Шарль Массон тоже выразил изумление поведением русских женщин — правда, довольно неодобрительное. По его словам, в царствование Екатерины II «женщины заняли при дворе такое первенствующее положение, которое принесли с собой и в общество, и в собственные дома». Еще больше возмутила Массона деятельность дворянок в провин-

ции. «В деревне мужеподобие женщин еще заметнее, — писал он. — Женщины вдовы или незамужние оказываются в таком положении, когда им приходится брать на себя управление имениями, обитатели которых являются их собственностью... Итак, они занимаются делами, никак не подходящими их полу»¹¹.

Признавая, что дворянки иногда выступали в роли управляющих имениями, современные историки тем не менее усвоили логику рассуждений Щепкиной. Они считают, что у себя в усадьбах женщины ведали домашним хозяйством и садом, а их мужья руководили покупкой земли и занимались управлением в целом¹². Я же, напротив, покажу, что владение собственностью и формы землевладения вынуждали женщин заниматься делами имений еще продолжительное время после того, как их мужья освободились от обязательной службы. Конечно, длительное отсутствие мужчин, находившихся на военной службе, было одной из причин, по которым женщины вели дела в поместьях — так же, как европейские дворянки в более ранний период¹³. Но Щепкина не задалась вопросом, не могло ли законное владение собственностью вдохновлять женщин на эти занятия; она также не усомнилась в том, что дворяне-мужчины, избавившись от бремени государственной службы, воспользовались свободой, чтобы разъехаться по своим губерниям. Но на самом деле дворяне по-прежнему отсутствовали в поместьях, а характер землевладения в России и правовой статус женщин как самостоятельных владелиц собственности приводили к тому, что помещицы неизбежно становились распорядительницами всех дел, касающихся их собственных и семейных земель. Многие русские люди в эпоху крепостного права вовсе не считали управление крупными имениями чисто мужским занятием и видели в руководстве делами поместья логическое продолжение обязанностей по ведению домашнего хозяйства.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В ИМЕНИИ

Несмотря на то что в семейной жизни дворянства в императорской России четко выделялись отдельные мужская и женская сферы, управление поместьем являлось общим делом, требовавшим внимания и мужа, и жены. Во многих дворянских поместьях, несомненно, царило традиционное разделение обязанностей. Описывая жизнь в имении своих родителей, Мария Николева рассказы-

вала, что ее отец «любил хозяйство и был хорошим агрономом-практиком», а мать тем временем занималась «женской половиной хозяйства»¹⁴. Интересно, что в мемуарах XIX в., повествующих о жизни в сельских усадьбах, так же часто предстают женщины, принимающие решения о покупке земли и руководящие крупными имениями, как и хозяйки, ограничивающиеся только домашними хлопотами. Многим русским дворянкам в определенный момент их жизни необходимость диктовала заниматься и ценами на рожь, и пограничными спорами с соседями, а не только беспокоиться об одежде и обучении детей.

Однако, как в случае с Ариной Власьевной, типичная дворянка никогда «своими руками ни до чего не прикасалась». Для всех дворянок, кроме самых бедных, занятия домашним хозяйством означали присмотр за работой дворовых людей, а не самостоятельный труд по дому. Николева признается, что руководство «женской половиной» хозяйства на практике сводилось к поручению большей части работы энергичной ключнице Федоре: «На ее руках были кладовые, разные припасы и заготовления по дому; все зависело от нее». При всех этих обязанностях Федора умудрялась еще растить саму Николеву и ее сестер¹⁵. Другой мемуарист писал, что его мать не интересовалась ни домом, ни поместьем и доверила все свои дела старосте, садовнику и ключнице¹⁶.

Длительные отлучки мужей из имений не оставляли многим женщинам иного выхода, как брать на себя дополнительную ношу управления землями мужа. Даже после отмены обязательной пожизненной службы в 1762 г. дворяне продолжали служить государству и месяцами, а то и годами не показывались у себя в имениях¹⁷. Оживленная переписка между супругами проливает свет на чрезвычайно важную роль дворянских жен в сохранении экономической жизнеспособности семьи¹⁸. В своих письмах мужчины описывали тяготы военной службы, а кроме того, из этих документов явствует, что жалованья им вечно не хватало, и дворяне, нуждаясь в дополнительных средствах из доходов с имений, обращались к женам за материальной поддержкой¹⁹. В конце XVII в. княгиня Хованская распоряжалась делами мужа в Москве и часто подавала челобитные по поводу сокращения сроков его военной службы²⁰. Если не хватало доходов с имений, то женщинам случалось добывать средства для мужей из других источников. Так, в 1717 г. Стефанида Хоненева заложила свое приданое, состоявшее из семи крестьянских дворов

с землей, за триста рублей. В закладной она объявила, что посылает эти деньги мужу на покупку провианта и лошадей²¹.

Письма Екатерины Румянцевой дают редкую возможность взглянуть на повседневную деятельность русских дворянок и понять ту досаду, которую, вероятно, испытывали многие из них, в одиночку неся ответственность за семейные дела. Во время своей долгой военной службы в царствование Екатерины II фельдмаршал граф Румянцев предоставил жене спасать семью от разорения совершенно одной. Графине Румянцевой, вероятно, приходилось еще хуже, чем многим другим женщинам, потому что муж не отвечал взаимностью на ее любовь и много лет не хотел жить с ней вместе; впрочем, материальные проблемы, с которыми она сталкивалась, были такими же, как у всех. Она писала письмо за письмом, упрекая мужа, бросившего ее на произвол судьбы. «Я клянусь, что ежели уедешь безо всякого определения, — писала она по поводу их дальнейшей совместной жизни, — то, собрав все крепости, письма и все, что в доме есть, с описью отдам твоим близким, потому что я не хочу этого более на себе иметь, что все твое в моих руках будет, а ты будешь ездить со своею любовницею да веселиться, а я здесь плакать... да в долги входить»²². В ответ на его требование денег она писала, что ей уже нечего заложить²³, и предупреждала, что, если ей придется пожертвовать ради него единственной оставшейся у нее деревней, муж лишит ее с детьми последнего куска хлеба²⁴. В письмах графини рассказывается о неурожае на их землях, о попытке увеличить доходы, заведя ткацкую фабрику. Она несколько раз возвращалась к мысли устроить фабрику в одной из деревень: «От нее бы польза могла быть... Первое, [хорошего] директора надобно; другое, построить фабрику особую, на что я уже и лесу велела вывозить»²⁵. Другой постоянной темой ее писем были жалобы на то, как дорого обходятся отдельные хозяйства живущих порознь супругов и как ей трудно управлять поместьями без должной помощи. «Дом наш — это свеча с двух концов горит, на два дома живем, везде расход, а за расходами никто не смотрит»²⁶. Кроме долгов Румянцева жаловалась мужу на конфликты с крестьянами, не желавшими исполнять те распоряжения, которые он передавал через жену²⁷. Когда Румянцев хотел разрешить крестьянам одной деревни перейти с барщины на оброк, жена ему отсоветовала. Она считала, что будет не только трудно взимать эти платежи, но и все деревенское хозяйство развалится, а зерна станут собирать еще меньше²⁸.

Многие дворянки, подобно Румянцевой, смотрели на управление хозяйством как на тяжкое бремя и были бы только рады переложить на мужчин своей семьи ответственность и за сбор оброка, и за решения, на что лучше потратить хозяйственные деньги. Бывало, что помещицы, да и помещики, вместо того, чтобы самим иметь дело с жадными управляющими и непокорными крестьянами, давали кому-нибудь из родственников доверенность, позволяющую распоряжаться их имуществом и даже его продавать. Замужние женщины часто передавали контроль над своими имениями мужьям, как поступила княгиня Гагарина в 1819 г., унаследовав три тысячи душ от отца, графа Орлова²⁹. Анна Лелонг хвалила тетку, доверившую поместье умелым рукам брата³⁰. Однако женщинам нередко случалось обнаруживать, что они напрасно доверились родственникам. Княгиня Урусова, когда ее муж ушел воевать в Крымскую войну, впервые сама занялась делами имения и пришла в ужас от того, как хозяйствовал ее супруг³¹. В таких случаях разочарованная жена могла отозвать доверенность, данную мужу: Федосья Оголевцева, пройдя все положенные законом этапы, в 1854 г. поместила в «Московских ведомостях» объявление, гласившее, что муж больше не имеет права заключать сделки от ее имени³². Но хотя женщины имели законное право вернуть себе контроль над имуществом, мужчины не отдавали его без борьбы. С.Т. Аксаков в «Семейной хронике» привел историю кузины своего деда, молодой женщины, которая безрассудно вышла замуж и передала свои обширные земли мужу. Тот «наделал чудеса по устройству имения жены своей», однако вскоре выяснилось, что он жестокий хозяин, обижает крестьян и восстановил против себя соседей-помещиков. Лишь при помощи двоюродного брата молодая женщина сумела спастись от мужа и вернуть себе власть над имением³³.

Но если некоторые дворянки отказывались от права управлять своими делами, то другие, наоборот, охотно брали руководство в собственные руки. Алексей Томилов дал жене доверенность на имение, уходя на войну в 1812 г., с правом продать любую часть его земли, если она сочтет нужным³⁴. Антонина Блудова доверила свои земли в Волынской и Смоленской губерниях другим женщинам³⁵. При этом даже те жены, которые давали доверенности мужьям, никоим образом не отказывались полностью от всякой ответственности и заботы о своих владениях. Так, Дмитрий Бутурлин управлял обширными поместьями своей жены Елизаветы, но она еженедельно получала подробные доклады от управляющего, Михаила

Филепенко. Он во всех деталях знакомил Бутурлину с тем, как в имении обстоят дела с урожаем, советовался с ней по поводу найма врача, который постоянно заботился бы о здоровье ее крестьян³⁶.

В англо-американском мире замужние женщины были неправоподобны как владелицы земель, а многими другими видами имущества они владели на временной основе, что отбивало у них всякий интерес к делам имений. В Англии «из-за особенностей женского владения имуществом они избегали экономической деятельности. Вдова священника, жившая на ренту с фермы в Эссексе, которую уговаривали произвести там ремонт зданий, ответила, что поскольку она пользуется лишь пожизненным доходом, то нельзя требовать, чтобы она несла подобные траты»³⁷. Гендерные традиции допускали для женщин американского Юга до Гражданской войны только хозяйственные занятия в барском доме, и ни одной южной леди нельзя было увидеть надзирающей за рабами во время полевых работ³⁸. Жена плантатора могла присматривать за садом или за птичником, но, по словам одного современника, «леди не занимаются извлечением выгоды из земледелия в сельской местности»³⁹.

Русские дамы, напротив, пользовались полными правами собственности у себя в имениях, что и поощряло их с живым интересом относиться к сельскохозяйственному производству на их землях. Одна дворянка, А. Бутковская, описывала, как после возвращения мужа с военной службы они решили пустить ее приданое на покупку имения. «Я с удовольствием мечтала о занятиях агрономией, которая, впрочем, была в то время далеко не то, что теперь», — писала она, объясняя, как отмена крепостного права заставила дворянство реорганизовать свои имения. «В то время все было основано на количестве рабочих рук, на величине запашки, и “Экономический магазин”, которого у меня теперь сохраняется в библиотеке до сорока томов, был кодексом, которым руководствовались хозяева, желавшие улучшения поместья... Я подписывалась и на “Земледельческую газету”». Бутковская вспоминала, как в 1824 г. приехала к себе в деревню молодой помещицей, полной различных планов строительства в усадьбе и усовершенствований в земледелии. Обнаружив, что у нее слишком мало крестьян, чтобы хорошо возделывать землю, она купила на вывод целую деревню — тридцать душ в Пензенской губернии и переселила их в свое новгородское имение. Она признавалась: «Теперь это распоряжение казалось бы варварством, но тогда и мысль не приходила

жалеть людей, обязанных покинуть свою родину и избы». К тому же эти люди привыкли крестьянствовать в благодатном Черноземье и едва сводили концы с концами на скудных северных землях. Интерес Бутковской к хозяйственным делам в поместье разделяли другие помещицы, с которыми она встречалась. Ее ближайшей соседкой была пожилая дворянка, развлекавшая Бутковскую и ее мужа рассказами о жизни во времена Екатерины Великой и научившая их «мудрости местного сельского хозяйства»⁴⁰.

Если увлеченность Бутковской делами имения отчасти объяснялась ее скромными средствами, то и гораздо более состоятельные помещицы заботились о продуктивности земледелия. Княгиня Варвара Голицына покинула свое любимое саратовское поместье после того, как унаследовала от дядюшки, князя Потемкина, имение на Украине. Это имение, принадлежавшее некогда польским помещикам, сдавалось в аренду разным держателям и годами приносило очень низкие доходы. Голицына считала, что ее личное присутствие необходимо, если она хочет повысить продуктивность своего нового поместья, и переселилась туда, пожертвовав счастьем ради финансовой выгоды⁴¹.

Сами по себе эпизодические свидетельства мемуаров явно нельзя считать доказательством того, что русские дворянки регулярно брали на себя роль управляющих имениями, или того, что их к этому активно поощряли. Историк напрасно будет искать опубликованных руководств по управлению хозяйством, предназначенных для женщин, за примечательным исключением одного очерка феминистки Марии Вернадской, в котором помещен следующий совет: «Если девушка может надеяться иметь со временем в своих руках землю, отчего ей не заняться основательным изучением агрономии?»⁴² Однако свидетельства современников показывают, что границы допустимого поведения для благородных дам в сфере управления поместьями были весьма гибкими. Софья Скалон, описывая жизнь своей матери в конце XVIII в., поставила в один неразрывный ряд домашнее хозяйство и управление имением: «Мать не только... занималась нашим воспитанием, но и управляла всем домашним хозяйством, а впоследствии и всей деревней»⁴³. Анастасия Мусина-Пушкина включала управление поместьем в число обязанностей, которые, как она считала, выпали на долю ее дочери, когда та вышла замуж и зажила своим домом. В своих частых письмах Мусина-Пушкина выговаривала дочери за то, что она не учит французский язык и равнодушна к делам имения. В ее пись-

мах звучит убежденность в том, что обязанности помещицы не сводятся лишь к присмотру за дворовыми людьми. «Друг мой, между гостями занимайся хозяйством, — писала она в 1825 г. — Ездил ли в поле, видела ли ты свой хлеб?»⁴⁴ Увещевания Мусиной-Пушкиной доказывают, что управление поместьями вовсе не считалось неженским делом, а, напротив, было естественным продолжением домоводства.

Русские дворянки распоряжались собственностью, часто входя в сношения с местными и центральными властями и с судебной системой, но в глазах общества это не наносило никакого ущерба авторитету мужчин, занятых, в частности, на государственной службе. Это обстоятельство осветила Антонина Блудова, припомнив, что, пока ее отец занимал министерские посты, он возложил все заботы об имении на ее мать⁴⁵. Авторы мемуаров отмечали энергичность и деловую хватку помещиц, но никогда не отзывались об их поведении как о необычном или не подобающем их полу. Мемуарист Ф.Ф. Вигель, вспоминая о начале XIX в., только что прямо не предписывал женщинам активно заниматься хозяйственными делами, когда порицал княгиню Голицыну: «Как все знатные у нас, не одни женщины, но и мужчины, не думала она о хозяйственных делах своих, которые пришли в совершенное расстройство»⁴⁶. Любопытен фрагмент мемуаров Елизаветы Водовозовой, в котором она приводит рассказ матери: «После нашего брака Николай Григорьевич точно обозначил роли в хозяйстве каждого из нас: я должна была заботиться о детях, заведовать домашним хозяйством, скотным двором, прислугою, а в его распоряжения относительно крепостных и сельского хозяйства я не имела права вмешиваться»⁴⁷. То, что отец Водовозовой счел необходимым особо внушить молодой жене ее обязанность ограничивать свою деятельность домашним хозяйством, само по себе весьма показательно. Традиционное разделение обязанностей, возможно, и было правилом в большинстве поместий, но оно явно не было само собой разумеющимся.

БРАЧНЫЙ СТАТУС И УПРАВЛЕНИЕ ИМЕНИЯМИ

На страницах мемуарной литературы, изданной преимущественно после отмены крепостного права, как и в архивных документах, перед нами предстают дворянки, погруженные в хлопоты в своих владениях или в поместьях мужей и детей. Для некоторых

женщин естественным отправным моментом, когда они брали на себя ответственность за дела по имениям, становилось вдовство. Впрочем, частые случаи раздельного жительства супругов в знатных семьях заставляли женщин братья за руководство родовыми землями и при жизни мужей. Марта Уилмот отмечала, что русские супружеские пары часто жили раздельно, и рассказывала о невестке княгини Дашковой, которая жила «безвыездно в деревне, в совершенно русском стиле, то есть проживая с мужем раздельно, но оставаясь с ним в прекрасных отношениях, и переписывалась с ним при каждой оказии»⁴⁸. Принятая система дворянского землевладения увеличивала вероятность того, что помещице не удастся ограничить свои обязанности «женской половиной» домашнего хозяйства. Каждый из этих факторов позволяет понять, почему такое множество мемуаристов живописует, как дворянки с легкостью переходили от забот по дому к руководству крупными поместьями и твердой рукой правили всеми своими владениями. «Она всякую зиму лежала в постели и из подушек ее управляла всеми огромными делами, — писала Анна Керн о своей умной и распорядительной бабке, — все же лето она была в поле и присматривала за работами»⁴⁹.

Незамужние женщины, оставшись без родителей, в принципе могли жить отдельно от родных. Еще в 1714 г. Петр издал указ о том, что незамужняя девица, достигшая совершеннолетия, вправе покинуть дом своего брата «при свидетелях»⁵⁰. Но дворянки, использовавшие свои законные права, чтобы поселиться в собственном доме, явно нарушали традиции общества. Когда Анна Орлова отказалась покинуть имение отца после его смерти, ее дядя, граф Владимир Орлов, предупреждал, что она поставит под угрозу свою репутацию, если до замужества поселится одна, без надзора родных⁵¹. С другой стороны, незамужние девицы, бравшие на себя заботу о родительских имениях и попечение об осиротевших братьях и сестрах, вызывали одобрение⁵².

Неудивительно, что вдовство часто вынуждало женщин занимать место главы семьи и брать на себя ответственность за ее финансовые дела. Некоторые женщины, овдовев, освобождались от суровых или грубых мужей и получали возможность распоряжаться семейным имуществом по своему усмотрению. Бабушка И.А. Раевского жила в страхе перед мужем, частенько ее колотившим. Но когда он умер, оставив заложенное и перезаложенное имение, она посвятила себя воспитанию малолетних детей и приведению в по-

рядок дел мужа. Дед Раевского оставил кое-какое имущество, но, по словам автора, именно благодаря деловому чутью и «крайней осторожности» его бабушки составилось то наследство, которое она завещала детям. «Она дешево скупала хорошие, но не заселенные земли и населяла их крестьянами с своих плохих земель», — писал Раевский, прибавляя, что расходы она полностью покрывала продажей леса. Жила она скромно, проводя зиму в Москве, а лето в имении, и в результате приобрела громадное состояние в очень короткое время. Потом бабушка Раевского разделила имение между своими четырьмя детьми — тремя сыновьями и дочерью, выделив им равные доли. Говорили, как замечает Раевский, что она больше любила дочь, чем сыновей, и поэтому той досталось гораздо больше законной доли⁵³.

Документы по имениям показывают также, насколько семьи, лишившиеся отца, зависели от энергии и делового чутья овдовевшей помещицы. В конце XVII в. вдова князя Воротынского взялась наводить порядок в имении мужа. Вернув свое приданое и получив право на прожиток с многочисленных мужниных деревень, княгиня Воротынская стала покупать земельные наделы, менялась землями с другими помещиками, переселяла крестьян из имения в имение. Ее смерть в 1692 г., по словам одного исследователя, «была катастрофой для ее двора»⁵⁴. В завещании, составленном перед смертью в 1718 г., граф Борис Шереметев вверил свои громадные владения надзору жены Анны⁵⁵. Так как деревни Шереметева были разбросаны по разным губерниям, его вдова поддерживала непрерывную переписку с управляющими. Судя по ее корреспонденции, она очень старалась сохранить наследство для детей, хотя управление имениями в нескольких губерниях требовало от нее огромных усилий. «Нужно думать, что хозяйственная жилка, столь сильная у старшего сына ее, была чертой наследственной от Анны Петровны», — восклицает биограф ее дочери⁵⁶. Он приводит многочисленные примеры того, как Шереметева пыталась снять с имения долги, и упоминает о том, что до самой ее смерти в 1728 г. управляющие редко покидали службу у графини⁵⁷.

Мотив процветания семейных владений под надзором вдов проходит сквозь многие мемуары XIX в. Как вспоминал Аркадий Кочубей, после смерти отца его мать «неусыпно пеклась о нашем имении. Все части его она улучшила и покупкой приобрела еще много земель, строила новые дома, винокуренные заводы, занималась воспитанием своей дочери, берегла старушку свекровь, кото-

рая не могла бы без нея обойтись»⁵⁸. Бабка Софьи Мешерской помогала мужу управлять помещьем в две с лишним тысячи душ в Тверской губернии, а после его смерти заняла место главы семьи и распорядительницы собственности⁵⁹. П.П. Семенов-Тян-Шанский, в младенчестве оставшийся без отца, обстоятельно описал, как его мать сумела уплатить долги мужа и освободить их давно заложенное имение, продав рожь с хорошим барышом. «К замечательным административным и хозяйственным способностям моя мать присоединяла еще и финансовые, именно расчетливость, которой не было у моего отца», — отмечал он⁶⁰.

Приобретая власть в форме землевладения, женщины оказывались не менее мужчин способными к тиранству и держали в страхе свои семьи, угрожая лишением наследства. Многие авторы оставили яркие воспоминания о капризах своих бабок, приносивших кому-то из потомков выгоду, а кому-то ущерб. Бабушка Анны Керн, ревностно надзиравшая за своим тверским имением в четыре тысячи душ, выделила внучке в приданое две деревни — и немедленно их заложила, чтобы добыть денег на обучение братьев и сестер Керн⁶¹. Бабушка М. Ватаци, чтобы насолить зятю, уговорила дочь отказаться от прав на отцовское поместье, а взамен отдала ей одну из своих деревень поменьше⁶². Софья Мешерская сохранила о бабушке более приятные воспоминания: перед смертью старушка позаботилась о том, чтобы каждая из ее внучек получила приданое стоимостью в 5 тыс. руб., что значительно превышало ту долю родительского имения, на которую они могли рассчитывать⁶³.

Если судить по тому, что писали все эти мемуаристы, можно подумать, будто их матери и бабки осваивались со своим вдовьим положением без особых затруднений, но одна женщина вспоминала об этой перемене в своей жизни как об очень тяжелом времени: «Очень мне трудно было первое время заставить себя приняться за дело по управлению имениями, — признавалась Елизавета Янькова. — В важных делах Дмитрий Александрович всегда со мною советовался, и мы с ним сообща решали, но я никогда не входила во все подробности хозяйства...»⁶⁴ И действительно, купив в 1799 г. собственное поместье, Янькова дала мужу полную свободу управлять этим имуществом, продавать и закладывать его целиком или по частям, если он сочтет нужным⁶⁵. Только после его смерти она взяла на себя ответственность и за свою, и за его собственность.

Опыт Екатерины Алексеевны Мусиной-Пушкиной представляет собой один из примеров того, как совершался переход женщи-

ны к положению вдовы с его новыми обязанностями, превращая ее сравнительно праздную жизнь в весьма деятельную. В 1815 г. Алексей Иванович Мусин-Пушкин написал жене: «Не удивляюсь, что тебе без дела скучно, а мне здесь очень приятно и весело, ибо с утра до вечера занят делами, грустно только то, что с тобою розно». Мусин-Пушкин не скрывал от Екатерины хозяйственные подробности, делился с ней и тревогой из-за неурожая в их деревнях, но все же просил жену не беспокоиться о положении их финансов и уверял, что справится с расходами сам⁶⁶. Когда же в 1816 г. Мусин-Пушкин скончался, вдова взяла на себя его ношу. Оба ее сына доверили матери имущество, унаследованное от отца, так как обязанности военной службы заставили их покинуть Москву⁶⁷. Судя по описям доходов, которые Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин получал ежегодно от матери, Екатерина Алексеевна управляла поместьями сыновей по крайней мере пять лет⁶⁸.

Документы свидетельствуют, что Екатерина Мусина-Пушкина непосредственно занималась управлением своими поместьями и имуществом родственников в общей сложности свыше десяти лет. Едва ли она взялась бы за такое сложное дело, не получив какого-то хозяйственного опыта при жизни мужа. Переписка Мусиной-Пушкиной с ее управляющим раскрывает многие грани ее деятельности: она заботилась не только о том, чтобы вовремя собрали оброк, но и о разных починках в имении, о проведении землемерных работ, женила крестьян, когда те приходили в возраст⁶⁹. Графиня переписывалась и с женами своих старост. В одном письме Елена Ленина докладывала ей, что, вернувшись к себе в деревню, «нашла мужа здорового», что «масло везде обильно» и что прикупили еще племенного скота. Стараясь быть мужу «полезной и помощницей», по приезде старостиха «тотчас обозрела скотоводство... нашла все в порядке»⁷⁰. Мусина-Пушкина оставила необыкновенно богатое документальное наследие, освещающее ее дела по имению. Но в целом в ее роли управительницы имущества сыновей не было ничего необычного: многие наследники обоих полов без опаски вверяли свои земли матерям, пока сами находились за границей или были чем-то заняты; и случалось, что дети начинали заниматься своим поместьем лишь после того, как мать умирала или становилась слишком стара, чтобы нести бремя руководства имениями⁷¹.

Вдовство впервые давало многим женщинам возможность проявить деловую хватку. Да и замужние дворянки нередко не только помогали мужьям, но и заменяли их в управлении хозяйством. Так

что замужество никоим образом не мешало женщинам проявлять свои административные таланты. Самая знаменитая помещица в русской литературе, Арина Петровна Головлева у Салтыкова-Щедрина, «единолично и бесконтрольно управляет обширным головлевским именем»⁷², не получая ни малейшей помощи от своего никчемного супруга. Ее образ — вовсе не плод воображения: прототипом послужила мать писателя, Ольга Михайловна, которая начала руководить помещьем мужа девятнадцати лет от роду. Через тридцать лет, накануне отмены крепостного права, салтыковские имения выросли с 275 душ почти до трех тысяч, причем 350 из них были записаны на отца писателя, а остальные 2527 — на имя Ольги Михайловны⁷³.

Образы юных жен, приводящих в порядок дела мужа и тем спасающих семью от разорения, появляются во многих семейных хрониках XIX в. А. Мещерский рассказывал, как жена брата его деда выкупила заложенное тем поместье, после чего дед, потеряв всякую веру в свои деловые способности, поручил имение собственной жене и больше в дела не входил⁷⁴. Варвара Толстая, уговорив своего расточительного мужа переселиться из Петербурга в принадлежавшую ему деревню, принялась хозяйничать и расплатилась со всеми долгами супруга⁷⁵. Вигель в своих мемуарах, где не раз упоминаются женщины твердого и властного нрава, высоко отзывается о графине Браницкой, которая, выйдя за человека вдвое ее старше, «несколько раз спасала его от разорения и бережливостью своею... удвоила огромное его состояние». Она славилась скупостью, но все же наняла повара-француза, готовившего сказочные кушанья, которые отвлекали ее мужа от соблазна вмешиваться в дела⁷⁶.

Мелкопоместные дворянки тоже брали на себя должность управляющих, когда их мужья не проявляли больших талантов или склонностей к руководству поместьями. Наталья Грот писала, что ее мать была гораздо лучшим управляющим, чем отец, и помогала ему держать дела в порядке⁷⁷. Другая женщина вспоминала, как ее мать, даже выйдя замуж вторично, по-прежнему «постоянно занята была хозяйством [и] опекунскими отчетами»⁷⁸. Мать Екатерины Жуковской продолжала укреплять благосостояние семьи после того, как ее муж утратил интерес к хозяйству. «Она неутомимо занималась то продажей одного имения, то покупкой другого, то постройкой домов и т.д.», — писала Жуковская. Как и многим другим женщинам, занятым тем же, «детей ей было некогда воспитывать»⁷⁹. С.Т. Аксаков писал о соседнем помещике: «Петр Иваныч

Чичагов, так же как моя мать, не знал и не любил домашнего и полевого хозяйства. Всем занимались его теща и жена»⁸⁰. Точно так же тайный советник Захар Хитрово, обнаружив, что увяз в долгах, назначил жену своей опекуной и вверил ей всю заботу об имении, расплату с кредиторами и обеспечение их маленького сына⁸¹.

Даже тогда, когда дворянки не управляли имениями в одиночку, они были вовлечены в дела мужей не меньше, чем в свои собственные. В сущности, тот факт, что женщины, выходя замуж, не переставали быть субъектом права, мог идти на пользу их мужьям и позволял женам добывать деньги для мужей, когда те находились в отъезде, продавать и покупать собственность⁸², вести земельные тяжбы. Княгиня Херхеулидзева, пока болел ее муж, вела в Сенате его дело о возврате имения, заложенного им тридцатью годами раньше⁸³. Кредиторы также понимали, что можно ожидать уплаты долга от дворянки со средствами, если ее муж не платит сам. В 1831 г. Анастасия Нарышкина получила письмо от купеческой дочери Прасковьи Волненковой. Она сообщала, что муж Нарышкиной не заплатил ее матери долг в 9 тыс. руб., в результате чего та разорилась⁸⁴. Впрочем, не похоже, чтобы Анастасия могла удовлетворить кредиторов мужа, если судить по ее письмам к управляющему. Из последних видно, что и она жила не по средствам: «Я много задолжала, и все требуют от меня уплаты», — писала она в отчаянии⁸⁵.

Финансовая, а также правовая самостоятельность позволяли русским дворянкам жить отдельно с мужьями и управлять семейными землями в разных губерниях. Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова презирала своего второго мужа, но с большим энтузиазмом руководила его имениями. Ее письма к управляющему имением показывают, что она, живя в Петербурге, следила за его деревнями в Романовском уезде и что крестьянам из этих мест случалось обращаться с просьбами к ней лично. «Сегодня явилась ко мне крестьянка из вотчин супруга моего... Псковской губернии... просила меня по слабости здоровья своего выдать ей вечной отпускной для определения во Псковскую богадельню; я видя ее неспособность к работам... и без родству... прошу вас доложить о сем обстоятельстве князю... и испросить... ея отпускную», — написала она в 1817 г. В другом письме княгиня просит управляющего найти место на одной из фабрик для своей дворовой женщины, которая обучена красить пряжу, «но... без занятия забыв оное значительное рукоделие». Юсупова также сообщала о продаже различной продук-

ции из их имений (так, в июне 1817 г. сумма продаж составила 2001 руб.) и о том, что собрано 7 тыс. руб. оброка⁸⁶. Очевидно, что супружеские разногласия не мешали князю прибегать к помощи жены ради того, чтобы дела в его обширных владениях шли гладко. Сын Юсуповой от первого брака тоже верил в деловые способности матери и, уезжая за границу, оставил свои поместья, расположенные в четырех губерниях, на ее попечение.

Письма управляющего А. Казначеева к Анне Раевской с 1838 по 1855 г. подтверждают, что супружеские пары не только владели, но иногда и управляли своим имуществом независимо друг от друга. Казначеев подробно пересказывал ход судебных процессов по поводу поместий Раевской, советовался с ней о продаже дома в Симферополе. Любопытно, что в одном из писем он просит Раевскую передать кое-какие известия супругу, «так как муж Ваш не читает моих писем»⁸⁷. Очевидно, Раевская управляла своим имением, почти не прибегая к помощи мужа, и подобная практика была не такой уж необычной, учитывая склонность дворянских супружеских пар подолгу жить раздельно. Обстоятельства не только не препятствовали женщинам принимать деловые решения и заключать сделки, но и заставляли помещицу самостоятельно заниматься собственными делами.

РУКОВОДСТВО РАБОТАМИ В ПОМЕСТЬЯХ

Независимо от того, как глубоко вникали сами хозяева в дела своих имений, и помещики, и помещицы в значительной мере опирались на управляющих. Это в первую очередь относилось к тем владельцам, чьи имения были разбросаны по разным губерниям. В отличие от традиций землевладения в Западной Европе, в России дворянские поместья редко располагались компактно, и бывало, что помещик никогда не навещался в некоторые из них. Многие из самых богатых дворян почти круглый год жили в Москве или в Петербурге или делили время между столицей и одним из своих имений. Таким образом, немалая часть занятий делами по имению заключалась не в личном надзоре и руководстве со стороны помещика, а в регулярной переписке со всевозможными приказчиками и встречах с управляющими, которые докладывали владельцам о положении хозяйственных дел.

Авторы мемуаров редко описывали в деталях повседневное руководство поместьями, но архивные материалы позволяют дополнить наши представления о том, что заботило землевладельцев и чем занимались их уполномоченные лица. Уже само изобилие корреспонденции в материалах по имениям свидетельствует о значении регулярных контактов между помещиком и управляющим: для помещика, разбирающегося в делах, не было неважных вопросов. И это относилось даже к богатейшим землевладельцам. В наставлениях царицы Прасковьи Федоровны ее управляющим в Козловском уезде отражены типичные хозяйские заботы. В одном письме за 1717 г. царица велит управляющему прислать к ней в Петербург вставших в немилость старосту и приказчика. В другом послании она пишет, чтобы он получил оброк с мельницы. Прасковья Федоровна вмешивалась и в земельные споры. Ее дочь, царевна Прасковья Ивановна, еще одна крупная землевладелица, требовала от управляющего отчетов в том, сколько дохода принесла продажа зерна в ее имениях, сколько собрано яиц, сколько прибавилось ягнят, гусят и цыплят. Иногда крестьяне обращались к царевне как к своей помещице напрямую: несколько крепостных просили освободить их от уплаты оброка за 1738 г., потому что их дома сгорели⁸⁸.

Надзор за продуктивностью и доходностью имений был лишь одной из задач, стоявших перед добросовестными помещиками. Капитан Кологривов, подавая в суд на сестру, утверждавшую, будто она купила деревню у их матери перед смертью последней в 1812 г., перечислил некоторые обязанности, связанные с землевладением: «Родительница моя самовластно управляла селцом Поликарповым, в котором по большей части пребывание свое имела; от одного ее имени происходил платеж за крестьян государственных повинностей, исполнение рекрутской обязанности, сбор установленного оброка, и тому подобнаго; выдавала по своей воле в замужество женок и девок в другия свои деревни...»⁸⁹ Как мы увидим, немало сил тратили помещики и помещицы и на судебные тяжбы с соседями и родственниками, особенно по болезненному вопросу о границах между владениями. Разумные помещики старались избежать бесконечных тяжб, заказывая землемерную съемку своих земель. В начале XIX в. княгиня Репнина в письме к матери объясняла необходимость как можно скорее провести межевание в деревне, находившейся в их совместном владении. Репнина просила также, чтобы к их взаимной пользе и к выгоде крестьян мать разрешила ей

реорганизовать управление их землями и передать всю деревню в ведение одного управляющего⁹⁰.

В распоряжениях и письмах дворянок XVIII—XIX вв. отражены вечные хозяйские проблемы и заботы, не зависящие от размеров имений. В письмах помещиц часто звучит раздражение тем, что управляющие не выполняют приказов или, по своему обыкновению, утаивают истинное положение дел в хозяйстве. «Весьма удивляема твоему управлению, что ни о чем не пишешь, что есть ли у тебя в сборе оброчных денег или нет, и зачем не собраны. Знатно, что ты пьянствуешь, а дела ничего не управляешь», — резко отчитывала Анна Шереметева своего управляющего в 1719 г.⁹¹ На гнев Шереметевой спустя столетие эхом откликается письмо Елизаветы Полянской, посланное в контору ее имения: «Выслушав ваши жалобы на бурмистра Агафона Данилова и узнав, что он пьет, нашла справедливым отставить его, а на место его посылаю... крестьянина Владимира, он человек честный и трезвый»⁹². В 1813 г. управляющий А. Попов с возмущением отвечал на упреки своей барыни: «Хорошо ли я управлял, худо ли я управлял, но управлял как разумел, и как собственностию моею». Далее он упомянул в качестве оправдания внушительные доходы с поместья за те годы, что он там хозяйствовал⁹³.

Помимо писем владельцы составляли пространные инструкции управляющим о том, как им следует распоряжаться делами в отсутствие хозяев. Существуют подробные исследования таких помещичьих наказов XVIII в.⁹⁴ Однако авторы этих исследований не обратили внимания на то, что дворянки тоже составляли указы и не меньше мужчин-землевладельцев заботились о порядке в делах имений. Документы показывают, что многие владелицы живо интересовались повседневной хозяйственной деятельностью в поместьях. В 1781 г. Наталья Мордвинова послала старосте своего белорусского имения инструкцию, где по всем хозяйственным делам отдала распоряжения — от указаний, когда сеять рожь и покупать скот, до напоминания помочь деревенским беднякам. Мордвинова не просто подписала этот документ, а явно сама его составляла: половина текста написана ее рукой⁹⁵.

Заинтересованность Софьи Владимировны Строгановой в благополучии и плодотворном труде крепостных простиралась до того, что она учредила в имении школу и написала для нее учебник, дабы наставлять их в правилах «о нравственности и сельском хозяйстве»⁹⁶. Школа Строгановой привлекла внимание графа Николая

Семеновича Мордвинова, видного члена Вольного экономического общества и сына Наталии Мордвиновой: он приводил эту школу в пример другим помещикам и предложил Строгановой финансовую помощь от имени Общества⁹⁷. Кроме того, Строганова выразила заботу об устройстве своих деревень в трактате под названием: «Постановление о сельском управлении, учреждаемом в поместьях Графини Строгановой, составленное самою помещицею в 1820 году...» В этой инструкции устанавливался порядок обсуждения вопросов на сходах деревенской общины, правила приема в общину. Там же рассматривались обязанности сельского старосты и срок его полномочий⁹⁸. Старания Софьи Строгановой привести в совершенство свои поместья и повысить производительность крестьянского труда показывают, что разумное управление землями интересовало не только мужчин. Она была к тому же одной из дам, вступивших в Вольное экономическое общество, после того как граф Мордвинов стал его председателем в 1823 г.⁹⁹

ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ

Дворянки пользовались авторитетом как помещицы и распорядительницы своих земель и в семье, и среди зависимых от них крестьян, и за пределами своих владений — в губернском обществе. Вопрос о том, в какой мере имение можно считать социальным организмом, является дискуссионным. Так, один исследователь отмечает: «Имение являлось не только и, возможно, даже не в первую очередь, производителем дохода; оно было также социальным организмом, и его владелец пользовался властью, авторитетом и достоинством правителя маленького замкнутого мира»¹⁰⁰. П. Колчин, напротив, считает, что помещики, подолгу не бывая у себя в имениях, отвыкали от отеческого попечения о своих крепостных, и это мешало «установлению теплых личных отношений между хозяином и крестьянином»¹⁰¹. Вообще, постоянное отсутствие было роскошью, которую могли себе позволить только самые богатые дворяне. Большинство помещиков ежегодно объезжали свои земли, покрывая большие расстояния, чтобы осмотреть имения, а другие проводили в деревне часть года¹⁰². Но жила ли помещица у себя в деревне или была в отъезде, ее обязанности далеко не ограничивались только надзором за производительностью имения, а требо-

вали и заботы о благополучии многочисленных зависимых от нее людей.

Дворянские мемуары передают живую картину имения как социального организма, идеализируя отношения между помещицами и их крестьянами. Они также показывают, что историки, рассуждая об отсутствующих владельцах, едва ли задумывались над ролью их жен, которые часто оставались в деревне во время отлучки мужей. Софья Менгден писала, что ее бабушка круглый год жила в своем костромском поместье, где следила за тем, как ткут холсты, лечила больных крестьян и «входила в их нужды»¹⁰³. П.П. Семенов-Тянь-Шанский хвалил свою мать за помощь крестьянам во время голода 1837 г. и вспоминал, что она регулярно ездила из их рязанского имения смотреть за работами в другой деревне в Тамбовской губернии¹⁰⁴. Екатерина Хвостова рассказывала, как ее мать часто проезжала по их деревне, беседовала с крестьянами, привозила им лекарства, сахар, чай¹⁰⁵.

Власть помещицы в имении была почти неограниченной, и искушение злоупотреблять ею оказывалось непреодолимым для некоторых барынь. Авторы мемуаров обстоятельно повествуют о благих делах своих матерей, однако историки XIX в. видели помещиц не столь добродушными; и если мемуаристы преувеличивали их достоинства, то историки впадали в другую крайность, изображая помещиц свирепыми тираншами. Е. Щепкина объясняла жестокость барынь их «постоянной зависимостью то от родных, то от мужа» и считала, что дворянки чувствовали «силу и власть» только над собственными крепостными¹⁰⁶. В.О. Михневич отмечал, что помещицы в жестокости к крестьянам соперничали с мужчинами, а иногда и превосходили их¹⁰⁷. Историк Ильинский тоже красноречиво рассуждал о злонравных вдовах, чья тирания не сдерживалась смягчающим влиянием просвещения. Свои соображения он подкрепил ярким количественным аргументом, отметив, что женщины чаще, чем мужчины, норовили продавать крестьянских детей, отрывая их от родителей¹⁰⁸.

Личные архивы дворянок позволяют взглянуть на отношения помещиц с крепостными еще с одной точки зрения, дающей некую среднюю позицию между материнской заботой и свирепым угнетением. Эти документы убеждают в том, что многие помещицы — и мужчины, и женщины — были хорошо знакомы с делами у себя в имениях и осознавали свои обязанности перед зависимыми от них людьми. В письме к Елизавете Шишкиной в 1796 г. Екатерина

Тяшкова осведомляется о состоянии больной бабы, признаваясь, сколь сильно она зависит от крестьян: «Я очень об оном сожалею, потому что ежели она умрет, то и останное мое имение пропадет»¹⁰⁹. Помещики, не жившие в деревне, тем не менее знали по имени многих мужиков и были в курсе дел каждого из них. Когда Антонина Блудова просила управляющего проверить, обоснованна ли просьба ее крестьян об уменьшении оброка, она велела ему учесть, что Семен Михайлов недавно лишился всего своего скота¹¹⁰. Екатерина Ермолова в 1856 г. в письме управляющему требовала объяснить ей, почему крестьянину Степану Никифорову не разрешено пользоваться землей, которую купил его отец; кроме того, она просила его совета в связи с просьбой Авдотьи Кондратьевой разрешить ее сыновьям поселиться своими домами. «Хорошо ли будет им позволить или нет? — спрашивала Ермолова. — Вы лучше знаете, как они живут»¹¹¹. Другая дворянка вспоминала, как она мирила рассорившиеся крестьянские семьи¹¹². Бедность работников тоже постоянно возникала как тема переписки дворянок. В 1734 г. в письме к брату Антиоху княжна Мария Кантемир с сочувствием рассказывала о своих крестьянах, три года страдавших от неурожая, и признавалась, что их плачевное положение заставило ее наделать долгов, далеко превышающих ее возможности¹¹³. Екатерина Томилова, которой управляющий пожаловался на крестьян, не способных заплатить оброк, ответила, что не желает разорять своих мужиков и что он должен различать тех, у кого нет средств, чтобы платить, и тех, кто просто не хочет¹¹⁴.

Поддерживать порядок в имении бывало трудно даже мужчинам-помещикам. Но помещицы справлялись с трудностями, прибегая к помощи законных властей или, при необходимости, проявляя твердость характера. Вдова Чихачева в 1805 г. обратилась в Сенат с просьбой принять меры против купца, открывшего кабак в одной из ее деревень без согласия хозяйки. Чихачева вполне резонно опасалась, что крестьяне примутся пьянствовать и кутить: с тех пор как появился этот кабак, в деревне случилось два пожара, «превратившие в пепел 36 домов крестьянских с их имуществом...»¹¹⁵. Когда крестьяне, принадлежавшие матери Елены Хвошинской, Екатерине Голицыной, отказались выйти на жатву, та храбро призвала их к порядку и, в то время как управляющий, дрожа от страха, стоял поодаль, заставила мужиков выдать зачинщиков, а остальных отослала работать¹¹⁶.

Если крестьяне поднимали открытый бунт против своей помещицы, то делали это не потому, что барыня была женщиной, а потому, что она дурно с ними обращалась. В общем и целом для крестьян, судя по челобитным, пол помещика не был значимым фактором. Единственное исключение из этого правила касалось понимания дворянских законов наследования, которые крестьяне воспринимали сквозь призму своих обычаев. Так, после смерти одного смоленского дворянина крестьяне его имения не захотели подчиняться его вдове, заявив, что раз хозяин не оставил потомства, то им непонятно, с какой стати барыня предъявляет на них права¹¹⁷. Крестьяне в имении дочери Е. Р. Дашковой, госпожи Щербининой, утверждали, что она не имеет права унаследовать их от матери и брата, и хотели, чтобы их вернули родичам княгини Дашковой — Воронцовым¹¹⁸. Но в этом смысле крестьяне никоим образом не дискриминировали помещиц: права помещиков-мужчин тоже подвергались пристальному рассмотрению¹¹⁹. К тому же крепостные очень редко пользовались этим приемом, чтобы оправдать свое неподчинение новому хозяину; большинство ограничивалось жалобами на жестоких приказчиков и на непосильную барщину¹²⁰.

Владение земельной собственностью не только позволяло женщинам властвовать у себя в поместьях, но и влекло за собой конфликты, а также привилегии и обязанности, связанные с принадлежностью к широкому кругу губернского общества. По замечанию У. Огастина, для русского дворянства землевладение «составляло самую суть существования; являясь владельцем имения, дворянин оказывался вовлеченным в определенные отношения с центральными и местными властями; кроме того, это связывало его с крестьянским обществом, составлявшим широкий фундамент социального устройства России. Из-за недостаточной разработанности законов... помещик оказывался в тесном и не всегда приятном соприкосновении с соседями, а сыновей или родственников притягивали к нему надежды на наследство. Так социальные отношения сосредоточивались вокруг землевладения»¹²¹. Этот автор рассматривает землевладение как чисто мужской феномен, но дворянки в роли помещиц тоже оказывались в центре социальной системы, охватывавшей местные власти, соседних помещиков, крестьян. Помещицы сталкивались с теми же проблемами, которые досаждали их собратьям-мужчинам, и пользовались такими же возможностями оказывать влияние на уездные власти.

Стычки с соседями и конфликты с местными властями нередко происходили из-за вечных разногласий по поводу границ владений или природных ресурсов. Защищая свои земли до последней десятины, дворянки ввязывались в бесконечные тяжбы с другими помещиками или с государственными крестьянами. В перечне, составленном в 1807 г. для графини Екатерины Барятинской, значилось 78 текущих тяжб между нею и соседями по поводу беглых крестьян, захватов земли и другого имущества¹²². Крестьяне также осмеливались спорить с помещиками из-за прав на землю. Так, после межевания, проведенного в 1795 г., помещице Шешковской пришлось судиться с государственными крестьянами деревни Рождествена, оспаривавшими границы ее имения¹²³. Конфликты вспыхивали и тогда, когда русские дворяне, подобно деду писателя Аксакова, переселялись на восток и покупали земли, уже заселенные инородцами. Башкиры в Оренбургской губернии подали жалобу на вдову титулярного советника Турчанинова: не довольствуясь той землей, которую в 1776 г. ее муж купил у них за копейки, в 1792 г. она захватила дополнительные угодья, значительно превышавшие купленные ранее¹²⁴. Самой большой помехой для установления справедливости в таких спорах служил не пол участников, а неэффективность, присущая правовой системе при крепостном праве.

Когда решения этой несовершенной судебной системы не устраивали дворянок, они были способны насильственными средствами вернуть себе землю и крестьян. Бывало и так, что сами помещицы становились жертвами нападений, как случилось с одной смоленской барыней, изгнанной соседом из поместья в 1742 г.¹²⁵ Впрочем, имея собственных крепостных, воинственные дамы могли созвать своих мужиков и ответить обидчику тем же. Так, ссора между гренадером лейб-компания Фрязиным и помещицей Побединской кончилась убийством Фрязина и еще одного соседа: те вторглись на поле Побединской и принялись избивать работавших там крестьян, а мужики позвали на помощь помещицу, которая тут же собрала своих людей и выступила на отражение соседского набега. Когда она приблизилась, ее обстреляли из ружей. Побединская уверяла потом, что ее ударили по руке, и она вернулась домой, но ее крестьяне показали, что она гнала их на врага с криками: «Бейте, бейте до смерти! Я в ответе»¹²⁶. В 1780 г., во время тяжбы между Ириной Ушаковой и Настасьей Анненковой, последняя собрала в своих деревнях войско в три сотни мужиков и предала опустошению спорное поместье¹²⁷. Прапорщик Иван Воейков расска-

зывал похожую историю о том, как его мачеха нагрянула с мужиками к нему в усадьбу якобы для того, чтобы потребовать свою долю имущества его отца. Перебив несколько крестьян Воейкова, она отняла у своего пасынка немало всякого добра, а также документы, доказывающие его права на имение, и удалилась. Воейков в своем прошении жаловался, что не мог даже забрать тела убитых крестьян, потому что люди мачехи перекрыли все дороги вокруг его деревни и наводили страх на прохожих¹²⁸.

Жалоба Воейкова показывает также, что помещицы могли влиять на местные власти, чтобы добиться справедливости или воспрепятствовать ей. Он писал, что власти во Владимире не хотят отвечать на его прошение, потому что его мачеху защищает городничий Шишков. И Воейков был не единственным жалобщиком, который обвинял власти в сговоре с помещицей. В прошении Татьяны Баженовой рассказывалось, как мачеха ее мужа произвела раздел имения его покойного отца с помощью чиновника Вотчинной коллегии: «Зная то что... мужа моего в доме не имеетца» чиновник заверил отдельную запись «ночною порою... в доме ее Пелагеи» (т.е. у мачехи Баженова)¹²⁹.

Рассказы мемуаристов подкрепляют отрывочные свидетельства прошений и наводят на мысль о том, что помещицы, судя по всему, пользовались влиянием в губернском обществе. Племянница Ольги Михайловны Салтыковой вспоминала, что ее тетушка «держала в повиновении и мужа, и детей, и даже весь наш уезд. К ней прибегали за советом и помощью в делах общественных и семейных»¹³⁰. Ф.Ф. Вигель повествует о том, как страдала княгиня Варвара Голицына от нерасположения к ней московского и петербургского общества. Зато у себя в саратовском имении она командовала всеми соседними помещиками, а те перед ней заискивали¹³¹.

Очевидно, что женщины осуществляли свое влияние в основном неформальными путями. Как землевладелицы они имели равное с мужчинами право голоса на уездных выборах, хотя, в противоположность мужчинам, не могли лично присутствовать на дворянских собраниях и посылали вместо себя представителей¹³². Этот принцип был установлен во время выборов в Уложенную комиссию в 1767 г. и оставался в силе до конца императорского периода¹³³. И все же, учитывая, что до 1861 г. местное управление было недостаточно эффективным, можно предположить, что если дам и не допускали в дворянские собрания, то это все равно не мешало им оказывать давление на местные власти. В России владение землей

не являлось источником политических прав, в отличие от Западной Европы¹³⁴, но тем не менее богатство и обладание имуществом служили решающими факторами в борьбе за авторитет в провинциальном обществе. Положение помещиц позволяло дворянкам, как и помещикам-мужчинам, влиять на соседей и на местные власти.

ДОМАШНИЙ ОЧАГ И ПЕРЕМЕНЫ В ГЕНДЕРНЫХ ТРАДИЦИЯХ

При взгляде на архивные и мемуарные источники больше всего удивляет многообразие ролей, доступных женщинам, владевшим землей. Надо сказать, что ни Арина Власьева, ни Анна Одинцова из «Отцов и детей» не были типичными помещицами для императорской России. Девушек специально не приучали с юных лет распоряжаться по хозяйству в имениях, но в повседневной жизни они видели, какую важную роль берут на себя женщины, управляющие семейным имуществом. В мемуарах XIX в. и мысли нет о том, что дворянки, которые хозяйничают в имениях и заботятся о своих финансовых интересах, нарушают нормы женского поведения, как и о том, что мужчин в их семьях унижает открытое проявление женских деловых качеств. И помещиков, и помещиц одинаково хвалят за заботу о благосостоянии семьи, за сохранение вотчинных земель, за солидное наследство, переданное детям. И соответственно тех женщин, которые совсем не занимались своими имениями или плохо ими управляли, не извняла принадлежность к слабому полу.

Однако остается вопрос, менялись ли со временем цели, определявшие женское поведение, а если нет, то почему. Изучая жизнь женщин, европейские историки в основном уделяли внимание парадигме обособленных сфер мужского и женского влияния, а также пересмотру принятой парадигмы. Ученые подвергли разгромной критике понятие о публичном и приватном как инструменте анализа и, щедро ссылаясь на документы, доказали, что поведение европейских женщин не отвечало концепции «возврата к домашнему очагу»¹³⁵. Но несовершенство, во многих отношениях, теории обособленных сфер в качестве инструмента понимания женского опыта не помешало ей в свое время вызвать появление целого слоя дидактической литературы, которую жадно поглощали образованные россияне¹³⁶. Идеология обособленных сфер, попросту говоря, гласила, что участие женщины в жизни общества должно быть огра-

ниченным, а отведенная ей сфера влияния — это дом. Просветители и авторы пособий, содержащих советы по домоводству, превратили домашнюю сферу в объект почитания и в центре ее решительно поставили женщину. Ассоциация между женщинами и домашним бытом едва ли была новшеством для Европы конца XVIII в., но эта теория гендерного соотношения возвела труд материнства и его важность на новую высоту¹³⁷, перечеркнув все иные источники женской идентичности.

Влияние идеологии обособленных сфер на гендерные традиции в России проявлялось, в частности, в обостренном внимании к тому, чтобы авторитет женщин не выходил за определенные рамки. Один ученый указывает на изменение такого рода на самом вершине социальной пирамиды — в общественной роли русской императрицы. Исключив посредством нового закона о престолонаследии 1797 г. возможность очередного женского царствования в России, Павел I установил новый регламент жизни для своей супруги, при котором «ее главной сферой должен был стать дом, а не двор и не государство»¹³⁸. Более того, если в XVIII в. на престол одна за другой вступали женщины, и это не представляло «особой проблемы» для русских людей¹³⁹, то в XIX в. они уже были склонны оценивать своих властителей в чисто гендерных терминах. Оглядываясь на царствование Екатерины II, фрейлина А.Ф. Тютчева отметила: «Екатерина II была не столько умной женщиной, сколько гениальным мужчиной; она была призвана к тому, чтобы влиять на людей, направлять их, управлять ими». Тютчева далее признается: «Императрица [Александра Федоровна], которая считается такой доброй, цесаревна, великие княгини вызывают во мне в тысячу раз более робости, чем император и великие князья. По отношению к женщинам я чувствую разницу положения, по отношению к мужчинам — только разницу пола»¹⁴⁰.

В рамках маленькой семейной вселенной перемены шли медленнее. С конца XVIII в. русские писатели и просветители вслед за своими европейскими собратьями внушали дворянкам, что следует меньше времени тратить на увеселения при дворе и в обществе и больше посвящать себя заботе о детях. Статья, появившаяся в журнале «Патриот» в 1804 г., гласила: «Нет и не будет надежды к счастью нравов, пока женщины не возвратятся к домашней жизни»¹⁴¹. Однако, если верить мемуарной литературе, призывы к знатым дамам сосредоточиться на материнстве пропадали втуне. Действительно, и мужчины, и женщины, писавшие воспоминания

после отмены крепостного права, говорят о равнодушии дворянок к воспитанию детей как о типичном явлении прежних времен. Многие из этих авторов сообщают, что управление делами поместья занимало их матерей с утра до вечера¹⁴². «Мы долго не знали, кто наша настоящая мать, — писала Надежда Соханская. — Маменька — в беспрестанных разъездах по делам, а тетеньки, кажется, спорили одна перед другою, кому лучше заменить ее»¹⁴³. Бабушка А. Купреяновой не принимала никакого участия в воспитании своих детей, семеро из которых умерли. Купреянова писала, что, когда дети умирали, бабушка сохраняла невозмутимость и «спокойно возвращалась к своему долгу. А долг ее был — угождать мужу и поддерживать достоинство дворянской семьи»¹⁴⁴. Екатерина Хвостова рассказывала, что мать очень любила ее, а между тем она на два года покинула трехмесячную дочку, чтобы следовать за мужем, пока тот служил в армии¹⁴⁵.

Эти рассказы свидетельствуют о неравномерном распространении идеологии возврата женщины к домашнему очагу среди высшего сословия дореформенной России. В жизни некоторых дворянских семей уже в начале XIX в. были очевидны изменения и растущая важность эмоциональных связей. Для таких дворянок, как Варвара Томилова, в материнские обязанности уже входил и собственноручный уход за детьми. В письме к мужу Алексею в 1812 г. Томилова рассказывает, как сама ежедневно купает дочку, и поясняет, что нянька маленькой Кати весьма неаккуратна в соблюдении правил гигиены, а эти ежедневные купания укрепляют взаимную привязанность матери и ребенка¹⁴⁶. Через четыре года Томилова вела ежедневный дневник, в котором очень подробно описывала успехи дочери в русском и французском языках, а также нередко находившие на девочку приступы гнева¹⁴⁷. Варвара Томилова лично наблюдала за обучением Кати и еще одной девочки — жившей у них родственницы, но умела находить время и на дела по имению¹⁴⁸.

Хотя не следует преувеличивать разрыв преемственности после 1861 г., мемуары демонстрируют явный сдвиг в гендерных традициях и моделях семейной жизни после отмены крепостного права. В последние десятилетия эпохи крепостного права элементы концепции обособленных сфер мужского и женского существования уже входили в более широкое представление о гендерном устройстве общества¹⁴⁹. Однако авторы мемуаров показывают, что их современники в XVIII—XIX вв. нисколько не считали недостойным

для дворянки переложить ответственность за воспитание детей на слуг или незамужних тетушек. Вместе с тем мемуары, написанные в основном после 1861 г., уже подразумевают новые требования, предъявляемые к поведению матери. Отмена крепостного права уничтожила бесплатный труд, на котором традиционно держались дворянские дома. В результате в 1860-е годы потоком хлынули руководства по воспитанию детей и пособия по домоводству, свидетельствуя о возросшей озабоченности проблемами домашнего хозяйства и материнства¹⁵⁰.

Дидактическая литература прямо не запрещала женщинам браться за управление поместьями. Тем не менее в конце столетия несоответствие между европейскими требованиями к поведению и морали женщин и традиционным русским соотношением гендерных ролей стало выражаться в более критическом взгляде на помещиц. Если Вигель еще призывал женщин заботиться о процветании поместий, то позднее к помещицам, разбиравшимся в хозяйстве, стали относиться уже не столь однозначно. Описывая усадьбную жизнь накануне отмены крепостного права, Д. Свербеев приводит историю соседнего помещика, чья жена спасла имение мужа от разорения, и при этом замечает, что иметь такой талант к делам явно не подобает женщине («она, способная на всякое дело не поженски... взялась за устройство имений мужа»)¹⁵¹. Когда в 1874 г. арестовали Софью Субботину за то, что она у себя в имении открыла школу для крестьян и рабочих, один конторщик свидетельствовал против нее, обвиняя в образе жизни, неприличном богатой помещице: «Вставала рано, говорила с рабочими, вела сама хозяйство»¹⁵². Многие писатели изображали умелых женщин-управительниц алчными и бессердечными (вспомним гоголевский рассказ «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»). В других произведениях, например у Чехова и Островского, женская неспособность толково распоряжаться собственностью предстает как один из симптомов упадка русского дворянства. В «Лесе» Островского один персонаж заявляет: «Но действительно у нас много дворянских имений вконец разорено бабами. Если мужчина мотает, все-таки в его мотовстве какой-нибудь смысл есть; а бабьей глупости меры не положено»¹⁵³. Не следует преувеличивать значение таких примеров, но все же они иллюстрируют некоторые перемены в отношении к экономическому авторитету женщин со стороны русских людей — по крайней мере, в письменных свидетельствах.

Однако на практике традиционная связь между ведением домашнего хозяйства и делами по имению означала, что дворянки не переставали активно заниматься своими поместьями. Важно отметить, что возросшее внимание дворянок к воспитанию детей в пореформенное время не мешало им управлять крупными поместьями. Описывая свое детство на Украине накануне революции, Владимир Коростовец уделил внимание трудам своей матери, взявшей за модернизацию имения и введившей там «индустриальные методы», вопреки возражениям бабушки, которой принадлежало имение¹⁵⁴. Князь Тенишев, вручив свое имущество жене Марии, вместо того чтобы самому им заниматься, попросил ее ближайшую подругу, княгиню Святополк-Четвертинскую, помочь жене привести имение в порядок¹⁵⁵. Хотя число имений, принадлежавших дворянам, резко сократилось после отмены крепостного права, заметная роль дворянок в управлении имениями сохранялась на протяжении всего XIX в.

* * *

И до и после отмены крепостного права у русских дворянок было мало возможностей проявить себя в каких-нибудь иных областях, кроме двойной роли жены и матери. В течение XIX в. незаметно произошло переосмысление не столько самих этих ролей, сколько их внутренней сущности. С точки зрения русской дворянки дореформенной эпохи, хорошая мать должна была прежде всего беспокоиться о финансовых интересах своих детей, даже если она пренебрегала прямой физической заботой о них. Княгиня Дашкова выразила именно такой подход к материнству, описывая свои старания обеспечить наследство для детей: «Подобно тому как мне приходилось быть гувернанткой и сиделкой моих детей, я хотела стать хорошей управительницей их имений, а потому никакие лишения не были в тягость»¹⁵⁶. Материнское попечение о делах детей толкало женщин и на более героические шаги. В донесении о крестьянском бунте в 1857 г. военный губернатор Колюбакин с восхищением писал об одной местной помещице: «Вдохновленная чувствами и обязанностями матери-правительницы, хранящей наследие детей своих», она села на коня и выехала сразиться с взбунтовавшимися крестьянами¹⁵⁷. Как хорошие жены дворянки не только руководили домашними работами, но и надзирали за управлением и финансовым благополучием поместья в целом. Если некоторых дам, вроде графини Румянцевой, тяготили эти обязанно-

сти, то другим нравилось хозяйничать в поместьях или хотя бы чувствовать власть над другими членами семьи. И снова княгине Дашковой принадлежит самое красноречивое свидетельство того, что многим русским дворянкам успехи в управлении поместьями приносили удовлетворение и самоуважение. Ее мемуары полны рассказов о том, как она трудилась, чтобы привести в порядок дела по имению, и дышат гордостью за то, что ее крестьяне живут в достатке¹⁵⁸.

Активность русских дворянок в управлении поместьями, как и благоприятные отзывы о деловых способностях женщин, обнаруживает устойчивость русских гендерных традиций перед влиянием европейских представлений о том, что подобает женщине, а что нет. Разница между соотношением гендерных ролей в России и в Европе отражала контраст между дворянской традицией и новой культурой среднего класса. Европейские дворянки времен Старого режима пользовались гораздо большими свободами в публичной сфере, чем их преемницы из среднего класса: они выступали как законодательницы придворных обычаев и брали на себя ответственность за руководство земельными владениями, если того требовала необходимость. И эта практика продолжалась и в XIX в.¹⁵⁹ Но даже при Старом режиме имущественное право на Западе препятствовало замужним женщинам всех социальных состояний заключать сделки от своего имени. При всей своей несовместимости с реальными обстоятельствами жизни европейских женщин, идеология возврата к домашнему очагу подкреплялась здесь правовой системой, которая ограничивала правосубъектность замужних женщин и из-за которой их вклад в экономическую и деловую жизнь семьи оставался скрытым от глаз.

Русским дворянкам, как и европейским, внушалась скромность, целомудрие, покорность мужьям¹⁶⁰, а мужчинам полагалось смотреть на своих жен как на хрупкие существа, нуждающиеся в их заботе¹⁶¹. Но этот идеал слабой и зависимой супруги очень сильно расходился с законодательной системой, возлагавшей на замужних женщин ответственность за их дела. Более того, он противоречил повседневному опыту дворянок, которые руководили своими поместьями и умело решали правовые и имущественные вопросы при минимальной помощи со стороны родственников-мужчин.

Многие историки усматривали в отмене крепостного права водораздел в истории дворянской семьи. Один ученый отмечал, что, когда после 1861 г. у русских дворянок осталось мало слуг и сокра-

тились доходы, они начали «заниматься воспитанием своих детей, нередко впервые ухаживая за младенцами самостоятельно»¹⁶². Как бы то ни было, правовой статус дворянок ослаблял влияние идеологии обособленных сфер в России: в вопросах собственности западноевропейские идеалы женственности не вытеснили традиционные гендерные соотношения в императорской России, а сосуществовали с ними. Хотя русские авторы первой половины XIX в. пользовались риторикой сентиментализма и призывали женщин ограничить свое влияние домашним кругом, их поклонение европейским образцам не приводило к освобождению женщин от ответственности за финансовые дела — свои собственные и их детей. Со своей стороны, русские дворянки выработали свою версию идеологии возврата к домашнему очагу лишь после того, как изменились материальные условия их жизни с отменой крепостного права.

¹ *Тургенев И.С.* Отцы и дети // Сочинения. М., 1981. Т. 7. С. 65, 83, 114.

² *Davidoff L., Hall C.* Family Fortunes: Men and Women of the English Middle Class, 1780—1850. Chicago, 1987. См. также: *Landes J.B.* Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution. Ithaca, 1988; *Smith B.G.* Ladies of the Leisure Class: The Bourgeoises of Northern France in the Nineteenth Century. Princeton, 1981.

³ *Darrow M.H.* French Noblewomen and the New Domesticity, 1750—1850 // *Feminist Studies*. 1979. Vol. 5. № 1. P. 41—65; *Lewis J.S.* In the Family Way: Childbearing in the British Aristocracy, 1760—1860. New Brunswick, 1986. P. 57—84.

⁴ *Wortman R.* The Russian Empress as a Mother // *The Family in Imperial Russia* / Ed. D.L. Ransel. Urbana, 1978. P. 60—74.

⁵ *Щенкина Е.* Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 62—71.

⁶ Там же. С. 133.

⁷ О влиянии «Манифеста о вольности дворянства» на провинциальную жизнь см.: *Leonard C.S.* Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia. Bloomington, Indiana, 1993. P. 65—71. И.В. Фаизова на основании послужных списков из Герольдмейстерской конторы заключает, что после 1762 г. не произошло резкого усиления доли дворян, выходявших в отставку. См.: *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 107—111.

⁸ Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 316; *Bradford M.W.* The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot, 1803—1808 / Ed. by the Marchioness of Londonderry and H.M. Hyde. L., 1935. P. 235.

⁹ Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 336; *Bradford M.W.* The Russian Journals. P. 268.

¹⁰ Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 337; *Bradford M.W.* The Russian Journals. P. 271—272.

¹¹ *Masson C.* Mémoires secrets sur la Russie. Amsterdam, 1800. Vol. 2. P. 104—108. Анализ изображения русских женщин у сестер Вильмот и у Ш. Массона см.: *Vowles J.* Marriage à la russe // Sexuality and the Body in Russian Culture / Ed. J.T. Costlow, S. Sandler and J. Vowles. Stanford, 1993. P. 53—72.

¹² *Tovrov J.* The Russian Noble Family: Structure and Change. N.Y., 1987. P. 118; *Roosevelt P.R.* Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History. New Haven, 1995. P. 179. М. Кэвендер полагает, что владеть землей и извлекать из нее доходы считалось мужским делом. См.: *Cavender M.W.* Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Tver', 1820—1869. Ph. D. dissertation, University of Michigan, 1997. P. 132—133, 259—260.

¹³ Существует обширная литература, посвященная обязанностям европейских дворянок в домашнем хозяйстве и в поместье. Большинство этих работ посвящено вдовам. См., напр.: *Harris F.* Rich and Poor Widows: Eighteenth-Century Women in the Althorp Papers // British Library Occasional Papers 12. 1990. P. 124—128; *Kalas R.J.* The Noble Widow's Place in the Patriarchal Household: The Life and Career of Jeanne de Gontault // Sixteenth-Century Journal. 1993. Vol. 24. № 3. P. 519—539; Upon My Husband's Death: Widows in the Literature and Histories of Medieval Europe / Ed. L. Mirrer. Ann Arbor, 1992; *Mitchell L.E.* Widowhood in Medieval England: Baronial Dowagers in the Thirteenth-Century Welsh Marshes. Ph. D. diss. Indiana University, 1991.

¹⁴ *Николева М.С.* Черты старинного дворянского быта. Воспоминания // Русский архив. 1893. Кн. 3. № 9. С. 115. Другие примеры женщин, занятых исключительно ведением дома, см.: *Лелонг А.К.* Воспоминания // Русский архив. 1913. Кн. 2. № 6. С. 779—780; *Новоселова Е.М.* Воспоминания 50-х годов. Памяти отца // Русская старина. 1911. Т. 148. № 10. С. 102, 104.

¹⁵ *Николева М.С.* Черты старинного дворянского быта. // Русский архив. 1893. Кн. 3. № 9. С. 115—116.

¹⁶ *Давыдов Н.В.* Из помещичьей жизни 40—50-х гг. // Голос минувшего. 1916. № 2: Февраль. С. 196.

¹⁷ См. выше примеч. 7.

¹⁸ М. Раев признает, что «энергичные жены» иногда брали на себя управление имениями в отсутствие мужей, но не характеризует это явление как типичное. См.: *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia N.Y., 1966. P. 90. Позднее В. Кивельсон обратила внимание на роль женщин в поддержании стабильности губернского общества: *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996. P. 97—99.

¹⁹ См. письма князя Николая Осиповича Щербатова к жене в 1757 г., описывающие тяготы воинской службы и содержащие указания по поводу продажи земли и других дел по имению: РГАДА. Ф. 1395 (Янковы). Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 1—7.

²⁰ Старина и новизна. М., 1905. Т. 10. С. 301—312.

- ²¹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 1956. Л. 93—94.
- ²² Письма графини Е.М. Румянцевой к ее мужу, фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому (1762—1779). СПб., 1888. С. 7.
- ²³ Там же. С. 11.
- ²⁴ Там же. С. 9.
- ²⁵ Там же. С. 83—84.
- ²⁶ Там же. С. 103.
- ²⁷ Там же. С. 107.
- ²⁸ Там же. С. 103.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 1262 (Гагарины). Оп. 1. Ед. хр. 914. Л. 1.
- ³⁰ Лелонг А.К. Воспоминания // Русский архив. 1913. Кн. 2. № 6. С. 779.
- ³¹ РГИА. Ф. 1330. Оп. 1. Ед. хр. 1635. Л. 2—22.
- ³² Прибавления к номеру 9-му Московских ведомостей. 21 января 1854 г. С. 63.
- ³³ Аксаков С.Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. М.: Новатор, 1996. С. 31—56.
- ³⁴ РГИА. Ф. 1086. Оп. 1. Ед. хр. 881.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 1432. Л. 1, 6; Ед. хр. 1436 (1872—1876).
- ³⁶ РО РНБ. Ф. 116 (Бутурлины). Оп. 1. Ед. хр. 289. Л. 3—4, 17—20. Филепенко регулярно писал и Елизавете Михайловне (Там же. Ед. хр. 288—293, 1850—1855 гг.), и Дмитрию Петровичу (Там же. Ед. хр. 271—286).
- ³⁷ *Davidoff L., Hall C. Family Fortunes. P. 277.*
- ³⁸ Во время Гражданской войны в Соединенных Штатах женщины-южанки брались надзирать за рабами весьма неохотно. См.: *Faust D.G. Mothers of Invention: Women of the Slaveholding South in the American Civil War. N.Y., 1997. P. 53—79.*
- ³⁹ *Fox-Genovese E. Within the Plantation Household: Black and White Women of the Old South. Chapel Hill, 1988. P. 117.*
- ⁴⁰ *Бутковская А.Я. Рассказы бабушки // Исторический вестник. 1884. Т. 18. № 12. С. 618—621.*
- ⁴¹ *Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1928. С. 76 (репринт. изд.: Oriental Research Partners, Cambridge, 1974).*
- ⁴² *Вернадская М.Н. Собрание сочинений. СПб., 1862. С. 121.* В предисловии к детскому изданию «Друг юношества» автор писал, что его журнал будет включать в себя очерки на разные темы, в том числе посвященные «домашним и хозяйственным управлениям, обоему полу приличным». См.: *Друг юношества. М., 1807. С. XI.* Екатерина Авдеева, автор нескольких популярных поваренных книг и пособий по домоводству, тоже издала работу о сельском хозяйствовании (*Авдеева Е. Руководство к устройству ферм и ведению на них хозяйства. СПб., 1863*). Она кратко затронула вопросы земледелия, но основную часть книги составляют кулинарные рецепты и указания по уходу за садом и домашней живностью. А. Смит отмечает, что в середине XIX в. такие издания, как «Земледельческая газета», печатали статьи о «женских работах», в которых иногда затрагивалось и сельское хозяйство. Но при этом она находит, что наименее успешными

публикациями Авдеевой были именно ее сочинения о сельском хозяйстве, которые вызывали мало откликов в печати и не переиздавались. Это заставляет думать, что «читатели были менее склонны прислушиваться к женскому голосу в вопросах земледелия, чем на кухне». См.: *Smith A. Cabbage and Cuisine: Diet in Kostroma and Kazan Provinces before the Great Reforms*. Ph. D. diss. University of Chicago, 2000. P. 146—148.

⁴³ *Скалон С.В.* Воспоминания // Исторический вестник. 1891. Т. 44. № 5: Май. С. 348.

⁴⁴ Шукинский сборник / Изд. отделения императорского Российского исторического музея им. имп. Александра III — Музея П.И. Шукина. М., 1912. Т. 10. С. 115.

⁴⁵ *Блудова А.Д.* Записки графини Антонины Дмитриевны Блудовой // Русский архив. 1872. Кн. 1. № 7/8. С. 1218. Княгиня Дашкова тоже различала публичную сферу — все, что относилось к государственным делам, — и свою домашнюю жизнь, в которую входило пристальное внимание к делам по имению. См.: *The Memoirs of Princess Dashkova* / Trans. and ed. by Kyril Fitzlyon, with an introduction by J.M. Gheith. Durham: Duke University Press, 1995. P. 99.

⁴⁶ *Вигель Ф.Ф.* Записки. С. 26. См. также рассказ «Помещица», в котором молодая вдова внушает восхищение соседям своим умелым управлением поместьем: *Ахматова Е.Н.* Помещица // Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. СПб., 1858. Т. 3. С. 3—190.

⁴⁷ *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. М., 1987. Т. 1. С. 61—62.

⁴⁸ Письма М.и К. Вильмот. С. 348; *Bradford M.W.* The Russian Journals. P. 286—287.

⁴⁹ *Керн А.П.* Из воспоминаний о моем детстве // Керн А.П. Воспоминания, дневники, переписка. М., 1974. С. 112.

⁵⁰ ПСЗ-1. Т. 5. № 2789. 23.03.1714. Незамужние дочери при живых родителях были полностью подчинены их власти. См.: *Wagner W.G.* The Trojan Mare: Women's Rights and Civil Rights in Late Imperial Russia // Civil Rights in Imperial Russia / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxford, 1989. P. 68.

⁵¹ *Орлов-Давыдов В.* Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Т. 2. С. 181—197.

⁵² *Лачинова А.* Несколько слов о П. Летневе // Летнев П. Собрание сочинений. Киев, 1892. Т. 1. С. II—IV.

⁵³ *Раевский И.А.* Из воспоминаний И.А. Раевского // Исторический вестник. 1905. Т. 101. № 8. С. 391—392. См. также: *Менгден Е.* Из дневника внучки // Русская старина. 1913. Т. 153. № 1. С. 126.

⁵⁴ *Заозерский А.И.* Боярский двор // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 106.

⁵⁵ РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 3.

⁵⁶ Схимонахиня Нектария: Княгиня Наталия Борисовна Долгорукова, дочь фельдмаршала Шереметева. М., 1909. С. 76.

⁵⁷ Там же. С. 77, 79—178.

⁵⁸ *Кочубей А.В.* Семейная хроника. Записки. 1790—1873. СПб., 1890. С. 136.

⁵⁹ *Мещерская С.В.* Воспоминания княгини Софьи Васильевны Мещерской. Тверь, 1902. С. 14.

⁶⁰ *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Мемуары П.П. Семенова-Тянь-Шанского. 7-е изд. Петроград, 1917. Т. 1: Детство и юность (1827—1855 гг.). С. 88—89; См. также: *Лабзина А.Е.* Воспоминания: 1763—1819. СПб., 1914. С. 9 (репринт. изд.: Oriental Research Partners. Cambridge, 1974); *Менгден Е.* Из дневника внучки. С. 104; *Субботина Е.Д.* На революционном пути. М., 1928. С. 8, 16—17.

⁶¹ *Керн А.П.* Из воспоминаний о моем детстве. С. 113.

⁶² *Ватаци М.П.* Быль минувшего // Исторический вестник. 1913. Т. 131. № 3. С. 772.

⁶³ *Мещерская С.В.* Воспоминания. С. 17.

⁶⁴ *Благово Д.* Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений. Л., 1989. С. 200—201.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1395 (Яньковы). Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 1.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 1270 (Мусины-Пушкины). Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 6—8, 18.

⁶⁷ Там же. Ед. хр. 942. Л. 1 (1817); Ед. хр. 1072 (1819).

⁶⁸ Там же. Ед. хр. 1323. Л. 1—2 (1817—1822).

⁶⁹ Там же. Ед. хр. 1058. Л. 1—9 (1818); Ед. хр. 1510. Л. 1—15 (1824).

⁷⁰ Там же. Ед. хр. 1876. Л. 1—4 (1827).

⁷¹ См., например: ОПИ ГИМ. Ф. 175 (Шатиловы). Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 16 (1851); РГАДА. Ф. 1274 (Панины—Блудовы). Оп. 1. Ед. хр. 3240. Л. 1—2 (доверенность графа А.Н. Панина его матери от 1841 г.).

⁷² *Салтыков-Щедрин М.Е.* Господа Головлевы // Собрание сочинений: В 10 т. М., 1988. Т. 6. С. 8.

⁷³ *Макашин С.А.* Салтыков-Щедрин. 2-е изд. М., 1951. Т. 1. С. 36—38.

⁷⁴ *Мещерский А.В.* Из моей старины. Воспоминания // Русский архив. 1900. Кн. 2. № 6. С. 262—263. Одна из теток Мещерского тоже занялась именем мужа, когда тот наделал долгов, и при помощи одного только старосты привела его дела в порядок и оставила каждому из сыновей в наследство ни много ни мало по миллиону рублей (Там же. 1900. № 7. С. 381).

⁷⁵ *Толстой М.В.* Мои воспоминания // Русский архив. 1881. Кн. 1. № 3. С. 103.

⁷⁶ *Вигель Ф.Ф.* Записки. С. 52, 70.

⁷⁷ *Грот Н.* Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков. 7-е изд. СПб., 1900. С. 18.

⁷⁸ *Поливанова Е.А.* Струмиловская колобода (из семейной хроники) // Исторический вестник. 1908. Т. 112. № 6. С. 850. См. также: *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Мемуары П.П. Семенова-Тянь-Шанского. Т. 1: Детство и юность (1827—1855 гг.). С. 88; *Менгден Е.* Из дневника внучки. С. 104. См. также подробный рассказ об одной тверской помещице, управлявшей поместьями (приданным и полученным в наследство) и при жизни мужа, и после его смерти: *Гурьянова В.В.* Тверская помещица вто-

рой половины XVIII века Прасковья Ильинична Манзей // Женщины в социальной истории России: Сб. науч. тр. Тверь, 1997. С. 20—31. Г.Р. Державин вверил все заботы об имениях своей второй жене Дарье Александровне, отличавшейся деловой хваткой: *Хрущов И.П.* Милена, вторая жена Державина // *Русский вестник*. 1903. Т. 283, кн. 2. С. 562—563, 572.

⁷⁹ *Жуковская Е.* Записки. Л., 1930. С. 19. См. также: *Блудова А. Д.* Записки // *Русский архив*. 1872. Кн. 1. № 7/8. С. 1217.

⁸⁰ *Аксаков С. Т.* Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. С. 312.

⁸¹ ПСЗ-2. Т. 41. № 43460 (05.07.1866). С. 880.

⁸² Некоторые примеры того, как женщины вели дела за своих мужей, находятся в документах: РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Ед. хр. 416; Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4190. Л. 119—120 (Кашин, 1718); Ф. 1270. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 65 (Владимир, 1776); Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 394. Л. 227—231 (Москва, 1755); ГАВО. Ф. 92. Оп. 5. Ед. хр. 21. Л. 50—51 (Владимир, 1806).

⁸³ РГИА. Ф. 1330. Оп. 3. Ед. хр. 55 (1805).

⁸⁴ РГАДА. Ф. 1272 (Нарышкины). Оп. 2. Ед. хр. 139. Л. 38.

⁸⁵ Там же. Ед. хр. 139. Л. 12.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 1290 (Юсуповы). Оп. 3. Ед. хр. 294. Л. 1—14. Биографический очерк, посвященный Татьяне Юсуповой (1769—1841), см.: Знаменитые россияне XVIII—XIX веков: биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». СПб., 1996. С. 642—645.

⁸⁷ Шукинский сборник. Т. 5. С. 215—218, 224—240. Письма от управляющего рафинадной фабрикой к княгине Марии Александровне Долгорукой также наводят на мысль о том, что он вел отдельную переписку с княгиней и с ее мужем о состоянии хозяйственных дел: РГИА. Ф. 931. Оп. 1. Ед. хр. 52; Ед. хр. 141 (1859—1860).

⁸⁸ АСПБИИ. Кол. 154. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1—88.

⁸⁹ РГИА. Ф. 1330. Оп. 4. Ед. хр. 983. Л. 3—5.

⁹⁰ Там же. Ф. 1035 (Репнины). Оп. 1. Ед. хр. 861. Л. 1—2.

⁹¹ РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Ед. хр. 4689. Л. 5.

⁹² РГАДА. Ф. 1276 (Полянские). Оп. 1. Ед. хр. 1212. Л. 2.

⁹³ Там же. Ф. 1277 (Самарины). Оп. 1. Ед. хр. 221. Л. 1—2.

⁹⁴ См., в частности: *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976; *Confino M.* Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII siècle. Paris, 1963; *Kolchin P.* Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge, 1987. P. 68—78.

⁹⁵ РГИА. Ф. 994 (Мордвиновы). Оп. 1. Ед. хр. 252. Л. 1—5.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 657.

⁹⁷ Архив графов Мордвиновых. Ред. В. А. Бильбасов. СПб., 1903. Т. 9. С. 433, 503, 507—508.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 660.

⁹⁹ *Мордвинова Н. Н.* Записки графини Н. Н. Мордвиновой // *Русский архив*. 1883. Кн. 1. № 1. С. 180.

¹⁰⁰ *Augustine W.R.* Notes toward a Portrait of the Eighteenth-Century Russian Nobility // Canadian Slavic Studies. 1970. Vol. 4. № 33. P. 408.

¹⁰¹ *Kolchin P.* Unfree Labor. P. 148—149. Несогласие с этой точкой зрения выражено в работе: *Melton E.* Enlightened Seigniorialism and Its Dilemmas in Serf Russia, 1750—1830 // Journal of Modern History. 1990. Vol. 62. P. 675—708.

¹⁰² Оценки показателей отсутствия помещиков в деревнях различны: К. Леонард (*Leonard C.S.* Reform and Regicide. P. 68) полагает, что после 1762 г. свыше половины совершеннолетних дворян мужского пола проживало у себя в имениях. В опись Рузского уезда, составленную в 1817 г., внесены имена 92 помещиц, из которых треть проживала в уезде. См.: ЦГИАМ. Ф. 394. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 1—7. Мемуары и другие эпизодические свидетельства позволяют заключить, что мелкие землевладельцы жили в усадьбах постоянно, а знатные дворяне и дворянки, находившиеся на противоположном экономическом полюсе, проводили у себя в имениях значительную часть года. Некоторые примеры см.: Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.: Сб. док. / Ред. С.Н. Валк. М., 1961. С. 635; *Моллер Е.Н.* Памятные записки Е.Н. Моллер, рожденной Муравьевой, 1820—1872 // Русская старина. 1890. Т. 66. № 5. С. 341; *Раевская Е.И.* Из памятной книги Е.И. Раевской // Русский архив. 1883. Кн. 1. № 2. С. 298.

¹⁰³ *Менгден С.* Отрывки семейной хроники // Русская старина. 1908. Т. 134. № 4. С. 99.

¹⁰⁴ *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Мемуары. Т. 1. С. 89—90, 125.

¹⁰⁵ *Хвостова Е.А.* Записки, 1812—1814. Л., 1928. С. 38. См. также: *Корнилова О.И.* Быль из времени крепостничества. (Воспоминания о моей матери и ее окружающем). СПб., 1890.

¹⁰⁶ *Щепкина Е.* Из истории женской личности в России. С. 133.

¹⁰⁷ *Михневич В.О.* Русская женщина XVIII столетия. Киев, 1895. С. 221.

¹⁰⁸ *Ильинский П.А.* К вопросу о положении женщины в XVIII столетии в Костромской области, по архивным данным // Труды третьего областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 5, 8.

¹⁰⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 182 (Шишкины). Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 195.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 1274 (Панины—Блудовы). Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3248. Л. 14 (1855).

¹¹¹ РГАДА. Ф. 1406 (Ермоловы). Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 2, 32.

¹¹² *Квашнина-Самарина Е.П.* Дневник // К истории социально-бытовых отношений в начале XIX столетия / Изд. С.М. Смирнов. Новгород, 1928. С. 7.

¹¹³ *Шимко И.И.* Новые данные к биографии кн. Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников. СПб., 1891. С. 28.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 1086. Оп. 1. Ед. хр. 834. Л. 1 (1807).

¹¹⁵ Там же. Ф. 1330. Оп. 3. Ед. хр. 98. Л. 7.

¹¹⁶ *Хвощинская Е.Ю.* Воспоминания // Русская старина. 1898. Т. 93. № 3. С. 569—570.

¹¹⁷ Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. С. 148—149.

¹¹⁸ Там же. С. 282—283; см. также: С. 36—38.

¹¹⁹ См. аналогичное дело, касающееся князя Михаила Голицына: РГИА. Ф. 1286. Оп. 7 (1838). Ед. хр. 12. Л. 1—5, 24.

¹²⁰ Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. С. 474—477, 631—638; Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.: Сб. док. / Ред. А.В. Предтеченский. М., 1961. С. 67—70, 106—109, 341—342.

¹²¹ *Augustine W.R.* Notes toward a Portrait. P. 387.

¹²² РГАДА. Ф. 1255 (Барятинские). Оп. 4. Ед. хр. 374.

¹²³ РГИА. Ф. 1330. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3.

¹²⁴ РГИА. Ф. 1330. Оп. 5. Ед. хр. 1950. Л. 66, 105 (1846).

¹²⁵ *Богословский М.М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в. 2-е изд. Пг., 1918. С. 34.

¹²⁶ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 29 т. М., 1964. Т. 12. С. 235. Побединскую приговорили к пожизненному заключению в монастырь.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 79. Ед. хр. 523. Л. 1.

¹²⁸ Там же. Ф. 1255. Оп. 4. Ед. хр. 125. Л. 2.

¹²⁹ Там же. Ф. 1209. Оп. 79. Ед. хр. 56. Л. 223.

¹³⁰ *Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин. С. 30.

¹³¹ *Вигель Ф.Ф.* Записки. С. 76.

¹³² *Михайлова В.* Русские законы о женщине. М., 1913. С. 1—5.

¹³³ Во время выборов в Уложенную комиссию в одиннадцати уездах зарегистрировались 204 женщины-избирательницы и 1097 мужчин: *Флоровский А.В.* Состав законодательной комиссии 1767—1774 гг. Одесса, 1915. С. 263—266. Замужние женщины обычно просили мужей проголосовать за них. Один такой пример см.: ЦГИАМ. Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 1 (1858).

¹³⁴ *Градовский А.Д.* История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1. С. 23.

¹³⁵ Эти историки утверждают, что в реальной повседневной жизни женщины вовсе не были идеальными хозяйками дома. Кроме того, они показывают, что женщины использовали обособленность гендерных сфер, чтобы участвовать в публичной деятельности. Вера в то, что с возвратом к ценностям домашнего очага женщины высших классов оказались в стороне от полезной деятельности и от жизни общества, также поставлена под сомнение. Разумеется, эти исследования посвящены преимущественно женщинам англо-американского мира. См., например: *Colley L.* Britons: Forging the Nation 1707—1837. New Haven, 1992. P. 237—281; *Peterson M.J.* No Angels in the House: The Victorian Myth and the Paget Women // *American Historical Review*. 1984. Vol. 89. № 3. P. 677—708; *Vickery A.* The Gentleman's Daughter: Women's Lives in Georgian England. New Haven, 1998. Впрочем, существует и утверждение, что возможность активного участия в политической жизни для английских аристократок исчезла в конце XVIII в. и что прошло еще сто лет, прежде чем женщины «храбро ринулись в уличную политику». См.: *Foreman A.* Georgiana, Duchess of Devonshire. London, 1998. P. 159. Другие авторы считают, что понятия публичной и приватной сфер нельзя применять к обществам, не относящимся к англо-американскому миру, без существенных модификаций. См.: *Reverby S.M., Helly D.O.* Introduction: Converging on History // *Gendered Domains: Rethinking Public*

and Private in Women's History / Ed. D.O. Helly and S.M. Reverby. Ithaca, 1992. P. 6—7.

¹³⁶ О влиянии дидактической литературы в России см.: *Greene D.* Mid-Nineteenth-Century Domestic Ideology in Russia // *Women and Russian Culture: Projections and Self-Perceptions* / Ed. R. Marsh. N.Y., 1998. P. 78—97; *Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001.

¹³⁷ *Badinter E.* L'amour en plus: Histoire de l'amour maternel (XVIIe — XXe siècle). Paris, 1980.

¹³⁸ *Wortman R.* The Russian Empress as a Mother. P. 60—63.

¹³⁹ *Meehan-Waters B.* Catherine the Great and the Problem of Female Rule // *Russian Review*. 1975. Vol. 34. № 3. P. 302.

¹⁴⁰ *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания. Дневник. 1853—1855. М., 1928. С. 109, 199.

¹⁴¹ Цит. по: *Шашков С.С.* История русской женщины. СПб., 1879. С. 235.

¹⁴² *Лабзина А.Е.* Воспоминания. С. 9; *Жуковская Е.* Записки. С. 1; *Водозова Е.Н.* На заре жизни. Т. 1. С. 103.

¹⁴³ *Соханская Н.С.* Автобиография // *Русское обозрение*. 1896. № 6. С. 483.

¹⁴⁴ *Куприянова А.Н.* Из семейных воспоминаний // *Богословский вестник*. 1914. Т. 1. № 4. С. 651.

¹⁴⁵ *Хвостова Е.А.* [Сушкова Е.]. Записки, 1812—1841. Л., 1928. С. 26. См. также: *А-ва [Казина А.Н.]* Женская жизнь // *Отечественные записки*. 1875. Т. 219. № 3. С. 211. Как считает Б. Энгел, до середины XIX в. в дворянской семье отношения матерей с дочерьми осуществлялись через посредниц — нянек, гувернанток. См.: *Engel B.* Mothers and Daughters: Family Patterns and the Female Intelligentsia // *The Family in Imperial Russia* / Ed. D.L. Ransel. Urbana, 1978. P. 49.

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 1086. Оп. 1. Ед. хр. 203а. Л. 213.

¹⁴⁷ Там же. Ед. хр. 703 (1816).

¹⁴⁸ РГИА. Ф. 1086. Оп. 1. Ед. хр. 203а. Л. 39 (1812); Ед. хр. 881 (1812). Письма мужа Варвары, Алексея Томилова, свидетельствуют также о его близких отношениях с матерью. Он часто писал ей в начале своей воинской службы, называя ее «матушка-кормилица». См.: Там же. Ед. хр. 50. Л. 4, 5, 55, 73 (1797).

¹⁴⁹ Идеология обособленных сфер деятельности предстала во всей красе в пособии по домоводству, составленном Ираидой Варламовой в 1856 г. Во вступлении Варламова писала, что жена и мать должна быть «мирным ангелом в доме». Она не одобряла обычай нанимать кормилиц. По мнению Варламовой, только если женщина не могла сама кормить дитя, она могла взять кормилицу, выбор которой «должен быть препоручен непременно врачу»: *Варламова И.* Семейный магазин. М., 1856. С. 1, 146—147.

¹⁵⁰ *Engel B.* Mothers and Daughters. P. 59.

¹⁵¹ *Свербеев Д.Н.* Записки // *Помещицья Россия по запискам современников*. М., 1911. С. 154—161.

¹⁵² *Субботина Е.Д.* На революционном пути. С. 17.

¹⁵³ *Островский А.Н.* Собрание сочинений: В 10 т. / Ред. Г.И. Владыкин, А.И. Ревякин, В.А. Филиппов. М., 1960. Т. 6. С. 18.

¹⁵⁴ *Korostovets V.* Seed and Harvest. L., 1931. P. 73—87. Отец автора мемуаров здравствовал почти все описанное время, но жил в Петербурге даже после отставки и потому играл в воспоминаниях сына очень небольшую роль.

¹⁵⁵ *Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни. Л., 1991. С. 92—95. См. также письмо уездного предводителя дворянства к Евгении Борисовне Кавелиной, написанное в 1893 г., в котором он обращается к ней как к помещице, «близко знакомой с делом сельского хозяйства по всем его отраслям», с просьбой заполнить подробную анкету. В своем ответе Кавелина отметила, что трудно найти работников и что крестьяне в ее местах «неохотно» выходят на работу. См.: РГИА. Ф. 947. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 1, 3.

¹⁵⁶ *Дашкова Е.Р.* Записки. С. 91—92. Можно привести также пример Елены Ган (1814—1842), которая утверждала, что пишет прозу, чтобы обеспечить своих детей. Дочь ее жаловалась впоследствии, что мать бросила их на попечение няnek и гувернанток. См.: *Engel B.* Mothers and Daughters. P. 32—33.

¹⁵⁷ Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г.: Сб. док. / Ред. С.Б. Окунь. М., 1963. С. 50.

¹⁵⁸ *Дашкова Е.Р.* Записки. С. 180, 182, 184, 198—199, 202.

¹⁵⁹ Примеры того, как французские дворянки начала Нового времени управляли финансовыми делами семьи, см.: *Diefendorf B.* Women and Property in Ancien Regime France: Theory and Practice in Dauphine and Paris // *Early Modern Conceptions of Property* / Ed. by J. Brewer and S. Staves. L., 1995. P. 183. Правда, этот автор не утверждает, что такие занятия были типичными для женщин. Об аристократках и управлении имениями в XIX в. см.: *Higgs D.* Nobles in Nineteenth-Century France: The Practice of Inegalitarianism. Baltimore, 1987. P. 196; *Reynolds K.D.* Aristocratic Women and Political Society in Victorian Britain. Oxford, 1998. P. 26—70. О роли польских дворянок XVIII в. в семейной политике и финансовых делах см.: *Lubamersky L.* Women and Political Patronage in the Politics of the Polish-Lithuanian Commonwealth // *Polish Review*. 1999. Vol. 44. № 3. P. 259—275.

¹⁶⁰ Женская философия. М., 1793. С. 33—34.

¹⁶¹ См. совет графа Андрея Петровича Шувалова сыновьям: Нравоучительное завещание сыновьям (1780-е гг.): РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 19.

¹⁶² *Manning R.T.* The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government. Princeton, 1982. P. 40. См. также: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 264.

Глава 7

ЖЕНЩИНЫ И СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Изо всех дел, выпадавших на долю помещиков в России, самыми хлопотными были, наверное, судебные тяжбы. Русские дворяне отличались тягой к сутяжничеству: в мемуарах XIX в. помещики вечно предстают погрязшими в межевых расправах с соседями или в тяжбах о наследстве с родственниками. При этом чаще всего обе стороны оставались недовольны вердиктом. Дворяне, подававшие иски, постоянно сетовали на произвол в отправлении правосудия. Имущественные споры могли тянуться годами, а то и десятилетиями; в итоге стороны нередко разорялись, дожидаясь решения своего дела. Историки, со своей стороны, единодушно полагают, что процессы редко приносили дворянам выгоду: провинциальные судебные инстанции не отличались, как правило, солидным знанием законов, и потому вплоть до судебной реформы 1864 г. добиться в них справедливости было очень трудно¹. Действительно, и в глазах современников, и по мнению нынешних исследователей, судебная система олицетворяла те самые пороки, на которых зиждилась российская отсталость: некомпетентность, продажность, произвол, неуважение к закону.

В настоящей главе мы выйдем за пределы поместья и рассмотрим имущественные дела помещиц в более широком контексте судебного процесса. В этой книге уже не раз говорилось о том, что

дворянки нередко обращались в суды и успешно защищали свои права собственности. Материалы имущественных споров дают богатые свидетельства того, что женщины хорошо разбирались в судебных делах. Эти материалы показывают, что дворянки составляли заметную долю как истцов, так и ответчиков, и фиксируют изменения, происходившие со временем в правах женщин владеть и распоряжаться собственным имуществом. Специалисты по сравнительному изучению имущественного права признавали, что «законоположения для защиты [женщин], возможно, и существуют, но последние не стремятся выдвигать судебные иски»². Зато в России власти как раз считали, что дворянки должны сами заниматься своими судебными делами, и женщины энергично боролись за свои права в отношении собственности.

Из документов об имущественных спорах видно, какие перемены происходили с течением времени: они показывают, как в разные периоды влияли на характер конфликтов с участием дворянок гендерные факторы, каким был уровень протекции, которую оказывали им должностные лица. Но хотя материалы имущественных споров много дают для понимания самых различных вопросов, они недостаточно рассказывают о взаимодействии между обращавшимися в суд дворянками и судебными властями. Хотя истцы часто жаловались на незаконные решения судов, сохранившиеся судебные решения имеют безупречно законный вид. Резолюции, зафиксированные в Вотчинной коллегии и в Сенате, переполнены ссылками на официальные указы и судебные постановления и создают впечатление, будто законы об имуществе последовательно исполнялись. Поэтому редко удается выявить, как влияла на исход того или иного дела протекция, не говоря уже о чине или поле участников.

Для того чтобы изучить взаимодействие между помещицами и местными и центральными властями, следует поближе приглядеться к участию дворянок в судебных процессах. Ниже мы уделим внимание, во-первых, роли дворянок в ведении судебных дел, а во-вторых, коснемся вопроса о том, сталкивались ли женщины, искавшие правосудия, с особыми препятствиями. Мы рассмотрим судьбу женской собственности в конкретном правовом контексте, а именно в ситуации ареста имений в первой половине XIX в. В отличие от споров о наследстве, дела о конфискации дворянских имений за жестокое обращение с крепостными и дурное управление содержат подробные сведения о конфликтах между помещика-

ми и местными властями. Такие дела показывают, что в этот период власть ждала от дворян уже иного поведения, чем раньше. В них же подробно изложено, как гражданские власти собирали и оценивали судебные доказательства и как они применяли закон к помещикам обоих полов.

Наряду с оценкой влияния гендерных факторов на отношения помещиков с административно-судебными органами, я также анализирую круг последствий успешных действий женщин в судах. Доступ дворянок к правовому процессу зависел от готовности чиновников-мужчин принимать их иски и вести дела в строгом соответствии с законами об имуществе и юридической процедурой. Жалобы, поступавшие в Сенат, показывают, что местные власти часто не справлялись с этой задачей. Таким образом, история судебных процессов с участием женщин позволяет под определенным углом взглянуть на эволюцию правовых норм до середины XIX в. и проследить, как центральные власти боролись за внедрение этих норм в провинции. Материалы женских судебных процессов обнаруживают, что дворянки были мастерицами добиваться протекции через сети патронажа и, подобно своим современникам-мужчинам, прибегали к фактору личного авторитета покровителя, что было характерно в целом для системы отправления правосудия в императорской России. Впрочем, эти документы также показывают, что дворянкам играло на руку наметившееся в конце XVIII в. стремление чиновников и бюрократов к наведению порядка в судебной сфере.

Дворянки-истицы: ГРАМОТНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ ЗНАНИЯ

В России появление перед судебными властями дворянок, защищающих свои права, являлось давней традицией, а не новшеством XVIII в. Хотя не подлежит сомнению, что женщины действительно обращались с исками в суды и канцелярии, но многие аспекты их участия в судебном процессе еще предстоит исследовать. В частности, следует выяснить, какими правовыми знаниями обладали дворянки и какова была их роль в составлении исков. Современники часто изображали женщин ничего не смыслящими в законах и не способными справиться со своими делами в суде. Но прошения и письма дворянок опровергают такую оценку: в этих

документах истицы нередко предстают как опытные участницы процессов, знакомые с основами наследственного права.

Необычайно высокий уровень участия дворянок в судебных процессах бросается в глаза уже в документах с начала XVIII в. Обзор материалов имущественных тяжб, разбиравшихся в Вотчинной коллегии и в Сенате, показывает, что на протяжении XVIII в. в 57,5% дел участвовали тяжущиеся обоих полов. Еще в 9% дел участвовали только женщины, а 33,4% составляли конфликты между мужчинами³. Эта тенденция с некоторыми изменениями сохранялась и в XIX в. С 1807 по 1863 г. количество дел, в которых участвовали тяжущиеся обоих полов, сократилось почти на 10% и дошло до 48,5% за счет увеличения конфликтов между сторонами одного пола. Так, число споров между женщинами возросло до 13,3%, а число мужских споров — до 38,3%⁴. Хотя тяжб между мужчинами было больше, с начала XVIII в. дворянки также постоянно присутствовали в судебных конфликтах в роли как истиц, так и ответчиц⁵.

Документально обосновать рост участия дворянок в имущественных спорах несложно. Труднее определить, самостоятельно ли они участвовали в тяжбах, ими начатых. Во время дискуссий по поводу судебной реформы в XIX в. способность женщин вести свои судебные дела стала предметом обсуждения в ряде популярных журналов. Сторонники реформ считали, что правовые знания необходимы женщинам, владеющим поместьями или являющимся опекунами своих детей. Но эти же самые авторы были единодушно убеждены в том, что женщинам неведомы даже элементарные положения российского права.

В попытках поправить дело многие толстые журналы, нацеленные на женскую аудиторию, печатали статьи о состоянии законных прав женщин и о том, что им необходимо постигать основы юридических знаний. Один из авторов журнала «Рассвет» в 1859 г. указывал, что закон в России не проводит различия между мужчинами и женщинами и что женщины должны уметь защищать свои интересы, особенно в роли матерей. Отвечая тем, кто склонен был полагать, будто истинное призвание женщины — семья, этот автор утверждал, что, даже если женщина никогда не выходит за пределы домашней сферы, ей все равно приходится оберегать интересы зависящих от нее людей. «Множество населенных недвижимых имений в России принадлежит женщинам, — отмечает он. — Помещицам чаще, нежели кому-нибудь, приходится вступать в разные сделки и договоры, защищать и свои собственные права, и права

своих крестьян»⁶. Другой автор сокрушался о женской правовой безграмотности и уверял, что большинство тяжб, инициированных женщинами, затевается напрасно, лишь по невежеству истиц. Мало того, женщины затягивают свои судебные дела по природной неспособности сосредоточиться на рассматриваемом вопросе и вместо того, чтобы коротко и ясно изложить дело, тратят время судов на рассказы о семейных распрях и подробностях домашних обстоятельств, прежде чем доберутся до цели своего иска⁷.

Историк П.А. Ильинский, в соответствии с этой негативной оценкой правовых познаний дворянок, считал, что наличие в архивах провинциальных судов прошений, поданных женщинами, еще не означает, что они действовали самостоятельно. Описывая участие женщин в судебных процессах XVIII в., он изображал их невежественными жертвами обмана со стороны канцеляристов и чиновников, которые составляли за них жалобы и вели их дела. «Прочитывая все эти акты, написанные с формами и изворотами подьяческого крючкотворства, мы имеем полное право заключить, что все это было делом чиновничества», — утверждал Ильинский, полагавший, что сами женщины не играли в своих судебных процессах никакой роли. Более того, чиновники не желали постараться для своих клиенток, а норовили как можно скорее улаживать дела, чтобы сорвать куш побольше.

Мысль о том, что неграмотные женщины оказывались отданы на милость чиновников, Ильинский подкрепил портретом одной замечательной особы, которая, как он полагал, сама справлялась со своими судебными делами. Настасья Витовтова не только была грамотна, но и ухитрилась получить кое-какие правовые знания. «Это уясняется тем, что дед ее и дядя были стряпчими», — писал Ильинский. Он отмечал далее, что, судя по ее ходатайствам, Витовтова «была знакома с законами и формами прошений и разумела судебные волокиты того времени». По количеству и характеру прошений, написанных Витовтовой (в одной из них она ругала своих сестер за то, что они запустили свои дела в Москве), Ильинский заключает, что этого «стряпчего в юбке» уважали соседи и что она верховодила своим мужем⁸. К сожалению, историк не упомянул, чем прошения Витовтовой отличались от исков других помещиц, и ничем не обосновал свое убеждение в том, что она сама, а не какой-нибудь писарь или чиновник, составляла ходатайства.

В литературных произведениях способности женщин в юридической области оценивались не очень высоко. Именно такие мне-

ния о женской беспомощности отразил А.Н. Островский в образе мелкопоместной дворянки, оказавшейся на грани потери своего маленького поместья в имущественной тяжбе. «Вот, говорят, в Сенат надо жалобу подать, а кто напишет-то... — говорит она дочери. — Мы и аза в глаза не знаем. Коли Максим Дорофеич не возьмется, так ведь мы нищие будем»⁹.

Судя по оценкам историков и реформаторов права, дворянки действительно мало смыслили в хитросплетениях судебного процесса. Но, учитывая общий уровень правовых знаний до середины XIX в., и мужчины, и женщины вряд ли что-нибудь понимали в имущественном законодательстве, кроме азов¹⁰. По исковым заявлениям невозможно установить, какова была роль канцеляристов и стряпчих, помогавших ловко составить прошение. В самом деле, до сих пор неясно даже, имели ли помещики в XVIII — начале XIX в. вообще какой-нибудь доступ к имущественно-правовой информации. Современники сокрушались о жалком состоянии правовой культуры за пределами столиц. Поэт Г.Р. Державин, занявший пост тамбовского губернатора в 1786 г., писал другу в Москву о том, что в Тамбовской губернии не сыскать печатных текстов законов, и неизвестно, были ли они здесь когда-нибудь в употреблении¹¹. Такие отзывы наталкивают историков на выводы о том, что даже местному чиновничеству было крайне трудно добыть экземпляры законодательных актов, хотя считалось, что указы должны рассылаться во все провинциальные суды.

Тем не менее незнание законов было явлением хотя и распространенным, но все же не всеобщим. Интенсивная переписка между центральными властями и провинциальными канцеляриями, директивы начальства давали хотя бы части местных чиновников инструменты, позволявшие выносить обоснованные решения¹². Некоторые дворяне понимали пользу правовых знаний: богатые представители дворянства, путешествуя за границей, включали юридические книги в число необходимых покупок¹³. Некоторые провинциальные помещики пытались следить за указами и распоряжениями, поступавшими из Петербурга. Живший в середине XVIII в. богатый курский помещик упоминал в дневнике, что заносит сведения о публикации указов Сената в записную книжку, наряду с записями об урожае у себя в имении и о поездках в Киев и в Москву¹⁴. Кроме того, участники и участницы судебных процессов прямо ссылались на законодательные постановления в своих ходатайствах, с которыми обращались к правосудию. В XVIII в. истцы

часто упоминали «пункты», т.е. статьи Указа о единонаследии 1714 г., как и узаконения, последовавшие позднее, например дополнение к законам о наследовании, принятое при Екатерине I в 1725 г.¹⁵ Судебные процессы так затягивались, что многим ничего не оставалось, как самостоятельно знакомиться с указами, касающимися их дел¹⁶.

Отсутствие связанного свода законов и примитивное состояние юридического образования мало способствовали знакомству россиян с правом. Каждый русский монарх XVIII в. брался за кодификацию законов, а потом бросал это начинание. Только в 1830 г. Николай I наконец назначил комиссию, призванную свести воедино все правовые постановления, изданные после Соборного уложения 1649 г.¹⁷ Так что до конца XVIII в. не существовало также и трактатов, которые толковали бы законы и разъясняли, как оформляются различные соглашения. Екатерина II первой из русских государей уделила внимание юридическому просвещению дворянства, хотя помещики обоих полов и без того вершили суд у себя в имениях и нередко ввязывались в споры с соседями из-за пограничных земель, беглых крестьян, природных ресурсов. В распространении правовых знаний среди дворянства Екатерине помогал С.Е. Десницкий, первый профессор русского права. В 1778 г. он высказал мысль о том, что знакомство с законами совершенно необходимо помещику: основы юриспруденции должны были научить дворянина, как продавать или закладывать имения, как судить своих крестьян и как вести тяжбы с соседями¹⁸.

Но если даже в образовании мужчин дворянского звания обучение тому, как отправляется правосудие, не занимало никакого места, то откуда же могли женщины получить сведения об основополагающих правовых принципах? В Западной Европе XVIII в. грамотный мирянин мог обратиться к обширной литературе, разъясняющей юридический процесс. При этом часть таких пособий была специально адресована женской аудитории и предлагала, например, советы, как наилучшим образом составить брачный контракт. Не менее четырех руководств, посвященных имущественным правам замужних женщин, появилось в XVIII в. в Англии. В одном таком справочнике («The Lady's Law» — «Право для дам»), изданном в 1732 г., провозглашалось: «Здесь прекрасному полу сообщается, как уберечь землю, движимое имущество и самые драгоценные вещи от чьих бы то ни было посягательств»¹⁹.

Русские женщины не имели таких возможностей пользоваться советами юристов, как их европейские современницы. Первые руководства по составлению писем и юридических документов (письмовники) появились в России только в конце XVIII в. и не предназначались для женщин. Автор труда, изданного в 1791 г., советовал читателям самостоятельно составлять прошения, так как проситель способен изложить свое дело с большей «живостью и чувствительностью», чем посторонний помощник за деньги. При необходимости, говорилось в книге, податель прошения должен обратиться за советом к какому-нибудь честному и опытному в законах человеку, чтобы тот помог ему составить документ²⁰. Такие пособия не писались специально для дам, однако в период составления Свода законов Илларион Васильев опубликовал краткую брошюру для женщин, в которой изложил их права в браке и в качестве российских подданных²¹. Вскоре после этого в «Дамском журнале» появилась статья, озаглавленная «Чувства и мысли при чтении ручной книжки о правах женщин в России». Ее автор, Анна Крестинская, выражала признательность И.В. Васильеву за объяснение политического и правового статуса женщин, за определение их обязанностей как жен, матерей и подданных, за ознакомление женщин с их правом участвовать в имущественных сделках. Она отметила, что до сих пор юридические знания были практически недоступны для женской аудитории, ведь главная обязанность женщин — заботиться о семье, и потому у них нет времени штудировать громадные тома с указами и правилами. С выходом работы Васильева, внушала она своим читательницам, «каждая женщина вменит себе в непрременную обязанность, для узнания всех постановлений, до нея касающихся, уделить несколько времени»²².

Хотя русским женщинам почти неоткуда было получать юридические советы, из этого не следует, что они оказывались такими беспомощными жертвами чиновничества, какими считали их историк Ильинский и драматург Островский. Разумеется, можно найти примеры дворянок, сбитых с толку хитростями судебной системы и переложивших все эти заботы на мужчин своей семьи. Иногда бывало, что мужья или родственники подталкивали женщин к конфликту, а потом составляли за них прошения и вели судебные дела. В 1799 г. Пелагея Очкина вчинила иск своему дядюшке, единолично завладевшему фабрикой, которая раньше принадлежала ему совместно с братом. Этот дядюшка в прошении в Сенат заявил, что на самом деле его племянницу подговорил оспорить условия пер-

воначального соглашения дядя ее мужа²³. Когда в 1741 г. Михаил Тархов подал прошение, в котором оспаривал наследственные права вдовы и сына своего брата на поместье последнего, то пожаловался, что в исковом заявлении за невестку подписался ее собственный брат, и он же вел дело в суде²⁴. Судя по сообщениям многих мемуаристов, дворянки доверялись помощи мужчин в надежде успешно провести процесс. Андрей Болотов рассказывал, как соседи, воспользовавшись смертью его отца, начали судебное преследование матери за укрывательство беглого крестьянина. Державин писал, что память об унижениях, которым в свое время подвергали его мать бесчестные чиновники, побудила его искать справедливости «для вдов и сирот», когда он получил высокое назначение²⁵. Сестра А. Дельвига прибегла к помощи брата, оказавшись втянутой в спор о наследстве с пасынками после смерти своего мужа²⁶. Марта Уилмот пересказывает истории двух молодых дворянок, разоренных в ходе имущественных тяжб, но приписывает их несчастью продажности российской судебной системы, а не неспособности женщин усвоить азы юриспруденции²⁷.

Этим историям о беспомощных просительницах, впрочем, противостоят примеры дворянок, смело пускавшихся в лабиринт судебных дел без поддержки со стороны родственников мужского пола. В 1779 г. вдова Авдотья Барыкова предупредила Илью Чулкова, что намеревается вынести их разногласия по поводу условий продажи земли на рассмотрение местного совестного суда²⁸. Кэтрин и Марта Уилмот были изумлены деловой хваткой княгини Дашковой при ведении бесчисленных судебных процессов ее дочери; они также удивлялись тому, что русские дворянки разбирались в судебных делах и интересовались ими, слыша, как их знакомые «беседуют между собой... о делах госпожи такой-то в Сенате, хороши они или нет»²⁹. Александра Смирнова вспоминала, как после смерти ее отца в 1814 г. «маменька занималась делами по имению и процессами. Слово процесс и теперь звучит в моих ушах: так часто оно повторялось вокруг меня...»³⁰. Помимо собственных судебных тяжб, женщины брали на себя ответственность и за дела детей и мужей, если получали доверенность на их имения. Александр Панин был далеко не одинок, когда, уезжая за границу в 1841 г., доверил своей матери продолжать уже начатые и возбуждать новые процессы по его имению³¹.

Вероятно, обстоятельства заставили и Дашкову, и Панину, и мать А.О. Смирновой набраться кое-каких практических право-

вых сведений, чтобы не даться в обман своекорыстным бюрократам. Некоторые женщины знакомились с основами юриспруденции по книгам. Мемуарист Данилов, описывая обучение своей сестры в 30-е гг. XVIII в., сообщает, что она прочитала много религиозных и исторических трудов и в результате «знала многое, касающееся до закона»³². Достоевский в «Идиоте» тоже наделил знанием законов свою страдающую героиню, Настасью Филипповну. Такие женщины, как княгиня Дашкова, конечно, составляли исключение благодаря своему положению и образованию. Тем не менее весьма вероятно, что и дворянки родом поскромнее, вроде Витовтовой, упомянутой у Ильинского, разбирались в основных положениях имущественного законодательства и были вполне способны отстаивать свои права, когда возникала угроза потерять имущество.

Существенное и очевидное препятствие для женщин, желавших самостоятельно заниматься предпринимательством или вести судебные процессы, составляла неграмотность. Эту неграмотность — не говоря уже о невежестве — дворянок XVIII в. историки России привыкли принимать на веру³³. Если мужчины дворянского звания получали хотя бы начатки грамоты, необходимые на службе, то женщины зависели исключительно от образования, полученного дома от посредственных домашних учителей и гувернанток³⁴. Поэтому чрезвычайно низкий уровень грамотности женщин в губерниях (от 4 до 26%) не вызывает удивления³⁵ (см. табл. 7.1). Зато открытие, что 50% московских дворянок, участвовавших в продаже недвижимости, могли хотя бы заверить купчую своей подписью, вселяет больше оптимизма. Разумеется, в столице имелись более широкие возможности для обучения, и в высших слоях дворянства женскому образованию придавали все большую важность. Об этом говорит и переписка дворянских дочерей. Отвечая в 1759 г. на упреки отца в том, что она не захотела написать ему по-французски, десятилетняя Елизавета Стрешнева просит его быть снисходительнее к ее ошибкам³⁶. В 1799 г. Екатерина Толстая на вполне грамотном французском языке писала подруге, что начала читать с матерью книгу по истории России: особенно ее увлекла история княгини Ольги, которая принесла христианство на Русь, а при этом оказалась способной на самую нехристианскую месть своим врагам³⁷. Русские дворянки имели мало возможностей получить правильное образование, но все-таки письма женщин середины XVIII в. показывают, что все чаще

**Уровень грамотности (в процентах) среди дворянства
(1750—1860 гг.)***

	Владимирский уезд		Кашинский уезд		Тамбовский уезд		Москва		Все регионы	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
1750—1755	26 (19)	100 (10)	20 (25)	100 (4)	4 (28)	77 (26)	50 (228)	9 (192)	41 (300)	92 (232)
1775—1780	72 (25)	88 (16)	40 (62)	100 (15)	45 (76)	88 (50)	81 (240)	98 (302)	67 (403)	97 (383)
1805—1810	88 (69)	97 (38)	88 (26)	93 (14)	100 (5)	100 (3)	97 (73)	100 (44)	92 (172)	98 (99)
1855—1860	100 (55)	100 (22)	—	—	—	—	—	—	100 (55)	100 (22)
Все периоды	83 (167)	97 (86)	47 (113)	97 (33)	37 (109)	85 (79)	70 (541)	89 (538)	65 (930)	96 (736)

* ж — женщины, м — мужчины. В скобках указано число женщин или мужчин, присутствовавших при продаже имений.

Источник: см. Приложение 1.

в дворянских семействах дочерей учили хотя бы основам русской грамоты и иностранным языкам.

И в Москве, и в провинции уровень женской грамотности резко возрос во второй половине XVIII в. В начале XIX в. примерно 92% женщин, засвидетельствовавших сделки, уже могли расписаться в документах, а к середине XIX в. неграмотная дворянка считалась уже ненормальным явлением. Такой рост грамотности позволяет по-новому оценивать возможность участия женщин в судебных делах: они получали явное преимущество, если умели хотя бы читать и расписываться в собственных документах. Так, Прасковья Ртищева в 1758 г. подала прошение в Вотчинную коллегию, оспаривая ходатайство своего брата, заявившего, будто она продала ему имение в Козлове. Ртищева сообщала в коллегию, что имения брату не продавала и что купчую за нее подписал, якобы по ее просьбе, некий майор Щербачев. На самом же деле она никогда не просила Щербачева заверить за нее купчую, продолжала Ртищева, да ей бы это и не понадобилось, потому что, «ежели бы она оное... имение продала, она бы сама к той купчей руку приложила». По этой ли причине или на основании других показаний, но Вотчинная коллегия решила дело в пользу Ртищевой³⁸.

Материалы судебных процессов также неоспоримо доказывают, что женщины активно занимались составлением ходатайств в суд. Вот, например, дело Александры Воейковой, навлекшей на себя гнев Сената в 1789 г., когда она попыталась пресечь распутство и мотовство своего мужа. Ее поверенный написал ей из Петербурга, советуя поторопиться и без проволочек составить прошение, причем умолял не писать ничего лишнего³⁹. Но Воейкова не послушалась его совета. Прощения в Сенат выходили у нее пространными и витиеватыми; но приведенные в них доводы в свою защиту были, бесспорно, ее собственными. К счастью, в XIX в. истцы стали чаще указывать, кто составил и переписал документы, подаваемые ими в государственные учреждения. В 1843 г. сенатор Курута приехал в Тамбовскую губернию с ревизией местных судов. Здесь к нему обратилась с прошением Варвара Пушина, указавшая, что она собственноручно составила и переписала жалобу на незаконные действия местного предводителя дворянства. В том же году Лидия Жукова также самостоятельно написала апелляцию⁴⁰. Княгиня Елизавета Голицына пыталась разрешить спор о наследстве между своими детьми и в 1850 г. об-

ратилась в Сенат. Ее прошение переписал канцелярист, но составила документ сама княгиня⁴¹. Канцеляристы, писавшие прошения за неграмотных женщин, отмечали, что документ составлен «подлинно по приказу» просительницы⁴².

Точка зрения историков, считающих, что женщины были беспомощны в судебных делах, находится в резком противоречии с опытом российских помещиц, многие из которых были вполне способны вести тяжбы в судах. С первых десятилетий XVIII в. дворянки выказывали не меньшую готовность судиться, чем мужчины, и регулярно обращались к властям, требуя через суд увеличения доли семейного имущества, уплаты долгов, защиты от посягательств соседних помещиков на их землю. На этом фоне мужская уверенность в женской беспомощности говорит не столько о реальном опыте контактов русских дам с правовой системой, сколько об изменении гендерных представлений в России. Несомненно, женщинам случалось терпеть неудачи при столкновении с продажностью и некомпетентностью, которыми славились русские судебные учреждения. Тем не менее в целом дворянки широко использовали суды в своих целях и имели такие же шансы добиться желаемого вердикта, как и мужчины.

ЖЕНЩИНЫ И СЕТИ ПАТРОНАЖА

Хотя материалы сенатских слушаний говорят о подлинном стремлении к правосудию, опирающемуся на последовательное применение законов, все же существенную роль в исходе многих процессов в дореформенную эпоху играла система покровительства. Судебные документы содержат множество примеров успешного ведения тяжб дворянками: в спорах о наследстве женщины не подвергались никаким особым притеснениям из-за своего пола, и им помогало стремление Сената поддерживать их имущественные права. Однако письма и жалобы истцов обнаруживают, что исход гражданских исков нередко зависел от влияния какой-нибудь могущественной фигуры в правительстве. Заручиться таким покровительством было важно как для того, чтобы делу дали ход, так и для получения желаемого решения. Женщины не состояли на государственной службе и почти не располагали возможностями влиять на Сенат или на другие судебные инстанции от имени других лиц. Зато

им это удавалось, когда они искали протекции для себя сами, участвуя в тяжбах от своего имени.

Если в судебных документах по делам дворянок почти не заметно следов влияния протекции, то нарративные источники показывают, что дамы часто опирались на помощь высокопоставленных покровителей, чтобы подать иск или расположить суд в свою пользу. По некоторым женским прошениям заметно, что истицы сознавали, насколько личные связи могут улучшить исход их дел или настроить власти против них. Агафья Шечкова, обращаясь за разрешением выкупить имение, проданное ее сестрой в 1740 г., просила, чтобы дело передали в соседний суд, потому что состояла в конфликте с рыльским воеводой, а значит, не могла рассчитывать на справедливое разбирательство у себя в уезде⁴³. Александра Воейкова в своих жалобах в Сенат на мужа постоянно повторяла, что его могущественные друзья следят за ходом ее дела и обязательно добьются решения в его пользу⁴⁴. Правда, такие связи могли действовать и в пользу женщин: князь Щербатов в своем огульном осуждении русского суда XVIII в. обвинил нескольких дворянок в использовании личных знакомств ради выигрыша в имущественных спорах и намекал на то, что Екатерина II произвольно решала дела в пользу своих фаворитов⁴⁵. По воспоминаниям М. Адам, губерньские власти в нарушение закона позволили ее тетке жить отдельно от жестокого мужа и игнорировали прошения последнего⁴⁶.

Дворяне обоих полов просили родственников и знакомых, имевших руку в Сенате, вступить за них и не допустить, чтобы соперники воспрепятствовали ходу правосудия. Так, Прасковья Желтухина в 1798 г. просила одного из сенаторов выступить ее «защитником и посредником» в споре о наследстве. Причем она уверяла, что независимо от исхода дела верит, что он поступит согласно «гласу истины и правосудия»⁴⁷. В 1831 г. княгиня Александра Волконская просила сенатора Сумарокова позаботиться об интересах ее дочери, которая управляла имением княгини Крюковой, а та ее несправедливо обвинила в присвоении доходов с ее деревень⁴⁸. И хотя дворяне-истцы обычно искали поддержки у покровителей-мужчин, так бывало не всегда: Елизавета Янькова в своих мемуарах тепло отзывалась о Екатерине Герард, многократно ездившей в Петербург и пускавшей в ход свои связи и влияние ради друзей⁴⁹. Если роль протекции в женских судебных делах не поддается количественной оценке, то подобные случаи показывают, что дворянские женщины, как и мужчины, широко пользовались узами покровительства, чтобы облегчить ход правосудия.

НРАВСТВЕННОСТЬ И ГРАНИЦЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

На протяжении императорского периода русской истории дворянки участвовали во всевозможных видах имущественных споров с родственниками, с соседями — помещиками, купцами и государственными крестьянами. Роль гендерных факторов в исходе судебных конфликтов зависела в значительной мере от соотношения тяжущихся сторон. Так, если пол участников тяжбы мало значил в исках против соседей или в наследственных делах, то в спорах между супругами на передний план выходили именно гендерные факторы. Имущественное право принимало в расчет уязвимость женщин лишь тогда, когда они заключали сделки со своими мужьями, но и эта ограниченная защита была ликвидирована в начале XIX в. Кроме того, если в гражданских судебных делах важную роль играло также покровительство, то успех при использовании личного влияния зависел от положения и богатства покровителя, а не от пола.

Ненадежность и шаткость дворянского статуса, как и дворянских прав собственности в императорской России, считаются у историков ходячей истиной. Русские дворяне не только должны были подтверждать свое звание подобающим поведением, но и рисковали лишиться его вместе со всеми привилегиями, если поступали «не по-дворянски»⁵⁰. Главной из этих привилегий было исключительное право владеть землей с крестьянами. Екатерининская «Жалованная грамота дворянству» гарантировала помещикам защиту от конфискации имущества по чьему-либо произволу; но одновременно в этом документе содержалось «широкое законодательное обоснование для лишения прав дворянства»⁵¹. Впрочем, конфискация имущества производилась редко, так как предусматривалась главным образом в наказание дворянам, виновным в государственной измене, пусть и нечетко определенной в законе⁵². Гораздо более привычной мерой, чем конфискация, был арест дворянских имений. В этом случае владельцы редко лишались прав собственности или получения доходов с нее, однако на управление и на различные виды использования этой собственности налагались ограничения.

В первые десятилетия XIX в. понятие «дворянское поведение» приобрело новый смысл в контексте управления поместьями. До конца XVIII в. власть помещиков над крепостными крестьянами была практически абсолютной. Но при преемниках Екатерины II имперская власть стала внимательнее регулировать отношения между хозяином и крепостным и предписывала местным властям

выявлять жестоких помещиков. Дворянские собрания в губерниях начали следить за тем, как дворяне распоряжаются своими крестьянами и землями; и если обнаруживалось, что помещик разоряет крепостных или проматывает имение, его призывали к отчету в том, как он распоряжается собственностью. Имения дворян, признанных виновными, немедленно брали в опеку. Арест имений, таким образом, служит примером ограничения дворянских имущественных прав, кульминацией чего впоследствии стала отмена крепостного права. При этом документы, связанные с арестом и опекой, позволяют подробно проследить, как дворяне и дворянки взаимодействовали с судебными властями.

Из материалов дел об аресте имений можно узнать и о том, как менялось соотношение между полом, поведением и владением собственностью. Традиционно женщинам, обвиненным в нарушении супружеской верности или в безнравственном поведении, чаще грозило лишение власти над поместьями, чем мужчинам⁵³. Но в царствование Николая I, возрождавшего уважение к консервативным ценностям, такая же угроза встала и перед русскими дворянами мужского пола, если те грешили против нравственности, жестоко обращались с крестьянами или плохо управляли имениями. И хотя помещиц обвиняли в тех же проступках, новая тенденция в целом обернулась на пользу женщинам, которые теперь могли не только защитить от расточительства мужей собственное состояние, но и не позволить им промотать наследство, предназначенное для детей. Если в XVIII в. женщин, пытавшихся обуздать мотовство и причуды своих мужей, сурово порицали, то в последние десятилетия крепостного права доведенные до отчаяния жены получали от судов более приемлемые решения.

Организационная система, необходимая для контроля над поведением провинциального дворянства, сформировалась в 1775 и 1785 гг., в ходе екатерининской реформы местного управления. С учреждением уездных и губернских дворянских собраний во главе с предводителями дворянства провинциальная элита впервые получила опыт корпоративной организации и частичного самоуправления. Среди институтов, созданных Екатериной II, была и Дворянская опека. Корни этого института восходили к 1755 г., когда императрица Елизавета учредила при Губернской межевой канцелярии временную опеку для вдов, сирот и других «безгласных лиц» на время межевания⁵⁴. Депутаты Уложенной комиссии в 1767 г. потребовали создания такого органа на постоянной основе. Дво-

рянская опека была официально создана в 1775 г. и передана под начало новоучрежденных верхних земских и уездных судов. Должностным лицам опеки было доверено налаживать попечительство над поместьями дворянских вдов и сирот, а также следить за тем, чтобы последние получали должное образование⁵⁵.

По отзывам современников, качество управления в губерниях оставляло желать лучшего, и дворянская опека в этом смысле не составляла исключения. Князь Алексей Куракин, инспектируя в 1805 г. Курскую губернию, писал, что местные органы опеки плохо исполняли свои обязанности перед дворянством: они справлялись с назначением попечителей к имениям сирот, но редко следили за тем, как они там хозяйничают⁵⁶. К тому же в уездных конторах царила небрежность в ведении документации. Предводитель дворянства Шигровского уезда Курской губернии доносил в 1826 г., что в местной опеке не имеется записей за текущий год касательно доходов и расходов по имениям, находящимся в ее ведении. Мало того, записи за прежние годы были еще не переплетены, а многие не поддавались прочтению⁵⁷. Впрочем, несовершенства системы Дворянской опеки не должны вызывать удивления в свете малочисленности чиновников в штате этой службы. Ее главой являлся предводитель дворянства, ассистировали ему два-три члена уездного или верхнего земского суда, а дополняли штат несколько канцеляристов⁵⁸.

Деятельность Дворянской опеки поначалу сводилась к управлению имуществом сирот, несостоятельных должников, слабоумных. Но ко второй четверти XIX в. дворянские собрания начали арестовывать имения за довольно широкий круг проступков, с успехом превратив опеку в орган контроля над нравственностью. Власти с готовностью откликались на жалобы членов семьи и соседей на проступки помещиков и иногда под самыми незначительными предложениями пытались лишить власти над поместьями дворян, заподозренных в недостойном поведении. Но власть дворянских собраний далеко не являлась неограниченной: решения о передаче имений в опеку требовали одобрения министра внутренних дел, который затем передавал их на утверждение в Сенат. Но и эти бюрократические рамки оставляли предводителю дворянства достаточный простор, чтобы вмешиваться в дела местных дворян.

Анализ дел, относящихся к имениям, взятым в опеку, позволяет рассмотреть конфликты между помещиками и местными властями. Кроме того, он по-новому освещает роль гендерного фактора в су-

дебном процессе. С начала XVIII в. гендер не являлся серьезным препятствием для женщин, вступавших в тяжбы с соседями или родственниками. Вопросы морали не играли никакой роли в имущественных конфликтах (за важным исключением супружеских споров), и судебные власти проявляли готовность защищать права истиц. Однако при рассмотрении конфликтов в дворянских собраниях главное внимание уделялось характеру обвиняемого помещика или помещицы и способности толково управлять семейным имуществом. В результате дебаты по поводу ареста имений гораздо шире раскрывают нам тогдашние представления о мужском и женском поведении, о значении благородного звания, чем споры о границах поместий и о наследстве.

С активизацией органов местного губернского управления в первые десятилетия XIX в. власти начали пристальнее следить за поведением дворянства и более четко определять его обязанности по управлению имениями. Юрисдикция властей далеко не ограничивалась конфликтами по поводу собственности: предводителя дворянства часто призывали вмешиваться в семейные ссоры, мирить мужей и жен, увещевать родителей, пренебрегавших воспитанием детей⁵⁹. Поддерживая порядок среди местного дворянства, уездный предводитель также был обязан надзирать за нравами местных помещиков и выявлять те пороки, которые могли отразиться на их способности управлять имуществом. Эти новые обязанности понимались иногда неожиданным образом. Так, в 1856 г. чиновник Министерства внутренних дел получил от графини Анны Толстой просьбу разрешить ей оставить мужу пожизненную ренту со своего имения. Завещание имущества супругу было обычным делом в середине XIX в., но все же чиновник, прежде чем выдать такое разрешение, потребовал, чтобы уездный предводитель дворянства исследовал «нравственные качества и образ жизни» просительницы и ее мужа⁶⁰.

Однако больше всего государство интересовало то, как помещики распоряжаются своими владениями при жизни. Внимание местных властей привлекало несколько категорий проступков со стороны дворян, которые ставили под вопрос способности виновных к управлению поместьями. Одной из таких категорий было безнравственное поведение, т.е. проступки в диапазоне от пьянства и игры в карты до сексуального насилия над крепостными женщинами. Другой вид провинностей представляло собой жестокое обращение с крестьянами, к которому относили не только физическое наси-

лие, но и неспособность обеспечить крепостных достаточным наделом земли, чтобы они могли прокормиться. Еще одной причиной краха помещиков обоих полов выступали некомпетентность и безалаберность в управлении имением: их владения передавались попечителям, которые, по иронии судьбы, нередко обладали не большими хозяйственными талантами, чем сами владельцы. Независимо от вида проступков, жалобы в подавляющем большинстве исходили преимущественно от родственников виновного, которые с растущим беспокойством наблюдали за его или ее оплошностями и наконец принимали меры, чтобы пресечь разбазаривание семейного состояния. В других случаях возмущение сумасбродствами или вопиющим беспутством помещиков выражали их соседи. Так или иначе, соседних помещиков всегда опрашивали, чтобы убедиться в справедливости поступивших нареканий, и их свидетельства часто оказывались решающими.

Забота государства о разумном управлении дворянскими имениями и о сохранении родовых состояний имела многочисленные прецеденты. Еще Петр Великий обременил дворянство требованиями Указа о единонаследии, стремясь предотвратить дробление родовых земель. Позднее Анна Иоанновна смягчила правила обязательной военной службы, дабы один сын в каждой семье мог вести дела в имении. После освобождения дворянства от обязательной службы дворяне-помещики стали проявлять заметный интерес к повышению доходности своих земель, и государство всячески поддерживало подобные занятия⁶¹. Монархи XVIII в. приставляли опекунов к поместьям умственно неполноценных лиц и тех легковверных помещиков, которые позволяли себя обманывать мошенникам⁶². И хотя в десятилетия, предшествовавшие отмене крепостного права, одну из коренных причин бедности народа современники видели в крепостном рабстве, многие думали также, что вина лежит и на расточительном дворянстве, пускавшем на самотек свои хозяйственные дела. Но когда власти усмотрели связь между нравственностью хозяев и разумным управлением поместьями, открылась новая эра в их борьбе с последствиями помещичьего мотовства и некомпетентности.

В отличие от прежних попыток официальными мерами поощрять рост продуктивности дворянских поместий, в XIX в., когда власти обвиняли помещика в плохом хозяйствовании, эти обвинения тесно увязывались с критикой личных качеств виновного. Одна только безалаберность в хозяйстве редко заставляла местные влас-

ти вмешиваться в имущественные дела дворян. О помещиках, не справлявшихся с управлением землями и крещеной собственностью, говорили в таких терминах и категориях, которые подчеркивали обязанность и мужчин, и женщин благородного происхождения отличаться от других социальных групп поведением, достойным своего статуса. Стремясь к повышению культурного уровня своих собратьев-дворян, местные власти уделяли помещицкому пьянству и разгулу такое же внимание, что и собственно управлению имениями. Истцы тоже быстро усвоили официальную риторику и редко ограничивались лишь обвинениями в плохом ведении хозяйства или даже в жестокости к крестьянам. Они подкрепляли свои заявления клеветой на личную жизнь обвиняемого, хотя такие проступки, как пьянство, не служили законным основанием, чтобы лишить помещика имущественных прав. И если власти стремились учитывать только подкрепленные доказательствами свидетельства и улики, то на их решения все-таки влияли приписываемые ответчикам кутежи и оргии, особенно когда шла речь об угрозе благополучию дворянских детей.

Портрет провинциального дворянства, встающий со страниц тех дел, которые рассматривались в местных дворянских собраниях, получается, мягко говоря, нелестным. В одном подмосковном городке соседи жаловались предводителю дворянства на вдову титулярного советника Анну Рузскую, которая шаталась по улицам в пьяном виде, задирая прохожих бранными словами и неприличными жестами. Ее поведение стало до того невыносимым, что люди всячески избегали ходить мимо ее дома⁶³. Наталья Братцова была вынуждена поселиться с детьми в крестьянской избе, потому что муж вышвырнул их из дома и отказался кормить. Волоколамский уездный предводитель дворянства в 1801 г. описывал, как он ездил увещевать прапорщика Братцова и нашел его пьяным, а в доме вся мебель была переломана и в окнах побиты стекла⁶⁴. Когда жена капитана Бажина пожаловалась московскому уездному предводителю дворянства на буйство своего мужа, то предводитель донес губернатору, что капитан с женой пьянствуют безо всякого удержу и так люто дерутся друг с другом, что местная полиция уже не ручается за их жизнь⁶⁵.

Хотя некоторые дела такого рода начинались с жалоб соседей, большинство прошений, полученных уездными предводителями, порождалось внутрисемейными, особенно супружескими, ссорами по поводу распоряжения имуществом. Провинциальные власти с

большим сочувствием выслушивали жалобы жен, чьи мужья пускали на ветер свои имения. В самом деле, мужья и жены в первой половине XIX в. удивительно часто делали попытки отстранить друг друга от управления делами поместий. Бывало и так, что дети и другие потенциальные наследники старались положить конец безответственному поведению старших, которые проматывали состояния. Внимательное изучение доказательств, представленных министру внутренних дел и в Сенат, равно как и сенатских дебатов, показывает, что родственники-мужчины вовсе не щепетильничали перед слабым полом и обвиняли женщин в дурном управлении поместьями. К помещикам обоих полов предъявлялись одинаковые требования, когда речь шла о финансовом благополучии их семей и должном попечении о крестьянах и поместьях. Предводители дворянства, когда их избиратели подозревались в правонарушениях, нередко действовали, опираясь лишь на слухи. Зато начальство в Петербурге настаивало на тщательном и непредвзятом расследовании обвинений и часто требовало дополнительного следствия и сбора новых показаний, прежде чем вынести окончательное решение и лишить обвиняемого имущественных прав.

Благодаря такой позиции центральных властей женщины оказывались не беззащитнее мужчин, когда дело доходило до расследования их поступков. К примеру, разочарование постигло поручика Феоктистова, которому в 1841 г. не удалось убедить власти забрать в опеку имение его жены. Он заявил, что жена безответственным образом выдала коллежскому асессору Баташеву доверенность, которая, по мнению Феоктистова, предоставила тому неограниченные права на ее имущество. Когда тульский предводитель дворянства отправился к Варваре Феоктистовой и изложил ей жалобы ее мужа, та отвечала, что муж не в своем уме и за несколько месяцев перед тем даже лежал в больнице, после того как сам себя поранил. Тем не менее предводитель рекомендовал дворянскому собранию снова рассмотреть это дело. В своем докладе он отметил, что, хотя и не располагает положительными фактами, бросающими тень на образ жизни Феоктистовой, до него дошли слухи, подтверждающие обвинения мужа. Со своей стороны, сенаторы нашли недостаточными доказательства того, что Феоктистова проматывает деньги или ведет безнравственную жизнь, так что велели гражданскому и военному губернаторам провести более тщательное расследование, прежде чем предпринимать против нее какие-либо действия⁶⁶. В других случаях местные власти отклоня-

ли обвинения мужей в адрес жен еще до того, как они доходили до Сената. Например, когда прапорщик Костомаров обратился к московскому военному губернатору с просьбой арестовать имение его жены, которое, по его словам, она совершенно разорила, предводитель дворянства сообщил губернатору, что не имеет причин верить обвинениям Костомарова и что, скорее всего, последний сам же и обижает свою жену⁶⁷.

Даже когда женщины вели себя не так, как было принято, их имущество оставалось у них в руках до тех пор, пока они не оказывались виновны в вопиющей жестокости по отношению к крестьянам или не отягощали свои имения долгами. Дочь и зять тверской помещицы Озеровой жаловались, что она пьянствует в компании своих крепостных, отпустила нескольких крестьян на волю и заложила часть поместья. Дочь Озеровой боялась, что она с двумя маленькими детьми потеряет наследство, если мать не перестанет бесчинствовать. Члены дворянского собрания постановили, что необходимо взять имение Озеровой в опеку, в подтверждение чего указали, что Озерова предстала перед ними в невменяемом состоянии, явно была пьяна. Однако Сенат отверг их вердикт: несмотря на то что Озерова, несомненно, имела склонность к пьянству, не нашлось никаких доказательств ее жестокого обращения с крестьянами или плохого управления имением. Напротив, она регулярно выплачивала долги, а отпуская крестьян на волю, ни в чем не преступила закон. В целом, как заключил Сенат, взять имение Озеровой в опеку «единственно с тою целию, чтобы удержать оное в роде Озеровой, и дабы не ослабить дворянских имений, было бы не согласно с законами»⁶⁸. Сенаторы, вероятно, неодобрительно смотрели на расточение дворянских состояний, но все-таки считали, что их первый долг — не допускать нарушений закона, а не пресекать безнравственные поступки отдельных помещиков.

Женщины совершали множество проступков, которые казались весьма предосудительными местным дворянским собраниям, и нередко между губернскими и центральными властями возникали разногласия по поводу того, как следует реагировать на поведение барынь, позорящих свой пол и дворянское звание. Действительно, переписка между сенаторами, министром внутренних дел и уездными предводителями дворянства выявляет расхождение их целей: если власти в Петербурге стремились развивать в провинции правовую культуру, то многие чиновники местного уровня больше старались воспрепятствовать деградации провинциального дворян-

ства⁶⁹. В 1843 г. дворяне Оренбургской губернии были потрясены браком дворянской вдовы Барышниковой с крестьянином. Они поспешили согласиться с требованием ее бывшего девера забрать землю Барышниковой в опеку на том основании, что второй брак делает ее не способной управлять имением в интересах двух ее несовершеннолетних детей. Рассмотрев это дело, министр внутренних дел решил, что, хотя брак между дворянкой и крестьянином неподобающ, никаким законом подобные союзы не запрещаются и нельзя на таком основании лишать женщин собственности. Поэтому, пока дворянское собрание не представит бесспорные доказательства мотовства и бесхозяйственности Барышниковой, оно не вправе ни лишить ее имущественных прав, ни взять ее имение в опеку⁷⁰.

Если местные власти слишком охотно воспринимали сплетни как причину для ограничения помещиц во владельческих правах, то это касалось и мужчин-помещиков. В 1841 г. подполковник Бельский был обвинен в изнасиловании десятилетней крестьянской девочки в своем имении. Хотя Смоленская уголовная палата оправдала Бельского за недостатком улик, члены суда тем не менее подняли вопрос о том, можно ли разрешить Бельскому и дальше хозяйничать у себя в имении, так как следствие выявило факты, вызывавшие сомнения в его нравственности. Исходя, вероятно, из того соображения, что нет дыма без огня, смоленский гражданский губернатор, в свою очередь, предложил отдать поместье Бельского в опеку на три года: подозрения в его виновности сохранялись, и следовало показать ему, что подобные преступления не остаются безнаказанными. Министр внутренних дел и Сенат возразили, что нельзя отдать поместье в опеку на заранее определенный срок, однако, похоже, согласились с тем, что Бельский потерял право распоряжаться поместьем уже в силу самого подозрения в совершенном преступлении⁷¹.

Если в рассмотренных делах провинциальные власти проявляли слишком горячее стремление вмешиваться в жизнь местных дворян, то другие губернаторы и предводители дворянства проводили расследования тщательнее и действовали прежде всего в интересах тех, кто материально зависел от провинившихся помещиков. Одним из самых обычных обвинений, с которыми они сталкивались, были жалобы дворянок, мужа которых дотла разоряли поместья. В прошениях многострадальных жен не только звучат одинаковые обиды на мужей, транжиривших деньги, пьянствовавших, избивав-

ших и притеснявших крестьян, но и используются сходные приемы составления исковых заявлений. Эти дворянки обычно подчеркивали, что обращаются к властям лишь после того, как много лет терпели выходки своих мужей. Кроме того, они всегда утверждали, что поведение их супругов грозит финансовому благополучию, если не самому существованию их детей. Екатерина Колтовская писала в прошении военному губернатору Московской губернии, что, хотя и против ее натуры и правил выносить проступки мужа на рассмотрение властей, но забота о детях вынуждает ее так поступить⁷². И мужья, и жены прекрасно понимали, для какой аудитории предназначены их прошения, и весьма успешно прибегали к риторике защиты интересов семьи. Все просители как один, принося жалобы на своих супругов, отрицали всякую личную заинтересованность. Перед нами типичный пример: коллежский асессор Каринский в 1846 г. заявил, что расточительство его жены вот-вот лишит семью последнего куска хлеба. Взывая о помощи к предводителю дворянства, Каринский утверждал, что решился действовать против жены только ради четырех дочерей, а сам он совершенно не заинтересован в том, чтобы управлять ее собственностью⁷³. Уездные предводители и другие власти, в свою очередь, прежде чем прибегнуть к закону, пытались примирить рассорившихся супругов и уговаривали беспутных помещиков исправиться.

Власти охотно выслушивали женские обвинения в адрес мужей и применяли к последним надлежащие меры, что являет разительный контраст с реакцией светских и церковных властей, характерной для XVIII в. В XIX в. чиновники уже не считали, что всякую женщину, обратившуюся с иском в суд, можно подозревать в злом намерении подорвать авторитет мужа, а брали на себя труд проверить обоснованность обвинений. Жена дворянина Андрея Беседина обратилась к предводителю дворянства Дмитриевского уезда Курской губернии с жалобой на невыносимое пьянство мужа и его жестокость по отношению к крестьянам. Предводитель докладывал, что дважды ездил к Беседину и уговаривал его прекратить свои выходки. Когда же это не помогло, он вынес дело на рассмотрение Курского дворянского собрания, постановившего отдать имение Беседина в опеку. Многие из соседей Беседина, как и его родственники, показали, что он успешно управляет имением и не замечен в неподобающем поведении. Более того, они свидетельствовали, что все обвинения против него выдумала жена, желавшая завладеть его имением, для чего и опорочила мужа перед властями.

Но когда в 1846 г. Сенат вынес постановление по этому делу, он согласился с первоначальным решением Курского дворянского собрания: двенадцать соседних помещиков все же свидетельствовали против Беседина, а его собственная мать предпочла завещать свое имение его жене, чем видеть, как сын его проматывает. Предводитель дворянства в своем донесении подчеркивал, что действует «не из желания какой-либо неприятности г. Беседину, а единственно из доброжелательства к семейству его и для раскрытия истины»⁷⁴.

Дворянки прибегали к помощи Дворянской опеки, чтобы не допустить расточения имущества мужей. Кроме того, женщины передавали под защиту опеки и собственные поместья, опасаясь мотовства своих супругов. Так, в 1843 г. княгиня Екатерина Долгорукая просила императора взять в опеку ее крупные владения и назвала своего брата в качестве подходящего попечителя для этого имущества. Ее муж, как она писала, был известным мотом, а она, живя в то время за границей, не могла надзирать за своими делами и воспрепятствовать разорению ее имения. Просьба Долгорукой была вскоре удовлетворена; после смерти мужа в 1852 г. она приехала в Россию, и имение вернулось под ее управление⁷⁵. Судя по описи имений, находившихся под надзором Кирсановской уездной опеки в 1814 г., на имение Татьяны Арбеновой был наложен арест по такой же причине — из-за «невоздержанности» ее мужа, прапорщика Арбенева⁷⁶.

Другим признаком изменения гендерных традиций в контексте имущественного права был рост недоверия, с которым судебные власти встречали рассказы мужей, жаловавшихся на супружеские измены своих жен. Если в XVIII в. дворяне довольно успешно использовали в своих интересах обвинение жен в супружеской неверности, то в XIX в. суды были куда менее склонны принимать такие обвинения на веру. Так, генерал-лейтенант Купреянов «доблестно» попытался вырвать из рук жены имение в 850 душ, обвинив ее в интрижке с местным купцом, которого она будто бы осыпала дорогими подарками. В изложении Купреяновой эта история в корне отличалась от версии ее мужа. Она решительно отказалась признать обвинения в измене, привела целую серию примеров, говоривших о его неспособности управлять своими финансовыми делами, и добавила, что она одна оплачивает образование их дочери. В конце концов, защита Купреяновой принесла ей победу: всего через несколько месяцев после того, как ее имение было взято в

опеку, император приказал министру внутренних дел снять опеку и возвратить имение в полное распоряжение Купреяновой⁷⁷.

С другой стороны, вопиющее беспутство некоторых помещиц, имевших малолетних детей, настраивало власти против них и существенно ослабляло их позиции в суде. Московский уездный предводитель дворянства Чертков признавался, что сначала не смог найти никаких подтверждений тому, что жена коллежского асессора Модзалевского обижает своих крестьян или тратит непомерные суммы денег, как заявил ее муж. Но, отправившись к ней домой, чтобы представить ей эти обвинения, он обнаружил, что в комнатах царит страшный беспорядок, повсюду разбросаны вещи и даже деньги. К тому же Модзалевская отказалась жить вместе с мужем и заботиться о сыне. В свою защиту она сказала, что муж бросил ее, а затем подал на нее в суд, так как она отказалась передать свое имение в его собственность. Министр внутренних дел заявил в докладе Сенату, что, хотя обвинения в дурном обращении с крепостными не доказаны, он все же согласен с тем, что неподобающее поведение Модзалевской и небрежность к собственному имуществу, не говоря уже об изболочительных показаниях ее отца, более чем достаточно оправдывают арест ее имения в интересах сына⁷⁸.

ПОМЕЩИКИ И ДУРНОЕ ОБРАЩЕНИЕ С КРЕСТЬЯНАМИ

Самым распространенным мотивом лишения помещиков контроля над имениями служило жестокое обращение с крестьянами. В первой половине XIX в. местные и центральные власти, опасавшиеся крестьянских бунтов, были буквально одержимы стремлением не допускать помещичьих издевательств над крепостными. Петербургские чиновники неустанно внушали губернским властям, чтобы те напоминали местному дворянству о его ответственности за крестьян и о том, что помещики, превысившие свою власть, лишаются права распоряжаться имениями. Под дурным обращением понимали не только телесные наказания и непосильный труд, но и те случаи, когда крестьянам давали слишком мало земли. В итоге губернские предводители дворянства и губернаторы усиленно собирали информацию о том, у кого среди подвластных им дворян меньше двадцати крепостных душ и кто выделяет крестьянам меньше 4,5 десятин земли, т.е. минимального прожиточного надела⁷⁹. Местные власти выискивали и другие признаки притес-

нений. В 1832 г. министр внутренних дел инструктировал московского губернского предводителя дворянства внимательно наблюдать за дворянами, подозреваемыми в жестокости, и предупреждал, что, когда при переселении крестьян не соблюдаются должные меры, есть риск спровоцировать волнения. Хотя министр преуменьшил масштаб проблемы, уверяя предводителя, что такие происшествия редки и обычно происходят по вине старост, он все же настоятельно просил, чтобы уездные предводители не спускали глаз с местного дворянства. Через десять лет Министерство внутренних дел перестало делать вид, будто считает случаи дурного обращения с крестьянами исключительным явлением. Теперь министр заявил, что они далеко не редкость, и устроил разнос уездным предводителям, смотревшим на дело сквозь пальцы⁸⁰.

До нас дошло поразительное множество дел о жестокости помещиков; ими переполнены материалы служебных архивов предводителей дворянства, а также собрания документов полиции и Сената. Нельзя сказать, что в XVIII в. случаи, когда помещиков наказывали за истязания крестьян, были неслыханным делом⁸¹. В 1768 г. нашумела история по сей день печально знаменитой Салтычихи. Эта помещица за мелкие или даже мнимые проступки засекла до смерти десятки дворовых, причем заставляла своих людей прятать тела замученных⁸². Однако крестьянам, страдавшим от невыносимой жестокости хозяев, было, в сущности, почти некуда обратиться за помощью, ибо закон отнюдь не поощрял их к подаче жалоб на своих владельцев⁸³. Крестьяне же, задумавшие отомстить своим мучителям, прибегали к другому приему — к формуле «слово и дело», означавшей обвинение в оскорблении величества, а заодно доносили и о том, что обращение помещиков с крепостными оставляет желать много лучшего. Так, в 1764 г. Николай Иванов объявил, что его барыня, Устинья Соколова, вернувшись с коронации Екатерины II, говорила, что новая императрица недостойна править Россией, потому что родом она иноземка. За свое усердие Иванов был сурово наказан, как и практически все крестьяне, приходившие с доносами на своих господ⁸⁴.

Когда в 1797 г. император Павел изменил закон и разрешил крестьянам жаловаться на господ за жестокое обращение, немедленно хлынул поток челобитных от обиженных крепостных. Показания этих людей не принимались как улики против помещиков, но вина барина могла быть установлена, если соседские помещики и крестьяне, не принадлежавшие обвиняемому, вызывались е

подтвердить. В первое время после выхода нового указа помещиков признавали виновными в жестоком обращении лишь в редких случаях⁸⁵. Но уже во втором десятилетии XIX в. власти с большей, чем прежде, решимостью вставали на защиту обиженных крестьян.

Для хозяев, которые секли крестьян и морили их голодом, предусматривался определенный круг наказаний. В самых крайних случаях таких помещиков лишали дворянства и подвергали пожизненной ссылке или заточению в монастыре, где у них было время подумать о своих грехах⁸⁶. Такова была судьба той же Салтычихи, а также Анны Лопухиной, чьи дворовые показали, что она избивала их детей и втыкала булавки в языки и в грудь крепостным женщинам⁸⁷. В 1769 г. поручик Федор Тарбеев убил свою крестьянку, за что Сенат приговорил его к шести месяцам монастырского покаяния с последующим разжалованием в нижние чины⁸⁸. В Симбирской губернии в 1801 г. жена майора Нагаткина лишилась дворянского звания, после того как ее свирепое рукоприкладство стало причиной смерти одиннадцатилетней дворовой⁸⁹. Когда в XIX в. наказания за жестокое обращение с крестьянами усилились, Сенат перестал ссылать провинившихся помещиков в ближайшие монастыри, предпочитая различными способами ограничивать их имущественные права: некоторых хозяев отстраняли от управления имениями, а других лишали права заключать всякие сделки с недвижимостью. Но чаще всего этим помещикам вообще запрещалось появляться у себя в имениях.

Дела по обвинению в жестоком обращении с крепостными дают уникальную перспективу для оценки роли гендерных факторов во взаимодействии помещиков с судебными властями. Многие историки в XIX в., невзирая на свидетельства об обратном, делали широкие обобщения на основании нескольких нашумевших случаев и в итоге заключали, что женщины по своей природе склонны тиранить подвластных им людей⁹⁰. Труднее установить, как относились к помещицам официальные власти: есть ли причины считать, что они были расположены воспринимать обвинения против помещиц более серьезно, чем жалобы на мужчин дворянского звания? Чаще ли женщины сталкивались с сопротивлением непокорных крестьян, чем мужчины? А когда помещицу привлекали к ответственности за немотивированные наказания крестьян, то исходили ли жалобы на нее от пострадавших или от родственников самой барыни, задумавших завладеть ее поместьем?

Если мы сравним, сколько мужчин и женщин проходили по таким делам, то увидим, что доля помещиц, обвиненных в дурном обращении с крепостными, вполне соответствует проценту имений, находившихся в женских руках в первой половине XIX в. Секретный департамент, учрежденный Павлом I для рассмотрения крестьянских прошений, в 1797—1798 гг. заслушал 45 дел о жестоком обращении, и лишь в 5% из них участвовали помещицы⁹¹. В документах Московского дворянского собрания сохранилось 109 жалоб на притеснения крестьян со стороны владельцев за 1794—1846 гг., из которых 65 (60%) было подано на помещиков-мужчин и 44 (40%) — на женщин⁹². Садизм, проявляемый прекрасным полом, в XIX в. сильнее щекотал нервы современников, в то время как суровость и равнодушие к крестьянам были в равной мере присущи помещикам и помещицам.

В последние десятилетия перед отменой крепостного права чиновники, вероятно, разделяли нелестное мнение историков о женской натуре. В докладе о положении крестьян накануне реформы А.В. Головинн отметил, что помещицы «упрямее... и, к сожалению, ...бессердечнее» помещиков⁹³. Другой чиновник писал, что «женщины превосходят мужчин в жестокости и отличаются изобретательностью наказаний»⁹⁴. Впрочем, когда крестьяне приходили в уездные суды с рассказами о том, как их притесняют и морят голодом, чиновники не делали различий между владельцами-мужчинами и женщинами. Чтобы проверить истинность обвинений, предводитель дворянства несколько раз навещался в имение подозреваемого или подозреваемой и искал признаков физического насилия над крепостными. Кроме того, он собирал сведения о его поведении у соседских помещиков и их крестьян. Если эти показания говорили о том, что находящийся под следствием землевладелец в самом деле обижал своих крестьян, тогда его или ее имение незамедлительно бралось в опеку. Многим из таких владельцев запрещалось распоряжаться своими владениями и даже посещать их, хотя они получали некоторую сумму на содержание из доходов с этих имений.

Такие наказания кажутся мягкими в сравнении с пожизненными ссылками, к которым приговаривали дворянок в XVIII в. Даже помещики, причастные к гибели своих крестьян в результате беспощадной порки, не лишались дворянства и не высылались в монастыри⁹⁵. Так, в 1826 г. в Курской губернии некто Денисов и его жена были обвинены в убийстве одного из своих крестьян, но оба

отделались всего лишь высылкой из имения⁹⁶. Такое же наказание назначили помещице Мистровой в Тверской губернии в 1841 г.: после жестокого избиения крепостной женщины, которая вскоре умерла, ей запретили жить в своем поместье и приговорили к двум месяцам тюрьмы. Дворянства же ее не лишили⁹⁷.

Материалы рассмотрения дел провинившихся помещиков в дворянских собраниях и центральных органах власти не оставляют сомнений в том, что больше всего беспокоил чиновников, искавших признаков «жестокости обращения с крестьянами», «мотовства и расточительности» или безнравственности («неприличное поведение», «неблаговидная или развратная жизнь»), не пол преступника, а его или ее принадлежность к дворянству. Этот мотив отражался и в жалобах, адресованных властям. То и дело суть обвинений, изложенных в прошениях и в официальной переписке местных и центральных органов власти, сводится к тому, что обвиняемый виноват в недворянском поведении. В 1839 г. Сызранское дворянское собрание спорило, изымать ли имение у лейтенанта Шильникова за его пьянство и поведение, «неприличное званию дворянина»⁹⁸. Докладывая об ужасных поступках Александры Тютчевой, волоколамский уездный предводитель дворянства писал, что она так быстро промотала свое наследство, что осталась без крыши над головой. Несмотря на свое благородное происхождение, продолжал он, она потеряла всякий стыд и ради пропитания опустилась до крестьянской работы⁹⁹. Власти сделали выговор помещице Нарышкиной за плохое управление делами дочери во время опекуновства над ее имением. Предводитель, докладывавший по делу, отметил, что Нарышкина пользуется репутацией, «унижающей дворянское достоинство»¹⁰⁰. Словом, во многих из этих дел звучит рефрен, что обвиняемые виноваты не в поведении, которое не пристало их полу, а в поступках, недостойных всякого, кто носит звание дворянина. За измену своему социальному статусу помещика лишали одной из его существеннейших привилегий — права распоряжаться своими землями и крещеной собственностью.

Если имение брали в опеку, то назначенные к нему попечители отвечали за управление хозяйством и за представление отчетов о доходах и расходах в Дворянскую опеку. Чаще всего в руках попечителей эти имения приносили не больше дохода, чем у своих владельцев. Дворяне, лишённые права управлять поместьями, горько сетовали на управленческие «таланты» опекунов. Крестьяне же, со своей стороны, зачастую предпочитали власть собственного по-

мещика хозяйствованию неизвестных им попечителей¹⁰¹. Крестьяне деревни Каменки Богородского уезда просили местного предводителя дворянства освободить поместье их владельца Королькова от опеки. Они перечисляли множество выгод житья при Королькове: он за свой счет отстроил крестьянские дома, когда часть деревни сгорела, построил у себя в поместье завод, дававший им заработки, а во время голода 1839 г. раздавал зерно нуждающимся. Как ни странно, в переписке между предводителем и военным губернатором не упоминается, в чем именно провинился Корольков. Хотя предводитель не видел причин не пойти навстречу просьбе крестьян, поскольку считал, что «опекун никогда не может так свободно действовать на пользу крестьян, как сам их настоящий владелец», московский губернатор ответил, что не может изъять имение из-под опеки¹⁰². В 1852 г. с подобным прошением обратились крестьяне, принадлежавшие Екатерине Григорьевой. Как и крестьяне Королькова, крепостные Григорьевой хвалили свою барыню за то, что она помогала им при неурожаях и покупала для них скот; попечитель же, напротив, не был «настоящим хозяином имения» и не обладал правом оказывать им подобную помощь. На этом основании предводитель, сочувствуя крестьянам, рекомендовал освободить имение Григорьевой из-под опеки, несмотря даже на то, что нашел ее владения в большом расстройстве¹⁰³.

* * *

Архивы губернских дворянских собраний переполнены докладами об исследовании личных и деловых качеств помещиков обоих полов, но из них неясно, как влияли эти меры на поведение провинциального дворянства. Историки как императорского, так и советского времени считали, что предводители дворянства всячески старались закрывать глаза на страдания обиженных крестьян ради того, чтобы сохранить привилегии своих братьев-дворян¹⁰⁴. Документы дворянской опеки Московской и Тамбовской губерний свидетельствуют о том, что количество обвинений против дворян далеко превосходило число имений, взятых в опеку. В 1844 г. в ведении Тамбовской дворянской опеки состояло 87 имений, большей частью принадлежавших несовершеннолетним детям¹⁰⁵. Московский губернский предводитель дворянства докладывал, что в 1851 г. было взято в опеку лишь три имения, причем все они принадлежали женщинам и были изъяты за жестокое обращение с крестьянами или за безнравственное поведение¹⁰⁶. Но хотя жалобы и посту-

пали в изобилии, доля вынесенных по ним обвинений была скромной: с 1834 по 1845 г. почти 3 тыс. помещиков попали под суд за жестокое обращение с крестьянами, но виновными были признаны всего 660 человек, т.е. 22%¹⁰⁷. Тем не менее в одном 1838 г. по приговорам за жестокое обращение было изъято 140 имений; к 1859 г. эта цифра выросла до 215¹⁰⁸. Таким образом, долю имений, находившихся в опеке, никак нельзя назвать незначительной¹⁰⁹, и эти данные приводят нас к заключению, что надзор со стороны предводителей дворянства все-таки сдерживал наихудшие побуждения помещиков, склонных притеснять своих крестьян¹¹⁰.

Учреждение местных органов самоуправления позволило властям надзирать за губерниями и вмешиваться в частную жизнь дворянства в такой степени, о которой мог только мечтать Петр Великий. С точки зрения корпоративных привилегий практика ареста имений доказывала ненадежность владельческих прав помещиков в последние десятилетия крепостного права¹¹¹. Изъятие поместий было эффективным способом пресечь угнетение крепостных и помешать расточению дворянских состояний; но в то же время оно давало простор для злоупотреблений. Так, в 1842 г. наследники графа Кирилла Гудовича уговорили императора взять его имение в опеку на том основании, что Гудович утратил здравый рассудок и вознамерился заложить свое имущество. Как только Гудович согласился разделить имение между своими детьми, опека была снята¹¹². В других делах дворяне убедительно доказывали, что родные добивались изъятия их имений с единственным намерением ограничить их права собственности¹¹³. Более того, хотя в «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г. говорилось, что имущество помещика, совершившего преступление, должно отходить его наследникам, на практике эта гарантия оказалась не столь прочной¹¹⁴. Наследники осужденного помещика могли рассчитывать со временем получить его имение в собственность, однако при жизни владельца судьба этого имущества оставалась неопределенной. В 1858 г. дочери Екатерины Грушецкой в отчаянии обратились в Сенат, когда поместье их матери забрали в опеку за притеснения крестьян и они в результате остались без гроша. В ответ Сенат постановил, что имение Грушецкой должно оставаться в опеке до ее смерти; по поводу же средств к существованию ее дочерей Сенат никак не высказался¹¹⁵.

С точки зрения гендерных отношений конфликты, рассматривавшиеся в дворянских собраниях, показывают, что судебные и административные власти относились к женщинам-помещицам так же, как к помещикам мужского пола. Очевидно, что дворянки так

же страдали от ограничений своих корпоративных прав, как и мужчины. Тем не менее попытки местных властей насаждать идеи о взаимосвязи высоких человеческих качеств и дворянского звания приносили дворянкам пользу, как приносило им пользу и стремление центральной власти добиваться исполнения законов в губерниях. Из переписки между центральными и местными учреждениями по поводу ареста имений явствует, что пол провинившихся помещиков едва ли принимался во внимание: обо всех одинаково собирались сведения; причем власти особенно настаивали на том, чтобы полученные данные рассматривались в свете предписаний Свода законов. Бывало, что чиновники неодобрительно смотрели на дворянок, которые пьянствовали или заключали неравные браки, но все же отказывались лишать их имущества на основании этого, если нравственные недостатки этих женщин не сопровождались реальными свидетельствами плохого управления поместьями. Этот беспристрастный подход был явным шагом вперед по сравнению с действиями чиновников XVIII в., более склонных ограничивать имущественные права женщин, преступавших принятые границы морали и традиционные нормы женского поведения. В то же время помещики-мужчины почувствовали, что отношение к ним судебных институтов стало менее снисходительным. Жалобы со стороны жен уже не отменялись с порога, обвинения жен в супружеской неверности не вызывали прежнего доверия, и дворяне поняли, что и от них тоже ждут более нравственного поведения и лучшего хозяйствования.

Несмотря на все недостатки, судебный процесс в императорской России дал многим дворянкам возможность отстаивать свои интересы и защищать себя и детей от лишения имущества. Разумеется, успешный ход судебного разбирательства зависел от множества неуловимых факторов: от способности истицы уговорить чиновников принять дело к рассмотрению, от поддержки членов семьи и даже от силы ее характера. Р. Уортман полагает, что трудности, связанные с обращением в суд, «отбивали охоту к тяжбам и заставляли людей отказываться от защиты своих интересов»¹¹⁶. В свете этой оценки примерно одинаковый уровень участия женщин и мужчин в имущественных тяжбах кажется особенно примечательным. Хотя существовали помехи в достижении справедливости, дворянки не испытывали при этом более серьезных затруднений, чем мужчины. Во всяком случае, в сфере имущественного права дворянки, упорно отстаивавшие свои интересы, убеждались в том, что их доверие к суду не напрасно.

¹ *Wortman R.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976. P. 20 [*Уортман Р.* Властители и судии. С. 70—71. — *Примеч. ред.*]; *LeDonne J.* Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762—1796. Princeton, 1984. P. 145—146.

² *Hirschon R.* Introduction: Property, Power, and Gender Relations // *Women and Property — Women as Property.* Ed. R. Hirschon. N.Y., 1984. P. 17.

³ См. гл. 1 наст. изд., примеч. 43.

⁴ См.: РГИА. Ф. 1330 (Общие собрания департаментов Сената). Оп. 4 (1807—1827). Оп. 5 (1828—1847); Оп. 6 (1848—1863). Все эти дела (всего 392) касались родственных конфликтов из-за наследства или имущественных споров между посторонними людьми.

⁵ Сопоставимых цифр для дворянок Западной Европы не существует. Однако при исследовании женских имущественных прав в Англии начала Нового времени Э. Эриксон установила, что в Канцлерский суд обращались женщины из всех социальных слоев, причем выступили инициаторами 26% дел, рассмотренных в XVII — начале XVIII в. См.: *Erickson A.L.* Women and Property in Early Modern England. L., 1993. P. 114—115.

⁶ *Шишкин Т.* Несколько слов о необходимости юридических познаний для женщин // *Рассвет.* 1859. № 3. С. 126.

⁷ *Соколовский Н.* Современный быт русской женщины и судебная реформа. (Юридические заметки) // *Женский вестник.* 1867. № 9. С. 60—61.

⁸ *Ильинский П.А.* К вопросу о положении женщины в XVIII столетии в Костромской области (по архивным данным) // *Труды третьего областного историко-археологического съезда.* Владимир, 1909. С. 12—14.

⁹ *Островский А.Н.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1959. Т. 1. С. 189 («Бедная невеста»).

¹⁰ Депутаты Уложенной комиссии 1767 г. сетовали на то, что незнание законов ведет к разорительным искам со стороны дворян обоего пола: СИРИО. 1896. Т. 4. С. 379.

¹¹ *Wortman R.* The Development of a Russian Legal Consciousness. P. 107 [*Уортман Р.* Властители и судии. С. 201. — *Примеч. ред.*]. О противоречивости данных о распространении текстов законодательных сводов см.: *Marker G.* Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700—1800. Princeton, 1985. P. 198. Г. Маркер отмечает, что между 1780 и 1796 гг. было напечатано пять тысяч экземпляров «Уложения».

¹² Со второй половины XVIII в. Сенат всячески старался наладить контроль за отправлением правосудия в губерниях и получал из местных органов отчеты о получении и исполнении указов. См., например: РГАДА. Ф. 264 (IV Департамент Сената). Оп. 2. Ед. хр. 53 (1767); Ф. 264. Оп. 2. Ед. хр. 178 (1773—1774); Ф. 264. Оп. 2. Ед. хр. 253 (1782); Ф. 264. Оп. 2. Ед. хр. 367 (1799).

¹³ См. составленную в начале XVIII в. опись предметов, «что надлежит купить в Голландии и в других городах», из бумаг семейства Шереметевых: РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Ед. хр. 1292. Л. 5.

¹⁴ *Анненков И.П.* Дневник курского помещика И.П. Анненкова (1745—1766) // Материалы по истории СССР. М., 1957. Вып. 5. С. 708—709, 714—715.

¹⁵ Некоторые примеры см.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 79. Ед. хр. 4. Л. 41 (1722): «...а в указе и в пунктах... написано имянно»; Ф. 1209. Оп. 79. Ед. хр. 9. Л. 3 (1724); Ф. 1209. Оп. 79. Ед. хр. 51. Л. 32 (1758); Ф. 1209. Оп. 79. Ед. хр. 365. Л. 20 (1752).

¹⁶ В прошении на высочайшее имя вдова Чесменская изложила историю движения своего дела от судов низших инстанций до Сената, причем привела положения конкретных указов в поддержку своего иска. По ее словам, ни один из судов не судил по закону. См.: Прошение на Высочайшее имя вдовы генерал-майора Чесменского // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1873. Кн. 1. С. 263—265.

¹⁷ Об истории этих попыток см.: *Пахман С.В.* История кодификации гражданского права: В 2 т. СПб., 1876.

¹⁸ *Wortman R.* The Development of a Russian Legal Consciousness. P. 26—27 [*Уортман Р.* Властители и судии. С. 78—79. — *Примеч. ред.*].

¹⁹ *Erickson A.L.* Common Law Versus Common Practice: The Use of Marriage Settlements in Early Modern England // *Economic History Review*. 1990. Vol. 42. № 1. P. 26.

²⁰ *Богданович П.* Новый и полный письмовник. СПб., 1791. С. 13—14.

²¹ *Васильев И.В.* Фемида, или начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России. М., 1827.

²² *Крестинская А.* Чувства и мысли при чтении ручной книжки о правах женщин в России // *Дамский журнал*. 1827. № 24. С. 234—238.

²³ РГИА. Ф. 1330. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 4.

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 79. Ед. хр. 68. Л. 2.

²⁵ *Болотов А.* Жизнь и приключения Андрея Болотова. М., 1931. Т. 1: 1738—1759. С. 150—155 (переиздание: *Oriental Research Partners*. Cambridge, 1973; *Державин Г.П.* Сочинения Державина. СПб., 1871. Т. 6. С. 404—405.

²⁶ *Дельвиг А.И.* Полвека русской жизни. Воспоминания А.И. Дельвига (1820—1870). М., 1930. Т. 1. С. 353—355, 375—379.

²⁷ *Bradford M.W.* The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot, 1803—1808. L., 1935. P. 290, 308—309.

²⁸ Памятники московской деловой письменности XVIII в. М., 1981. С. 20.

²⁹ Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 337; *Bradford M.W.* The Russian Journals. P. 271—272.

³⁰ *Смирнова А.О.* Записки // *Русский архив*. 1895. Кн. 5. № 2. С. 25.

³¹ РГАДА. Ф. 1274 (Панины — Блудовы). Оп. 1. Ед. хр. 3240. Л. 1—2.

³² *Данилов М.В.* Записки // *Русский архив*. 1883. Кн. 2. № 3. С. 13. В середине XIX в. Е.А. Фредерикс (урожденная Сабурова) назвала историю права в числе предметов, которые она изучала: РГИА. Ф. 1044. Оп. 1. Ед. хр. 40.

³³ Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889. С. 37; Ильинский П.А. К вопросу о положении женщины в XVIII столетии. С. 13; Левшин А. Женские нравы и воспитание прошлого века. (Исторические картины) // Колосья. Журнал научно-литературный. 1887. № 1: Январь. С. 158—159; Шашков С.С. История русской женщины. СПб., 1879. С. 317. Никакого систематического исследования уровня женской грамотности в России XVIII в. не проводилось. В работе Б. Миронова этот вопрос освещен только для середины XIX в. См.: Миронов Б.Н. История в цифрах: математика в исторических исследованиях. Л., 1991. С. 73, 85—86.

³⁴ Об истории женского образования в России см.: Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России: В 2 т. СПб., 1899—1901. Если украинское дворянство писало в 1767 г. в наказах Уложенной комиссии о потребности в женских училищах, то русское провинциальное дворянство проявляло мало интереса к обучению женщин. См.: Бочкарев В. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам законодательной комиссии 1767 года // Русская старина. 1915. Май. Т. 162. С. 319—320, 322.

³⁵ В данном случае грамотность определяется просто как способность подписаться под документом полным именем. Сравнение показывает, что русские женщины отставали в этом от европейских современниц. Так, изучение женских подписей под присягой в Северной Англии с 1640 по 1750 г. свидетельствует о том, что всего лишь 19% дворянок, выступавших в суде, не могли написать свое имя. См.: Houston R.A. The Development of Literacy: Northern England, 1640—1750 // Economic History Review. 2nd ser. 1982. Vol. 35. № 2: May. P. 207—208.

³⁶ РГИА. Ф. 923 (Глебовы). Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1. См. также письмо князя Николая Щербатова к жене за 1757 г., в котором он просит, чтобы дочь писала ему почаще и следила за правописанием, «ибо в последнем ее письме нет ни одной строки без описки»: РГАДА. Ф. 1395. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 4.

³⁷ РГИА. Ф. 946 (Любомирские). Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 30.

³⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 79. Ед. хр. 241. Л. 5—6.

³⁹ Там же. Ф. 7 (Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция Сената). Оп. 2. Ед. хр. 2749. Л. 32.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1383 (Ревизия сенатора Куруты И.Е. Тамбовской губернии). Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 37—38; Ф. 1383. Оп. 1. Ед. хр. 195. Л. 2.

⁴¹ Там же. Ф. 1330. Оп. 6. Ед. хр. 406. Л. 6. Другие примеры прошений, самостоятельно написанных женщинами, см.: Там же. Ф. 1286. Оп. 8 (1843). Ед. хр. 509. Л. 2—3; Ф. 1330. Оп. 6. Ед. хр. 1891. Л. 6 (1862).

⁴² Там же. Ф. 796. Оп. 50 (1769). Ед. хр. 124. Л. 4; ЦГИАМ. Ф. 394. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 3 (1819).

⁴³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 79. Ед. хр. 65. Л. 17: «Била челом... об отказе послать указ в Севскую провинциальную канцелярию понеже имеется у нее приказная ссора с рыльским воеводою».

⁴⁴ Там же. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2749.

⁴⁵ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсим. изд. / Ред. М.В. Нечкина, Е.Л. Рудницкая. М., 1984. С. 69, 87—88.

⁴⁶ Адам М. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1903. Т. 94. № 12. С. 826.

⁴⁷ РГИА. Ф. 878 (Татищевы). Оп. 2. Ед. хр. 302. Л. 8.

⁴⁸ РГИА. Ф. 914 (Волконские). Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1.

⁴⁹ Благово Д. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений. Л., 1989. С. 316.

⁵⁰ См., в частности: *Lotman Iu.M.* The Poetics of Everyday Behavior in Eighteenth-Century Russian Culture // The Semiotics of Russian Cultural History / Ed. A.D. Nakhimovski and A.S. Nakhimovski. Ithaca, 1985. P. 67—94; *Roosevelt P.R.* Emerald Thrones and Living Statues: Theater and Theatricality on the Russian Estate // Russian Review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 18; *Tovrov J.* The Russian Noble Family: Structure and Change. N.Y., 1987. P. 3.

⁵¹ *Meehan-Waters B.* The Development and Limits of Security of Noble Status, Person, and Property in Eighteenth-Century Russia // Russia and the West in the Eighteenth Century / Ed. by A. Cross. Newtonville, Mass., 1983. P. 300.

⁵² Как мы уже видели (см. гл. 2 наст. изд.), дворяне, уезжавшие за границу без разрешения монарха, рисковали подвергнуться конфискации имущества. Одна англичанка, жившая в России в середине XIX в., отмечала: «Если русский сумеет хитростью выехать из страны, ему запрещают вернуться, а все его имущество конфискуют». См. дневник, авторство которого приписывают Амелии Лайонс: *At Home with the Gentry: A Victorian English Lady's Diary of Russian Country Life*. Attrib. to Amelia Lyons / Ed. J. McNair. Nottingham, 1998. P. 22.

⁵³ См. гл. 3 наст. изд.

⁵⁴ ПСЗ-1. Т. 14. № 10410 (20.05.1755).

⁵⁵ *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 годов. СПб., 1906. С. 105—108; *Madariaga I. de.* Russia in the Age of Catherine the Great. P. 286 (*Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 454. — *Примеч. ред.*).

⁵⁶ *Блинов И.* Сенаторские ревизии // Журнал министерства юстиции. 1913. Т. 19. № 2: Февраль. С. 286.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1555. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 4.

⁵⁸ Списки членов Дворянской опеки можно найти в: РГИА. Ф. 1379. Оп. 1. Ед. хр. 576. Л. 54 (1839); Ф. 1558. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 21, 60 (1828). См. также: *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление. С. 105—108.

⁵⁹ ЦГИАМ. Ф. 4 (Канцелярия московского дворянского депутатского собрания). Оп. 2. Ед. хр. 30 (1829); Ед. хр. 41; Ед. хр. 42; Ед. хр. 49 (1832); Ф. 380 (Канцелярия московского губернского предводителя дворянства). Ед. хр. 11-а (1849); Ед. хр. 84 (1871). См. также: *Cavender M.W.* Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Tver', 1820—1869. Ph. D. dissertation, University of Michigan, 1997. P. 302—312.

⁶⁰ ЦГИАМ. Ф. 380. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 1.

⁶¹ Серьезное исследование, посвященное Вольному экономическому обществу и введению в России рационального землепользования, представляет собой работа: *Confino M. Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII siècle*. Paris, 1963. Более позднее исследование поставленного на научную основу земледелия в Тверской губернии см.: *Cavender M.W. Nests of the Gentry*. P. 198—270.

⁶² Екатерина II приставила двух попечителей к имению вдовы Марии Павловны Нарышкиной, после того как у той мошеннически отобрали имение в тысячу с лишним душ. В тяжбе между Нарышкиной и тайным советником Талызиным Екатерина вынесла решение в пользу Нарышкиной, но запретила ей продавать или закладывать любую часть имения без разрешения опекунов. См.: ПСЗ-1. Т. 22. № 16000 (23.05.1784); Архив князя Воронцова. М., 1888. Т. 34. С. 437—442.

⁶³ ЦГИАМ. Ф. 394 (Канцелярия рузского уездного предводителя дворянства, 1790—1897). Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 1. Доклад уездного предводителя дворянства московскому гражданскому губернатору (1841).

⁶⁴ ЦГИАМ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 1—2.

⁶⁵ Там же. Ед. хр. 241. Л. 1—3 (1829).

⁶⁶ РГИА. Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной). Оп. 8 (1842). Ед. хр. 284. Л. 7—13, 29—30.

⁶⁷ ЦГИАМ. Ф. 380. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 2, 16 (1851). Аналогичные дела см.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 6 (1836). Ед. хр. 286; ЦГИАМ. Ф. 380. Оп. 2. Ед. хр. 2 (1847); Ед. хр. 26 (1851); Там же. Оп. 4. Ед. хр. 54 (1850); РГИА. Ф. 1286. Оп. 15 (1854). Ед. хр. 1002. Л. 16—17.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6 (1835). Ед. хр. 374. Л. 3—9.

⁶⁹ Описание конфликта между центральными и местными властями по поводу значения «законности» см.: *Werth P.W. Baptism, Authority, and the Problem of «Zakonnost» in Orenburg Diocese: The Induction of over 800 «Pagans» into the Christian Faith // Slavic Review*. 1997. Vol. 56. № 3. P. 472, 480.

⁷⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 8 (1843). Ед. хр. 453. Л. 2—6.

⁷¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 8 (1841). Ед. хр. 232. Л. 4—8.

⁷² ЦГИАМ. Ф. 380. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 1 (1849).

⁷³ Там же. Ед. хр. 7. Л. 24 (1848).

⁷⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 8 (1841). Ед. хр. 221. Л. 5—8, 24—30. Другие дела, по которым имения мужей были взяты в опеку по требованию их жен, см.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 6 (1835). Ед. хр. 363; ЦГИАМ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 75 (1838); РГИА. Ф. 1286. Оп. 8 (1841). Ед. хр. 212; Там же. Оп. 8 (1842). Ед. хр. 286; Там же. Оп. 8 (1843). Ед. хр. 445; Там же. Оп. 12 (1850). Ед. хр. 660.

⁷⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 8 (1843). Ед. хр. 509. Л. 2—3, 26.

⁷⁶ Там же. Ф. 1549 (Ревизия сенатора А.Л. Львова Тамбовской губернии, 1814—1815). Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 5.

⁷⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6 (1836). Ед. хр. 286. Л. 1, 26—30. См. также: Там же. Ф. 1537. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 9—11, 15 (1800).

⁷⁸ Там же. Ф. 1286. Оп. 8 (1841). Ед. хр. 213. Л. 3—9, 26—27, 33—35. Мужья, сумевшие доказать, что их жены родили незаконных детей, также оказывались в выигрыше. См.: Там же. Оп. 12 (1850). Ед. хр. 755. Л. 10—16.

⁷⁹ ЦГИАМ. Ф. 394. Оп. 1. Ед. хр. 425. Л. 1—2; РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Ед. хр. 726. Л. 2—6 (1844).

⁸⁰ ЦГИАМ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 256. Л. 1—2, 8; РГИА. Ф. 1384 (Ревизия сенатора кн. С.И. Давыдова Калужской губернии, 1849—1851 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 614. Л. 75—76.

⁸¹ Еще в 1719 г. Петр Великий указал отдавать в опеку имущество помещиков, плохо обращавшихся со своими крепостными. Но на протяжении XVIII в. это установление в основном игнорировали. См.: *Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, 1961. P. 435—439. В.И. Семевский обнаружил в XVIII в. 18 случаев, когда помещиков обвиняли в истязании крестьян, и отметил большую непоследовательность в назначенных им наказаниях. См.: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. Т. 1. С. 189—196. Самые ранние примеры дел помещиков, подозреваемых в засечении крестьян насмерть, см.: ПСЗ-1. Т. 15. № 11291 (10.06.1761); № 11450 (25.02.1762).

⁸² ПСЗ-1. Т. 18. № 13211 (10.12.1768). Показания дворовых людей Салтыковой см.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2078. Л. 17—18.

⁸³ По поводу неясностей в российских законах, касающихся права крепостных обращаться с челобитными на своих помещиков, см.: *Madariaga I. de. Catherine II and the Serfs: A Reconsideration of Some Problems // Slavonic and East European Review*. 1974. Vol. 52. № 126. January. P. 47—54.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2135. Л. 9, 13. См. также: Там же. Оп. 1. Ед. хр. 1751 (1756); Ед. хр. 1751 (1756).

⁸⁵ Не следует удивляться тому, что власти обычно признавали обвинения со стороны крестьян необоснованными. См. подборку дел: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2985. Ч. 1 (1797).

⁸⁶ Небольшое число дворян было сослано в Сибирь за дурное обращение с крестьянами при Екатерине II: *Madariaga I. de. Catherine II and the Serfs*. P. 53.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 3567. Л. 3, 5—6 (1800).

⁸⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 50. Ед. хр. 323 (1769). Л. 1.

⁸⁹ Там же. Ф. 1345. Оп. 98. Ед. хр. 667. Л. 27—29, 32—33.

⁹⁰ См.: *Гольцев В.А.* Законодательство и нравы в России XVIII в. 2-е изд. СПб., 1896. С. 80; *Ильинский П.А.* К вопросу о положении женщины в XVIII столетии. С. 5, 8; *Щепкина Е.* Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 133; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1879. Т. 5. С. 137.

⁹¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2985. Ч. 1, 2.

⁹² См.: ЦГИАМ. Ф. 4. Оп. 2. Из 165 поместий, взятых в опеку за расточительство и издевательства над крестьянами в 1850—1859 гг., 28 принадлежали женщинам: *Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг. М., 1990. С. 181.

⁹³ РГИА. Ф. 958 (Киселев П.Д.). Оп. 1. Ед. хр. 666. Л. 5.

⁹⁴ Цит. по: *Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение. С. 181.

⁹⁵ Обзор девятнадцати судебных дел помещиц, обвиненных в жестоком обращении с крестьянами, показывает следующее: четырех женщин приговорили к заключению в монастырь на срок от одного до пяти лет (последнее из этих дел относится к 1802 г.). У десяти помещиц имущества были изъяты. Еще четырьмя дамам выразили порицание просто на словах. Лишь одну помещицу лишили дворянства и сослали на каторгу в Сибирь за то, что она насмерть забила дворовую девку. Мужа преступницы только пожурили за то, что позволял жене совершать столь жестокие поступки. См.: РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Ед. хр. 231. Л. 18, 21 (1798); Ед. хр. 546. Л. 8, 13 (1801); Ед. хр. 610. Л. 24—27, 30—31 (1801); Ед. хр. 634. Л. 1—2, 32, 55 (1802); ЦГИАМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 55 (1827); РГИА. Ф. 1286. Оп. 7 (1838). Ед. хр. 24; Оп. 8 (1841). Ед. хр. 211; Ед. хр. 216. Л. 2, 7; Ед. хр. 231; Ед. хр. 272. Л. 1—5, 10; Оп. 8 (1842). Ед. хр. 256; Ед. хр. 269. Л. 2—5; Оп. 8 (1843). Ед. хр. 515. Л. 2—3, 5; Ед. хр. 536. Л. 2—5, 30—33, 43; ЦГИАМ. Ф. 380. Оп. 2. Ед. хр. 191 (1850); РГИА. Ф. 1286. Оп. 15 (1854). Ед. хр. 909. Л. 1—3; Ф. 1330. Оп. 6. Ед. хр. 1291 (1858); Ед. хр. 1891 (1862). В восьми делах с участием мужчин-помещиков наказания распределены так: одного сослали в Сибирь вместе с женой (1797), другого приговорили к пяти годам в монастыре, у троих арестовали поместья, а еще три дела остались без решения или были закрыты за недостатком улик. См.: РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Ед. хр. 12. Л. 1—4, 40—43 (1797); Ед. хр. 288. Л. 32, 38, 42 (1799); Ф. 1286. Оп. 6 (1835). Ед. хр. 383; Оп. 6 (1836). Ед. хр. 293; Оп. 7 (1838). Ед. хр. 37; ЦГИАМ. Ф. 380. Оп. 2, Ед. хр. 192 (1850); РГИА. Ф. 1330. Оп. 6. Ед. хр. 1277 (1858).

⁹⁶ РГИА. Ф. 1555 (Ревизия сенатора кн. А.А. Долгорукова Воронежской, Курской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской губерний, 1826 г.). Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 12—15.

⁹⁷ Там же. Ф. 1286. Оп. 8 (1841). Ед. хр. 231. Л. 2—4.

⁹⁸ Там же. Оп. 6 (1836). Ед. хр. 297. Л. 22.

⁹⁹ ЦГИАМ. Ф. 380. Оп. 2. Ед. хр. 99. Л. 1 (1850).

¹⁰⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 187. Л. 23 (1844). См. также: РГИА. Ф. 1549. Оп. 1. Ед. хр. 51 (1814). Л. 29; Ф. 1286. Оп. 8 (1842). Ед. хр. 269. Л. 2—5; ЦГИАМ. Ф. 380. Оп. 2. Ед. хр. 81 (1868); Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 191. Л. 15 (1845); Ф. 380. Оп. 4. Ед. хр. 44. Л. 14 (1849); Оп. 2. Ед. хр. 59. Л. 16 (1835); РГИА. Ф. 1286. Оп. 7 (1838). Ед. хр. 17. Л. 2; ЦГИАМ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 116. Л. 2 (1846).

¹⁰¹ По наблюдению одного историка, если крестьяне в имениях, взятых в опеку, и не подвергались дурному обращению, то страдали от дальнейшего снижения жизненного уровня: *Повалишин А.Д.* Рязанские помещики и их крепостные. Рязань, 1903. С. 151.

¹⁰² ЦГИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Ед. хр. 85. Л. 7—8, 16—17 (1853).

¹⁰³ Там же. Ед. хр. 73. Л. 6—16, 47.

¹⁰⁴ *Игнатович И.И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. 3-е изд. Л., 1925. С. 59—60; *Повалишин А.Д.* Рязанские помещики. С. 109.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 1383. Оп. 2. Ед. хр. 250. Л. 36—69. После освобождения крестьян продолжали брать под опеку имения несостоятельных должни-

ков. А.М. Анфимов в работе о дворянах-землевладельцах рубежа XIX и XX вв. объявил дворянскую опеку «реакционнейшим учреждением», призванным сохранять власть крупных землевладельцев, защищая их от кредиторов. См.: *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.). М., 1969. С. 342.

¹⁰⁶ ЦГИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Ед. хр. 60. Л. 1—3. Министерство внутренних дел докладывало, что в 1841 г. под опекой находилось 98 имений, изъятых за жестокость в отношении крестьян, еще 80 было изъято у промотавшихся помещиков, но большинство — 916 имений — попало в опеку за долги. См.: *Материалы для истории крепостного права в России: Извлечения из секретных отчетов Министерства внутренних дел за 1836—1856 гг.* Берлин, 1873. С. 56.

¹⁰⁷ *Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение. С. 179; *Mironov B.N.* Local Government in Russia in the First Half of the Nineteenth Century: Provincial Government and Estate Self-Government // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1994. Bd 42. S. 193. Б.Н. Миронов в этой работе предлагает оптимистическую интерпретацию данных о приговорах дворянам, указывая, что в некоторых губерниях количество осужденных дворян равнялось числу крестьян, осужденных за преступления.

¹⁰⁸ *Blum J.* Lord and Peasant in Russia. P. 440.

¹⁰⁹ Как утверждает Б.Н. Миронов, в 1836 г. в опеке находилось 20% поместий. См.: *Mironov B.N.* Local Government in Russia. S. 193.

¹¹⁰ М.А. Рахматуллин полагает, что процент имений, взятых в опеку за издевательства над крестьянами, в 1850-х гг. сократился в результате ужесточения мер против помещиков. См.: *Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение. С. 180. В 1847 г. один чиновник Министерства внутренних дел приписал резкую убыль обвинений в жестокости к крестьянам усиленному надзору со стороны предводителей дворянства. См.: *Материалы для истории крепостного права в России.* С. 169—170.

¹¹¹ В ходе публичных дебатов, предшествовавших освобождению крестьян 1861 г., выявилось, что многие дворяне усматривали в предполагаемом решении земельного вопроса, как и в потере бесплатной рабочей силы, нарушение своих имущественных прав. См.: *Field D.* The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855—1861. Cambridge, 1976. P. 108.

¹¹² РГИА. Ф. 1286. Оп. 8 (1843). Ед. хр. 460. Л. 4—5, 16—17, 24.

¹¹³ См.: ЦГИАМ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 116 (1846); Ф. 380. Оп. 4. Ед. хр. 64 (1851).

¹¹⁴ *Jones R.E.* The Emancipation of Russian Nobility, 1762—1785. Princeton, 1973. P. 282. У дворян, лишенных своего статуса и отправленных в ссылку, отбирали только землю с крестьянами; они сохраняли права на движимое имущество, на дома и на всю собственность, владение которой не зависело от принадлежности к дворянству. См.: СЗ. СПб., 1876. Т. 10. Ст. 332.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 1330. Оп. 6. Ед. хр. 1291. Л. 16.

¹¹⁶ *Wortman R.* The Development of a Russian Legal Consciousness. P. 240 [*Уортман Р.* Властители и судии. С. 408—409. — *Примеч. ред.*].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В сфере гендерных отношений, как и во многих других аспектах исторического развития, Россия в XIX в. разошлась с Западом. В целом разница между Россией и Западной Европой редко бывала в пользу России: по мере того как индустриализация и революции трансформировали европейское общество, отсталость России по сравнению с Западом выступала все заметнее. Однако по всей Европе плоды экономического и политического прогресса доставались мужчинам и женщинам в неравной мере. Ведущее место среднего класса основывалось большей частью на таком порядке, который предписывал полам все более жесткие гендерные роли и укреплял главенство мужчины в семье¹. Владение имуществом, доступное замужним женщинам в России, особенно бросалось в глаза на фоне ограничительных положений Кодекса Наполеона, которым регулировались имущественные отношения супругов почти всюду на Западе.

Русские ученые XIX в. проявляли неумеренность в суждениях о правовом статусе дворянок у себя в стране, объявляя их самыми счастливыми женщинами в Европе с точки зрения распоряжения имуществом, но и самыми обездоленными по части наследования². Оба эти обобщения являются преувеличениями. Нельзя, впрочем, отрицать, что с XVIII в. эволюция женских имущественных прав в России шла в значительной мере иначе, чем в европейских странах. В Западной Европе существовали разные системы владения и пользования имуществом для мужчин и женщин, так как многие правовые своды рассматривали их собственность как отдельные объекты, подчиняющиеся каждый своим правилам³. Российские же

законодатели, хотя они и не рискнули установить полное имущественное равноправие полов, пошли дальше европейских коллег в уничтожении отличительных черт женской собственности. В результате к концу XVIII в. русские законы гарантировали женщинам право на определенную долю семейного имущества и покончили с гендерной опекой в отношении собственности.

Возросшее равенство перед законом вылилось на практике в поразительно сходное поведение мужчин и женщин в сфере использования собственности. Та обособленная система ценностей, которую историки выявили в среде состоятельных женщин Западной Европы, в России, по сути дела, не существовала. Русские дворянки и дворяне имели весьма близкие интересы в области использования имущества. Женщины как целостная группа участвовали в том же круге имущественных сделок, что и мужчины, и масштаб индивидуальных владений дворянок был сопоставим с размером имений их современников-мужчин. Замужние женщины лично присутствовали при заключении сделок и вели дела от собственного имени. Независимо от семейного положения женщины брали на себя ответственность за управление родовыми землями и приращение наследства своих детей. Составляя завешания, женщины и мужчины одинаково заботились об ограничении числа наследников и боролись с дроблением фамильных владений. Несмотря на то что раздельное наследование было способно возбуждать разногласия между родственниками, оно также порождало и общность интересов мужа и жены, заботившихся о финансовом благополучии своих потомков.

Развитие законных прав русских дворянок являлось составной частью эволюции дворянских имущественных прав в XVIII в. В ходе борьбы дворянства за укрепление своих сословных привилегий и выяснение имущественных прав также подвергся рассмотрению вопрос о положении женщин по отношению к собственности. Расширение контроля замужних женщин над их состоянием становилось все заметнее по мере того, как власти предоставляли все более широкие имущественные права индивидам благородного происхождения и укрепляли институт частной собственности, законодательно ограждая ее от притязаний широкого круга родственников и государства. А поскольку дворянки получили такие права, то представители власти, стоявшие на страже законности, должны были обеспечивать их реальное, а не формальное осуществление. Защищая свои привилегии, дворянки попадали в зависимость от

судебных властей, зачастую продажных и невежественных. Однако шаги центральных властей к внедрению рациональной правовой культуры помогли женщинам на практике осуществлять свои имущественные права.

В XIX в. право дворянок на власть над собственностью уже являлось устоявшимся принципом российского имущественного законодательства, что послужило и предметом многих ученых споров, и источником одного распространенного заблуждения. Сенатор Н.С. Мордвинов, полагавший, что кредиторы мужей не должны иметь прав на собственность их жен, утверждал, что имущественное законодательство в России «веками» не проводило различий между правами мужчин и женщин. А между тем на самом деле замужние дворянки получили полную власть над своей собственностью только в 1753 г. Многие образованные люди в России, разделяя заблуждение Мордвинова, ухватились за эту «особенность» имущественного права как за очередное проявление уникальности исторического развития России⁴. В рамках широкой дискуссии о русской национальной идентичности власть дворянок над собственностью приобрела значение культурного фактора: консерваторы видели в имущественных правах женщин свидетельство истинного превосходства России над Западом, а западники ссылались на правовой статус женщин как на символ имеющегося в их стране потенциала к прогрессивным изменениям. Тема правового статуса русских женщин в прошлом и настоящем вдохновила не одного автора воспеть превосходство России в области равноправия полов⁵. «Законы некоторых народов столь уважали чувствительность и слабость женщин, что даже запрещали брать их в свидетельство», — иронически заметил в 1827 г. И.В. Васильев, после чего подчеркнул, что в российских судах равно ценятся показания мужчин и женщин⁶. По наблюдению Анатоля Леруа-Больё, русские не желали употреблять слово «эмансипация» для обозначения борьбы за женскую независимость: «Они вам скажут, что женщина у них и так эмансипирована, ведь закон разрешает ей распоряжаться своей собственностью, состоя в браке»⁷.

В рассказе Герцена «Сорока-воровка» герой-славянофил утверждает, что с точки зрения гражданских прав русские женщины куда счастливее своих европейских подруг. «С самой глубокой древности, — сообщает Герцен его устами своим читателям, — именье [женщины] не сливалось с именьем мужа, она имеет голос на выборах, право владения крестьянами»⁸. По части

женского равноправия, как полагали эти авторы, России нечему было учиться у Запада.

С освобождением крестьян в 1861 г. преобразилась жизнь дворян-землевладельцев обоего пола. Подобно мужчинам, женщины-собственницы далеко не единодушно встретили известие об отмене крепостного права. Антонина Блудова «с благоговением» приветствовала отмену рабства и одобрительно отметила, что крестьяне ее курского имения спокойно восприняли Манифест 19 февраля 1861 г.⁹ Вероятно, более типичной была реакция неназванной помещицы, призывавшей «жен и матерей русских дворян» воспротивиться этому попранию дворянских прав собственности, в сущности равному прямой конфискации половины их имущества¹⁰. Как утверждают исследователи, после 1861 г. дворянские семьи потеряли возможность достойно обеспечивать своих дочерей, и у незамужних женщин не осталось иного выхода, как самостоятельно добывать средства к существованию¹¹. В конце XIX в. дворянство отошло от землевладения и все чаще опиралось на государственную службу, работу в промышленности, карьеру в свободных профессиях как на источник для содержания своих семей¹². Как при этих новых обстоятельствах складывались судьбы дворянок в экономическом отношении, остается неизученным.

Больше интересовали исследователей изменения, происходившие в юридических правах женщин в конце императорского периода. В имущественном праве положение дворянок оставалось неизменным. Законодатели продолжали защищать власть женщин над их состоянием от посягательств мужей и стояли на том, что не только имущество жены не становится имуществом ее мужа, но он даже не приобретает посредством брака права на пользование или распоряжение им¹³. Кроме того, после 1861 г. все больше женщин из всех слоев общества добивалось через суд раздельного жительства с супругами. Но в других отношениях положение женщин не улучшилось, а даже ухудшилось. При пересмотре закона о наследстве в 1912 г. реформаторы так и не предоставили женщинам равных с мужчинами наследственных прав¹⁴. Более того, прогрессивное пореформенное устройство судебной системы как никогда ранее утвердило зависимость и беззащитность женщин. Как пишет Л. Энгельштейн по поводу уголовного права, даже в 1903 г. «женщины оставались объектами... произвола опекунов. Подобно детям и умственно неполноценным, женщины по-прежнему носили клеймо особых законодательных ограничений»¹⁵.

Присущие русской культуре образы сильной, властной женщины и ее слабой и беспомощной современницы находили параллель в правовой сфере, в которой гендерные отношения тоже воплощались весьма контрастно. Как мы убедились, правовой статус русской женщины был крайне противоречивым. Семейное право предполагало верховенство мужчин и требовало полной покорности жен их мужьям. И напротив, имущественное право видело в дворянках, независимо от их семейного положения, умелых распорядительниц собственности, не нуждающихся ни в защите, ни в надзоре. Авторы законов о собственности свели на нет различия между полами, отказавшись от скидок на женскую слабость и признав, что женщины способны к разумным действиям в собственных экономических интересах. Это допущение подтверждалось очевидным участием дворянок в имущественных тяжбах и той активной ролью, которую многие из них стали играть в управлении поместьями.

Эти противоположные представления о роли женщины легли в основу образов и решительных героинь тургеневских романов, и забитых жертв из пьес Островского. Эти героини вовсе не были плодами авторского воображения — их исторические прототипы предстают перед нами в прошениях, в материалах земельных тяжб, в купчих крепостях, в распоряжениях старостам. Некоторые из этих документов говорят о женской беззащитности перед лицом патриархальной системы императорской России, зато другие повествуют о том, как дворянки претворяли свою власть над поместьями и крестьянами во влияние в семье и в провинциальном обществе. В то время как семейное право оберегало патриархальные идеалы, в имущественном праве сложился противоположный взгляд на женскую самостоятельность, а вместе с ним и условия для ее практического воплощения.

---

¹ Hull I.V. *Sexuality, State, and Civil Society in Germany, 1700—1815*. Ithaca, 1996.

² Гессен И.В. Влияние законодательства на положение женщин // *Право*. 1908. № 51. Стб. 2837; Евреинова А. Об уравнении прав женщин при наследовании // *Друг женщин*. 1883. № 11. С. 62; Любавский А. Об уравнении наследственных прав мужчин и женщин // *Журнал Министерства юстиции*. 1864. Т. 20. Кн. 2. С. 412; Замечания о недостатках действующих гражданских законов. Издание редакционной комиссии по составлению проекта гражданского уложения. СПб., 1891. № 573.

³ См., в частности: *Staves S. Married Women's Separate Property in England, 1660—1833.* Cambridge, Mass., 1990. P. 194.

⁴ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1903. Т. 8. С. 102. См. также: *Tsebrikova M. Russia // The Woman Question in Europe / Ed. T. Stanton. N.Y., 1884. P. 394.* М.Ф. Владимирский-Буданов писал, что признание равноправия мужчин и женщин было отличительной чертой русского права. См.: *Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права.* СПб., 1909. С. 374.

⁵ По мнению М.Н. Дитрих, с точки зрения имущественных прав женщины русского средневековья далеко превзошли своих современниц на Западе, «за которым, — добавляет она, — мы теперь никак угнаться не можем» (*Дитрих М.Н. Русская женщина великокняжеского времени.* СПб., 1904. С. 38).

⁶ *Васильев И.В. О преимуществах женщин в России по делам уголовным // Дамский журнал. 1827. № 13. С. 7.* При этом автор отметил как достойные похвалы и те положения уголовного права, в которых учитывалась «чувствительность» женского пола, в частности указы, освобождавшие дворянок от телесных наказаний и отсрочивавшие такие наказания для кормящих матерей из прочих сословий (Там же. 1827. № 11. С. 242—243).

⁷ *Leroy-Beaulieu A. The Empire of the Tsars and the Russians. N.Y., 1898. Vol. 1. P. 218—219.*

⁸ *Герцен А.И. Сорока-воровка // Герцен А.И. Повести и рассказы. М., 1962. С. 266.*

⁹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 928 (1861).

¹⁰ *Сомнения и думы русской помещицы по случаю предположенного преобразования // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1873. Кн. 1. С. 271—272.*

¹¹ *Edmondson L.H. Feminism in Russia, 1900—1917. Stanford, 1984. P. 12.*

¹² *Becker S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia DeKalb, Ill., 1985* [перевод: *Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. — Примеч. ред.*].

¹³ Решение Гражданского кассационного департамента от 1870 г. Цит. по: *Wagner W.G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia Oxford, 1994. P. 207.*

¹⁴ См.: *Wagner W.G. Marriage, Property, and Law.*

¹⁵ *Engelstein L. The Keys to Happiness: Sex and the Search of Modernity in Fin-de-Siècle Russia Ithaca, 1992. P. 71.*

Приложение 1

Об источниках: крепостные книги

За исключением таблиц в Приложении 2 и главе 5, все статистические таблицы в настоящей работе основаны только на материалах примерно восьми тысяч нотариальных сделок. До 1775 г. передача имущества регистрировалась в местных крепостных конторах в губерниях и в московской Юстиц-коллегии. Эти документы хранятся в фонде 615 (Крепостные книги местных учреждений XVIII—XIX вв.) и в фонде 282 (Юстиц-коллегия) Российского государственного архива древних актов. После 1775 г. имущественные сделки фиксировались в судебных учреждениях губернского и уездного уровня, а именно в губернских палатах гражданского суда или в уездных судах.

В фондах 615 и 282 содержатся тысячи записей имущественных сделок, касающихся всех видов передачи собственности — продажи имений с крестьянами и без них, продажи крестьян на вывод, отпуска крестьян на волю, заклада земли и крестьян, аренды земли, продажи садов, лавок, домов и земельных участков в городе, — а также росписи приданого, завещания, раздельные записи. В то время как по правилам полагалось записывать каждый вид сделок в отдельную книгу, во многих уездах различные категории документов регистрировались в общей описи. Кроме того, в указанных фондах находятся описи доверительных писем на имя уполномоченных лиц¹.

Для того чтобы проследить динамику участия дворянок в деятельности рынка земли и крестьян за время с 1700 по 1861 г., я сделала выборку из сделок, зарегистрированных в нотариальных уч-

реждениях четырех уездов и в московской Юстиц-коллегии в течение пяти периодов. В рамках каждого такого пятилетнего периода я собрала данные за отрезок продолжительностью до трех лет (если удавалось найти соответствующие документы). Выбор административных единиц был продиктован доступностью материала. Хотя нотариальные записи, представленные в фонде 615, охватывают целых 226 городов, очень немногие из них обеспечены непрерывным материалом. Данные о сделках за 1805—1810 гг. были собраны в архивах Тамбова, Твери и Владимира, а за 1855—1860 гг. почерпнуты в основном из Приложения к «Санкт-Петербургским сенатским ведомостям», где ежемесячно публиковались сведения об имущественных сделках по всем губернским и уездным учреждениям. Для каждой сделки я учитывала следующие параметры:

- пол и чин покупателя и продавца;
- семейное положение женщин, участвовавших в сделке;
- вид проданного имущества;
- стоимость имущества в рублях²;
- количество земли в десятинах;
- число крестьян, проданных вместе с землей;
- источник первоначального приобретения проданного имущества;
- родственные отношения участников сделки;
- присутствие каждого из участников при заключении сделки;
- грамотность участников сделки.

Ниже приводится полный список источников, привлеченных для составления таблиц:

ВЛАДИМИРСКИЙ УЕЗД

- (1715) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 1954 (общая) (полностью)
- (1717) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 1956 (общая) (полностью)
- (1719) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 1958 (общая) (полностью)
- (1751) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 1996 (общая) (полностью)
- (1753) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 2000 (общая) (полностью)
- (1755) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 2004 (общая) (полностью)
- (1775) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 2042 (общая) (полностью)
- (1775) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 2044 (общая) (полностью)
- (1776) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 2045 (общая) (полностью)

- (1778) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 2049 (общая) (полностью)
(1806) ГАВО. Ф. 92. Оп. 5. Ед. хр. 21 (книга на записку купчих крепостей) (полностью)
(1809) ГАВО. Ф. 92. Оп. 2. Ед. хр. 96 (полностью)
(1856) ГАВО. Ф. 92. Оп. 5. Ед. хр. 286 (полностью)
(1858) ГАВО. Ф. 92. Оп. 2. Ед. хр. 659 (полностью)
(1860) ГАВО. Ф. 92. Оп. 2. Ед. хр. 682 (полностью)

КАШИНСКИЙ УЕЗД

- (1715) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4186 (общая) (полностью)
(1718) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4190 (общая) (полностью)
(1719) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4191 (общая) (полностью)
(1750) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4217 (общая) (полностью)
(1753) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4220 (общая) (полностью)
(1755) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4222 (общая) (полностью)
(1770) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4241 (общая) (полностью)
(1771) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4240 (общая) (полностью)
(1772) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4242 (общая) (полностью)
(1773) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 4243 (общая) (полностью)
(1806) ГА Тверской области. Ф. 668. Оп. 1. Ед. хр. 6444 (купчие крепости) (полностью)
(1807) ГА Тверской области. Ф. 668. Оп. 1. Ед. хр. 6446 (отпускные) (полностью)
(1807) ГА Тверской области. Ф. 668. Оп. 1. Ед. хр. 6445 (купчие крепости) (полностью)
(1808) ГА Тверской области. Ф. 668. Оп. 1. Ед. хр. 6447 (купчие крепости) (полностью)
(1856) ГА Тверской области. Ф. 668. Оп. 1. Ед. хр. 6469 (купчие, отпускные) (полностью)
(1860—1863) ГА Тверской области. Ф. 668. Оп. 1. Ед. хр. 6279 (купчие крепости) (полностью)
(1860) Санктпетербургские сенатские объявления по судебным... делам (полностью)

ТАМБОВСКИЙ УЕЗД

- (1715—1716) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11250 (общая) (полностью)
(1717) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11252 (общая) (полностью)
(1718) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11254 (общая) (полностью)

(1750) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11395 (вотчинная) (полностью)

(1751) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11404 (вотчинная) (полностью)

(1753) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11415 (вотчинная) (полностью)

(1753) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11417 (крестьянская) (полностью)

(1753) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11418 (на дворовых людей) (полностью)

(1754) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11427 (крестьянская) (полностью)

(1754) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11428 (на дворовых людей) (полностью)

(1754) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11431 (заемная) (полностью)

(1755) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11436 (вотчинная) (полностью)

(1755) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11438 (крестьянская) (полностью)

(1775) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11558 (вотчинная) (полностью)

(1776) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11566 (вотчинная) (полностью)

(1776) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11568 (крестьянская) (полностью)

(1776) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11569 (на дворовых людей) (полностью)

(1776) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11571 (заемная) (полностью)

(1777) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11575 (дворовая) (полностью)

(1777) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11576 (крестьянская) (полностью)

(1777) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11577 (на дворовых людей) (полностью)

(1777) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11578 (сделочная) (полностью)

(1777) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11579 (наемная) (полностью)

(1778) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11581 (вотчинная) (полностью)

(1779) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11589 (вотчинная) (полностью)

(1779) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11591 (крестьянская) (полностью)

(1779) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11592 (на дворовых людей) (полностью)

(1779) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 11593 (сделочная) (полностью)

(1805) ГАТО. Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 27а (вотчинная) (полностью)

(1806—1809) РГАДА. Ф. 264. Оп. 8. Ед. хр. 136. (Л. 716—724, 794—798, 864—900)

(1857) (1859—1860) Санктпетербургские сенатские объявления по судебным... делам

КУРСКИЙ УЕЗД

(1719) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 5281 (общая) (полностью)

(1720) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 5283 (общая) (полностью)

(1750) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 5394 (вотчинная) (полностью)

(1752) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 5410 (вотчинная) (полностью)

(1775) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 5562 (вотчинная) (полностью)

(1778) РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 5584 (вотчинная) (полностью)

(1857) (1859—1860) Санктпетербургские сенатские объявления по судебным... делам

МОСКВА

(1716) РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 337 (вотчинная) (Л. 1—177)

(1720) РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 341 (вотчинная) (Л. 1—175)

(1751) РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 394 (вотчинная) (С. 1—585)

(1753) РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 497 (на дворы, дворовые места и заводы) (С. 1—355, 754—853)

(1754) РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 399 (вотчинная) (С. 237—415)

(1754) РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 400 (вотчинная) (С. 1840—2008)

(1775) РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 426 (вотчинная) (С. 605—773)

(1776) РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 524 (на дворы, дворовые места и заводы) (С. 200—487)

(1777) РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 429 (вотчинная) (С. 859—1475)

(1778) РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 529 (на дворы, дворовые места и заводы) (полностью)

(1810) ЦГИАМ. Ф. 50. Оп. 14. Ед. хр. 1262 (Л. 1—203)

(1857) (1859—1860) Санктпетербургские сенатские объявления по судебным... делам

---

¹ Описание коллекции см.: РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. 1.

² Сделки за 1805—1810 гг. обычно оценивались в ассигнациях, хотя это не всегда оговаривалось. Сделки за 1855—1860 гг. оценивались в руб. серебром.

Приложение 2

РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТОРОНАМИ СПОРОВ
О НАСЛЕДСТВЕ С УЧАСТИЕМ ДВОРЯНОК (1700—1861 гг.)*

Родственные отношения участников тяжб	XVIII в.		XIX в.		1700—1861	
Мужья против жен	4	(2)	16	(11)	11	(13)
Матери против сыновей	2	(1)	4	(3)	3	(4)
Отцы против дочерей	0	(0)	3	(2)	2	(2)
Сестры против братьев	7	(3)	14	(10)	11	(13)
Сестры против сестер	16	(7)	3	(2)	8	(9)
Женщины против сестер мужей	4	(2)	8	(6)	7	(8)
Женщины против братьев мужей	11	(5)	8	(6)	9	(11)
Другие свойственники	9	(4)	13	(9)	11	(13)
Тетки против племянников / племянниц	20	(9)	3	(2)	9	(11)
Дядья против племянников / племянниц	2	(1)	10	(7)	7	(8)
Двоюродные братья и сестры	11	(5)	7	(5)	9	(10)
Женщины против пасынков и падчериц	7	(3)	7	(5)	7	(8)
Другие родственники	7	(3)	4	(3)	5	(6)
Всего	100	(45)	100	(71)	100	(116)

* Каждая цифра означает процент от общего числа дел. В скобках приведено количество дел.

Источники: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 79; Оп. 84. Ч. 14; РГИА. Ф. 1330. Оп. 1—6; Ф. 1346. Оп. 43. Ч. 1—2.

ПЕРЕЧЕНЬ ТАБЛИЦ

Глава 3

3.1. Присутствие дворянок и дворян при продажах имений в 1750—1860 гг.

3.2. Подписи представителей неграмотных дворянок (1750—1860 гг.)

Глава 4

4.1. Продажа имений дворянками самостоятельно или вместе с родственниками мужского пола (1715—1860 гг.)

4.2. Покупка имений дворянками (1715—1860 гг.)

4.3. Брачный статус дворянок, участвовавших в имущественных сделках (1715—1860 гг.)

4.4. Отпуск крепостных на волю дворянками (1715—1810 гг.)

4.5. Продажа крестьян дворянками самостоятельно или вместе с родственниками мужского пола (1715—1810 гг.)

4.6. Сдача земли в аренду дворянками (1715—1780 гг.)

4.7. Сделки дворянок по закладу имений (1715—1780 гг.)

4.8. Средняя цена (в рублях) имений, проданных дворянками и дворянами (1715—1860 гг.)

4.9. Размер имений (в десятинах), проданных в Москве дворянками и дворянами (1750—1860 гг.)

4.10. Количество крепостных крестьян, проданных в подмосковных имениях дворянками и дворянами (1750—1860 гг.)

4.11. Крепостные крестьяне, проданные без земли дворянками и дворянами, по виду сделок (1715—1810 гг.)

4.12. Процентное соотношение имений, проданных дворянками и дворянами (1715—1860 гг.)

4.13. Продажа и покупка дворянками городской недвижимости в Москве (1715—1860 гг.)

4.14. Продажа и покупка купчихами городской недвижимости в Москве (1715—1860 гг.)

4.15. Источники первоначального приобретения проданных имений (1715—1860 гг.)

4.16. Процентное соотношение сделок с родственниками, по регионам (1715—1860 гг.)

4.17. Процентное соотношение сделок с родственниками, по виду родства (1715—1860 гг.)

Глава 5

5.1. Лица, получившие наследство от завещателей, имеющих детей

5.2. Лица, получившие наследство от бездетных завещателей

Глава 7

7.1. Уровень грамотности (в процентах) среди дворянства (1750—1860 гг.)

Приложение 2

Родственные отношения между сторонами споров о наследстве с участием дворянок (1700—1861 гг.)

СОКРАЩЕНИЯ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАТО — Государственный архив Тамбовской области

ГА Тверской области — Государственный архив Тверской области

ГАВО — Государственный архив Владимирской области

ОАС — Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГИА — Российский государственный исторический архив

РО РНБ — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки

СИРИО — Сборник императорского русского исторического общества

АСПБИИ — Архив Санкт-Петербургского института истории РАН

СЗ — Свод законов Российской империи

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив Москвы

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Российской Федерации

Фонд 109 — III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 2-я экспедиция.

Государственный исторический музей, Отдел письменных источников

Фонд 47 — Шаховские—Глебовы—Стрешневы

Фонд 52 — Демидовы

Фонд 60 — Воронцовы

Фонд 175 — Шатиловы

Фонд 182 — Шишкины

Российский государственный архив древних актов

Фонд 7 — Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция Сената

Фонд 8 — Калинин дом и дела о преступлениях против нравственности

Фонд 9 — Кабинет Петра I и его продолжение

Фонд 22 — Дела судные

Фонд 181 — Рукописное собрание библиотеки МГАМИД

Фонд 248 — Сенат и его учреждения

Фонд 264 — Шестой департамент Сената

Фонд 282 — Юстиц-коллегия

Фонд 342 — Комиссия о сочинении нового уложения (1700—1796)

Фонд 615 — Крепостные книги местных учреждений XVI—XVIII вв.

Фонд 1209 — Архив прежних вотчинных дел

- Фонд 1255 — Барятинские
Фонд 1256 — Бахметевы
Фонд 1258 — Бешенцевы
Фонд 1261 — Воронцовы
Фонд 1262 — Гагарины
Фонд 1263 — Голицыны
Фонд 1265 — Гончаровы
Фонд 1270 — Мусины-Пушкины
Фонд 1272 — Нарышкины
Фонд 1274 — Панины — Блудовы
Фонд 1276 — Полянские
Фонд 1277 — Самарины
Фонд 1278 — Строгановы
Фонд 1280 — Сухотины
Фонд 1287 — Шереметевы
Фонд 1288 — Шуваловы
Фонд 1290 — Юсуповы
Фонд 1355 — Экономические примечания к планам Генерального межевания
Фонд 1395 — Яньковы
Фонд 1406 — Ермоловы

Центральный государственный исторический архив Москвы

- Фонд 4 — Канцелярия московского депутатского дворянского собрания
Фонд 50 — Московская палата гражданского суда
Фонд 380 — Канцелярия московского губернского предводителя дворянства
Фонд 383 — Канцелярия московского уездного предводителя дворянства
Фонд 394 — Канцелярия рузского уездного предводителя дворянства
Фонд 1614 — Глебовы—Стрешневы
Фонд 1871 — Апухтины

Российский государственный исторический архив

- Фонд 796 — Канцелярия Синода (1721—1918)
Фонд 840 — Батюшковы
Фонд 878 — Татищевы
Фонд 914 — Волконские
Фонд 923 — Глебовы
Фонд 931 — Долгорукие
Фонд 942 — Зубовы
Фонд 946 — Любомирские
Фонд 947 — Кавелины
Фонд 948 — Казнаковы
Фонд 958 — Киселев Павел Дмитриевич

- Фонд 971 — Кочубеи
Фонд 994 — Мордвиновы
Фонд 1003 — Нелидова Екатерина Ивановна
Фонд 1021 — Перовские
Фонд 1035 — Репнины
Фонд 1044 — Сабуровы
Фонд 1048 — Салтыковы
Фонд 1068 — Тутолмины и Тулубьевы
Фонд 1086 — Томиловы и Шварцы
Фонд 1088 — Шереметевы
Фонд 1092 — Шуваловы
Фонд 1101 — Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов
Фонд 1117 — Салтыков И.П. и Мятлева П.И.
Фонд 1286 — Департамент полиции исполнительной (1803—1880)
Фонд 1330 — Общие собрания департаментов Сената (1796—1917)
Фонд 1343 — Департамент герольдии Сената
Фонд 1345 — Пятый (уголовный) департамент Сената
Фонд 1346 — Второй (апелляционный) департамент Сената
Фонд 1350 — Третий департамент Сената
Фонд 1379 — Ревизия сенатора Б.Я. Княжнина Новгородской губернии (1838—1839)
Фонд 1381 — Ревизия сенатора Д.Н. Бегичева Калужской и Орловской губерний (1842—1843)
Фонд 1383 — Ревизия сенатора И.Е. Куруты Тамбовской губернии (1843—1845)
Фонд 1384 — Ревизия сенатора кн. С.И. Давыдова Калужской губернии (1849—1851)
Фонд 1537 — Ревизия сенаторов М.Г. Спиридова и И.В. Лопухина Вятской, Казанской и Оренбургской губерний (1799—1800)
Фонд 1549 — Ревизия сенатора А.Л. Львова Тамбовской губернии (1814—1825)
Фонд 1554 — Ревизия сенаторов кн. А.А. Долгорукова и Е.А. Дурасова Казанской губернии (1824—1825)
Фонд 1555 — Ревизия сенатора кн. А.А. Долгорукова Воронежской, Курской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской губерний (1826)
Фонд 1556 — Ревизия сенатора В.И. Брозина Слободско-Украинской губернии (1826—1827)
Фонд 1557 — Ревизия сенатора Н.И. Огарева Саратовской губернии (1826—1827)
Фонд 1558 — Ревизия сенатора Н.И. Огарева Тульской губернии (1828)

Российская национальная библиотека, Рукописный отдел

- Фонд Эрмитажное собрание
Фонд 116 — Бутурлины

Архив Санкт-Петербургского института истории РАН

Кол. 154 — Коллекция И.Я. Шляпкина

Кол. 238 — Коллекция Н.П. Лихачева

Государственный архив Тамбовской области

Фонд 67 — Тамбовская палата гражданского суда

Фонд 81 — Моршанский уездный суд

Государственный архив Тверской области

Фонд 668 — Кашинский уездный суд

Фонд 674 — Тверской уездный суд

Государственный архив Владимирской области

Фонд 92 — Владимирская палата гражданского суда

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

А-ва [А.Н. Казина]. Женская жизнь // Отечественные записки. 1875. Т. 219. № 3. С. 203—258.

Авдеева Екатерина. Руководство к устройству ферм и ведению на них хозяйства. СПб., 1863.

Адам М. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1903. Т. 94. № 12. С. 816—827.

Аксаков С.Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. М.: Новатор, 1996.

Анненков И.П. Дневник курского помещика И.П. Анненкова (1745—1766) // Материалы по истории СССР. М., 1957. Вып. 5. С. 677—823.

Архив графов Мордвиновых: В 10 т. / Ред. В.А. Бильбасов. СПб., 1901—1903.

Архив князя Ф.А.Куракина: В 10 т. / Ред. М.И. Семевский. СПб., 1890—1902.

Архив князя Воронцова: В 40 т. / Ред. П.И. Бартнев. М., 1870—1895.

Ахматова Е.Н. Помещица // Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. СПб., 1858. Т. 3. С. 3—190.

Бардакова М.М. (М. Марина). Из воспоминаний о Царском селе // Русская старина. 1911. Т. 148. № 11. С. 327—337.

Башкирцева Н.Д. Из украинской старины. Моя родословная // Русский архив. Кн. 1. № 3. 1900. С. 321—354.

Беспярых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных воспоминаниях. СПб., 1997.

- Благово Д.* Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений. Л., 1989.
- Блудова А.Д.* Записки графини Антонины Дмитриевны Блудовой // Русский архив. 1872. Кн. 1. №7/8. С. 1217—1310; 1874. Кн. 1. № 4. С. 833—883.
- Богданович П.* Новый и полный письмовник. СПб., 1791.
- Болотов А.* Жизнь и приключения Андрея Болотова: В 3 т. М.; Л., 1931.
- Борецкой А.П.* Захудалое дворянство // Русская мысль. 1882. Кн. 12. С. 339—353.
- Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов. М., 1851.
- Буковская А.Я.* Рассказы бабушки // Исторический вестник. 1884. Т. 18. № 12. С. 594—631.
- Варламова Р.* Семейный магазин. М., 1856.
- Васильев И.В.* Фемида, или начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России. М., 1827.
- Васильев И.В.* О преимуществах женщин в России по делам уголовным // Дамский журнал. 1827. № 11. С. 242—244; № 13. С. 6—11.
- Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских: В 5 т. СПб., 1880—1894.
- Ватаци М.П.* Быль минувшего // Исторический вестник. 1913. Т. 131. № 3. С. 765—767.
- Вернадская М.Н.* Собрание сочинений. СПб., 1862.
- Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 1928. (Репринт. изд.: Oriental Research Partners, Cambridge, Mass., 1974).
- Витте С.Ю.* Воспоминания: детство. Царствования Александра II и Александра III (1849—1894). Берлин: Слово, 1923.
- Водовозова Е.Н.* На заре жизни: В 2 т. М., 1987.
- Волконский С.М.* О декабристах (по семейным воспоминаниям). СПб., 1998 (первое изд. — 1922).
- Волховский Ф.В.* Отрывки одной человеческой жизни // Современник. 1911. Т. 4. № 4. С. 254—267.
- Герцен А.И.* Повести и рассказы. М., 1962.
- Глинка С.Н.* Записки. СПб., 1895.
- Гражданские законы губерний царства Польского. Т. 1: Гражданское уложение 1825 года. СПб., 1875.
- Грот Н.* Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков. 7-е изд. СПб., 1900.
- Давыдов Н.В.* Из помещичьей жизни 40—50-х гг. // Голос минувшего. 1916. № 2. С. 164—200.
- Данилов М.В.* Записки // Русский архив. 1883. Кн. 2. № 3. С. 1—67.
- Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Ред. С.С. Дмитриев. М., 1987.
- Дельвиг А.И.* Полвека русской жизни. Воспоминания А.И. Дельвига (1820—1870): В 2 т. М., 1930.
- Державин Г.Р.* Сочинения Державина. 2-е изд.: В 7 т. / Ред. Я. Грот. СПб., 1864—1878.

- Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого: 6 т. в 5 кн. СПб., 1880—1901.
- Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: В 10 т. / Ред. Л.П. Гроссман. М., 1956—1958.
- Друг юношества. М., 1807.
- Женская философия. М., 1793.
- Жуковская Е.* Записки. Л., 1930.
- Замечания о недостатках действующих гражданских законов. Издание редакционной комиссии по составлению проекта Гражданского уложения. СПб., 1891.
- Карпинская Ю.Н.* Из семейной хроники // Исторический вестник. 1897. Т. 70. № 12. С. 853—870.
- Квашнина-Самарина Е.П.* Дневник // К истории социально-бытовых отношений в начале XIX столетия / Ред. С.М. Смирнов. Новгород, 1928. С. 1—11.
- Керн А.П. (Маркова-Виноградская).* Из воспоминаний о моем детстве // Керн А.П. Воспоминания, дневники, переписка. М., 1974. С. 101—122.
- Корнилова О.И.* Быль из времени крепостничества. (Воспоминания о моей матери и ее окружающем). СПб., 1890.
- Кочубей А.В.* Семейная хроника. Записки (1790—1873). СПб., 1890.
- Крестинская А.* Чувства и мысли при чтении ручной книжки о правах женщин в России // Дамский журнал. 1827. № 24. С. 234—238.
- Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.: Сб. док. / Ред. С.Н. Валк. М., 1961.
- Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.: Сб. док. / Ред. А.В. Предтеченский. М., 1961.
- Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г.: Сб. док. / Ред. С.Б. Окунь. М., 1963.
- Купреянова А.Н.* Из семейных воспоминаний // Богословский вестник. 1914. Кн. 1. № 4. С. 650—663.
- Кюстин А. де.* Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр.; Под ред. В. Мильчиной. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1996.
- Лабзина А.Е.* Воспоминания (1763—1819). СПб., 1914 (репринтное изд.: Oriental Research Partners. Cambridge, Mass., 1974).
- Лачинова А.* Несколько слов о П. Летневе // Собрание сочинений П. Летнева. Киев, 1892. Т. 1. С. I—XXX.
- Лелонг А.К.* Воспоминания // Русский архив. 1913. Кн. 2. № 6. С. 778—808; № 7. С. 52—103.
- Материалы для истории крепостного права в России. Извлечения из секретных отчетов Министерства внутренних дел за 1836—1856 гг. Берлин, 1873.
- Менгден Елизавета.* Из дневника внучки // Русская старина. 1913. Т. 153. № 1. С. 103—131.
- Менгден Софья.* Отрывки семейной хроники // Русская старина. 1908. Т. 134. № 4. С. 97—116.

- Мещерская С.В.* Воспоминания княгини Софьи Васильевны Мещерской. Тверь, 1902.
- Мещерский А.В.* Из моей старины. Воспоминания // Русский архив. 1900. Кн. 2. № 6. С. 239—263; № 7. С. 355—382.
- Моллер Е.Н.* Памятные записки Е.Н. Моллер, рожденной Муравьевой (1820—1872) // Русская старина. 1890. Т. 66. № 5. С. 325—342.
- Мордвинова Н.Н.* Записки графини Н.Н. Мордвиновой // Русский архив. 1883. Кн. 1. № 1. С. 145—199.
- Николева М.С.* Черты старинного дворянского быта. Воспоминания // Русский архив. 1893. Кн. 3. № 9. С. 107—120; № 10. С. 129—196.
- Новоселова Е.М.* Воспоминания 50-х годов. Памяти отца // Русская старина. 1911. Т. 148. № 10. С. 98—111.
- Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода (ОАС): В 30 т. СПб., 1868—1916.
- Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век: В 3 т. / Ред. П.Н. Баранов. СПб., 1872—1878.
- Орлов-Давыдов В.П.* Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова: В 2 т. СПб., 1878.
- Островский А.Н.* Собрание сочинений: В 10 т. / Ред. Г.И. Владыкин, А.И. Ревякин, В.А. Филиппов. М., 1960.
- Осьмнадцатый век. Исторический сборник: В 4 т. / Ред. П. Бартенев. М., 1868—1869.
- Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981.
- Поливанов Е.А.* Струмиловская колобода. (Из семейной хроники) // Исторический вестник. 1908. Т. 112. № 6. С. 846—863.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1-я серия (1649—1825): В 45 т. СПб., 1830; Собр. 2-е (1825—1881): В 55 т. СПб., 1830—1884.
- Последние дни царствования Екатерины II. (Письма княгини Анны Александровны Голицыной) // Исторический вестник. 1887. Т. 30. № 10. С. 82—109.
- Проекты Уголовного уложения 1754—1766 годов: новоуложенной книги часть вторая. О розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены. СПб., 1882.
- Раевская Е.И.* Из памятной книги Е.И. Раевской // Русский архив. 1883. Кн. 1. № 2. С. 291—302.
- Раевский И.А.* Из воспоминаний А.И. Раевского // Исторический вестник. 1905. Т. 101. № 8. С. 391—409.
- Розанов Н.П.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода. 3 т. в 2 кн. М., 1869—1871.
- Рондо.* Письма леди Рондо, супруги английского министра при Российском дворе, в царствование Императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1836.

- (Пер. с англ.: *Mme. Rondeau. Letters from a Lady, Who Resided some Years in Russia, to her Friend in England.* London, 1775).
- Румянцева Е. М.* Письма графини Румянцевой к ее мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому (1762—1779). СПб., 1888.
- Санктпетербургские сенатские объявления по судебным, распорядительным, политическим и казенным делам. СПб., 1825—1892.
- Сборник императорского русского исторического общества (СИРИО): В 148 т. СПб., 1867—1916.
- Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина / Изд. П. И. Щукина: В 10 т. М., 1896—1902.
- Свербеев Д. Н.* Записки // Помещичья Россия по запискам современников. М., 1911. С. 151—176.
- Свод законов Российской империи (СЗ): В 10 т. СПб., 1876, 1900, 1913.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары П. П. Семенова-Тянь-Шанского. 7-е изд. Пг., 1917. Т. 1: Детство и юность (1827—1855 гг.).
- Сенатский архив: В 15 т. СПб., 1888—1913.
- Скалон С. В.* Воспоминания С. В. Скалон (урожденной Капнист) // Исторический вестник. 1891. Т. 44. № 5. С. 338—367.
- Смирнова А. О.* Записки // Русский архив. 1895. Кн. 5. № 2. С. 17—27.
- Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / Общ. ред. А. Г. Маньков. Л., 1987.
- Соханская Н. С.* Автобиография // Русское обозрение. 1896. № 6. С. 480—488.
- Старина и новизна: В 22 т. М., 1897—1917.
- Субботина Е. Д.* На революционном пути. М., 1928.
- Схимонахиня Нектария: Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова, дочь фельдмаршала Шереметева. М., 1909.
- Тенишева М. К.* Впечатления моей жизни. Л., 1991.
- Толстой М. В.* Мои воспоминания // Русский архив. 1881. Кн. 1. № 2. С. 245—313; № 3. С. 42—131.
- Толычева Т.* Семейные записки. М., 1865.
- Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853—1855. М., 1928.
- Хвостова Е. А.* [Екатерина Сушкова]. Записки (1812—1841). Л., 1928.
- Хвоцинская Е. Ю.* Воспоминания. СПб., 1898.
- Хвоцинская Е. Ю.* Воспоминания // Русская старина. 1898. Т. 93. № 3. С. 559—585.
- Хруцов И. П.* Милена, вторая жена Державина // Русский вестник. 1903. Т. 283. Кн. 2. С. 549—580.
- Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радишева. Факсим. изд. / Ред. М. В. Нечкина, Е. Л. Рудницкая. М., 1984.
- Щукинский сборник / Изд. отделения императорского Российского исторического музея им. имп. Александра III — Музея П. И. Щукина: В 10 т. М., 1902—1912.

- Adam J.E.* [Juliette Lamber]. *Impressions Françaises en Russie*. Paris, 1912.
- At Home with the Gentry: A Victorian English Lady's Diary of Russian Country Life*. Attributed to A. Lyons / Ed. by John McNair. Nottingham: Bramcote Press, 1998.
- Bradford M.W.* *The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot, 1803—1808* / Ed. by the Marchioness of Londonderry and H.M. Hyde. London, 1935.
- Collins S.* *The Present State of Russia*. L., 1671.
- Custine de.* *La Russie en 1839*. 2nd ed.: 3 vols. P., 1843.
- Dashkova E.R.* *The Memoirs of Princess Dashkova* / Trans. and ed. by Kyril Fitzlyon, with an introduction by J.M. Gheith. Durham: Duke University Press, 1995.
- Grasserie R. de la.* *Les Codes Suédois de 1734*. Paris: A. Pedone, 1895.
- Haxthausen A. von.* *Studies on the Interior of Russia* / Ed. by S. Frederick Starr. Trans. by E. Schmidt. Chicago: University of Chicago Press, 1972.
- Korb J.G.* *Diary of an Austrian Secretary of Legation at the Court of Czar Peter the Great: 2 vols.* / Trans. by Count MacDonnell. London, 1863.
- Korostovets V.* *Seed and Harvest*. London: Faber and Faber, 1931.
- Leroy-Beaulieu A.* *The Empire of the Tsars and the Russians*. 3 vols. / Trans. by Z.A. Ragozin. N.Y.: G.P. Putnam, 1898.
- Masson C.* *Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du regne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I.* 2 vols. Amsterdam, 1800.
- Montagu M.W.* *The Complete Letters of Lady Mary Wortley Montagu*. Oxford: Clarendon Press, 1965. Vol. 1: 1708—1720.
- Olearius A.* *The Travels of Olearius in Seventeenth-Century Russia* / Trans. and ed. by S.H. Baron. Stanford: Stanford University Press, 1967.
- Ostrovsky A.* *Five Plays of Alexander Ostrovsky* / Transl. by E.K. Bristow. N.Y.: Pegasus, 1969.
- Perry J.* *Extracts from the State of Russia under the Present Czar // Seven Britons in Imperial Russia, 1698—1812* / Ed. by P. Putnam. Princeton: Princeton University Press, 1952. P. 21—63.
- Plans for Political Reform in Imperial Russia, 1730—1905* / Ed. by M. Raeff. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966.
- Real Estate Transfer Deeds in Novgorod, 1609—1616* / Text and commentary by Ingegerd Norlander. Stockholm: Almquist and Wiksell International, 1987.
- Weber F.C.* *The Present State of Russia* 2 vols. London: Frank Cass, 1968.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров В.А.* *Сельская община в России (XVII — начало XVIII в.)*. М., 1976.
- Алексеев В.П.* *Дворяне Саловы из Сосновки*. Брянск, 1993.
- Анфимов А.М.* *Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.)*. М., 1969.

- Анфимов А.М.* Майоратное землевладение в царской России // История СССР. 1962. № 5. С. 151—160.
- Артемова Е.Ю.* Записки французских путешественников о культуре России последней трети XVIII в. // История СССР. 1988. № 3. С. 165—173.
- Беккер С.* Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Блинов И.* Сенаторские ревизии // Журнал Министерства юстиции. 1913. Т. 19. № 2. С. 257—302.
- Богословский М.М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в. 2-е изд. Пг., 1918.
- Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—1727 гг. М., 1902.
- Бочкарев В.* Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам законодательной комиссии 1767 года // Русская старина. 1915. Т. 162. С. 312—325.
- Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в северо-восточной Руси: В 2 т. М., 1947.
- Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. 6-е изд. СПб., 1909.
- Гессен И.В.* Влияние законодательства на положение женщин // Право. 1908. № 50. Стб. 2833—2840.
- Гойхбарг А.Г.* Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений. СПб., 1912.
- Голикова Н.В.* Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 242—290.
- Гольцев В.А.* Законодательство и нравы в России XVIII в. 2-е изд. СПб., 1896.
- Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913.
- Готье Ю.В.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915.
- Градовский А.Д.* История местного управления в России. СПб., 1868.
- Гурьянова В.В.* Тверская помещица второй половины XVIII в. Прасковья Ильинична Манзей // Женщины в социальной истории России. Сб. науч. тр. Тверь: Тверской государственный университет, 1997. С. 20—31.
- Дебольский Н.Н.* Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в. СПб., 1903.
- Дитрих М.Н.* Русская женщина великокняжеского времени. СПб., 1904.
- Дмоховский.* О правах женщины в России // Библиотека для чтения. 1862. № 172. Июль. С. 67—97.
- Добряков А.* Русская женщина в домонгольский период. СПб., 1864.
- Дубякин Д.Н.* Влияние христианства на семейный быт русского общества. СПб., 1880.

- Евреинова А.* Об уравнении прав женщин при наследовании // Друг женщин. 1883. № 11. С. 62—90.
- Загоровский А.* Личные и имущественные отношения между супругами // Российская мысль. 1897. № 4. С. 45—68.
- Заозерский А.И.* Боярский двор // Русский исторический журнал. 1922. Кн.: 8. С. 88—114.
- Знаменитые россияне XVIII — XIX вв.: Биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». СПб., 1996.
- Игнатович И.И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. 3-е изд. Л., 1925.
- Ильинский П.А.* К вопросу о положении женщины в XVIII столетии в Костромской области, по архивным данным // Труды третьего областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 1—17.
- Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964.
- Йоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915.
- Кавелин К.Д.* Собрание сочинений: В 4 т. СПб., 1900.
- Капустина Г.Д.* Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник. (Первая четверть XVIII в.) // Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып. 7. С. 216—273.
- Карнович Е.Р.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874.
- Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 гг. СПб., 1906.
- Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России XVIII столетия. СПб., 1887.
- Лебедев А.* О брачных разводах по архивным документам Харьковской и Курской духовных консисторий // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1887. Т. 2. С. 1—30.
- Левшин А.* Женские нравы и воспитание прошлого века. (Исторические картины) // Колосья. Журнал научно-литературный. 1887. № 1. С. 155—180.
- Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815—1914. СПб.: Академический проект, 2000.
- Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России (1086—1856): В 2 т. СПб., 1899—1901.
- Любавский А.* Об уравнении наследственных прав мужчин и женщин // Журнал Министерства юстиции. 1864. Т. 20. Кн. 2. С. 399—424.
- Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Макашин С.* Салтыков-Щедрин. 2-е изд.: В 2 т. М., 1951.
- Мейер Д.И.* Русское гражданское право: В 2 т. СПб., 1861.
- Михайлова В.* Русские законы о женщине. М., 1913.
- Михневич В.О.* Русская женщина XVIII столетия. Киев, 1895.

- Милов Л.В.* Исследование об «экономических примечаниях» к генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.
- Миронов Б.Н.* История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999.
- Неволин К.* История российских гражданских законов: В 3 т. СПб., 1851.
- Невзоров С.А.* Русская женщина в действующем законодательстве и действительной жизни. Ревель, 1892.
- Орович Я.* Женщина в праве. 2-е изд. СПб., 1896. С. 75—76.
- Оршанский И.Г.* Исследования по русскому праву семейному и наследственному. СПб., 1877.
- Оршанский И.Г.* Наследственные права русской женщины // Журнал гражданского и уголовного права. 1876. № 2. С. 1—38.
- Оршанский И.Г.* О приданом // Журнал гражданского и торгового права. 1872. № 12. С. 985—1045.
- Пахман С.В.* История кодификации гражданского права: В 2 т. СПб., 1876.
- Парамонов А.С.* О законодательстве Анны Иоанновны. СПб., 1904.
- Павленко Н.И.* О ростовщичестве дворян в XVIII в. (К постановке вопроса) // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 265—271.
- Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб., 1902.
- Павлов-Сильванский Н.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897.
- Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.
- Писарев С.Н.* Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, приносимых на Высочайшее Имя. 1810—1910 гг. СПб., 1909.
- Победоносцев К.* Курс гражданского права: В 3 т. СПб., 1871.
- Повалишин А.Д.* Рязанские помещики и их крепостные. Рязань, 1903.
- Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997.
- Пушкарева Н.Л.* Имущественные права женщин на Руси (X—XV вв.) // Исторические записки. 1986. № 114. С. 180—224.
- Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989.
- Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение в великорусских деревнях в 1826—1857 гг. М.: Наука, 1990.
- Рейнгардт Н.В.* О личных и имущественных правах женщин по русскому закону. Казань, 1885.
- Романович-Славинский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870.
- Российское законодательство X—XX веков: В 10 т. / Ред. А.Г. Маньков. М., 1984—1991.

- Рождественский Н.Ф.* Историческое изложение русского законодательства о наследстве. СПб., 1839.
- Семенова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982.
- Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II: В 2 т. СПб., 1881—1901.
- Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 2-е изд. СПб., 1899.
- Синайский В.И.* Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910.
- Соколовский Н.* Современный быт русской женщины и судебная реформа. (Юридические заметки) // Женский вестник. 1867. № 9. С. 57—83.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: 29 т. в 15 кн. М., 1959—1966.
- Тишкин Г.А.* Женский вопрос в России (50—60-е гг. XIX в.). Л., 1984.
- Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974.
- Туган-Барановский М.* Русская фабрика. 6-е изд. М., 1934.
- Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей: 1860—1914 гг. М.: Мосгорархив, 1999.
- Уортман Р.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999.
- Флоровский А.В.* Состав законодательной комиссии 1767—1774 гг. Одесса, 1915.
- Хвостов В.М.* Женщина накануне новой эпохи. М., 1905.
- Хьюз Л.* Царевна Софья. М., 2001.
- Чечулин Н.Д.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб., 1889.
- Черникова Т.В.* Государево слово и дело во времена Анны Иоанновны // История СССР. 1989. № 5. С. 155—163.
- Шашков С.С.* История русской женщины. СПб., 1879.
- Шенукова Н.М.* Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории восточной Европы. 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 388—419.
- Шимко И.И.* Новые данные к биографии кн. Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников. СПб., 1891.
- Шишкин Т.* Несколько слов о необходимости юридических познаний для женщин // Рассвет. 1859. № 3. С. 117—130.
- Шульгин В.* О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев, 1850.
- Щеглов В.Г.* Положение и права женщины в семье и обществе в древности, Средние века и Новое время. Ярославль, 1898.
- Щепкина Е.* Из истории женской личности в России. СПб., 1914.
- Щепкина Е.* Старинные помещики на службе и дома. СПб., 1890.

Эльшиевич В.В. История права поземельной собственности в России: В 2 т. Париж, 1948—1951.

Abensour L. La femme et le feminisme avant la Révolution. Paris: Ernest Leroux, 1923.

Amussen S.D. An Ordered Society: Gender and Class in Early Modern England. Oxford: Basil Blackwell, 1998.

Anisimov E.V. Empress Anna Ivanovna, 1730—1740 // The Emperors and Empresses of Russia: Rediscovering the Romanovs / Ed. by D.J. Raleigh. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1996. P. 37—65.

Anisimov E.V. The Reforms of Peters the Great: Progress through Coercion in Russia / Trans. by J.T. Alexander. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1993.

Archer R.A. «How Ladies... who live on their manors ought to manage their households and estates»: Women as Landholders and Administrators in the Later Middle Ages // Woman is a Worthy Wight: Women in English Society. P. 1200—1500 / Ed. by P.G.P. Goldberg. Far Thrupp, Stroud, Gloucestershire: Alan Sutton, 1992. P. 149—181.

Atkinson D. Society and the Sexes in the Russian Past // Women in Russia / Ed. by D. Atkinson, A. Dallin, G. Lapidus. Stanford: Stanford University Press, 1977. P. 3—38.

Augustine W.R. Notes toward a Portrait of the Eighteenth-Century Russian Nobility // Canadian Slavic Studies. 1970. Vol. 4. № 3. P. 373—425.

Badinter E. L'amour en plus: Histoire de l'amour maternel (XVII—XXe siècle). P.: Flammarion, 1980.

Barker-Benfield G.J. The Culture of Sensibility: Sex and Society in Eighteenth-Century Britain. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Barnes S.T. Women, Property, and Power // Beyond the Second Sex: New Directions in the Anthropology of Gender / Ed. by P.R. Sanday and R.G. Goodenough. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990.

Basch N. In the Eyes of the Law: Women, Marriage, and Property in Nineteenth-Century New York. Ithaca: Cornell University Press, 1982.

Becker S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1985.

Bernhardt K. Women and Property in China, 960—1949. Stanford: Stanford University Press, 1999.

Biemer L.B. Women and Property in Colonial New York: The Transition from Dutch to English Law, 1643—1727. Ann Arbor: UMI Research Press, 1983.

Birkett J. «A Mere Matter of Business»: Marriage, Divorce, and the French Revolution // Marriage and Property: Women and Marital Customs in History / Ed. by E. Craik. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1984. P. 119—137.

Bisha R. The Promise of Patriarchy: Marriage in Eighteenth-Century Russia. Ph. D. dissertation. Indiana University, 1993.

Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton: Princeton University Press, 1961.

Boskovska N. Muscovite Women during the Seventeenth Century: At the Peak of the Deprivation of their Rights or on the Road towards New Freedom? //

- Von Moskau nach St. Petersburg: Das russische Reich im 17. Jahrhundert / Ed. by H.-J. Torke. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. S. 47—62.
- Buckler G.* Women in Byzantine Law about 1100 A.D. // *Byzantion: Revue Internationale des études Byzantines*. 1936. Vol. 11. P. 391—416.
- Burbank J.* Legal Culture, Citizenship, and Peasant Jurisprudence: Perspectives from the Early Twentieth Century // *Reforming Justice in Russia, 1864—1996: Power, Culture, and the Limits of Legal Order* / Ed. by P.H. Solomon Jr. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1997.
- Carswell J.* The South Sea Bubble. London: Cresset Press, 1960.
- Cavender M.W.* Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Tver', 1820—1869: Ph. D. dissertation. University of Michigan, 1997.
- Chavchavadze P.* Marie Avinov: Pilgrimage Through Hell. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1968.
- Chojnacki S.* Dowries and Kinsmen in Early Renaissance Venice // *Journal of Interdisciplinary History*. 1975. Vol. 5. № 4. P. 571—600.
- Chojnacki S.* The Power of Love: Wives and Husbands in Late Medieval Venice // *Women and Power in the Middle Ages* / Ed. by M. Erler and M. Kowaleski. Athens: University of Georgia Press, 1988. P. 126—148.
- Colley L.* Britons: Forging the Nation 1707—1837. New Haven: Yale University Press, 1992.
- Confino M.* Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII siècle. Paris: Institut d'études Slaves, 1963.
- Confino M.* Histoire et psychologie: à propos de la noblesse russe au XVIIIe siècle // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. 1967. Vol. 22. № 6. P. 1163—1205.
- Cooper J.P.* Patterns of Inheritance and Settlement by Great Landowners from the Fifteenth to the Eighteenth Centuries // *Family and Inheritance: Rural Society in Western Europe, 1200—1800* / Ed. by J. Goody, J. Thirsk, and E.P. Thompson. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 192—305.
- Crisp O.* Russian Financial Policy and the Gold Standard at the End of the Nineteenth Century // *Studies in the Russian Economy before 1914*. London: Macmillan Press, 1976. P. 96—110.
- Crummey R.O.* Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613—1689. Princeton: Princeton University Press, 1983.
- Darrow M.H.* French Noblewomen and the New Domesticity, 1750—1850 // *Feminist Studies*. 1979. Vol. 5. № 1. P. 41—65.
- Davidoff L., Hall C.* Family Fortunes: Men and Women of the English Middle Class, 1780—1850. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- DeJean J.* Tender Geographies: Women and the Origins of the Novel in France. N.Y.: Columbia University Press, 1991.
- D'Eszlary C.* Le Statut de la femme dans le droit Hongrois // *Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions*. 1962. Vol. 12. P. 421—445.
- Diefendorf B.B.* Paris City Councillors in the Sixteenth Century: The Politics of Patrimony. Princeton: Princeton University Press, 1983.

- Diefendorf B.B.* Widowhood and Remarriage in Sixteenth-Century Paris // *Journal of Family History*. 1982. Vol. 7. № 4. P. 379—395.
- Diefendorf B.B.* Women and Property in Ancient Regime France: Theory and Practice in Dauphine and Paris // *Early Modern Conceptions of Property* / Ed. by J. Brewer and S. Staves. London: Routledge, 1995. P. 170—193.
- Dolin T.* Mistress of the House: Women of Property in the Victorian Novel. Aldershot: Ashgate, 1997.
- Donicht G.* The Idea of Morality in the Russian Noble Family of Late Imperial Russia, 1870—1914. Paper presented at the Third Carleton Conference on the History of the Family. Ottawa, Ontario, May 15—17, 1997.
- Dukes P.* Catherine the Great and the Russian Nobility: A Study Based on the Materials of the Legislative Commission of 1767. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
- Dunham V.S.* The Strong-Woman Motif // *The Transformation of Russian Society* / Ed. by C. Black. Cambridge: Harvard University Press, 1960. P. 459—483.
- Ebrey P.B.* The Inner Quarters: Marriage and the Lives of Chinese Women in the Sung Period. Berkeley: University of California Press, 1993.
- Eck A.* La situation juridique de la femme russe au moyen âge // *Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions*. 1963. Vol. 12. P. 405—420.
- Edmondson L.H.* Feminism in Russia, 1900—1917. Stanford: Stanford University Press, 1984.
- Engel B.A.* Mothers and Daughters: Family Patterns and the Female Intelligentsia // *The Family in Imperial Russia* / Ed. by D.L. Ransel. Urbana: University of Illinois Press, 1978. P. 44—59.
- Engel B.A.* Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992.
- English B.* The Great Landowners of East Yorkshire, 1530—1910. N.Y.: Harvester Wheatsheaf, 1900.
- Erickson A.L.* Common Law versus Common Practice: The Use of Marriage Settlements in Early Modern England // *Economic History Review*. 1990. Vol. 42. № 1. P. 21—39.
- Erickson A.L.* Women and Property in Early Modern England. London: Routledge, 1993.
- Farrow L.A.* Inheritance, Status, and Security: Noble Life in Eighteenth-Century Russia. Неопубликованная рукопись, 2000.
- Farrow L.A.* Peter the Great's Law of Single Inheritance: State Imperatives and Noble Resistance // *Russian Review*. 1996. Vol. 55. № 3. P. 430—447.
- Faust D.G.* Mothers of Invention: Women of the Slaveholding South in the American Civil War. New York: Vintage Books, 1997.
- Field D.* The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855—1861. Cambridge: Harvard University Press, 1976.
- Foreman A.* Georgiana, Duchess of Devonshire. London: Harper Collins, 1998.

- Forster R.* The Nobility of Toulouse in the Eighteenth Century: A Social and Economic Study. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1960.
- Fox-Genovese E.* Within the Plantation Household: Black and White Women of the Old South. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988.
- Freeze G.L.* Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760—1860 // *Journal of Modern History*. 1990. Vol. 62. № 4. P. 709—746.
- Fügedi E.* Some Characteristics of the Medieval Hungarian Noble Family // *Journal of Family History*. 1982. Vol. 7. № 1. P. 27—39.
- Gates-Coon R.* The Landed Estates of the Esterházy Princes: Hungary during the Reforms of Maria Theresia and Joseph II. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1984.
- Gatrell P.* The Tsarist Economy, 1850—1917. N.Y.: St. Martin's Press, 1986.
- Glasse A.* The Formidable Woman: Portrait and Original // *Russian Literature Triquarterly*. 1974. № 9. P. 433—453.
- Glasson E.* Histoire du droit et des institutions de la France: 8 vols. Paris, 1887—1903.
- Gold P.S.* The Lady and the Virgin: Image, Attitude, and Experience in Twelfth-Century France. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
- Goody J.* Inheritance, Property, and Women: Some Comparative Considerations // *Family and Inheritance: Rural Society in Western Europe, 1200—1800* / Ed. by J. Goody, J. Thirsk, and E.P. Thompson. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 10—36.
- Green D.* Mid-Nineteenth Century Domestic Ideology in Russia // *Women and Russian Culture: Projections and Self-Perceptions* / Ed. by R. Marsh. N.Y.: Berghahn Books, 1998. P. 78—97.
- Habakkuk J.* Marriage, Debt, and the Estate System: English Landownership, 1650—1950. Oxford: Clarendon Press, 1984.
- Halperin C.* Sixteenth-Century Foreign Travel Accounts to Muscovy: A Methodological Excursus // *Sixteenth Century Journal*. 1975. Vol. 6. № 2. P. 89—110.
- Hamburg G.M.* Politics of the Russian Nobility, 1881—1905. New Brunswick: Rutgers University Press, 1984.
- Harris B.J.* Property, Power, and Personal Relations: Elite Mothers and Sons in Yorkist and Early Tudor England // *Signs*. 1990. Vol. 15. № 3. P. 606—632.
- Harris F.* Rich and Poor Widows: Eighteenth-Century Women in the Althorp Papers // *British Library Occasional Papers*. 1900. Vol. 12. P. 124—128.
- Heldt B.* Terrible Perfection: Women and Russian Literature. Bloomington: Indiana University Press, 1971.
- Hellie R.* Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago: University of Chicago Press, 1971.
- Hellie R.* Slavery in Russia, 1450—1725. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
- Hellie R.* Women and Slavery in Muscovy // *Russian History*. 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 213—229.

- Herlihy D.* Land, Family and Women in Continental Europe, 701—1200 // Tradition. 1962. Vol. 18. P. 89—120.
- Higgs D.* Nobles in Nineteenth-Century France: The Practice of Inegalitarianism. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987.
- Hirschon R.* Introduction: Property, Power, and Gender Relations // Women and Property — Women as Property / Ed. by R. Hirschon. N.Y.: St. Martin's Press, 1984. P. 1—22.
- Holcombe L.* Wives and Property: Reform of the Married Women's Property Law in Nineteenth Century England. Toronto: University of Toronto Press, 1983.
- Houston R.A.* The Development of Literacy: Northern England, 1640—1750 // Economic History Review. 2nd series. 1982. Vol. 35. № 2. May. P. 199—216.
- Hovde B.J.* The Scandinavian Countries, 1720—1865: The Rise of the Middle Classes: 2 vols. Boston: Chapman and Grimes, 1943.
- Howell M.C.* Fixing Movables: Gifts by Testament in Late Medieval Douai // Past and Present. 1996. № 150. P. 3—45.
- Howell M.C.* The Marriage Exchange: Property, Social Place, and Gender in Cities of the Law Countries, 1300—1550. Chicago: University of Chicago Press, 1998.
- Hubbs J.* Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington: Indiana University Press, 1988.
- Hughes D.O.* From Brideprice to Dowry in Mediterranean Europe // Women and History. 1985. № 10. P. 13—18. Первое изд.: Journal of Family History. 1978. Vol. 3. № 3. P. 262—296.
- Hughes L.* Between Two Worlds: Tsarevna Natal'ia Alekseevna and the 'Emancipation' of Petrine Women // A Window on Russia: Papers from the Fifth International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Gargnano, 1994 / Ed. by M. di Salvo and L. Hughes. Rome, 1996. P. 29—36.
- Hughes L.* Peter the Great's Two Weddings: Changing Images of Women in a Transitional Age // Women in Russia and Ukraine / Ed. by R. Marsh. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven: Yale University Press, 1998.
- Hughes L.* Sophia, Regent of Russia, 1657—1704. New Haven: Yale University Press, 1990.
- Hull I.V.* Sexuality, State, and Civil Society in Germany, 1700—1815. Ithaca: Cornell University Press, 1996.
- Hurwich J.J.* Inheritance Practices in Early Modern Germany // Journal of Interdisciplinary History. 1993. Vol. 23. № 4. P. 699—718.
- Ingrassa C.* The Pleasure of Business and the Business of Pleasure: Gender, Credit, and the South Sea Bubble // Studies in Eighteenth-Century Culture. 1995. Vol. 24. P. 191—210.
- Joffe M., Lindenmeyr A.* Daughters, Wives, and Partners: Women of the Moscow Merchant Elite // Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie / Ed. by J.L. West and Iu.A. Petrov. Princeton: Princeton University Press, 1998. P. 95—108.

- Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility, 1762—1785. Princeton: Princeton University Press, 1973.
- Jones R.E.* Urban Planning and the Development of Provincial Towns in Russia, 1762—1796 // The Eighteenth Century in Russia / Ed. by J.G. Garrard. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 321—344.
- Jordan W.C.* Women and Credit in Pre-Industrial and Developing Societies. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993.
- Kahan A.* The Costs of «Westernization» in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. 1966. Vol. 25. № 1. P. 40—66.
- Kahan A.* The Plough, the Hammer, and the Knout: an Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
- Kaiser D.H.* «Forgive Us Our Debts...»: Debts and Debtors in Early Modern Russia // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin: Harrassowitz Verlag, 1995. S. 155—183.
- Kaiser D.H.* Women, Property, and the Law in Early Modern Russia. Paper presented at Indiana University, 1988.
- Kaiser D.H.* Women's Property in Muscovite Families, 1500—1725. Paper presented at Kent State University, 1988.
- Kalas R.J.* The Noble Widow's Place in the Patriarchal Household: The Life and Career of Jeanne de Gontault // Sixteenth Century Journal. 1993. Vol. 24. № 3. P.519—539.
- Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine II to Yeltsin. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Kelly C.* Teacups and Coffins: The Culture of Russian Merchant Women, 1850—1917 // Women in Russia and Ukraine / Ed. by R. Marsh. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 55—77.
- Kettering S.* The Patronage Power of Early Modern French Noblewomen // Historical Journal. 1989. Vol. 32. № 4. P. 817—841.
- Kivelson V.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford: Stanford University Press, 1996.
- Kivelson V.* The Effects of Partible Inheritance: Gentry Families and the State in Muscovy // Russian Review. 1994. Vol. 53. № 2. P. 197—212.
- Klapisch-Zuber C.* Women, Family, and Ritual in Renaissance Italy / Trans. by L. Cochrane. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
- Kleimola A.M.* «In Accordance with the Canons of the Holy Apostles»: Muscovite Dowries and Women's Property Rights // Russia Review. 1992. Vol. 51. № 2. P. 204—229.
- Kolchin P.* Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1987.
- Kollmann N.S.* Women's Honor in Early Modern Russia // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation / Ed. by B.E. Clements, B.A. Engel, C.D. Worobec. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 60—73.
- Kuehn T.* Some Ambiguities of Female Inheritance Ideology in the Renaissance // Continuity and Change. 1987. Vol. 2. № 1. P. 11—36.
- Landes J.B.* Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution. Ithaca: Cornell University Press, 1988.

- Lebsock S.* The Free Women of Petersburg: Status and Culture in a Southern Town, 1784—1860. N.Y.: W.W. Norton, 1984.
- LeDonne J.* Absolutism and the Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700—1825. Oxford: Oxford University Press, 1991.
- LeDonne J.* Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762—1796. Princeton: Princeton University Press, 1984.
- Leonard C.S.* Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1993.
- Levin E.* Women and Property in Medieval Novgorod: Dependence and Independence // *Russian History*. 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 154—169.
- Levy S.* Women and the Control of Property in Sixteenth-Century Muscovy // *Russian History*. 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 201—212.
- Lewis J.S.* In the Family Way: Childbearing in the British Aristocracy, 1760—1860. New Brunswick: Rutgers University Press, 1986.
- Liddington J.* Female Fortune: Land, Gender, and Authority: the Anne Lister Diaries and Other Writings, 1833—1836. London: Rivers Oram Press, 1998.
- Lieven D.* The Aristocracy in Europe, 1815—1914. N.Y.: Columbia University Press, 1992.
- Lindenmeyr A.* Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762—1914 // *Signs*. 1993. Vol. 18. № 3. Spring. P. 562—591.
- Lorence-Kot B.* Child-Rearing and Reform: A Study of the Nobility in Eighteenth-Century Poland. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1985.
- Lotman Iu.M.* The Poetics of Everyday Behavior in Eighteenth-Century Russian Culture // *The Semiotics of Russian Cultural History* / Ed. by A.D. Nakhimovsky and A.S. Nakhimovsky. Ithaca: Cornell University Press, 1985. P. 67—94.
- Lubamersky L.* Women and Political Patronage in the Politics of the Polish-Lithuanian Commonwealth // *Polish Review*. 1999. Vol. 44. № 3. P. 259—275.
- Macfarlane A.* The Origins of English Individualism: The Family, Property, and Social Transition. Oxford: Basil Blackwell, 1978.
- Macrides R.* The Transmission of Property in the Patriarchal Register // *La transmission du patrimoine: Byzance et l'aire méditerranéenne* / Ed. by J. Beaucamp and G. Dagron. Paris: De Boccard, 1998. P. 179—188.
- Madariaga I. de.* Catherine II and the Serfs: A Reconsideration of Some Problems // *Slavonic and East European Review*. 1974. Vol. 52. P. 34—62.
- Madariaga I. de.* Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven: Yale University Press, 1981.
- Main G.L.* Widows in Rural Massachusetts on the Eve of the Revolution // *Women in the Age of the American Revolution* / Ed. by R. Hoffman and P.J. Albert. Charlottesville: University Press of Virginia, 1981.
- Manning R.T.* The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government. Princeton: Princeton University Press, 1982.
- Marcus A.* Men, Women, and Property: Dealers in Real Estate in 18th Century Aleppo // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1983. Vol. 26. Pt. 2. P. 137—163.

- Marker G.* Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700—1800. Princeton: Princeton University Press, 1985.
- Marrese M.L.* The Enigma of Married Women's Control of Property in Eighteenth-Century Russia // *Russian Review*. 1999. Vol. 58. № 3. P. 380—395.
- Marrese M.L.* Women and Westernization in Petrine Russia // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. Cambridge, 1998. P. 105—117.
- Marshall S.* The Dutch Gentry, 1500—1650: Family, Faith, and Fortune. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1987.
- McCaffray S.P.* What Should Russia Be? Patriotism and Political Economy in the Thought of N.S. Mordvinov // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. № 3. P. 572—596.
- McNally S.* From Public Person to Private Prisoner: The Changing Place of Women in Medieval Russia: Ph. D. dissertation. State University of New York at Binghamton, 1976.
- Meehan B.* Popular Piety, Local Initiative, and the Founding of Women's Religious Communities in Russia, 1764—1907 // *Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia* / Ed. by S.K. Batalden. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1993. P. 83—105.
- Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick: Rutgers University Press, 1982.
- Meehan-Waters B.* Catherine the Great and the Problem of Female Rule // *Russian Review*. 1975. Vol. 34. № 3. P. 293—307.
- Meehan-Waters B.* The Development and the Limits of Security of Noble Status, Person, and Property in Eighteenth-Century Russia // *Russia and the West in the Eighteenth Century* / Ed. by A.G. Cross. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1983. P. 294—305.
- Meehan-Waters B.* Metropolitan Filaret (Drozdov) and the Reform of Russian Women's Monastic Communities // *Russian Review*. 1991. Vol. 50. № 3. P. 310—323.
- Melton E.* Enlightened Seigniorialism and Its Dilemmas in Serf Russia, 1750—1830 // *Journal of Modern History*. 1990. Vol. 62. P. 675—708.
- Meriweather M.L.* Women and *Waqf* Revisited: The Case of Aleppo, 1770—1840 // *Women in the Ottoman Empire: Middle Eastern Women in the Early Modern Era* / Ed. M.C. Zilfi. N.Y.: Brill, 1997. P. 128—152.
- Metcalf A.* Women and Means: Women and family Property in Colonial Brazil // *Journal of Social History*. 1991. Vol. 24. № 3. P. 277—298.
- Meyer D.* Sex and Power: The Rise of Women in America, Russia, Sweden, and Italy. Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1987.
- Milov L.V., Garskova I.M.* A Typology of Feudal Estates in Russia in the First Half of the Seventeenth Century (Factor Analysis) // *Russian Review*. 1988. Vol. 47. № 4. P. 375—390.
- Mironov B.N.* Consequences of the Price Revolution in Eighteenth-Century Russia // *Economic History Review*. 1999. Vol. 45. № 3. P. 457—478.
- Mironov B.N.* Local Government in Russia in the First Half of the Nineteenth Century: Provincial Government and Estate Self-Government // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1994. Vol. 42. S. 161—201.

- Mitchell L.E.* *Widowhood in Medieval England: Baronial Dowagers of the Thirteenth-Century Welsh Marshes*: Ph. D. dissertation. Indiana University, 1991.
- Moses C.G.* *French Feminism in the Nineteenth Century*. Albany: State University of New York Press, 1984.
- Murray M.* *The Law of the Father? Patriarchy in the Transition from Feudalism to Capitalism*. London: Routledge, 1995.
- Narrett D.E.* *Inheritance and Family Life in Colonial New York City*. Ithaca: Cornell University Press, 1992.
- Nazzari M.* *Disappearance of the Dowry: Women, Families, and Social Change in Sro Paolo, Brazil (1600—1900)*. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- Nicholls K.* *Irishwomen and Property in the Sixteenth Century // Women in Early Modern Ireland / Ed. M. MacCurtain and M. O'Dowd*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1991. P. 17—31.
- Okin S.M.* *Patriarchy and Married Women's Property in England: Questions on Some Current Views // Eighteenth-Century Studies*. 1983/1984. Vol. 17. № 2. P. 121—138.
- Ostrogorski M. Ia.* *The Rights of Women: A Comparative Study in History and Legislation*. London: Swan Sonnenschein, 1893.
- Ourliac P., Gazzaniga J.-L.* *Histoire du droit privé français de l'an mil au Code Civil*. Paris: Albin Michel, 1985.
- Pavlova E.* *Private Land Ownership in Northeastern Rus' and Mongol Land Laws // Russian History*. 1999. Vol. 26. № 2. P. 125—144.
- Pedlow G.W.* *Marriage, Family Size, and Inheritance among Hessian Nobles, 1650—1900 // Journal of Family History*. 1982. Vol. 7. № 4. P. 333—352.
- Perkin J.* *Women and Marriage in Nineteenth-Century England*. London: Routledge, 1989.
- Peterson M.J.* *No Angels in the House: The Victorian Myth and the Paget Women // American Historical Review*. 1984. Vol. 89. № 3. P. 677—708.
- Pipes R.* *Russia under the Old Regime*. N.Y.: Scribner's, 1974.
- Poovey M.* *Uneven Developments: The Ideological Work of Gender in Mid-Victorian England*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Portemer J.* *Le Statut de la femme en France depuis la reformation des coutumes jusqu'à la redaction du Code Civil // Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions*. 1962. Vol. 12. P. 447—497.
- Pushkareva N.L.* *Women in Russian History: From the Tenth to the Twentieth Century / Trans. and ed. by E. Levin*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1997.
- Raeff M.* *Origins of the Russian Intelligentsia*. N.Y.: Harcourt, Brace, and World, 1966.
- Reher D.S.* *Perspectives on the Family in Spain, Past and Present*. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Reverby S.M., Helly D.O.* *Introduction: Converging on History // Gendered Domains: Rethinking Public and Private in Women's History / Ed. by D.O. Helly and S.M. Reverby*. Ithaca: Cornell University Press, 1992. P. 1—24.
- Reynolds K.D.* *Aristocratic Women and Political Society in Victorian Britain*. Oxford: Clarendon Press, 1998.

- Rieber A.J.* Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1998.
- Riemer E.S.* Women, Dowries and Capital Investment in Thirteenth-Century Siena // *Women and History*. 1985. Vol. 10. P. 59—79.
- Roman S.* Le Statut de la femme dans l'Europe Orientale (Pologne et Russie) au moyen âge et aux temps modernes // *Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions*. 1962. Vol. 12. P. 389—403.
- Roosevelt P.R.* Emerald Thrones and Living Statues: Theater and Theatricality on the Russian Estate // *Russian Review*. 1991. Vol. 50. № 1. P. 1—23.
- Roosevelt P.R.* Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History. New Haven: Yale University Press, 1995.
- Sabey D.W.* Property, Production, and Family in Neckarhausen, 1700—1870. New York: Cambridge University Press, 1991.
- Salmon M.* Women and the Law of Property in Early America. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1986.
- Salmon M.* Women and the Law of Property in South Carolina: The Evidence from Marriage Settlements, 1730 to 1830 // *William and Mary Quarterly*. 3rd series. 1982. Vol. 39. P. 655—685.
- Sánchez M.S.* The Empress, the Queen, and the Nun: Women and Power at the Court of Philip III of Spain. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988.
- Shammas C.* Re-assessing the Married Women's Property Acts // *Journal of Women's History*. 1994. Vol. 6. № 1. P. 9—30.
- Shammas C., Salmon M., Dahlin M.* Inheritance in America from Colonial Times to the Present. New Brunswick: Rutgers University Press, 1987.
- Smith A.K.* Cabbage and Cuisine: Diet in Kostroma and Kazan Provinces before the Great Reforms: Ph.D. dissertation. University of Chicago, 2000.
- Smith B.G.* Ladies of the Leisure Class: The Bourgeoises of Northern France in the Nineteenth Century. Princeton: Princeton University Press, 1981.
- Spring E.* Law, Land, and Family: Aristocratic Inheritance in England, 1300—1800. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1993.
- Staves S.* Married Women's Separate Property in England, 1660—1833. Cambridge: Harvard University Press, 1990.
- Staves S.* «Pin Money» // *Studies in Eighteenth-Century Culture*. Vol. 14 / Ed. by O.M. Brack Jr. Published for the American Society for Eighteenth-Century Studies. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. P. 47—77.
- Staves S.* Resentment or Resignation? Dividing the Spoils among Daughters and Younger Sons // *Early Modern Conceptions of Property* / Ed. by J. Brewer and S. Staves. London: Routledge, 1995. P. 194—218.
- Stone L.* Broken Lives: Separation and Divorce in England, 1660—1857. Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Thirsk J.* The European Debate on Customs of Inheritance, 1500—1700 // *Family and Inheritance: Rural Society in Western Europe, 1200—1800* / Ed. by J. Goody, J. Thirsk, E.P. Thompson. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 177—191.
- Tovrov J.* The Russian Noble Family: Structure and Change. New York: Garland Publishing, 1987.

- Tsebrikova M.* Russia // The Woman Question in Europe / Ed. by T. Stanton. New York: G.R. Putman's Sons, 1884. P. 390—423.
- Ulrich L.T.* Good Wives: Image and Reality in the Lives of Women in Northern New England, 1650—1750. New York: Oxford University Press, 1982.
- Ulrich L.T.* Hannah Barnard's Cupboard: Female Property and Identity in Eighteenth-Century New England // Through a Glass Darkly: Reflections on Personal Identity in Early America / Ed. by R. Hoffman, M. Sobel, F.J. Teute. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997. P. 238—273.
- Upon My Husband's Death: Widows in the Literature and Histories of Medieval Europe / Ed. by L. Mirrer. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992.
- Vernadsky G.* Studies in the History of Moscovian Private Law of the 16th and the 17th Centuries. Inheritance: The Case of the Childless Wife // Studi in Memoria di Aldo Albertoni. Padua, 1938. Vol. 3. P. 433—454.
- Vickery A.* The Gentleman's Daughter: Women's Lives in Georgian England. New Haven: Yale University Press, 1998.
- Vickery A.* Women and the World of Goods: A Lancashire Consumer and Her Possessions, 1751—1781 // Consumption and the World of Goods / Ed. by J. Brewer and R. Porter. London: Routledge, 1992. P. 274—301.
- Violet P.* Histoire du droit civil français. 2nd ed. Paris, 1893.
- Vowles J.* Marriage à la Russe // Sexuality and the Body in Russian Culture / Ed. by J.T. Costlow, S. Sandler, J. Vowles. Stanford: Stanford University Press, 1993. P. 53—72, 300—303.
- Wagner W.G.* Legislative Reform of Inheritance in Russia, 1816—1914 // Russian Law: Historical and Political Perspectives / Ed. by W.E. Butler. Leyden: A.W. Sijthoff, 1977. P. 143—178.
- Wagner W.G.* Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford: Clarendon Press, 1994.
- Wagner W.G.* The Trojan Mare: Women's Rights and Civil Rights in Late Imperial Russia // Civil Rights in Imperial Russia / Ed. by O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 65—84.
- Weickhardt G.G.* Legal Rights of Women in Russia, 1100—1750 // Slavic Review. 1996. Vol. 55. № 1. P. 1—23.
- Weickhardt G.G.* The Pre-Petrine Law of Property // Slavic Review. 1993. Vol. 52. № 4. P. 663—679.
- Weickhardt G.G.* Was There Private Property in Muscovite Russia? // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 2. P. 531—538.
- Wemple S.F.* Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500 to 900. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
- Werth P.W.* Baptism, Authority, and the Problem of *Zakonnost'* in Orenburg Diocese: The Induction of Over 800 «Pagans» into the Christian Faith // Slavic Review. 1997. Vol. 56. № 3. P. 456—480.
- Wortman R.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Wortman R.* Property Rights, Populism, and Russian Political Culture // Civil Rights in Imperial Russia / Ed. by O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989.

- Wortman R.* The Russian Empress as a Mother // The Family in Imperial Russia / Ed. by D.L. Ransel. Urbana: University of Illinois Press, 1978. P. 60—74.
- Wyntjes S.M.* Survivors and Status: Widowhood and Family in the Early Modern Netherlands // Journal of Family History. 1982. Vol. 7. № 4. P. 396—405.
- Zarinebaf-Shahr F.* Ottoman Women and the Tradition of Seeking Justice in the Eighteenth Century // Women in the Ottoman Empire: Middle Eastern Women in the Early Modern Era / Ed. M.C. Zilfi. N.Y., 1997. P. 253—263.
- Zirin M.F.* Introduction // Durova N. The Cavalry Maiden: Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars. Bloomington: Indiana University Press, 1989. P. IX—XXXVII.
- Zweigert K., Kötz H.* An Introduction to Comparative Law. 2 vols. / Trans. Tony Weir. Amsterdam: North Holland, 1977.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авдеева Е. 267, 268
Адам Ж. 16
Адам М. 288
Аккерман Дж. 7
Аксаков С.Т. 17, 240, 248
Александр Дж. 7
Александра Федоровна, императрица 260
Алексей Михайлович, царь 39
Алмазова Ф. 165
Алферьева 209
Амуссен С. 228
Анисимов Е.В. 101
Анна Иоанновна, императрица 45, 46, 48, 90, 101, 202, 293
Анненкова Н. 257
Анфимов А.М. 315
Апраксина А. 178
Арбениев 299
Арбенева Т. 299
Ахлестышева А. 54
Ахлестышевы 53
Аткинс К. 7
- Баженова Т. 258
Бажины 294
Баранов П.Н. 101
Баранова П. 210
Бартенева А. 130
Барыкова А. 283
- Барышникова 297
Барятинская Е. 257
Баташев 295
Бахметев 221
Бахметьев Н. 185
Бахметьева М. 134
Бахтеяров П. 134
Бахтеярова М. 134
Башкирцева Н.Д. 205
Белавины 178
Беликов В.Ю. 6, 62
Белосельская А. 165
Бельгард П. 121
Бельский 297
Беседин А. 298, 299
Бестужев-Рюмин 221
Биша Р. 100, 139, 197
Блулов Д.Н. 214, 225
Блудова А.Д. 135, 225, 240, 243, 255, 319
Блудова М. 209
Бойлан А. 7
Болотов А.Т. 133, 283
Болховский И. 218, 223
Браницкая 248
Братцов 294
Братцова Н. 294
Бруннер 183
Брылкин 41
Буланины 224

- Булгаковы 211
 Бутковская А. 241, 242
 Бутурлин Д. 240
 Бутурлина Е. 240, 241
Бушнелл Дж. 7
Бэбкок М. 7
- Вагнер У.* 7, 66, 105, 227
 Вадбольская А. 52, 53
Варехова С.И. 6
 Варламова И. 273
 Варпаховская Е. 50, 64
 Васильев И.В. 282, 318
 Ватаци М. 246
Вейкхардт Дж. 59
 Вернадская М.Н. 242
 Вигель Ф.Ф. 243, 248, 258, 262
Викери А. 224
Виртшафтер Э. 7
 Витовтова Н. 279, 284
 Витте С.Ю. 187
Владимирский-Буданов М.Ф. 69, 70, 100, 107, 137, 321
 Водовозова Е.Н. 205, 243
 Воейков И. 257, 258
 Воейкова 177
 Воейкова Акулина 114
 Воейкова Александра 125, 126, 286, 288
 Возницыны 210
 Волконская А. 222, 288
 Волконская М.Н. 102
 Волконский С.М. 91, 102, 204
 Волконский Семен 204
 Волненкова П. 249
 Воронцов А. 204
 Воронцов Р. 77, 204, 205
 Воронцов С.Р. 204, 219
 Воронцова А. 158
 Воронцова С.М. 85
 Воронцовы 256
 Воротынские 245
 Вяземский 80
- Гаврилов Н. 131, 132
 Гаврилова Е. 132
 Гагарина 240
- Гакстаузен А. фон 15, 87, 88, 142, 187, 188
 Ган Е. 274
Гамаюнов А. 6
 Гарскова И.М. 58
 Гедовиус Ю. 131
 Герард Е. 288
 Герцен А.И. 318
 Глебов Ф.И. 186
 Глебова-Стрешнева Е. 159
 Гневашин 202
 Гоголь Н.В. 262
Голикова Н.Б. 193
 Голицын А.М. 159, 231
 Голицын Д. 215
 Голицын М. 272
 Голицына 221
 Голицына 243
 Голицына А.А. 159
 Голицына В. 242, 258
 Голицына Д. 231
 Голицына Екатерина 255
 Голицына Елизавета 286
 Голицыны 64
 Головин И. 80
 Головина А. 68, 80, 81, 91
 Головины 159
 Головин А.В. 303
 Головина У. 118
 Гольштейн-Бек Н. 127
Готье Ю.В. 46
 Грибоедова М. 160
 Грибоедовы 178
 Григорьева Е. 305
 Грот Н. 214, 248
 Грушецкая Е. 306
 Грязнов 80
 Грязнова М. 80
 Гудович К. 306
- Данилов А. 252
 Данилов М.В. 284
 Дашкова П. 218
 Дашкова Е.Р. 160, 174, 183, 204, 232, 236, 244, 256, 263, 264, 268, 283, 284
Дебольский Н.Н. 94

- Девьер Е. 130
Деденев 125
Деденева А. 125
Дельвиг А.И. 283
Демидов Н. 127, 128, 130
Демидова С. 127, 128
Денисов 303
Державин Г.Р. 270, 280, 283
Державина Д.А. 270
Десницкий С.Е. 281
Дивова Н. 162
Дитрих М.Н. 321
Дифендорф Б. 96
Долгорукая Е. 299
Долгорукая М.А. 270
Домнина А. 218
Донихт Г. 100
Достоевский Ф.М. 9, 17, 29, 284
Дурново А. 80
- Екатерина I, императрица 42, 44, 45, 62, 281
Екатерина II, императрица 11, 15, 18, 24, 29, 31, 52, 84, 89, 90, 115, 144—146, 174, 183, 236, 239, 242, 260, 281, 288—290, 301, 312
Елизавета Петровна, императрица 21, 75, 91, 123, 126, 140, 290
Еремеев 51, 64
Ермолова Е. 255
- Желтухина П. 288
Жеребцов 219
Жеребцова М. 219
Жоравски Д. 7
Жукова К. 204
Жукова Л. 286
Жуковская Е. 248
- Зубарева М. 85
Зыков А. 162
- Иванов Н. 301
Иванова И. 6
Ивановы 118
Извольская Е. 112
- Извольский 112
Ильинский П.А. 254, 279, 282, 284
Инглиш Б. 66
Ипполитова Г.А. 6
- Кавелин К.Д.* 107
Кавелина Е.Б. 274
Казнаков Н. 102
Казначеев А. 250
Кайзер Д. 7, 58, 192
Кантемир А. 255
Кантемир М. 255
Карамзин Н.М. 108
Каринский 298
Карниолин-Пинский М.М. 134
Кахан А. 193, 194
Келли К. 7
Керн А.П. 244, 246
Кеттеринг Ш. 198
Кивельсон В. 60, 266
Кишкин 77
Кишкина Д. 77
Клеймола А. 7, 58
Коверина А. 114, 115
Колманн Н. 140
Колобова Н. 203
Кологривов 251
Колокольцов 124
Колокольцова Е. 124
Колтовская Е. 298
Колтовская Н. 125
Колчин П. 7, 253
Колычев 80
Колюбакин 263
Кондратьева А. 255
Коненкова Е. 176, 177
Коробин 41
Корольков 305
Коростовец В. 262
Костомаров 296
Кочубей А.В. 133, 203, 204, 245
Кошелев 185
Кошелева М. 218
Крестинская А. 282
Крюкова 288
Кудрявцов 77

- Купреяновы 299
Купреянова А. 261
Куракин 84
Куракин А. 291
Курута И.Е. 286
Кюстин А. де 28
- Лаврова Д. 52
Лайонс А. 311
Ле Донн Дж. 31
Лебсок С. 89, 228
Левин И. 7, 95
Лелонг А.К. 240
Ленина Е. 247
Леруа-Больё А. 16, 318
Лиддингтон Дж. 193
Лисогорская М. 98
Ломаниха 77
Лопухин Ф. 84
Лопухина А. 302
Лукина А. 204
Львов 130
Львова Н. 130
Любомирская Е. 231
Ляпина 232
- Мадариага И. де* 7
Маза С. 7
Мария Федоровна, императрица 226
Маркер Г. 308
Маррезе Майкл 8
Маслова С. 140
Масон Ш. 236
Межаков А. 132
Межакова В. 132
Менгден С. 254
Мешерская Н. 125
Мешерская С.В. 246
Мешерский А.В. 248, 269
Мешерский В. 125, 141
Мешерский Н. 114
Милов Л.В. 58
Милославская С. 185
Милюкова Е. 155
Миронов Б.Н. 310, 315
- Мистрова 304
Михайлов М. 219
Михайлов С. 255
Михневич В.О. 254
Модзалевские 300
Молчанов 52
Монтегю М. Уортли 96
Мордвинов Н.С. 92, 93, 103, 253, 318
Мордвинова Н.Н. 252, 253
Морозов В. 178
Морозов Е. 178
Морозова В. 178
Морозова Е. 178
Мосалева М. 118
Мусин-Пушкин А.И. 247
Мусин-Пушкин В.А. 248
Мусин-Пушкин И. 121, 126, 186
Мусина-Пушкина А. 242
Мусина-Пушкина Е.А. 246, 247
Мусина-Пушкина П. 210
Мусина-Пушкина Т. 126, 127
Мясоедова А. 165
- Нагаткин 302
Нарышкина 304
Нарышкина А. 249
Нарышкина М.П. 312
Небольсин С. 37
Неволин К. 60, 100, 136
Нелединский А. 129
Нелидова А. 85
Нелидова А. 199, 200
Нелидова Е.И. 199, 200, 226
Неплюев И.И. 219
Никифоров С. 255
Николай I, император 90, 202, 219, 281, 290
Николева М.С. 205, 237, 238
Носова П. 124
- Обашева С. 50
Огастин У. 256
Оголевцева Ф. 240
Озеров 124
Озерова 296

- Орлов 240
Орлов А. 134
Орлов В.Г. 210, 244
Орлова А.Г. 244
Оршанский И.Г. 64, 69
Остин Дж. 17
Островский А.Н. 262, 280, 282, 320
Очкина П. 282
- Павел I, император 183, 260, 301, 303
Павленко Н.И. 193
Павлова Е. 95
Павлова М. 178
Панин А. 283
Панин Н.И. 215
Патрекеева 185
Перкин Дж. 96
Перовский А.А. 215
Перовский Л.А. 218, 222
Петр I, император 18—21, 34, 36, 39, 40, 42—45, 62, 69, 76—78, 81, 89, 91, 93, 107, 143, 144, 177, 196, 202, 244, 293, 306, 313
Петр III, император 101, 127
Писарева 236
Побединская 257
Победоносцев К.П. 94
Подлуцкая Е. 57
Подхомский 79
Поливанов М. 76, 77
Полянская Е. 252
Попов А. 252
Постельникова Е. 158
Потемкин Г.А. 23, 242
Потемкина 177
Поярков 185
Прасковья Ивановна, царица 251
Прасковья Федоровна, царица 251
Приклонская Н. 186
Пузанова 185
Пургусова А. 218
Путятин У. 225
Пушкарева Н.Л. 95
Пущина В. 286
- Раев М.* 266
Раевская А. 250
Раевский И.А. 244, 245
Разумовская 158
Разумовская В.П. (урожд. Шереметева) 230
Разумовский К.Г. 210
Рахманинов С. 121
Рахматуллин М.А. 315
Рейнгардт Н.В. 106, 107
Репнина 251
Репнинская Е. 220
Репнинский 219
Риттих фон 131
Рождественский Н.Ф. 63
Розен А. 91
Рондо 91
Ромодановский 41
Ртищева П. 286
Рузская А. 294
Румянцев-Задунайский П.А. 239
Румянцева Е.М. 239, 240, 263
Рычаловский Е. 6
- Сабуров А. 85, 185
Сабуров Е. 126
Сабурова Т. 218
Салмон М. 138
Салтыкова Е.П. 194
Салтыков-Щедрин М.Е. 9, 17, 162, 248
Салтыкова Д.Н. (прозв. Салтычиха) 301, 302, 313
Салтыкова О.М. 248, 258
Свербеев Д.Н. 262
Свечин 113, 124
Свечина М. 124
Святополк-Четвертинская 263
Селевачевы 77
Семевский В.И. 170, 313
Семенов-Тянь-Шанский П.П. 246, 254
Сергеевич В.И. 137
Сердюкова М. 183
Сиверс Е. 125, 140

- Сиверс Я. 140
 Симонова К. 178
Синайский В.И. 94
 Скалон С.В. 242
 Смирнова А.О. 283
Смит А. 267
 Соколова У. 301
 Сомова А. 52
 Софья Алексеевна, царица 39, 60
 Соханская Н.С. 261
 Сперанский М.М. 108, 136
Стоун Л. 136
 Стрешнева Е. 284
 Строганова С.В. 211, 252, 253
 Субботина С. 262
 Сумароков 288
 Сурмина М. 77
 Сурмина Ф. 225, 232
 Суровцова Н. 214
 Сухотин А. 85
 Сухотина Н. 117, 118
Сэбиан Д. 220
 Талеров 209
 Талызин, лейтенант 218
 Талызин, тайный советник 312
 Тарбеев Ф. 302
 Тархов М. 283
 Татаринов 90
 Татищев Е. 202, 203
 Тенишев 263
 Тенишева М.К. 263
Товров Дж. 231
 Токмачев 79
 Токмачева И. 79
 Толстая А. 218, 292
 Толстая В. 248
 Толстая Д. 210
 Толстая Е. 284
 Толстой В. 210
 Томилов А. 240, 273
 Томилова В. 261, 273
 Томилова Е. 255
 Трескин Н. 43, 44
 Трескина М. 43, 44
 Трусова А. 85
 Трусова Е. 126, 127, 129
 Тургенев И.С. 233, 234
 Турчанинов 257
 Тутолмина Е. 174, 195
 Тютчева А. 304
 Тютчева А.Ф. 260
 Тяшкова Е. 255
 Уилмот Г. 15, 104
 Уилмот К. 15, 104, 162, 236
 Уилмот М. 15, 133, 135, 236, 244, 283
Уортман Р. 29, 31, 234, 307
 Урусова 240
 Ушаков Ф. 37
 Ушакова И. 257
 Феоктистов 295
 Феоктистова В. 295
 Фёдорова Н. 223
 Филепенко М. 241
 Фредерикс Е.А. (урожд. Сабурова) 309
Фриз Г. 139
 Фрязин 257
Фэрроу Л. 98, 101
Хабаккук Дж. 194
Хауэлл М. 224, 227, 230
 Хвостова Е.А. 254, 261
 Хвошинская Е.Ю. 134, 205, 255
Хелли Р. 192
Херлихи Д. 156
 Херхеулидзева 249
 Хитрово З. 249
 Хованская 238
 Хоненева С. 238
Хугенбум Х. 7
Хьюз Д. 38, 58
Хьюз Л. 7
 Чебышевы 211
 Чемодурова Т. 50
Черникова Т.В. 101
 Чернышев П. 178
 Чертков 300

- Чесменская 309
Чехов А.П. 29, 262
Чирикова Ф. 204
Чихачевы 255
Чичагов П.В. 90
Чичагов П.И. 249
Чулков И. 283
- Шаммас К.* 198
Шаховская А. 51
Шаховская В. 90
Шашков С.С. 16, 183
Шатилова Ф. 50
Шепукова Н.М. 194
Шереметев А. 221
Шереметев Б.П. 62, 245
Шереметев В. 219
Шереметев Н. 211, 222
Шереметева А.П. 23, 245, 252
Шереметева В.А. 231
Шереметева М. 215
Шереметевы 308
Шечкова А. 288
Шешковская 257
Шильников 304
Шишкина Е. 254
Шишков 258
Шувалов А. 85
- Шувалов А.П. 274
Шувалов И. 225
Шувалов П.И. 68
Шухертовы 203
- Щепкина Е.* 235—237, 254
Щербатов М.М. 68, 75, 80, 123, 133, 288
Щербатов Н.О. 266, 310
Щербатов П. 211, 219
Щербатова А. 224
Щербатова Е. 50
Щербатова С. 186
Щербачев 286
Щербинина 256
- Энгель Б.* 7, 273
Энгельштейн Л. 319
Эриксон Э. 308
- Юсупов Н. 198
Юсупова А. 151, 209
Юсупова М. 37
Юсупова Т.В. 249, 270
- Яблонская А. 79
Яковлева Н. 53
Янькова Е. 246, 288

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
От автора	6
Введение	11
Глава 1. От прожитка к указной части: женщины и наследственное право	33
Глава 2. Загадка русского права: замужние женщины и контроль над имуществом	68
Глава 3. Брак и раздельное владение имуществом	104
Глава 4. «Кто в доме хозяйка»: гендер и культура дворянской собственности	142
Глава 5. Культура передачи имущества в наследство: женщины и мужчины как завещатели	199
Глава 6. Помещица в своих владениях и вдали от них: женщины и управление имениями	233
Глава 7. Женщины и судебный процесс	275
Заключение	316
Приложение 1. Об источниках: крепостные книги	322
Приложение 2. Родственные отношения между сторонами споров о наследстве с участием дворянок (1700—1861 гг.)	328
Перечень таблиц	329
Сокращения	331
Библиография	332
Именной указатель	357

Мишель Ламарш Маррезе

БАБЬЕ ЦАРСТВО

Дворянки и владение имуществом в России (1700—1861)

Литературные редакторы *И. Жданова, Т. Тульчинская*
Художник *Д. Черногаев*
Корректор *Э. Корчагина*
Верстка *С. Пчелинцев*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
Тел.: (495) 976-47-88
факс: 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Печ. л. 23. Тираж 2000. Заказ № 754

Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
«Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

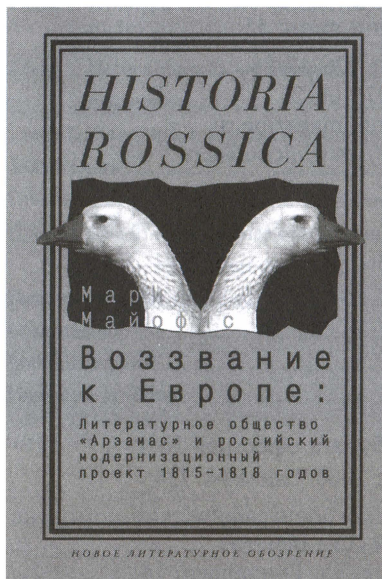
Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2008 г. вышли:

Серия «HISTORIA ROSSICA»

Мария Майофис

**ВОЗЗВАНИЕ К ЕВРОПЕ: ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО «АРЗАМАС» И
РОССИЙСКИЙ МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ 1815—1818 ГОДОВ**

Эта монография предлагает совершенно новый взгляд на, казалось бы, хорошо изученную тему — историю российской общественной жизни после Отечественной войны 1812 года. Деятельность «Арзамасского общества безвестных людей», ранее обсуждавшаяся преимущественно как эпизод литературной борьбы, рассматривается в этой работе в таких неожиданных контекстах, как международная дипломатия, противостояние придворных партий или рождение российской ориенталистики. Автор анализирует ранее оставшиеся «в тени» культуротворческие аспекты деятельности «Арзамаса» — например, создание собственного литературного канона, разработка концепций развития национальной культуры, дискуссии на актуальные политические темы. В результате расширения поля исследований становится возможным доказать: появление «Арзамаса» стало непосредственной реакцией на подписание Акта Священного Союза, а существование общества было связано сотнями нитей с судьбой европейски интегрированного модернизационного проекта, задуманного, но так и не осуществленного в послевоенной России.

Издания

«Нового литературного обозрения»

(журналы и книги)

можно приобрести в следующих магазинах:

в Москве:

«Политкнига» — ул. Малая Дмитровка, 3/10. Тел.: (495)200-36-94

«Ad Marginem» — 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел.: (495)951-93-60

«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6. Тел.: (495)924-46-80

«Гилея» — Нахимовский просп., 51/21. Тел.: (495)332-47-28

«Гнозис» — Zubовский проезд, 2, стр. 1. Тел.: (495)247-17-57

«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий Мост, 18.

Тел.: (495)924-46-45

«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, 8. Тел.: (495)238-50-01

«Москва ГД» — ул. Тверская, 8. Тел.: (495)797-87-17

Московский Дом книги — Новый Арбат, 8 (а также во всех остальных магазинах сети).

Тел.: (495)203-82-42.

«Старый свет» (книжная лавка при Литинституте) —

Тверской бульвар, 25 Тел.: (495)202-86-08.

«Фаланстер» — Малый Гнездниковский пер., 12/27.

Тел.: (495)749-57-21

«У Кентавра» — Миусская пл., 6. Тел.: (495)250-65-46

«Букбери» — Никитский б-р, 17. Тел.: (495)291-83-03

«Русское зарубежье» — ул. Нижняя Радищевская, 8

(м. Таганская-кольцевая) Тел.: (495)915-11-45

«Primus Versus» — ул. Покровка, 27, стр. 1. Тел.: (495)951-93-60

Магазины сети «Книжный клуб 36'6». Тел.: (495)223-58-20

«Топ-книга». Тел.: (495)166-06-02

в Санкт-Петербурге:

«Академкнига» — Литейный пр., 57. Тел.: (812)230-13-28

«Александрийская Библиотека» — Наб. реки Фонтанки, 15.

Тел.: (812) 310-50-36

«Вита Нова» — Менделеевская линия, 5. Тел.: (812)328-96-91

Книжная лавка писателей — Невский пр., 66. Тел.: (812)314-47-59

Книжные салоны при Российской национальной библиотеке

Садовая ул., 20; Московский пр., 165 . Тел.: (812)310-44-87

Книжный салон — Университетская наб., 11

(магазин в фойе филологического факультета СПбГУ).

Тел.: (812)328-95-11

Книжный магазин-клуб «Квилт» — Каменноостровский пр., 13.

Тел.: (812)232-33-07

«Культпросвет» — Пушкинская ул., 10 или Лиговский пр., 53.

Тел.: (812)572-11-30

«Перемещенные ценности» — ул. Колокольная, 1.

Тел.: (812)713-21-74

Подписные издания. Литейный пр., 57. Тел.: (812)273-50-53

ОАО «Санкт-Петербургский Дом Книги» — Невский пр., 62.

Тел.: (812)570-65-46, 314-58-88

ООО «Санкт-Петербургский Дом Книги» (Дом Зингера)

Невский пр., 28. Тел.: (812) 448-23-57

«Фонотека». Ул. Марата, 28. Тел.: (812)712-30-13

в Екатеринбурге:

Дом книги — ул. А. Валека, 12. Тел.: (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:

«Дирижабль» — Б. Покровская, 46. Тел.: (8312)31-64-71

в Ярославле:

ул. Свердлова, 9. В здании ЦСИ «АРС-ФОРУМ». Тел.: (0852)22-25-42

в Интернете:

www.ozon.ru

www.bolero.ru

HISTORIA ROSSICA

БАБЬЕ ЦАРСТВО: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861)

Книга Мишель Ламарш Маррезе (США) посвящена парадоксу юридического положения дворянок в императорской России. С одной стороны, в тогдашнем обществе замужняя женщина не могла ни работать, ни путешествовать без разрешения мужа, а развод был для нее почти недостижим. С другой стороны, как показывает автор, опираясь на детальный анализ множества имущественных сделок и тяжб, дворянки обладали широкими правами владения и распоряжения имуществом и прекрасно умели пользоваться ими на практике. Если в Западной Европе замужние дамы благородного звания не могли распоряжаться своим имуществом вплоть до второй половины XIX века, то в России они получили право отчуждать собственность и управлять ею уже в 1753 году. Расширение этого права в течение последующего столетия рассматривается автором в перспективе эволюции самого института частной собственности. Монография убедительно опровергает существующее андроцентричное представление о дворянском обществе дореформенной России.

ISBN 978-5-86793-675-4

9 785867 936754